СТРАНИЦЫ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. А. С. ПУШКИНА

В. А. ИСУПОВ

ГЛАВНЫЙ РЕСУРС ПОБЕДЫ

ФОРМИРОВАНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛЮДСКИХ РЕСУРСОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

DirectMEDIA

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина

В. А. Исупов

Главный ресурс Победы. Формирование и использование людских ресурсов Западной Сибири в период Второй мировой войны

Издание второе, исправленное и дополненное

DirectMEDIA

Москва
Берлин
2021

УДК 314.044:94(47).084.8
ББК 60.723(253.3)+63.3(2)622-2
И91 *Страницы Великой Победы*

Исупов, В. А.
И91 Главный ресурс Победы. Формирование и использование людских ресурсов Западной Сибири в период Второй мировой войны / В. А. Исупов. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Москва ; Берлин : Директмедиа Паблишинг, 2021. — 400 с. — (Страницы Великой Победы)

ISBN 978-5-4499-2649-4

В книге на основе широкого круга источников рассматривается одна из важнейших и, пожалуй, наименее изученных проблем истории Второй мировой войны — региональная динамика людского потенциала СССР. Чтобы раскрыть эту сложнейшую проблему, монография условно поделена на две части. В первой анализируется историко-демографическая тематика, в частности вопросы формирования людских ресурсов Западносибирского региона, которые были задействованы в тылу и на фронте. Соответственно в первой части книги выявлены основные тенденции рождаемости, смертности и миграций, которые лежат в основе формирования людского потенциала. Эта часть книги завершается тщательным анализом материалов переписи населения 1939 г., которая послужила основным источником данных, необходимых для предметной характеристики людского потенциала региона накануне Второй мировой войны. По сравнению с первым изданием, второе издание предусматривает расширенную трактовку процесса формирования, для чего в книге расширены разделы, связанные с динамикой рождаемости, брачности, смертности, миграций и структуры населения.

Во второй части книги анализируется процесс трудового и боевого использования людских ресурсов Западной Сибири. Большое внимание уделено таким практически неизученным в историографии сюжетам, как воинские и трудовые мобилизации людских ресурсов, уклонение от службы в армии и от выполнения трудовой повинности. Усилены разделы, характеризующие деятельность военкоматов по призыву в Красную армию представителей различных этнических групп, а также выявлению симулянтов (уклонение по медицинским показателям). Кроме того, показаны изменения, происшедшие в военные годы в численности и структуре населения. На этой основе предпринята попытка определить размеры военных потерь населения как Советского Союза в целом, так и Западной Сибири.

УДК 314.044:94(47).084.8
ББК 60.723(253.3)+63.3(2)622-2

ISBN 978-5-4499-2649-4
© Исупов В. А., текст, 2021
© Издательство «Директмедиа Паблишинг», оформление, 2021

Введение

В российской истории нет такого сюжета, который привлекал бы более пристальное внимание, чем Вторая мировая война и ее неотъемлемая часть — Великая Отечественная война. Трагедия народа, его героическая борьба с захватчиками, многомиллионные людские потери, сверхчеловеческое перенапряжение сил навсегда останутся в исторической памяти россиян. Одними только историками о событиях 1939–1945 гг. создано огромное множество фундаментальных многотомников и монографий, научных статей и популярных книг. Казалось бы, война скрупулезно описана во всех деталях, а за рамками внимания исследователей не осталось ни одного неизученного сюжета. Тем не менее, самая кровавая война, в которой когда-либо участвовала Россия, по-прежнему остается «неизвестной». В тех случаях, когда та или иная проблема не обойдена вниманием, она подчас подана тенденциозно, с безапелляционных псевдоидеологических позиций и заранее известным результатом. Многие авторы были вынуждены либо игнорировать так называемые «острые» сюжеты, либо творить мифы.

Такая ситуация в 1990-е — 2000-е гг. обернулась самой неожиданной стороной. В эти годы увидели свет многочисленные компилятивно-конъюнктурные работы, цель которых — не объективный научный анализ, а стремление эпатировать читателя броскими, но непроверенными декларациями. Плодом такого подхода стал набор новых как квазидемократических, так и прокоммунистических мифов. Совместными усилиями антикоммунистических и коммунистических псевдоученых, Вторая мировая война мифологизирована настолько, что сегодня впору говорить о придуманной истории войны, которой никогда не было.

В запретной зоне долгое время пребывали сюжеты, связанные с динамикой людского потенциала СССР. Государство, обладавшее абсолютной монополией на идеологию, не было заинтересовано в объективном освещении демографических аспектов войны. Слишком велики были людские издержки, как на фронте, так и в тылу. В результате, вне поля зрения историков оказались такие исторически

значимые проблемы, как людские потери Советского Союза, динамика численности и структуры его народонаселения, параметры рождаемости, смертности и брачности. До конца 1970-х гг. не было издано ни одной работы, в которой бы Вторая мировая война специально рассматривалась в демографическом контексте.

Только в самом конце 1970-х гг. увидела свет статья И. П. Ильиной, в которой специально рассматривался очень важный, но все же частный вопрос о влиянии войны на брачность советских женщин[1]. Вскоре вышла работа Р. И. Сифман о динамике детской смертности в военные годы[2]. Но отдельные, даже глубокие научные прорывы, не в состоянии создать по возможности цельную и полную картину демографической истории страны. Они лишь подтвердили острый интерес к полузапретным проблемам военно-исторической демографии и, одновременно, продемонстрировали почти полное отсутствие научных наработок по данной проблематике. В области предположений и гипотез оставался даже такой животрепещущий, а в определенном смысле и болезненный вопрос, как потери советского народа в годы Великой Отечественной войны. Для всех, кто хотя бы поверхностно знакомился с проблемами исторической демографии, являлось очевидным, что официально объявленная в начале 1960-х гг. цифра советских военных потерь — 20 млн человек, не соответствует действительности.

Проблемная ситуация несколько преобразилась во второй половине 1980-х гг. Особенность развития историко-демографических исследований в этот период состояла в том, что начало им положили не общесоюзные, а региональные публикации[3]. Общероссийские исследования демографической истории развернулись позднее, чем региональные. Их появление было связано с устранением в конце 1980-х — в начале 1990-х гг. удушающих идеологических и цензурных

---

[1] Ильина И. П. Влияние войн на брачность советских женщин // Брачность, рождаемость, смертность населения в России и в СССР. М., 1977.

[2] Сифман Р. И. К вопросу о причинах снижения детской смертности в годы Великой отечественной войны // Продолжительность жизни: анализ и моделирование. Сб. статей. М., 1979.

[3] Алексеев В. В., Исупов В. А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1986.; Исупов В. А. Городское население Сибири: От катастрофы к возрождению (конец 30-х — конец 50-х гг.) Новосибирск, 1991; Гущин Н. Я. Население Сибири в XX веке: основные тенденции и катаклизмы в развитии. Новосибирск, 1995; Кышпанаков В. А. Население Хакасии: 1917–1990-е гг. Абакан, 1995; Бурматов А. А. Демографическая история Каинска — Куйбышева и его округи. Новосибирск, 1997; Корнилов Г. Е. Уральское село и война. (Проблемы демографического развития). Екатеринбург, 1993.

табу. Открывшийся доступ к документам, ранее скрытым в глубинах спецхранов архивов и библиотек существенно способствовал расширению тематики исследований. Мощный импульс историко-демографическим изысканиям сообщило издание ряда статистических сборников, содержащих сведения, ранее не допускавшиеся к публикации[1]. Немаловажную стимулирующую роль сыграло также обнародование материалов всесоюзных переписей населения 1937 и 1939 гг.[2]

В 1990-х — начале 2000-х гг. в свет вышли крупные труды, созданные как собственно демографами, так и историками, специалистами в области исторической демографии. Демографы опубликовали несколько чрезвычайно интересных работ, посвященных исследованию динамики народонаселения СССР и России. Как правило, они охватывают хронологически длительные исторические периоды, но фактически обходят стороной годы Великой Отечественной войны[3]. Внимание историков первоначально сосредоточилось, главным образом, на изучении демографических процессов в 1930-е гг., а также на анализе переписей населения 1937 г. и 1939 г.[4] Следует специально отметить как крупное достижение отечественной историко-демографической науки выход в свет фундаментального многотомника, специально посвященного демографической истории России XX столетия[5].

Изучение собственно демографических процессов, протекавших в период Второй мировой войны долгое время, находилось на периферии научного поиска. Но когда изыскания развернулись, то начало оказалось очень бурным. Прежде всего, исследователи

---

1 Отметим первые из них: Население СССР. 1987. Стат. сборник. М., 1988; Население СССР. 1988. Стат. ежегодник. М., 1989; Население СССР. 1990. Стат. ежегодник. М., 1990.

2 Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. М. 1991; Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М. 1992.

3 История населения СССР // Экспресс-информация. Серия: история статистики. Выпуск 3–5 (часть II). М., 1990; Население Советского Союза: 1922–1991. М., 1993; Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Демографическая история России. 1927–1957. М., 1997.

4 Жиромская В. Б., Киселев И. Н., Поляков Б. А. Полвека под грифом «секретно». Всесоюзная перепись населения 1937 года. М., 1996; Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М., 2001; Голотик С. И., Минаев В. В. Население и власть: Очерки демографической истории СССР 1930-х годов. М., 2004.

5 Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 1. 1900–1939. М., 2000; Т. 2. 1940–1959. М., 2001; Т. 3. Кн. 1. 1960–1979. М., 2005.

сосредоточились, на изучении боевых потерь Красной армии, что вполне объяснимо с учётом актуальности, особой остроты и политической значимости сюжета[1]. Вопрос этот не разрешен и, по-видимому, будет оставаться спорным еще долгое время[2]. Несколько меньше внимания уделяется пока динамике народонаселения тыловых районов, хотя и в этом отношении ученые достигли ощутимых результатов[3]. На общем фоне «отдельной строкой» выделяется монография Н. А. Араловец, в которой большое внимание уделяется динамике брачности городского населения России в военные годы[4]. Характерной тенденцией последних лет стало появление нескольких интересных историко-демографических исследований, в которых освещаются основные тенденции воспроизводства, миграций, численности населения отдельных регионов России[5]. Заметным событием отечественной историографии Второй мировой войны стал выход в свет в 1995 г. сборника статей «Людские потери СССР в период второй мировой войны»[6].

---

[1] Соколов Б. В. Цена победы. (Великая Отечественная: неизвестное об известном). М., 1991; Он же. Цена войны: людские потери СССР и Германии // Тайны Второй мировой. М., 2000; Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993; Мерцалов А. Н., Мерцалова Л. А. Сталинизм и война. Из непрочитанных страниц истории (1930–1990-е.). М., 1994; Рыбаковский Л. Л. Людские потери СССР в Великой Отечественной войне. М., 1999; Он же. Людские потери России в войне 1941–1945 годов. М., 2000; Михалев С. Н. Людские потери в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Статистическое исследование. Красноярск, 2000; Медик В. А., Пильник Н. М., Юрьев В. К. Санитарные потери в войнах XX века. М., 2002. и другие.

[2] См.: Пыхалов И. В., Лопуховский Л. Н., Земсков В. Н., Ивлев И. Н., Кавалерчик Б. К. «Умылись кровью»? Ложь и правда о потерях в Великой Отечественной войне. М., 2012.

[3] Гельфанд В. С. Население СССР за 50 лет (1941–1990). Статистический справочник. Пермь, 1992; Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000; Вербицкая О. М. Население российской деревни в 1939–1959 гг. Проблемы демографического развития. М., 2002.

[4] Араловец Н. А. Городская семья в России, 1927–1959 гг. Тула, 2009.

[5] Сивцева С. И. Якутия в годы Великой Отечественной войны: социально-демографический аспект (1941–1945 гг.), Якутск, 2000; Безносова Н. П. Демографическая ситуация в Коми АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Сыктывкар, 2003; Ткачева Г. А. Оборонно-экономический потенциал Дальнего Востока СССР в 1941–1945 гг. Владивосток, 2005; Чернышева Н. В. Социально-демографические процессы в Кировской области в годы Великой Отечественной войны. Киров, 2012 и др.

[6] Людские потери СССР в период второй мировой войны. Сб. статей. СПб., 1995.

Для историко-демографической литературы нашего времени характерно не только введение в научный оборот ранее не использовавшихся источников, но совершенствование методики и методологии исследований, а на этой основе — формирование новой научной парадигмы. То, что еще несколько лет назад представлялось неопровержимым, сегодня может быть отвергнуто или освещено с иных позиций. Однако, несмотря на значительное количество литературы (в данном обзоре приводятся только самые крупные исследования монографического характера, но за ограниченностью объема даже не упоминаются многочисленные статьи и тезисы), проблемы демографической истории России периода войны еще предстоит исследовать.

К сегодняшнему дню отечественная историческая демография накопила огромный эмпирический материал. Ученым удалось выявить основные количественные параметры динамики численности, воспроизводства и миграций населения. Далеко непростая, но все же начальная и в некотором смысле черновая часть работы выполнена. Теперь можно дискутировать о точности опубликованных цифровых данных, корректировать их в сторону уменьшения или увеличения. Но прочный фундамент для дальнейших исследований создан. Отныне ученым, предстоит ответить на один из главных вопросов демографической истории: «Как, почему и при каких условиях происходили изменения в демографической подсистеме советского общества? Что представляют собой экономические, политические, социальные, культурные и иные последствия этих изменений?». Иными словами, перед исследователями встает еще более сложная задача — определить качественное содержание демографического процесса, вскрыть его сущностные характеристики.

Такой подход дает возможность выйти на значительно более широкое проблемное поле и в частности сформулировать вопрос о динамике людского потенциала советского общества в 1939–1945 гг. История Второй мировой войны с позиций динамики людского потенциала СССР в целом и его отдельных регионов специально не изучалась. Поверхностно затронуты лишь отдельные аспекты проблемы. Увлекшись описанием боевых действий и побед Красной армии, трудовых подвигов народа, исследованием экономического развития страны, историки забыли о самом важном — о человеке как таковом.

Вторая мировая война характеризуются предельным использованием людского потенциала. Вооруженные силы воюющих государств насчитывали миллионы бойцов. Россия никогда ранее не создавала армии, численность которой превышала 11 млн человек[1].

---

[1] 50 лет Вооруженных сил СССР. М., 1968. С. 474.

Их материальное и техническое оснащение обеспечивались военной промышленностью, в которую вовлекалось подавляющее большинство трудоспособного населения. На нужды армии трудились сотни тысяч крестьян. В Советском Союзе не было человека, который не являлся бы прямым или косвенным участником войны. Если исходить из вполне очевидного факта, что самая кровавая война XX столетия представляла собой войну ресурсов (военных, экономических, сырьевых, научно-технических, территориальных, политических, культурных и других), то становиться бесспорным, что людские ресурсы сыграли решающую роль в достижении Победы.

Людской потенциал в данной книге позиционируется как совокупность количественных и качественных характеристик народонаселения, используемых государством для достижения целей войны. Мощность людского потенциала обусловливается комплексом демографических и социокультурных параметров, объективно детерминирующих способность страны решать боевые и военно-экономические задачи. Она зависит от численности населения, его половозрастной структуры, грамотности, образования, профессиональной подготовки и состояния здоровья людей, от их менталитета и многих других факторов.

С некоторой долей условности людской потенциал может быть расчленен на три основных компонента: демографический, боевой и экономический. Демографический компонент людского потенциала — это способность населения к воспроизводству непосредственной жизни в ходе непрерывного процесса возобновления поколений людей. Под боевой составляющей людского потенциала понимается ресурс населения, который используют государственные структуры с целью формирования вооруженных сил, укомплектованных личным составом, способным освоить и применять военную технику и результативную тактику боя. Экономический компонент людского потенциала — есть трудовой ресурс населения, определяющий возможности промышленности и сельского хозяйства по обеспечению армии и тыла всем необходимым.

При этом нельзя упускать из виду, что все изменения людского потенциала — есть процесс исторический. Советский Союз в ходе многолетнего демографического развития накопил колоссальный людской потенциал. Но суть вопроса заключается не только в накопленной мощности людского потенциала, но в эффективном использовании его потенциальных возможностей и в той цене, которую заплатили рядовые советские люди — солдаты и тыловики за великую Победу.

Поставленные в книге задачи решаются в региональных рамках Западной Сибири. Поскольку нет населения без территории, для определения основных демографических характеристик территориальное административное устройство имеет особенно большое значение. Границы западносибирского региона обрисовываются достаточно четко. Согласно административно-территориальному устройству 1939 г. географические рамки Западной Сибири охватывали Алтайский край (включая Ойротскую автономную область), Новосибирскую и Омскую области. Примерно половину территории Новосибирской области занимал Нарымский округ, а в состав Омской области входили два национальных округа — Остяко-Вогульский (*с 23 октября 1940 г. — Ханты-Мансийский — В. И.*) и Ямало-Ненецкий.

В январе 1943 г. из Новосибирской области была выделена Кемеровская область. В августе 1944 г. образовалась Томская область, а Нарымский округ был ликвидирован. Тогда же из частей Омской и Курганской областей была создана Тюменская область, куда были переданы оба национальных округа. Таким образом, в 1939 г. территория Западной Сибири включала две области и один край, в 1945 г. — пять областей и один край.

Западная Сибирь является типичным периферийным регионом России. Вместе со всей страной, население Западной Сибири пережило все демографические кризисы и катастрофы и связанные с ними пертурбационные изменения рождаемости, смертности и миграций. Людской потенциал западносибирского региона активно использовался в ходе Второй мировой войны. В этом смысле Западная Сибирь может рассматриваться как своеобразное зеркало, отразившее все основные конфликты и противоречия бурной демографической истории России. Но история народонаселения Западной Сибири имеет некоторую специфику, оказавшую заметное воздействие на формирование, трансформацию и использование её людского потенциала.

Хронологические рамки работы охватывают период с сентября 1939 по сентябрь 1945 гг. В принципе можно было бы ограничиться только рамками Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Но в этом случае за бортом исследования остался бы такой принципиально важный этап демографической истории, как 1939–1941 гг. События, происшедшие в эти годы оказали очень большое воздействие на всю последующую эволюцию людского потенциала Западной Сибири. Без детального анализа социально-демографической ситуации в 1939–1941 гг., создать хотя бы относительно полную

картину формирования, развития и реализации военно-экономических возможностей людского потенциала невозможно.

При подготовке книги использованы опубликованные источники — законодательные и нормативные акты, мемуары, газетно-журнальная периодика, сборники документов, статистические справочники. Но главную основу информационной базы составили никогда ранее не публиковавшиеся исторические документы, хранящиеся в различных архивах. Прежде всего, это фонды Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ) и Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Очень большую роль сыграли исторические документы региональных архивов: Государственного архива Кемеровской области (ГАКО); Государственного архива Красноярского края (ГАКК); Государственного архива Новосибирской области (ГАНО); Государственного архива Омской области (ГАОО); Государственного архива Томской области (ГАТО); Государственного архива Тюменской области (ГАТюмО); Новосибирского государственного городского архива (НГГА). С целью выявления информации, необходимой для работы над книгой, использованы также документы Центра документации новейшей истории Омской области (ЦДНИОО) и Центра хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФАК).

В Алтайском крае часть статистических документов военных лет по ряду причин до сих пор не передана на хранение в государственное архивохранилище из Государственного комитета по статистике (ГКС). В этой связи автор при работе над книгой использовал документы Текущего архива ГКС Алтайского края. Поскольку эти документы не обработаны — в них нет номеров дел и листов — ссылки вынужденно даются по упрощенной форме — ТА ГКС АК.

В цитируемых исторических документах везде сохранены стиль и оригинальная орфография.

Глава 1
Формирование людского потенциала Западной Сибири

1.1. Население Западной Сибири в конце XIX в. — в 1930-е гг.

Характерной особенностью демографического развития является его значительная растянутость во времени. Интервал между причиной и следствием в демографических процессах составляет подчас несколько десятков лет. «Горизонт демографа, — писал известный французский демограф А. Сови, — по крайней мере, время жизни одного поколения. Проходит около 20 лет, пока ребенок станет взрослым и еще полстолетия, прежде чем он окончит трудовую деятельность»[1]. В 1939–1945 гг. на исторической арене жили, трудились и сражались люди, появившиеся на свет в конце XIX — в первой половине XX вв. На их плечи обрушилась вся непомерная тяжесть войны. Достаточно сказать, что первая волна воинской мобилизации, проведенная по указу Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. коснулась мужчин 1905–1918 гг. рождения. В 1941 г. им было от 41 года до 23 лет. Вторая волна мобилизации, организованная в августе 1941 г., коснулась мужчин в возрасте от 37 до 50 лет. Они появились на свет между 1890 и 1904 гг. Кроме того, в армию в военные годы призывалась молодежь 1919–1927 гг. рождения. В промышленности и строительстве, на транспорте и в сельском хозяйстве в период Второй мировой войны помимо взрослого трудоспособного населения были задействованы представители старших поколений, появившиеся на свет задолго до 1890 г., а также подростки, родившиеся во второй половине 1920-х гг. Кроме того значительное воздействие на трудовую активность взрослых, в первую очередь женщин, оказывало наличие детей, родившихся после 1930 г. и в ходе самой войны.

[1] Сови А. Общая теория населения. Т. 1. М. 1977. С. 29.

Следовательно, чтобы понять, как был сформирован и что представлял собой людской потенциал, который активно использовался в Вооруженных силах и экономике в 1939–1945 гг., необходимо определить основные тенденции динамики численности, воспроизводства и миграций населения за исторически длительный период, минимально за 60–70 лет, предшествовавших Второй мировой войне.

Для воспроизводства народонаселения Сибири XIX столетия были свойственны тенденции, типичные для аграрного общества с его патриархальными устоями. Этот тип воспроизводства в демографии принято обозначать как «традиционный». Его характерными чертами были: высокая рождаемость, не менее высокая смертность и низкая продолжительность жизни, а, следовательно, нерациональность. Для обеспечений даже минимальных величин естественного прироста из-за повышенной смертности (прежде всего детской) требовалась очень значительная рождаемость. Так, в 1859 г. в Западной Сибири для достижения естественного прироста порядка 19 %[1], была нужна рождаемость не ниже 52 %, ввиду того, что смертность составляла огромную величину 33 %[2].

Полные и достоверные сведения о продолжительности жизни населения Западной Сибири в середине — конце XIX столетия из-за состояния источниковой базы и неисследованности этого вопроса получить пока невозможно. Но ясно, что она в принципе не могла быть значительной. Согласно расчетам А. Н. Сагайдачного, проделанным для западносибирского села Викулово, средняя продолжительность жизни в 1863–1914 гг. не превышала 24,5 лет[3]. Было бы ошибочно распространять эти узколокальные цифры на весь регион, но они, все же, достаточно четко подтверждают основную тенденцию.

Изучая динамику воспроизводственных процессов в Сибири в самом конце XIX — начале XX вв., мы можем опереться на динамические ряды, составленные независимо и в разное время двумя специалистами в области исторической демографии: Р. И. Сифман и В. А. Зверевым.

---

[1] Здесь и далее, как это принято в исторической демографии, общие коэффициенты естественного прироста, рождаемости и смертности обозначаются значком % — промилле (от латинского слова pro mille — на тысячу). В данном случае коэффициент 19 % означает, что на 1000 человек населения естественный прирост составлял 19 человек.

[2] Ивонин А. Р. Западносибирский город последней четверти XVIII — 60-х гг. XIX в. (Опыт историко-демографического исследования). Барнаул, 2000. С. 76, 87.

[3] Сагайдачный А. Н. Демографические процессы в деревне Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX века. Новосибирск, 2000. С. 94.

*Таблица 1.1.1**

Воспроизводство населения Сибири в конце XIX — начале XX вв. (по оценке Р. И. Сифман)**

		На 1000 человек населения.	
Год	Родилось	Умерло	Естественный прирост
1897	49,3	29,3	20,0
1898	48,5	32,3	16,3
1899	55,2	35,8	19,4
1900	52,4	35,9	16,5
1901	51,3	30,8	20,5
1902	49,3	32,3	17,0
1903	50,1	28,8	21,3
1904	49,5	33,0	16,5
1905	45,4	31,5	13,9
1906	50,2	32,6	17,6
1907	49,0	32,2	17,0
1908	51,9	33,4	18,5
1909	53,8	35,0	18,8
1910	52,7	31,4	21,3
1911	50,7	31,1	19,6
1912	49,6	30,9	18,7
1913	49,0	31,1	17,9

* Источник: Сифман Р. И. Динамика численности населения России за 1897–1914 гг. // Брачность, рождаемость, смертность населения в России и в СССР. М., 1977, с. 73.

** По административно-территориальному устройству соответствующих лет.

В своей оценке рождаемости и смертности населения Сибири, Р. И. Сифман опиралась на цифровые материалы местных статистических органов. Она не вносила какие — либо поправки, используя данные в том виде, в каком они были опубликованы в статистических приложениях к губернаторским отчетам. Чтобы возместить этот недостаток, приведем дополнительно информацию об общих коэффициентах рождаемости, смертности и естественного прироста населения Сибири, полученные В. А. Зверевым на основе текущей административной статистики, ежегодно публиковавшейся Медицинским департаментом, затем — Главным управлением врачебного инспектора МВД Российской империи за 1902–1914 гг.

*Таблица 1.1.2**

Воспроизводство населения Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв. (по оценке В. А. Зверева)**

Период	На 1000 человек населения		
	Родилось	Умерло	Естественный прирост
Сельское население			
1902–1905	49,6	30,7	17,1
1906–1909	55,0	34,6	19,1
1910–1914	53,8	32,9	20,4
Городское население			
1902–1905	46,1	36,2	8,3
1906–1909	52,2	40,3	11,0
1910–1914	41,0	30,7	11,7
В целом по региону			
1892–1896	50,1	36,7	13,1
1897–1901	51,5	31,8	17,9
1902–1905	49,6	31,1	16,3
1906–1909	54,8	35,0	18,3
1910–1914	52,8	32,7	19,6

* Источник: Зверев В. А. Воспроизводство сибирского населения на начальном этапе демографического перехода в России // «Сибирь — мой край…» Проблемы региональной истории и исторического образования. Новосибирск, 1999. С. 133, 138.

** В границах Томской, Тобольской губерний и Акмолинской области по административно-территориальному устройству соответствующих лет.

Цифровые данные, представленные в обеих таблицах, несмотря на различия источниковой базы и несходство методики подсчетов, в принципе свидетельствуют об одних и тех же тенденциях. Прежде всего, укажем на очень высокие показатели смертности. Её общие коэффициенты в Сибири перед началом Первой мировой войны были примерно такими же, как в середине — конце XIX столетия. Они колебались вокруг «магической» цифры 30 %, в отдельные годы заметно её превышая.

Основополагающим фактором, детерминирующим значительные коэффициенты смертности, была, несомненно, очень высокая детская смертность. В 1905 г. из каждой 1000 младенцев, родившихся

в России, до 1 года не дожили 272 ребенка[1], в 1911 г. — 274 ребенка[2]. В 1913 г. коэффициент младенческой смертности[*] в Российской империи по-прежнему являл собой повышенную величину, почти достигая 270 %[3]. В Сибири детская смертность была еще выше. По достаточно надежным данным В. Е. Клячкина, в крупнейшем городе сибирского региона, Омске в 1913 г. на 1000 родившихся умерло 319 младенцев в возрасте до 1 года. Причем основными причинами повышенной детской смертности были желудочно-кишечные расстройства, воспаление легких и заразные заболевания[4].

Сибирь как далекая окраина империи по показателям смертности населения заметно отставала от Европейской России, где в начале XX столетия отчетливо обозначилась тенденция к сокращению показателей смертности. В основе лежало уменьшение числа умерших от острых инфекционных и желудочно-кишечных заболеваний. Согласно данным одного из основателей российской демографической науки С. А. Новосельского, в Европейской части страны за период с 1891–1895 по 1911–1914 гг. среднегодовое количество людей, умерших от скарлатины, дифтерии, кори и коклюша сократилось на 29 %, от тифа — на 47 %, от оспы — сразу в 2,5 раза[5]. В Западной Сибири этот процесс разворачивался с запозданием и его эффект ощущался слабо. В регионе накануне Первой мировой войны фиксировался весь спектр инфекционных заболеваний. Но особенно широкое распространение получили такие опасные инфекции, как коклюш, брюшной тиф, дизентерия, бугорчатка легких[6].

После проведения транссибирской железной дороги Западная Сибирь из дикого, неосвоенного края с чрезвычайно редким населением

---

[1] Рубакин Н. А. Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы. Опыт статистической характеристики сословно-классового состава населения русского государства. (На основании официальных и научных исследований). СПб., 1912. С. 46.

[2] Антонов А. Н. Смертность грудных и малых детей, её причины и меры борьбы. Л.-М., 1931. С. 21.

[*] Коэффициент (младенческой) детской смертности определяется отношением числа умерших младенцев в возрасте до 1 года к числу родившихся. В данном случае коэффициент 270 % означает, что из каждой 1000 родившихся детей в 1913 г. умерло 270 младенцев в возрасте до 1 года.

[3] Население СССР. 1987: Стат. сборник. М., 1988. С. 344.

[4] Клячкин В. Е. Естественное движение населения города Омска по параллельным данным за 1913, 1916, 1923–1926 гг. Омск. 1928. С. 6, 13.

[5] Новосельский С. А. Смертность и продолжительность жизни в России. Пг., 1916. С. 182, 184.

[6] Статистический ежегодник России. 1915 (год одиннадцатый). Петроград, 1916. С. 9.

постепенно превращалась в цивилизованный (насколько это было возможно по условиям жизни тех лет) регион России. Этот процесс, хотя и очень медленный, затронул в первую очередь города, которые представляли собой центры не только экономики, но и культуры. Здесь сосредотачивалась основная часть медицинских сил. В 1913 г. на территории Сибири функционировали 517 больниц, в которых трудились 845 врачей и 1747 фельдшеров [1]. Этого, конечно, было недостаточно, но, все же, лучше, чем ничего. Городское население было грамотнее и развитее сельского. В городах быстрее прививались навыки санитарной культуры. Следовательно, в недрах демографической подсистемы сибирских городов, особенно крупных, в начале XX в. исподволь, скрытно накапливались предпосылки для последующего рывка в сокращении смертности.

Повышенный уровень смертности населения Сибири компенсировался очень высокими показателями рождаемости. Её общие коэффициенты в регионе, в конце XIX — начале XX в. колебались в пределах 49–50 %. Рождаемость, особенно в деревне, фактически балансировала на грани биологических возможностей женского организма. Социальный процесс детопроизводства не знал никаких ограничений. Женщины, по сути, были превращены в «детородные машины». Высокие показатели рождаемости обеспечивались множеством регуляторов, характерных для патриархального общества, которое в то время доминировало в Сибири, особенно в деревне.

Вместе с тем, начало XX в. отмечено появлением новых демографических тенденций. С уменьшением показателей смертности постепенно исчезала и необходимость в повышенной рождаемости. Соответственно в городах Западной Сибири, как это вытекает из материалов, представленных в *табл. 1.1.1* за 1906–1914 гг. рождаемость понизилась на 21,5 %. Сокращение рождаемости в городах свидетельствует, что отдельный, пока еще очень тонкий слой населения, медленно совершая малозаметный даже для внимательного наблюдателя, очень плавный поворот к более рациональному типу воспроизводства.

Деревня в этом отношении отставала от города. Здесь в начале XX в. рождаемость не только не стабилизировалась, но продолжала нарастать. Поскольку уровень урбанизированности региона был очень низким (в деревне проживала основная часть населения) в целом по Западной Сибири доминировал традиционный тип

[1] Статистические материалы по состоянию народного здравия и организации медицинской помощи в СССР за 1913–1923 гг. М., 1926, с. 50–186.

воспроизводства. В итоге, сложившееся соотношение между показателями смертности и рождаемости обеспечивало значительные показатели естественного прироста. Они составляли 18–19 %, что достаточно надежно гарантировало быстрые темпы роста численности населения. Очень важно, что в конце XIX — начале XX вв. демографическая подсистема западносибирского региона накопила столь мощный инерционный заряд, что его сила в течение ещё нескольких десятилетий определяла динамику народонаселения региона. Забегая немного вперед, укажем, что именно эта инерционная сила в 1930-е гг. способствовала быстрому преодолению демографических последствий голода, обрушившегося на Западную Сибирь в связи с форсированной индустриализацией и сталинской коллективизацией.

Следует отметить, что некоторое незначительное снижение смертности, характерное для начала XX в., нередко прерываемое довольно крутыми подъемами, не повлияло принципиально на динамику показателей продолжительности жизни людей. Она попрежнему оставалась на очень низком уровне. По данным таблиц смертности Европейской России, построенных для 1896–1897 гг. продолжительность предстоящей жизни составляла для мужчин — 31,3 года, для женщин — 33,4 года. Из общего количества родившихся в эти годы младенцев до возраста 45 лет (т. е. до 1941 г.) имели шанс дожить только 39 % мальчиков и примерно 42 % девочек[1]. В Сибири положение не могло быть иным. Вероятно, к 1913 г. ожидаемая продолжительность жизни населения Российской империи несколько выросла, но это не изменило демографическую ситуацию кардинально. Повышенная смертность и тесно связанная с ней низкая продолжительность жизни людей, негативно воздействуя на численность и структуру народонаселения, негативно воздействовали на сам процесс формирования людских ресурсов, которые в далекой перспективе могли быть использованы в войне 1939–1945 гг.

Немаловажную роль в процессе накопления людского потенциала Западной Сибири играло переселенческое движение, резко усилившееся в ходе реализации аграрной реформы П. А. Столыпина. В период с 1906 по 1914 гг. за Урал переселилось 3,8 млн человек, из которых немногим более 1 млн возвратилось на прежнее место жительства[2]. Сальдо переселенческого движения составило, следовательно, внушительную величину — 2,8 млн человек.

[1] Воспроизводство населения СССР. М. 1983. С. 297.

[2] Статистический ежегодник России. 1914. Пг. 1915. Отд. II.

Интенсивные переселения в Сибирь способствовали не только увеличению численности населения региона, но и повышению рождаемости, так как среди переселенцев преобладали молодые люди. В семьях новоселов было много детей. Таким образом, миграции в совокупности с внушительными величинами естественного прироста, в конечном счете, обеспечивали ускоренные темпы роста численности населения региона. Всероссийская перепись населения 1897 г. зафиксировала в Западной Сибири (в границах Алтайской, Омской, Ново-Николаевской, Томской и Тюменской губерний по административно-территориальному устройству 1921 г.) 3129,3 тыс. человек. По оценке 1914 г. на этой территории проживало 5519,2 тыс. человек[1]. Таким образом, в 1897–1914 гг. численность населения региона росла форсированными темпами, увеличившись в 1,8 раза. Население Российской империи в целом за эти годы выросло в 1,3 раза[2].

Поскольку численность горожан в Западной Сибири росла быстрее, чем численность сельского населения, все более серьезным фактором демографического, экономического и социокультурного развития региона становилась урбанизация. В 1911 г. удельный вес городского населения во всем населении Западной Сибири достиг 7,5 %, против 6,6 % в 1897 г.[3] После постройки транссибирской железнодорожной магистрали в регионе появились крупные населенные пункты, составившие позже ядро городской сети Западной Сибири. В 1911 г. на карте региона имелись такие значительные по тому времени города, как Омск, Томск, Новониколаевск (*ныне Новосибирск – В. И.*) и Барнаул. Здесь количество населения превысило 50 тыс. человек. Кроме того, в Западной Сибири наличествовали города, население которых превышало 20 тыс. жителей — Тобольск, Тюмень, Бийск.

Что же касается состава населения Западной Сибири, то основные сведения по этому вопросу содержат материалы переписи 1897 г. Прежде всего, отметим сбалансированность населения региона по полу. Численность и удельный вес мужчин и женщин были примерно одинаковыми, с небольшим превышением в сторону мужчин. В 1897 г. в городах и уездах Западной Сибири на долю мужчин приходилось 51,4 % населения. Удельный вес женщин составлял соответственно 48,6 %[4].

---

[1] Статистический ежегодник 1918–1920 гг. Вып. 1. М., 1920. С. 3.

[2] Вестник статистики. 1963. № 11. С. 92.

[3] Азиатская Россия. Т. 1. СПб. 1914. С. 86.

[4] Демоскоп weekly. Электронная версия бюллетеня «Население и общество». № 22. 1–22 января 2006 г. /http://www.rus-sky.org/history/library/

Анализируя структуру народонаселения под углом зрения формирования и накопления людского потенциала, чрезвычайно важно указать на демографическую молодость сибиряков. Перепись 1897 г. свидетельствует, что прослойка детей моложе 9 лет в населении Сибири составляла свыше 26 %. На долю подростков и молодежи от 10 до 29 лет приходилось 36 % населения. Удельный вес лиц трудоспособного возраста от 30 до 59 лет составлял 30,2 %. Таким образом, прослойка старших возрастов не превышала 7,8 %[1]. К началу мировой войны, каких-либо кардинальных сдвигов в составе населения Сибири не произошло.

Тенденция ускоренного роста населения Сибири была прервана в связи с началом Первой мировой войны. В 1914–1915 гг. демографическая подсистема региона вступила в стадию затяжного кризиса. Надежные источники о движении народонаселения региона в годы мировой войны отсутствуют. Сегодня можно определить только некоторые, но важные тенденции демографической динамики. Установлено, что смертность тылового населения России, не знавшего в военные годы голода и эпидемий, не претерпела каких-либо значительных изменений[2]. С. А. Новосельский, один из немногих российских демографов, специально исследовавших динамику народонаселения России в период мировой войны, пришел к вполне обоснованному выводу, что «собственно за годы войны (1914–1917 гг.) смертность гражданского населения значительных отклонений не представляла»[3]. Аналогичное мнение высказывают и современные исследователи. Так, американский исследователь демографической истории России Максудов в своей известной книге «Потери населения СССР», увидевшей свет в 1989 г. счел необходимым специально подчеркнуть, что «потерь от голода, эпидемий, геноцида, столь характерных для всей последующей эпохи, та война (*Первая мировая — В. И.*) еще не знала»[4].

Тем не менее, естественный прирост населения быстро снижался. В Западной Сибири в 1916 г. он составлял 70 % от уровня 1915 г.[5]

---

[1] Демоскоп weekly. Электронная версия бюллетеня «Население и общество». № 22. 1–22 января 2006 г. /http://www.rus-sky.org/history/library/

[2] См.: Кабузан В. М. Демографическая ситуация в России в годы Первой мировой войны // Население России в 1920-е — 1950-е годы: Численность, потери, миграции. М., 1994.

[3] Новосельский С. А. Влияние войны на естественное движение населения // Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914–1920 гг. Вып. 1. М. — Пг. 1923. С. 120.

[4] Максудов. Потери населения СССР. Benson, Vermont. 1989. С. 185.

[5] Кабузан В. М. Демографическая ситуация в России… С. 10.

Из этого следует, что влияние такого мощного пертурбационного социально-политического фактора, как мировая война на демографическую подсистему тыловых районов России проявилось, главным образом, в сокращении рождаемости. Этот процесс обусловливался, в основном, массовыми воинскими мобилизациями. По данным сельскохозяйственной переписи 1917 г. сибирская деревня из своего редкого населения выделила для русской армии почти 1 млн мужчин[1]. В Западной Сибири в 1914–1917 гг. в армию было призвано свыше 40 % мужчин репродуктивного возраста. В отдельных губерниях, таких как Алтайская и Тобольская, удельный вес мобилизованных превышал 50 %[2]. В сибирских городах мобилизация проводилась в меньших масштабах, чем в деревне. Но и здесь на долю мобилизованных в армию приходилось свыше 12 % населения[3]. Военные потери сибиряков в мировой войне по оценке Л. М. Горюшкина и В. И. Пронина превысили 130 тыс. человек[4].

Удельный вес мужчин в тыловом населении Западной Сибири в связи с массовыми военными мобилизациями и боевыми потерями заметно сократился. По данным, основанным на материалах сельскохозяйственной переписи 1916 г., женский перевес в наличном сельском населении Сибири составил в абсолютном выражении почти 600 тыс. человек[5]. В условиях военного дефицита мужчин прекращались брачные отношения в уже сложившихся семьях. Увеличилось количество вдов. Девушки теряли женихов. И если в 1908–1913 гг. на 1000 человек населения Российской империи фиксировалось свыше восьми браков, то в 1914–1916 гг. — не более четырех[6]. Таким образом, индекс брачности по стране в целом сократился в 2 раза. По подсчетам С. А. Новосельского только в 1914–1915 гг. в Российской империи (включая Польшу, но без Финляндии) не состоялось 1,7 млн потенциальных браков[7]. Вслед за распадом брачно-семейных связей сокращалась

[1] Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М., 1925. Табл. 40.

[2] Там же. Табл. 6.

[3] Горюшкин Л. М., Пронин В. И. Население Сибири накануне Октябрьской социалистической революции // Историческая демография Сибири. Сб. научных трудов. Новосибирск, 1992. С. 96.

[4] Там же. С. 96.

[5] Там же. С. 88.

[6] Уипль Дж. Ч., Новосельский С. А. Основы демографической и санитарной статистики. М., 1929. С. 477.

[7] Новосельский С. А. Влияние войны на естественное движение населения. С. 105, 106.

и рождаемость. Так, в сельской местности Сибири уровень рождаемости в 1916 г. составил всего 65 % от уровня 1911–1913 гг.[1]

Чтобы понять тенденции динамики рождаемости в годы мировой войны, обратимся к такому достаточно надежному источнику, как перепись населения 1926 г. Цифры, сосредоточенные в *табл. 1.1.3*, достаточно отчетливо показывают сокращение числа детей. Своего минимума число детей в семьях сибиряков достигло в 1917 г. Это дает веское основание предполагать, что всего за 1914–1917 гг. рождаемость в Сибири уменьшилась примерно в 1,5 раза. Снижение рождаемости при стабилизации параметров смертности не могло не привести к сокращению показателей естественного прироста. Это немедленно отразилось на процессе формирования людского потенциала региона.

*Таблица 1.1.3**

Число детей 1913–1917 гг. рождения в Сибирском крае по данным всесоюзной переписи населения 1926 г.**

Возраст на 17 декабря 1926 г. (лет)	Год рождения	Число детей (тыс. человек)
13	1913	231,6
12	1914	252,3
11	1915	173,5
10	1916	172,9
9	1917	159,6
1917 г. в % к 1913 г.	–	68,9

* Источник: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. VI. Сибирский край. Бурято-Монгольская АССР. М. 1928. С. 104.

** По административно-территориальному устройству 1926 г.

Вместе с тем, с началом мировой войны изменились и тенденции территориального перемещения населения. Сельскохозяйственные переселения в Сибирь с началом войны были прекращены. Железные дороги, забитые военными грузами, не справлялись с перевозками. И если в 1914 г. в Сибирь проследовало 336 тыс. переселенцев, то в 1915 г. в 12 раз меньше — всего 28 тыс.[2] Приток беженцев из прифронтовых районов не мог восполнить крупномасштабные

[1] Мерхалев Д. Рождаемость за время войны и революции в Сибири // Сборник Сибирского Статистического Управления. Вып. 7. Т. II. Новониколаевск, 1922. С. 102.

[2] Жизнь Сибири. 1926. № 7–8. С. 29.

призывы в армию. К февралю 1917 г. в Сибири насчитывалось не более 87 тыс. беженцев[1]. В сущности, отток населения (учитывая воинские мобилизации) превышал приток мигрантов.

Временное население Сибири, помимо беженцев, представляли немецкие и австро-венгерские военнопленные. Однако они не влияли сколько-нибудь серьезно на демографическую ситуацию в регионе. К тому же военнопленные почти полностью исключались из воспроизводственного процесса. Зимой 1915–1916 гг. в лагерях Западной Сибири находилось 54 тыс. военнопленных. В декабре 1917 г. в Омском и Иркутском военных округах числилось 231 тыс. военнопленных[2].

*Таблица 1.1.4**

Динамика численности населения Сибири в 1914–1918 гг. (Оценка в границах Сибирского края на начало года, тыс. человек).**

Год	Все население (тыс. человек)	В том числе:		Удельный вес, %	
		Городское	Сельское	Городское	Сельское
1914	7794,0	791,4	7002,6	10,2	89,8
1915	7647,4	800,1	6847,3	10,5	89,5
1916	7817,3	815,8	7001,5	10,4	89,6
1917	8064,1	808,5	8064,1	10,0	90,0
1918	8324,4	1007,9	7316,5	12,1	87,9
1918 г. в % к 1914 г.	106,8	127,4	104,5	-	-

* Источник: Волков Е. З. Динамика населения СССР за восемьдесят лет. М.-Л., 1930. С. 98–99.

** Данные Е. З. Волкова скомпонованы таким образом, что не позволяют вычленить территорию собственно Западной Сибири. Поэтому цифровые материалы приводятся в границах Сибирского края. Е. З. Волков относит к Сибирскому краю Енисейскую, Иркутскую, Томскую, Тобольскую губернии. Таким образом, границы Сибирского края в понимании Е. З. Волкова приблизительно совпадают с границами Сибирского края.

Несмотря на заметное ухудшение параметров естественного и миграционного движения населения, численность сибиряков в годы Первой мировой войны все же увеличилась. Но темпы роста

[1] Сибирская советская энциклопедия. Т. 1. Стлб. 263.

[2] Горюшкин Л. М., Пронин В. И. Население Сибири накануне… С. 96–97.

их численности резко замедлились. В течение четырех лет, прошедших с 1 января 1914 г. по 1 января 1918 г., население Сибири выросло всего на 7 %. Никогда, в своей предшествующей истории, народонаселение региона не увеличивалось так медленно. Особенно заметно сократились темпы роста сельского населения. За указанные годы оно выросло всего на 4,5 %. Между тем, городское население за счет притока людей извне увеличилось за 1914–1918 гг. более чем на 27 %. Соответственно, уровень урбанизированности Сибири на начало 1918 г. превысил 12 %.

В мае 1918 г. восстанием солдат Чехословацкого корпуса, слившегося с широкой волной вооруженных выступлений внутренних антибольшевистских сил, в России началась Гражданская война. Теперь боевые действия развернулись непосредственно на территории Западной Сибири. Война принесла с собой разруху, голод, эпидемии. Соответственно, 1918 г. открыл собой принципиально новый этап демографической истории и страны и Сибири — отныне политика превратилась в самостоятельный фактор демографической динамики. Его влияние то усиливалось, то ослабевало, но никогда уже не исчезало полностью.

На Сибирь в 1918 г. обрушилась мощная демографическая катастрофа. К сожалению оценки количественных параметров рождаемости, смертности, миграций и динамики численности населения края в 1918–1921 гг. практически невозможны из-за почти полного отсутствия достоверных источников. С приходом к власти атеистов-большевиков старая, основанная на фиксации религиозных обрядов система регистрации демографических событий была решительно разрушена, новая же, светская, посредством загсов, еще не сложилась. Сбою в системе учета демографических событий в значительной степени способствовал общий хаос Гражданской войны. Один из работников статистических органов страны 1920-х гг. М. Красильников, характеризуя деятельность сибирских статистических учреждений, подчеркивал: «Учреждения актов гражданского состояния не достаточно ещё наладились в Сибири»[1]. Как иронически писал в 1921 г. Д. Мерхалев: «Сейчас имеется больше данных о «рождаемости» у отдельных видов домашних животных, чем о рождаемости населения. Русская демография утратила навсегда материалы по естественному движению населения за весь бурный период революции»[2]. Отрывочные сведения о динамике народонаселения

[1] Красильников М. Обзор деятельности сибирских статистических учреждений // Сборник Сибирского Статистического Управления. Вып. 7. Т. II. С. 190.

[2] Мерхалев Д. Рождаемость за время войны и революции… С. 95, 110.

Западной Сибири в годы революции и Гражданской войны дают возможность определить только самые общие тенденции на уровне приблизительных оценок.

Индекс рождаемости после 1917 г. увеличился. Несомненно, это было демографическим следствием массовой, одномоментной демобилизации царской армии. Во всяком случае, как показывают *табл. 1.1.3* и *1.1.5*, на момент переписи 1926 г., в Сибирском крае насчитывалось 159,6 тыс. детей 1917 г. рождения, тогда как число детей 1918 г. рождения составляло 227,1 тыс. Но одновременно с ростом рождаемости, резко увеличилась смертность. В основе этого негативного процесса лежал распад социальных институтов, голод и неизбежно сопутствующие ему эпидемии инфекционных заболеваний, в особенности тифа. Немаловажную роль играла также гибель тысяч мужчин в ходе боевых операций. По имеющимся отрывочным сведениям, в Томске уровень смертности в 1920 г. достиг катастрофической, невиданной ранее величины — 100 %. Причем уровень мужской смертности составлял 170 %[1].

Рост рождаемости в 1918 г. оказался кратковременным явлением. Ничего иного от действия такого ситуационного фактора, как быстрая демобилизация царской армии, ожидать было нельзя. В 1919 г. уровень рождаемости вновь понизился, а детская смертность, напротив, увеличилась. В конечном итоге, это негативно отразилось на численности поколений, родившихся в 1919–1920 гг., что и зафиксировала перепись 1926 г. На основании данных, приведенных в *табл. 1.1.5*, можно сделать вывод, что в течение 1918–1920 гг. число родившихся в Сибирском крае детей сократилось на 12 %.

*Таблица 1.1.5**

Число детей 1918–1921 гг. рождения в Сибирском крае по данным всесоюзной переписи населения 1926 г.**

Возраст на 17 декабря 1926 г. (лет)	Год рождения	Число детей (тыс. человек)
8	1918	227,1
7	1919	203,7
6	1920	199,8
5	1921	222,9

* Источник: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. VI. Сибирский край. Бурято-Монгольская АССР. М. 1928. С. 104.

** По административно-территориальному устройству 1926 г.

[1] Лубны-Герцык Л. И. Движение населения на территории СССР за время войны и революции. М., 1926. С. 103.

Миграции населения в революционные годы носили чрезвычайный характер. Это были беспорядочные перемещения людей, обусловленные быстрыми и частыми изменениями военно-политической ситуации. Горожане, спасаясь от голода и хаоса, принесенного революцией и Гражданской войной, переселялись в сельскую местность. Там легче было выжить. В период колчаковщины появился такой своеобразный вид миграций, как «белое беженство» — в Сибирь из районов, контролируемых большевиками, переселилось несколько сотен тысяч представителей так называемых «эксплуататорских классов». Однако «белое беженство» не оказало сколько-нибудь серьезного воздействия на процесс формирования людского потенциала Западной Сибири. Значительная часть «новых» сибиряков не осталась в регионе на постоянное жительство, а ушла вместе с колчаковскими войсками и, вероятно, эмигрировала.

После установления советской власти в край устремились так называемые «голодбеженцы». В 1920 г. на восток страны переселилось около 90 тыс. человек, в 1921 г. — примерно 72 тыс. человек[1]. Приливы и отливы мигрантов в совокупности с аномальными колебаниями естественного движения населения, в конечном счете, обусловили заметные пертурбационные изменения численности населения Сибири.

*Таблица 1.1.6**

Динамика численности населения Сибири в 1918–1922 гг. (Оценка в границах Сибирского края на начало года, тыс. человек)**

Год	Все население	В том числе:		Удельный вес, %	
		Городское	Сельское	Городское	Сельское
1918	8324,4	1007,9	7316,5	12,1	87,9
1919	8390,4	958,8	7431,6	11,4	88,6
1920***	8811,2	935,6	7875,6	10,6	89,4
1921	9012,8	901,4	8111,4	10,0	90,0
1922	9265,2	967,1	8298,1	10,4	89,6

* Источник: Волков Е. З. Динамика народонаселения за восемьдесят лет. М.-Л., 1930, с. 212–213.

** См. примечание к *табл. 1.1.4.*

*** По данным демографической переписи населения, проведенной 28 августа 1920 г. в Западной Сибири (в границах Томской, Новониколаевской, Алтайской, Омской губерний по административно-территориальному

[1] Лубны-Герцык Л. И. Движение населения на территории СССР... С. 120.

устройству 1921 г.) проживало 5720,5 тыс. человек, в том числе в городах — 640,3 тыс., в сельской местности — 5080,2 тыс. человек. См.: Население Сибири (по материалам Всероссийской демографической переписи 1920 года). Погубернские, поуездные и поволостные итоги. Т. 1. Вып. 5. Новониколаевск, 1921. С. 12, 15, 17.

Темпы роста численности населения Сибири в годы революции замедлились даже по сравнению с периодом мировой войны. На этапе с 1 января 1918 г. по 1 января 1920 г. население региона выросло всего на 6 %. Скорее всего, население края увеличивалось за счет сравнительно небольшого естественного прироста, но главным образом вследствие притока мигрантов из европейской части страны. Существенно изменилось соотношение темпов роста городского и сельского населения. Количество жителей села за указанные годы выросло почти на 8 %. Вместе с тем, численность горожан сократилась более чем на 7 %. Особенно заметно понизилась количество жителей Новониколаевска, Томска, Тобольска и некоторых других городов. Большинство вновь прибывших в сибирские города беженцев, не задерживаясь надолго, следовали далее на восток или в деревню. В результате для Сибири в 1918–1920 гг. было характерно чрезвычайно редкое в её демографической истории явление дезурбанизации, что выразилось в заметном снижении удельного веса горожан с 12 % в 1918 г. до 10 % в 1921 г.

Тенденция к нормализации демографической обстановки в регионе дала о себе знать только на рубеже 1921–1922 г. Это было связано с кардинальными сдвигами во внутренней политике большевистского правительства в годы нэпа. Восстановление промышленности, сельского хозяйства, транспорта и торговли способствовало стабилизации демографических процессов. Рождаемость стала быстро увеличиваться, а смертность несколько сократилась, хотя и оставалась весьма высокой. Показатели естественного прироста в 1923 г., как демонстрирует *табл. 1.1.7*, составляли весьма значительные величины и колебались в пределах 21–24 %. Это способствовало высоким темпам роста численности как городского, так и сельского населения, а, следовательно, и стимулированию процесса накопления мощности людского потенциала.

Нэп обеспечил быстрое преодоление последствий демографической катастрофы. После 1923 г. уровень рождаемости в Сибири скачкообразно увеличивался. В 1925 г. общий коэффициент рождаемости в сельской местности Сибирского края составлял 54 %, в 1926 г. — 53 %, в 1927 г. — 55 %[1]. В 1928 г. коэффициент рождаемости

[1] Сибирский край. Стат. сборник. Новосибирск. 1930. С. 16–17.

в сельской местности Сибири вырос до 59 %. В сущности, в сибирской деревне показатели рождаемости достигли своего биологического предела. В Каменском округе, например, общий коэффициент рождаемости в 1928 г. составлял фантастическую величину — 62 %, в Рубцовском в 1927 г. — 61, а в 1928 г. — 64 %[1]. В городах Западной Сибири в 1928 г. рождаемость составляла несколько меньшую, но тоже весьма значительную величину. В 1925 г. она составляла 41,3 %, в 1926 г. — 40,2, в 1927 г. — 42, а в 1928 г. — 41 %[2].

*Таблица 1.1.7**

Воспроизводство населения Западной Сибири в 1923 г.**

Губернии	На 1000 человек населения***		
	Родилось	Умерло	Естественный прирост
Алтайская	55,9	35,4	20,5
Ново-Николаевская	54,5	32,2	22,3
Омская	47,9	25,9	22,0
Томская	47,1	23,3	23,8

* Источник: Народное Хозяйство Союза ССР в цифрах с приложением данных по Мировому Хозяйству. Стат. справочник. Год 2-й. М., 1925. С. 40, 42.

** По административно-территориальному устройству 1923 г.

*** В источнике коэффициенты воспроизводства приведены не в промилле, т. е. на 1000 человек населения, а на 10 000 человек населения. Для удобства читателей автором осуществлен пересчет в промилле.

Увеличение рождаемости сопровождалось сокращением смертности. В сельской местности Сибири к 1928 г. общий коэффициент смертности понизился до 23 % против 25,4 % в 1927 г. В городских поселениях региона в 1926 г. смертность составляла 25 %, а в 1928 г. 21 %[3]. В сущности, Западная Сибирь в годы нэпа переживала демографический взрыв. Сокращение смертности на фоне очень высоких показателей рождаемости гарантированно обеспечивали расширенное воспроизводство населения и, соответственно, небывало высокие показатели естественного прироста. В 1927 г. коэффициент естественного прироста в сельской местности Сибири вырос до 30 %, в 1928 г. — до 34 %[4]. В Рубцовском округе в 1928 г. коэффициент естественного прироста составлял огромную

[1] Сибирский край. Стат. сборник. Новосибирск. 1930. С. 16–17.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Там же.

величину — 40 %, в Каменском — 38, в Омском и Барабинском округах и в Ойротии — по 37 %[1]. В городах естественный прирост был несколько ниже: в 1927 г. — 19 %, а в 1928 г. — 20 %[2]. Перепись 1926 г. зафиксировала в Сибирском крае 275,9 тыс. детей, рожденных в 1924 г., 296 тыс. детей, рожденных в 1925 г. и 370,7 тыс. детей, рожденных в 1926 г.[3] Многочисленность поколений 1924–1926 гг. рождения способствовала накоплению внушительного запаса молодых призывников, которыми укомплектовывались советские Вооруженные силы в период Великой Отечественной войны.

Несомненно, мощность демографического взрыва в Западной Сибири могла бы быть ещё большей, но её сильно снижала повышенная детская смертность. Коэффициент детской смертности по Сибирскому краю (число умерших детей в возрасте до 1 года на 1000 родившихся) во второй половине 1920-х гг. представлял собой следующие величины[4]:

1925 г.	232,3 %
1926 г.	235,3 %
1927 г.	223,9 %
1928 г.	197,0 %

Вместе с тем, для второй половины 1920-х гг. было характерно медленное, но устойчивое сокращение показателей смертности детей. За 1926–1928 гг. уровень детской смертности сократился более чем на 16 %, что являло собой внушительное достижение коммунистического режима. В основе снижения, как детской, так и общей смертности лежала стабилизация экономической ситуации в стране, преодоление революционного хаоса и голода. Одновременно на динамику смертности оказывал влияние такой мощный фактор, как в целом удачно избранная государственная стратегия в области здравоохранения, направленная в те годы главным образом на борьбу с острыми инфекционными заболеваниями.

В итоге в регионе увеличивалась продолжительность жизни населения, показатели которой, как известно, являются важным индикатором социальной жизни. Согласно таблицам смертности, построенным С. А. Новосельским и В. В. Паевским, ожидаемая

---

[1] Статистика Сибири. Сб. статей и материалов. Вып. 2. Новосибирск, 1930. С. 141.

[2] Сибирский край. Стат. сборник. С. 16–17.

[3] Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. VI. Сибирский край. Бурято-Монгольская АССР. М., 1928. С. 104.

[4] Естественное движение населения в Сибкрае за 1925–1927 гг. Новосибирск, 1930. С. 36–37, 40–41; ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 22. Л. 4–5.

продолжительность жизни населения Сибирского края в 1926–1927 гг. составляла 41 год [1]. В США и европейских странах уже в 1920 г. она достигла 58 лет[2]. Несмотря на то, что продолжительность жизни населения Сибири была по-прежнему невысокой, достигнутые к середине 1920-х гг. показатели являли собой серьезное достижение государственного здравоохранения. В годы нэпа тенденция увеличения показателей продолжительности жизни в Сибири была выражена достаточно отчетливо. События Великой Отечественной войны покажут, что финансовые вложения, сделанные государством в здравоохранение в годы нэпа, дадут позитивные результаты.

Немаловажную роль в накоплении и наращивании мощности людского потенциала Западной Сибири во второй половине 1920-х гг. играли миграции. Плановое сельскохозяйственное переселение в Сибирь было открыто в июле 1925 г. По данным Н. И. Платунова в 1924–1925 гг. было зарегистрировано прибытие в регион свыше 100 тыс. переселенцев. В 1925–1926 гг. в Сибирь переселилось 80 тыс. человек, в 1927–1928 гг. — 247 тыс., в 1928–1929 гг. — более 260 тыс., а с октября 1929 г. по апрель 1930 г. — 122 тыс. человек. Всего на этапе планового переселения, в Сибирь прибыло более 900 тыс. человек[3].

Период относительного демографического благополучия, порожденного нэпом, оказался кратковременным. На рубеже 1920-х — 1930-х гг. в воспроизводстве населения Западной Сибири произошли кардинальные изменения. Развернувшаяся полным ходом форсированная индустриализация, сопровождавшаяся коллективизацией, проведенной самыми жестокими насильственными методами, в частности так называемым «раскулачиванием», принципиально изменили условия существования людей. С нэпом было решительно покончено. Подавляющая часть имевшихся в распоряжении государства ресурсов отныне направлялась в тяжелую промышленность. Сфера потребления, а вместе с ней сельское хозяйство и легкая промышленность были принесены в жертву индустриальным амбициям. Государство выколачивало из крестьян все, что представляло хоть какую-нибудь ценность. Экспорт хлеба принимал все более

---

[1] Смертность и продолжительность жизни населения СССР. 1926–1927. Таблицы смертности. М. — Л., 1930. С. 134, 136, 138.

[2] Народонаселение стран мира: Справочник. М., 1978. С. 163.

[3] Платунов Н. И. Переселенческая политика советского государства и ее осуществление в СССР (1917 — июнь 1941 гг.). Томск, 1976. С. 82.

значительные масштабы, тогда как производство продовольствия в связи с разорением деревни снижалось.

Уровень материального обеспечения населения из года в год ухудшался. Продукты питания, одежда, обувь, лекарства, жилье превращались в остродефицитные товары, строго распределяемые в централизованном порядке. Здравоохранение переживало трудные времена из-за явно недостаточного финансирования и мизерного ресурсного обеспечения. Лечебные учреждения испытывали острую нехватку врачей, среднего и младшего медицинского персонала.

Сотни тысяч крестьян отправлялись на спецпоселение или были вынуждены прокидать насиженные места и бежать в города. Численность городского населения вследствие наплыва сельских жителей быстро нарастала. Города Западной Сибири с их неразвитой социальной инфраструктурой, не были подготовлены к приему огромного количества новоселов. Люди селились в бараках и землянках, как грибы, выраставшие вокруг промышленного ядра — предприятия тяжелой промышленности. Теснота, скученность, хроническое недоедание, запущенность коммунального хозяйства, полное пренебрежение санитарными нормами в совокупности с массовыми перемещениями населения по территории страны, обусловили быстрое распространение инфекционных заболеваний, перераставших в эпидемии. Это вызвало быстро нараставший процесс увеличения показателей смертности и сокращение параметров рождаемости. Причем, первой на ухудшение условий существования отреагировала демографическая сфера городов. В городах Западной Сибири в 1929 г. по отношению к 1928 г. (т. е. в течение одного года) рождаемость сократилась с 42 до 39 % (снижение сразу на 7 %), а смертность увеличилась с 21 % до 23 % (рост на 10 %). В сельской местности региона за указанные годы рождаемость уменьшилась с 58 % в 1928 г. до 55 % в 1929 г. (на 5,2 %), а смертность не изменилась. И если в городах Западной Сибири естественный прирост в 1928 г. составлял 21 %, то в 1929 г. — всего 17 %, в сельской местности соответственно 35 % и 32 %[1].

Сбой в текущем учете населения, произошедший в начале 1930-х гг. не дает возможности более-менее точно проследить динамику нарастания напряженности демографической ситуации. В распоряжении историков имеются только отрывочные материалы. Известно, что в городах Западной Сибири за 1929-1930 гг. общий

[1] ГАНО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2655. Л. 23.

коэффициент смертности вырос сразу на 11 %[1]. Продолжительность жизни населения СССР в 1930 г. понизилась до 36,5 лет, тогда как еще в 1928 году она составляла почти 40 лет[2]. Сокращались и показатели рождаемости. К 1930 г. коэффициент рождаемости в городских поселениях Западной Сибири уменьшился до 35,4 %, в сельской местности — до 55 %[3]. Снижение рождаемости 1930-х гг. обусловливалось действием экзогенных факторов: главным образом падением уровня материальной обеспеченности населения. Семьи вынужденно откладывали рождение детей на неопределенный срок, до лучших времен. Немаловажную роль играли интенсивные миграции, способствовавшие временному или окончательному распаду брачно-семейных связей.

Рост смертности на фоне одновременного снижения рождаемости предопределил резкое падение показателей естественного прироста. Темпы роста населения Западной Сибири стремительно сокращались. До какой-то степени падение темпов роста численности нейтрализовалось за счет притока населения в регион из-за его пределов. Но этот фактор не мог полностью компенсировать снижение размеров естественного прироста.

Несмотря на множившиеся тревожные сигналы о явном неблагополучии демографической сферы, внутренняя политика сталинского правительства, направленная на форсированную индустриализацию и насильственную коллективизацию, не только не была откорректирована, но напротив, усилена. Потребление народа было бесповоротно принесено в жертву тяжелой индустрии. Производство сельскохозяйственной продукции падало, тогда, как экспорт продовольствия нарастал. Последствия этой политики в полной мере сказались осенью 1932 г. В Советском Союзе начался страшный голод. Считается, что этот голод поразил в первую очередь хлебопроизводящие районы Украины, Поволжья, Северного Кавказа, Казахстана, Центрально-Черноземной области. Сегодня обнаружено множество документов, подтверждающих, что голод затронул и Западную Сибирь в первую очередь такие богатые аграрные районы, как Алтай и юг современных Омской и Тюменской областей. Причем, голод в Западной Сибири, как выяснил Н. Я. Гущин, разразился раньше, чем в других районах Советского Союза, в 1931 г. — первой

[1] Московский А. С., Исупов В. А. Формирование городского населения Сибири. (1926–1939 гг.). Новосибирск, 1984. С. 46.

[2] Население Советского Союза: 1922–1991. М., 1993. С. 135.

[3] ГАНО. Ф. 12. Оп. 1. д. 2655. Л. 23.

половине 1932 г.[1] М. П. Малышева, как и В. С. Познанский относят начало голода в Западной Сибири к 1930 г.[2]

Неизбежными спутниками любого голода, а такого масштабного, как голод начала 1930-х гг. в особенности, являются эпидемии инфекционных заболеваний. Ослабленный длительным хроническим недоеданием человеческий организм становился жертвой многочисленных инфекций. Их быстрому распространению способствовали бурные и хаотичные миграции, тяжелые условия жизни, скученность, антисанитария, неразвитость коммунального хозяйства городов, слабость здравоохранения и санитарного контроля.

Советская санитарная статистика, которая в силу ряда объективных и субъективных причин, преуменьшала масштабы голода, зафиксировала в Западной Сибири в 1931-1933 гг. вспышку таких опасных инфекций, как сыпной, брюшной и возвратный тиф, а также корь, дифтерию, скарлатину, коклюш, дизентерию. Самое широкое распространение получили туберкулез, бронхит, воспаление легких, многочисленные авитаминозы, такие как цинга и пеллагра. Для сельских жителей настоящим бедствием стала септическая ангина, которая возникала после употребления в пищу зерна, пролежавшего зиму на полях, толченого камыша, озерных и речных водорослей. Впервые септическая ангина, летальность от которой в иных случаях достигала 100 %, была зафиксирована в южном Казахстане в мае 1932 г. и вскоре распространилась на Урал, Киргизию и Западную Сибирь.

Такого рода ситуация предопределила структуру причин смертности, в которой преобладали факторы экзогенного характера, зависимые от влияния внешней среды. Так, в 1933 г. в городах Западной Сибири (в сельской местности причины смертности статистиками не фиксировались), да долю скончавшихся от инфекционных и паразитарных болезней в общей совокупности умерших приходилось почти 30 %. Удельный вес умерших от болезней органов дыхания составлял 13 %, от болезней органов пищеварения — свыше 20 %[3]. Именно эти болезни в условиях голода и определили стремительное увеличение показателей смертности.

---

[1] Гущин Н. Я. Население Сибири в XX веке: основные тенденции и катаклизмы в развитии. Новосибирск. 1995. С. 53.

[2] Малышева М. П. Голод на юге Западной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. № 2; Познанский В. С. Социальные катаклизмы в Сибири: голод и эпидемии в годы 20–30-е годы XX в. Новосибирск, 2007.

[3] ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 222. Л. 1–2.

Осенью 1932 г. уровень смертности населения в Западной Сибири достиг очень значительных величин. Люди вымирали, так как показатели смертности превосходили показатели значительно сократившейся рождаемости. По СССР в целом в 1933 г. общий коэффициент рождаемости понизился до 35 %, тогда как коэффициент смертности достиг 72 %. Продолжительность жизни населения страны уменьшилась в этом году до 12 лет, в том числе у мужчин она составляла всего 10 лет, у женщин — 13 лет[1].

Отсутствие достоверных сведений о численности населения Западной Сибири в 1931–1933 гг., а также о количестве родившихся и умерших не дает возможности представить цельную картину демографических последствий голода на территории региона. В нашем распоряжении имеются лишь разрозненные сведения. Согласно данным Центрального управления народно-хозяйственного учета СССР (*далее – ЦУНХУ – В. И.*), в Обь-Иртышской области (ныне территория Тюменской и частично Омской областей) в 1933 г. смертность достигла в городах 47 %, а в сельской местности — 34 %[2]. В Западно-Сибирском крае, по данным Краевого управления народно-хозяйственного учета (*далее – УНХУ – В. И.*), в 1933 г. в городах родилось 50 тыс. человек, но умерло — 52 тыс. Депопуляция (количество умерших превысило количество родившихся) была зарегистрирована в Барабинске, Каинске (ныне Куйбышев), Колывани, Новосибирске, Искитиме[3]. В сельской местности Западно-Сибирского края в 1933 г. родилось 244 тыс. человек, а умерло 168 тыс. человек[4]. Несколько иными, но в принципе схожими цифрами оперирует Е. А. Осокина, опирающаяся на статистические материалы ЦУНХУ СССР. По её сведениям естественная убыль городского населения Западно-Сибирского края в 1933 г. составила 9,3 тыс. человек, а естественный прирост сельского населения не превышал 67,3 тыс. человек[5]. Отметим, однако, что отрицательный естественный прирост был характерен, не только для городов, но, по-видимому, и для сельской местности. Однако в деревне статистический недоучет умерших был настолько значителен, что сильно искажал реальную картину демографической динамики.

---

[1] Население Советского Союза... С. 120, 135.

[2] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 41. Л. 15–16.

[3] ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 42. Л. 2.

[4] Там же. Л. 11 об.

[5] Осокина Е. А. Жертвы голода 1933 года: сколько их? (Анализ демографической статистики ЦГАНХ СССР) // История СССР. 1991. № 5. С. 19.

Важным демографическим следствием распространения инфекционных и желудочно-кишечных болезней стала огромная детская смертность. В городских поселениях Западной Сибири в 1933 г. на долю детей до 4-х лет в общей совокупности умерших приходилось почти 40 %[1]. Достаточно сказать, что по далеко неполным данным краевого УНХУ, в 1933 г. детская смертность в Барабинске составляла 255 %, в Кемерово — 232, в Ленинске-Кузнецком — 246, в Новосибирске — 255, в Сталинске — 218 %[2].

Голод начала 1930-х гг. по-видимому, унес жизни нескольких сотен тысяч сибиряков, но определить более-менее точно масштабы сверхсмертности из-за неполноты регистрации демографических событий пока не представляется возможным. И хотя Западная Сибирь пострадала меньше, чем основные «голодающие» районы, это социальное бедствие, несомненно, нанесло огромный ущерб людскому потенциалу региона. Укажем, что повышенной смертности были подвержены те группы населения, которые позже, в годы Второй мировой войны, составили основу военно-мобилизационных и трудовых ресурсов СССР. Во-первых, во время голода погибло много молодежи. Удельный вес подростков и молодых людей в возрастном диапазоне от 10 до 29 лет среди тех, чья смерть была зарегистрирована в городских поселениях Западной Сибири в 1933 г., составлял 15 %[3]. Во-вторых, в городах Западной Сибири в 1933 г. погибло много мужчин. На их долю во всей совокупности умерших приходилось почти 60 %[4]. И это при условии, что число женщин в составе населения региона превышало число мужчин. Особенно высоким среди скончавшихся был удельный вес мужчин в возрасте от 15 до 19 лет (свыше 71 %), 20–24 года (69 %), 40–44 года (71 %)[5]. В 1941 г. этим людям было бы соответственно 20–26 лет, 27–31 год, 47–51 год.

Завершение первой пятилетки означало, что яростный напор сталинского государства, направленный на достижение астрономически высоких темпов индустриализации был ослаблен. Вторая пятилетка, контрольные цифры которой предусматривали некоторый рост легкой и пищевой промышленности, выглядела реалистичнее, чем первая. Коллективизация близилась к завершению. Политотделам МТС и совхозов удалось внести элементарный порядок

---

[1] ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 42. Л. 1–1об.

[2] Там же. Л. 2.

[3] Там же. Л. 1–1об.

[4] Там же.

[5] Там же.

в огосударствленные крестьянские хозяйства. Аграрный сектор экономики был стабилизирован, а экспорт зерна за границу сокращен. На этой основе удалось преодолеть голод, обеспечить население минимально необходимыми для выживания продуктами питания.

Одновременно, правительство, встревоженное эпидемиями, уносившими рабочую силу, улучшило ресурсное обеспечение здравоохранения. В СССР приступили к строительству новых больниц, был увеличен выпуск лекарств и разработаны новые эффективные медицинские препараты. Демографическая ситуация в течение всего 1934 г. оставалась еще неустойчивой, но тенденция к ее улучшению проявилась достаточно отчетливо. К 1935–1936 гг. органам НКВД, в ведение которых были переданы загсы, удалось привести статистику населения в состояние, более или менее отвечающее потребностям государства. Рождаемость и смертность, как и прежде, фиксировались с большими погрешностями, материалы о естественном движении населения были неточны, но их уже можно использовать для анализа самых общих тенденций демографической динамики.

*Таблица 1.1.8**

Число рождений и смертей, зарегистрированных загсами Западной Сибири в 1935–1938 гг.

Год	Зарегистрировано рождений	Зарегистрировано смертей	Естественный прирост
1935**	316 313	184 911	131 392
1936**	334 724	196 010	138 714
1937***	373 597	199 534	174 063
1938***	364 040	184 311	179 729
1938 г. в % к 1935 г.	115,1	99,7	140,3

* Источник: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 332. Л. 9 об., 17, 19, 27, 29, 74 об., 105; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 124. Л. 1, 25, 41, 64, 72, 138, 140; Оп. 329. Д. 790. Л. 271, 260 -263.

** В границах Западно-Сибирского края и Омской области по административно-территориальному устройству соответствующих лет.

*** В границах Алтайского края, Новосибирской и Омской областей по административно-территориальному устройству соответствующих лет.

К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении материалы не дают возможности рассчитать даже общие (грубые) коэффициенты воспроизводства, поскольку отсутствуют приемлемые данные

о численности населения. Имеющиеся в нашем распоряжении разрозненные данные о рождаемости в различных регионах Западной Сибири после преодоления голодной катастрофы свидетельствуют о быстром восстановлении демографической подсистемы. Так, в 1935 г. в Ярковском районе Омской области коэффициент рождаемости составлял 53 %, Черлакском — 48, Кормиловском — 44,7, Азовском — 46,3, Армизонском — 44 %[1]. Согласно данным, представленным *в табл. 1.1.8* число младенцев, родившихся в Западной Сибири в 1935–1937 гг. увеличилось примерно на 15 %, а смертность стабилизировалась. Это послужило прочной базой нарастания абсолютных показателей естественного прироста.

Увеличение абсолютного числа родившихся детей, вне всякого сомнения, было обеспечено действием таких факторов, как преодоление голода и постепенное улучшение материального обеспечения населения. Жизнь советского человека оставалась очень скромной. Но после того, что люди пережили в период голода, даже скромное улучшение условий существования, отмена карточек, появление в магазинах хлеба, круп и некоторых промтоваров воспринималось сибиряками как большое достижение. Отложенные в ходе голода, «на потом», рождения детей, сконцентрировались на узком отрезке времени, вследствие чего в стране поднялась своеобразная, хотя и небольшая, компенсаторная волна рождаемости.

Еще одним важным фактором повышения рождаемости была демографическая политика сталинского государства. Её генеральной линией явилось стремление быстро возместить потери населения, понесенные в период голода. Для этого был избран топорный, но казавшийся в то время эффективным путь административного воздействия на демографическую подсистему советского общества. Постановлением ЦИК СССР от 27 июня 1936 г. в стране были запрещены аборты и установлены пособия на воспитание детей[2]. В данном случае советские законодатели исходили из крайне примитивного представления о развитии демографической сферы. Они рассуждали примерно так: в стране производится большое количество абортов. Только в 1935 г. было зарегистрировано около 1,2 млн операций по прерыванию беременности[3]. Если бы эти беременности закончились родами, то в стране родилось бы на 1,2 млн детей больше. И действительно, шоковый эффект, вызванный запретом абортов, привел к тому, что рождаемость увеличилась.

---

[1] ГИАОО. Ф. 437. Оп. 9. Д. 399. Л. 42, 44 об.

[2] Известия. 1936. 28 июня.

[3] ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 47. Д. 109. Л. 24.

Что касается смертности, то в 1935–1936 гг. ее уровень был значительно ниже, чем в голодные годы. Но затем показатели смертности стабилизировались. Они, несмотря на все усилия властей, не повышались, но и не снижались. Во всяком случае, ожидаемая продолжительность жизни населения СССР в 1935 г. достигла 40 лет (рост по сравнению с 1933 г. на 28 лет). В 1936 г. она составила 41 год, в 1937 г. — 40 лет, в 1938 г. — 41 год[1].

*Таблица 1.1.9**

Число детских смертей в возрасте моложе 1 года, зарегистрированных загсами Западной Сибири в 1935–1937 гг.

Год	Зарегистрировано детских смертей в возрасте моложе 1 года (тыс. случаев)	На 1000 родившихся умерло детей в возрасте моложе 1 года
1935**	59,5	188,2
1936**	66,7	198,9
1937***	73,4	196,5
1938***	70,7	194,3

* Источник: таблица составлена по тем же данным, что и *табл. 1.1.8.*

** В границах Западно-Сибирского края и Омской области по административно-территориальному устройству соответствующих лет.

*** В границах Алтайского края, Новосибирской и Омской областей по административно-территориальному устройству соответствующих лет.

Стабилизация общих показателей смертности сибиряков обусловливалось замораживанием детской смертности. Рост числа детских смертей между 1935 и 1937 гг. объясняется не конъюнктурой уровня жизни, а своего рода артефактом, а именно, улучшением статистического учета. В период между 1937 г. и 1938 г. уровень детской смертности незначительно изменялся в пределах допустимой погрешности. Скорее всего, и в стране в целом и в Западной Сибири в частности, к концу 1930-х гг. была достигнута такая степень материальной обеспеченности населения и развития здравоохранения, которая не позволяла смертности повышаться. Но она была явно недостаточна для перелома тренда смертности в сторону понижения.

Вместе с тем, рассматриваемый период демографической истории Западной Сибири характеризуется существенными изменениями в рождаемости. Эти изменения были столь значительны, что повлекли за собой развитие долговременных тенденций, так или

[1] Население Советского Союза… С. 135.

иначе отразившихся на демографических процессах военного времени. Конец 1920-х — 1930-е гг. характеризуются медленным втягиванием населения России в общемировой процесс демографического перехода, что предопределялось форсированной индустриализацией и, соответственно, бурной урбанизацией. Это вело к кардинальному изменению образа жизни советских людей, активизировало коренную ломку устоявшихся веками патриархальных традиций, направленных на многодетность.

Демографический переход, первые признаки которого в Российской империи можно обнаружить уже в конце XIX — начале XX вв., подвергся сильному искажению в ходе сталинской индустриализации. Голод начала 1930-х гг. и вызванная им демографическая катастрофа отбросили демографическую подсистему России далеко назад. Демографический переход в нашей стране носил прерывный, крайне неустойчивый характер с периодически возникающими и исчезающими признаками. Во второй половине 1930-х гг., после преодоления очевидных последствий голода, наша страна вновь оказалась в начальной стадии демографического перехода. Населению Западной Сибири еще только предстояло пережить этот сложный, болезненный, но объективно неизбежный процесс.

Одним из источников формирования населения Западной Сибири являлись миграции. В 1930-е гг., в отличие от начала XX столетия, они не играли существенной роли в накоплении людского потенциала региона. Население Западной Сибири в 1930-е гг. увеличивало свою численность главным образом на собственной основе, за счет естественного прироста. В течение 12-летнего межпереписного периода (1926–1939 гг.), весь прирост населения Сибири в целом составил 3088 тыс. человек. За счет положительного сальдо миграции население региона выросло на 460 тыс. человек, тогда как вклад естественного прироста составил 2628 тыс. человек. Таким образом, удельный вес естественного прироста в общем приросте населения Сибири достигал 85 %. Соответственно, на долю миграций как внешнего источника роста населения Сибири приходилось всего 15 %[1].

Вместе с тем, миграции играли решающую роль в процессе перераспределения населения региона между городом и деревней, а, следовательно, в формировании контингента горожан. Прирост городского населения Западной Сибири в 1926–1939 гг. на 72 % был обеспечен за счет положительного сальдо миграции. Городское

[1] Московский А. С., Исупов В. А. Формирование городского населения… С. 154.

население региона формировалось главным образом за счет бывших жителей деревни. Чрезвычайно высокая по интенсивности и количественным показателям миграция сельского населения в города была обусловлена, прежде всего, массовым бегством крестьян от коллективизации.

В данном случае важно не упустить из виду, что подавляющая часть мигрантов передвигалась внутри территории Западной Сибири, не выходя за её пределы. Жители сельской местности предпочитали перемещаться в городские поселения, расположенные в непосредственной близости от их родных мест. Согласно данным переписи городского населения Кузбасса, проведенной 15 января 1931 г., среди новоселов, проживающих в городах региона менее 3-х месяцев, на долю выходцев из самого Сибирского края приходилось 83 %. При этом, удельный вес прибывших из сибирской деревни составлял почти 75 %[1]. В 1935 г. городские поселения Омской области из близлежащих деревень получили свыше 60 % новых жителей, в 1937 г. — 64 %. В города Алтайского края из «своих» сел и деревень прибыло 57 % новоселов, в города Новосибирской области — 54 %[2]. В целом за 1933–1937 гг. в общей совокупности новоселов, прибывших в городские поселения Западной Сибири, на долю выходцев из внутренних, в основном сельских районов приходилось свыше 71 % новых горожан[3]. Таким образом, миграции, не играя значительной роли в процессе накопления людского потенциала Западной Сибири в целом, имели ведущее значение для перераспределения людских ресурсов между городом и деревней.

Что же касается собственно внешних (несибирских) источников формирования и накопления людского потенциала Западной Сибири, то они обеспечивались в основном за счет насильственных депортаций и плановых переселений. Сибирь рассматривалась сталинской властью как своеобразный полигон «перековки» кулаков. К середине 1931 г., как отмечает П. М. Полян, в результате депортаций кулаков, в комендатурах Сиблага было размещено более 80 тыс. семей общей численностью 363 тыс. человек, из которых только Нарымский край принял 284 тыс. депортированных кулаков (включая «сибирских» кулаков)[4]. По данным В. Н. Земскова в трудпоселках

---

[1] Кузбасс. Результаты переписи городского населения 1931 г. Новосибирск, 1931. С. XVIII.

[2] Московский А. С., Исупов В. А. Формирование городского населения… С. 69.

[3] Там же. С. 70.

[4] Полян М. П. Не по своей воле… История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. С. 72.

Новосибирской области на 1 июля 1938 г. насчитывалось 195,5 тыс. трудпоселенцев, Омской области — 44,4 тыс., Алтайского края — 2,8 тыс. Всего, стало быть, к лету 1938 г. в Западной Сибири было сосредоточено 242,7 тыс. выселенных кулаков[1]. Снижение численности трудпоселенцев между 1931 и 1938 гг. говорит не о сокращении потока депортированных, но об очень высокой смертности и массовых побегах.

С учетом этого фактора, было бы правильно оценить насильственные депортации как крайне неэффективные, оказывающие скорее негативное, чем позитивное воздействие на процесс развития людского потенциала Западной Сибири. Из каждых 100 мигрантов, прибывших в Сибирь в ходе добровольных переселений, в 1900–1914 гг. на постоянное жительство в регионе обосновались 83 человека, из каждых 100 новоселов, прибывших в Сибирь добровольно в 1923–1929 гг. — 80 человек. Между тем, в 1930–1933 гг. из каждой сотни депортированных в Сибирь крестьян, на постоянное жительство (за вычетом бежавших и умерших) остались всего 60 человек[2]. Несомненно, более эффективной, чем депортации, была бы политика плановых сельскохозяйственных переселений. Однако, в связи с развернувшейся коллективизацией, организованное переселение в Сибирь было прекращено и вновь открыто только в самом конце 1930-х гг.

Промышленные переселения, получившие в 1930-е гг. некоторое развитие, ни в количественном, ни в качественном отношении не могли играть сколько-нибудь серьезной роли в процессе накопления людского потенциала западносибирского региона. Специалисты средней квалификации, не говоря уже о высококвалифицированных работниках, в условиях острой нехватки рабочей силы без труда находили себе применение в местах постоянного жительства. Им не было необходимости переселяться в далекую Сибирь в поисках работы. В результате, в Сибирь из европейской части СССР перемещались неквалифицированные рабочие, а подчас и авантюристы. Так, согласно документам Наркомата труда СССР (*далее НКТ – В. И.*), на который была возложена обязанность по руководству промышленными переселениями, на Кузнецкстрой в 1930 г. по оргнабору прибыло 200 слесарей якобы 5-го, 6-го и даже 7-го разрядов. На месте оказалось, что они не могут выполнить работы

[1] Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005. С. 33.

[2] Красильников С. А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003. С. 57.

слесаря 2-го разряда. Плотники-переселенцы, будучи влиты в артель опытных рабочих, показали такую низкую квалификацию, что местная артель отказалась с ними работать. Завербованные на строительство Кузнецкого металлургического завода каменщики при средней плановой норме 610 штук кирпича в день, выкладывали от 110 до 170 штук, выполняя от силы две третьих тарифной нормы. Среди завербовавшихся на Кузнецкстрой штукатуров, лишь 20 % сумели подтвердить заявленную квалификацию и выработку. Набранные по вербовке арматурщики в течение трудового дня производили продукцию на сумму 1,5 руб., тогда как местные рабочие от 4 до 5 руб.[1] Бригада НКТ, посетившая Кузнецкстрой в ноябре — декабре 1930 г. пришла к неутешительному выводу: «на рудники и строительство прибывал такой контингент, который не мог быть использован на работе»[2].

Между тем, согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 2 июля 1930 г. «О переселении», организованный набор рабочих и их семей осуществлялся за счет средств самих предприятий. В постановлен говорилось: «Средства на переселение рабочих предусматриваются планами и сметами тех учреждений, предприятий и организаций, для которых должна быть переброшена рабочая сила»[3]. Таким образом, работникам, прибывшим в порядке организованного набора, предприятия должны были покрывать фактические расходы по переезду и перевозке багажа, а также выплачивать суточные. Всем, проработавшим полный срок найма, оплачивался обратный проезд. Затраты на перевозку семьи завербованного работника из европейской части СССР в Сибирь составляли 1100 руб. Одни только расходы на проезд железнодорожным или водным транспортом составляли в среднем 552 руб., на провоз багажа — 76 руб., а суточные — 126 руб.[4] Работник, завербованный «на месте», обходился предприятию почти в 7 раз дешевле, чем прибывший по оргнабору из европейской части страны[5].

Затрачивать средства для транспортировки неквалифицированных работников из европейской части страны было бессмысленно, так как можно было без особого напряжения набрать таких же неквалифицированных сибирских крестьян, готовых бежать из деревни,

[1] ГАРФ. Ф. 5515. Оп. 17. Д. 51. Л. 20 об. — 21.
[2] Там же. Д. 649. Л. 34 об.
[3] Цит. по: Платунов Н. И. Переселенческая политика советского государства… С. 138.
[4] ГАРФ. Ф. 5515. Оп. 17. Д. 50. Л. 320; Д. 203. Л. 23; Д. 606. Л. 17.
[5] Там же. Д. 50. Л. 203.

объятой коллективизацией. В объяснительной записке НКТ «К балансу народного хозяйства СССР на 1932 г.», Западная Сибирь была причислена к районам с избытком рабочей силы. «Западная Сибирь, — подчеркивалось в документе, — пополняет свою потребность в рабсиле в основном за счет собственных ресурсов… Этот процесс вполне понятен в связи с интенсивным высвобождением трудовых ресурсов села»[1]. Так, к 1 декабря 1930 г. на Кузнецкстрой было завезено свыше 16 тыс. рабочих, из них 86 % было завербовано в самой Западной Сибири[2]. Среди завербовавшихся для работы на Кузнецкстрое, к 1 апреля 1931 г. доля бывших жителей западносибирской деревни составляла почти 65 %[3].

В годы второй и третьей пятилеток роль оргнабора рабочей силы для предприятий промышленности, строительства и транспорта ещё более сократилась. Если число завербованных рабочих на территории РСФСР в 1931 г. принять за 100 %, то размеры оргнабора в 1932 г. составили 67 %, в 1935 г. — 57 %, в 1937 г. — 29 %[4]. В итоге межобластное промышленное переселение не играло значительной роли в накоплении людского потенциала Западной Сибири. Кадры для промышленности региона в 1930-е гг. формировались за счет внутренних запасов рабочей силы самого западносибирского региона.

*Таблица 1.1.10**

Динамика численности населения Западной Сибири по данным переписей (1920–1939 гг.)

Год переписи	Тысяч человек			Удельный вес, %	
	Всего	Городское	Сельское	Городское	Сельское
1920**	6800,2	726,9	6073,3	10,7	89,3
1926***	7431,6	877,3	6564,3	11,8	88,2
1937****	8763,9	2430,0	6333,9	27,7	72,3
1939*****	8927,3	2581,8	6345,5	28,9	71,1

* Источник: Статистический ежегодник 1918–1920 гг. Вып. первый. М., 1920. С. 2–5; Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. М., 1991. С. 56–57; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 226. Л. 3; Д. 311. Л. 3; Д. 313. Л. 3.

** В границах Алтайской, Омской, Новониколаевской, Томской и Тюменской губерний по административно-территориальному устройству 1921 г.

[1] ГАРФ. Ф. 5515. Оп. 17. Д. 577. Л. 14.

[2] Там же. Д. 230. Л. 5 об.

[3] Там же. Д. 230. Л. 5 об.

[4] Там же. Д. 211. Л. 7.

*** Данные переписи 1926 г. с целью их лучшей территориальной сопоставимости с материалами переписи 1939 г. были пересчитаны советскими статистиками в 1939–1940 гг. В таблице они представлены в границах Алтайского края, Омской и Новосибирской областей по административно-территориальному устройству 1939 г.

**** Данные переписи 1937 г. не пересчитывались и представлены в границах Западно-Сибирского края и Омской области по административно-территориальному устройству 1937 г. Они примерно совпадают с границами Западной Сибири по административно-территориальному устройству 1939 г.

***** Данные переписи 1939 г. представлены в границах Алтайского края, Омской и Новосибирской областей по административно-территориальному устройству 1939 г.

Сдвиги в динамике смертности и рождаемости в совокупности с миграциями обусловили кардинальные изменениям численности населения Западной Сибири.

Несмотря на многие негативные перемены в тенденциях воспроизводства и миграций населения, для Западной Сибири в 1920-е – 1930-е гг. были характерны повышенные темпы роста численности населения. По данным переписи населения 1920 г. в Западной Сибири проживало 6,8 млн человек, в 1926 г. 7,4 млн человек. Перепись 1937 г. показала, что численность населения региона достигла 8,8 млн. Согласно переписи 1939 г. в Западной Сибири насчитывалось почти 9 млн человек. Таким образом, в течение 18 лет (с 1920 по 1939 гг.) население Западной Сибири увеличилась почти на четверть. В абсолютном выражении прирост составил огромную величину – 2,2 млн человек. Это в конечном итоге вело к быстрому накоплению мощности людского потенциала региона.

Вместе с тем, очевидно, что население Западной Сибири увеличивало свою численность главным образом за счет ускоренного роста горожан. В 1930-е гг. «хозяйственное освоение» восточных районов Советского Союза означало, прежде всего, освоение «индустриальное». По этой причине городское население росло очень быстрыми темпами. Между переписями 1920 и 1939 гг. численность городского населения Западной Сибири более чем утроилось, увеличившись с 0,7 млн человек, до 2,6 млн человек.

Процессы урбанизации, носившие в 1930-е гг. взрывной характер, затронули в той или иной степени все районы Западной Сибири, но, прежде всего, фокусировались в Кузбассе, который превратился в мощное средоточие тяжелой промышленности всероссийского масштаба. Здесь (в границах будущей Кемеровской области по административно-территориальному устройству

послевоенных лет) в 1926–1939 гг. численность городского населения увеличилась более чем в 7 раз. И если в 1926 г. в городских поселениях Кузбасса проживало 120 тыс. человек, то в 1939 г. — 910 тыс. человек.

Важной особенностью урбанизации Западной Сибири было отчетливо выраженное точечное расселение, концентрация людского потенциала в немногочисленных, но крупных городских центрах. В регионе ускоренными темпами росло население крупнейших промышленно-административных пунктов, таких как Барнаул, Новосибирск, Омск, Тюмень. Тенденции сталинской индустриализации, в частности первоочередное развитие тяжелой промышленности вызвали фантастически стремительный рост численности населения угольно-металлургических городов: Сталинска (в *настоящее время Новокузнецк — В. И.*), Анжеро-Судженска, Прокопьевска, Кемерово, Ленинска-Кузнецкого. В результате, в 1939 г. в 11 городах Западной Сибири с числом жителей свыше 50 тыс. человек, являвшихся индустриальными, административными и культурными центрами региона, сосредотачивалось 66 % горожан.

*Таблица 1.1.11**

Динамика численности населения крупных городов Западной Сибири (с числом жителей в 1939 г. свыше 50 тыс. человек) по данным переписей 1920–1939 гг.

Город	1920	1926	1937	1939	1939 г. в % к 1920 г.
Новосибирск	68,0	120,6	360,1	404,4	594,7
Омск	144,5	161,7	270,5	288,9	199,9
Сталинск	4,5**	3,9**	158,1	165,7	3682,2
Барнаул	61,9	73,9	118,2	148,2	239,4
Томск	90,9	92,3	134,5	145,1	159,6
Кемерово	10,3***	21,7***	124,7	132,8	1289,3
Прокопьевск	–	10,7****	96,7	107,3	1002,8 (в % к 1926 г.)
Ленинск-Кузнецкий	5,5*****	19,6	60,0	82,7	1503,6
Бийск	41,7	45,6	72,9	80,3	192,6
Тюмень	43,1	50,3	76,5	79,2	183,8
Анжеро-Судженск	23,4******	30,2******	67,9	69,0	294,9

* Источник: Население Сибири (по материалам Всероссийской демографической переписи 1920 года). Погубернские, поуездные и поволостные итоги. Т. 1. Вып. 5. Новониколаевск, 1921. С. 11, 12, 13, 15, 17; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. IV. М. 1928. С. 102; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. VI. М. 1928. С. 9, 10; Всесоюзная перепись населения

1937 г. Краткие итоги. М. 1991. С. 65; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963. С. 36–37.

** Численность населения города Кузнецка.

*** Совокупная численность населения города Щегловска, поселков Кемеровский рудник и Кемеровский химзавод.

**** Численность населения поселка Прокопьевский рудник.

***** Численность населения поселка Кольчугинский рудник.

****** Совокупная численность населения городов Анжерка и Судженка.

Точечная система расселения, характерная для Западной Сибири привела к тому, что за пределами крупных городов преобладало сельское население, рассыпанное по многочисленным мелким и мельчайшим населенным пунктам. В 1930-е гг., сельское население Советского Союза превратилось в главного «донора», поставлявшего государству ресурсы (в том числе и людские), необходимые для обеспечения астрономически высоких темпов индустриализации. Вследствие этого, основным трендом динамики сельского населения было снижение не только его удельного веса в населении, но и сокращение его абсолютной численности. И если в 1920–1926 гг. численность сельского населения Западной Сибири вследствие политики нэпа выросла примерно на 490 тыс. человек, то между переписями 1926 и 1937 гг. уменьшилось более чем на 230 тыс. человек. В 1937–1939 г. численность сельского населения увеличилось на статистически незначительную величину — 12 тыс. человек. Таким образом, западносибирское село в годы индустриализации теряло население. Самые большие людские потери понесло сельское население Алтайского края, Новосибирской и Тюменской областей (в границах послевоенных лет). По сути дела, город наращивал мощность своего людского потенциала, тогда как деревня его растрачивала.

Основной причиной, непосредственно определявшей сокращение численности сельского населения, являлось бегство жителей села в города. Сельские жители Алтайского края и Новосибирской области интенсивно мигрировали в Кузбасс, быстро растущий Новосибирск, а также в Барнаул. Сельское население Омской области передвигалось на заводы и стройки Омска. Жители тюменских деревень в массовом порядке перемещались как в Тюмень и Омск, так и в промышленные центры Урала. В 1933–1937 г. из сел и деревень Западной Сибири в городские поселения региона переместилось свыше 1,5 млн человек[1].

Определенную роль в сокращении численности сельского населения сыграла сверхсмертность, обрушившаяся на сибирскую

[1] Московский А. С., Исупов В. А. Формирование городского населения… С. 66.

деревню в период голода 1931 и 1932–1933 гг., охватившего Алтай, а также часть территории будущих Новосибирской, Омской и Тюменской областей. Но вопрос о том, сокращалась ли численность сельского населения Западной Сибири в начале 1930-х гг. (между 1931 г. и 1934 г.) нуждается в дополнительном изучении с привлечением новых источников. Пока же мы можем сказать, что голод и сопутствующие ему эпидемии инфекционных заболеваний оказали негативное воздействие на динамику численности сельского населения региона.

1.2. «Точка отсчета»: людской потенциал Западной Сибири накануне Второй мировой войны

Своего рода итогом всей предшествующей демографической динамики Советского Союза накануне Второй мировой войны стала численность и структура населения, о которой мы можем получить достаточно полное представление, привлекая материалы всесоюзной переписи населения, проведенной по состоянию на 17 января 1939 г. Эта перепись является основной отправной точкой исследований по демографической истории России и её отдельных регионов в 1939–1945 гг. Материалы переписи содержат информацию о численности населения (с разбивкой на городское и сельское), его составе по полу, возрасту, брачности, занятиям, социальному положению, образованию и грамотности. Иными словами, перепись содержит обширный комплекс сведений, характеризующих людской потенциал СССР, задействованный для достижения Победы в ходе Второй мировой войны.

Как известно, организация переписи населения 1939 г. сопровождалась многочисленными коллизиями политического характера. Это не только придало ей несколько эпатажный характер, но и отразилось негативно на качестве статистических материалов. Предыстория переписи 1939 г. уходит своими корнями в 1937 г., когда была проведена вторая по счету (после переписи 1926 г.) всесоюзная перепись населения. Как известно, её материалы постановлением СНК СССР от 26 сентября 1937 г. «О дефектности Всесоюзной переписи населения 1937 г.», были признаны недействительными[1]. Поскольку материалы переписи разошлись со всеми сделанными ранее оценками, советских статистиков обвинили в том, что они умышленно

[1] См.: Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. М., 1991. С. 227.

занизили численность населения СССР. Организаторы злополучной переписи, были подвергнуты жестоким репрессиям как «враги народа». Руководители советского статистического ведомства И. А. Краваль и О. А. Квиткин были расстреляны. М. В. Курман, Л. С. Брандт, И. М. Обломов и другие арестованы. Значительные потери понесли и работники провинциальных статистических органов.

Этим же правительственным постановлением было решено повторно провести перепись населения СССР в январе 1939 г. Она была призвана дать истинные цифры взамен якобы искаженных. Запуганные репрессиями советские статистики при проведении переписи 1939 г. были озабочены не столько точностью счета, сколько тем, чтобы не допустить недоучет населения. Статистические материалы отныне рассматривались как мощный рычаг идеологического воздействия, используя который необходимо было продемонстрировать всему миру процветание советской страны и «мудрость» внутриполитической линии сталинского правительства. Газета «Правда», выражавшая сугубо официальную позицию советских властей, писала в сентябре 1939 г., когда еще шла обработка материалов переписи: «Трудящиеся всех стран увидят, как под благодатными лучами Сталинской Конституции из года в год увеличивается рождаемость в нашей стране, как неуклонно повышается культурный уровень советских людей»[1]. Перепись 1939 г. была идеологизирована настолько, что её конечная цель — получение объективной и по возможности полной информации о численности и составе населения страны явно уступала интересам пропаганды.

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. в исторической и демографической литературе разгорелась бурная дискуссия на предмет преднамеренной фальсификации материалов переписи 1939 г., в частности данных о численности населения Советского Союза, которые, скорее всего, были завышены. По мнению М. С. Тольца, действительная численность населения СССР составляла не 170,6 млн человек, как показала перепись 1939 г., а всего 168,1 млн человек[2]. В. В. Цаплин пришел к выводу, что численность населения СССР в начале 1939 г. не превышала 168,8 млн человек, а по расчетам Е. М. Андреева, Л. Е. Дарского и Т. Л. Харьковой — 168,9 млн[3].

---

[1] Правда. 1939. 4 сентября.

[2] Тольц М. С. Репрессированная перепись // Родина. 1989. № 11. С. 60.

[3] Цаплин В. В. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 180; Андреев Е., Дарский Л., Харькова Т. Опыт оценки численности населения СССР. 1926–1941 гг. (Краткие результаты исследования.) // Вестник статистики. 1990. № 77. С. 38.

Завышая общую численность населения страны, организаторам переписи, чтобы сходились концы с концами, волей-неволей пришлось искажать структурные характеристики населения. В частности, они были вслед за превышением численности населения вынуждены увеличить количество мужчин и женщин, привносить необходимые поправки в численность различных возрастных групп. Тем самым в структуру населения вносились искажающие коррективы.

При обработке материалов переписи 1939 г., из соображений секретности была сознательно занижена численность Вооруженных сил СССР. В печати было разрешено опубликовать, что численность Красной армии и флота не превышает 1300 тыс. человек. Разницу между этой цифрой и фактическими итогами, по предложению наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова и наркома ВМФ СССР, М. П. Фриновского от 10 января 1939 г., было решено условно распределить по территории страны, присоединив соответствующие цифры к итогам по гражданскому населению. Военнослужащие, в сущности, произвольно включались в состав различных социальных групп. Начальник ЦУНХУ СССР И. И. Саутин 6 августа 1940 г. докладывал председателю Госплана СССР Н. А. Вознесенскому, что согласно специальной инструкции, 1735 тыс. военнослужащих в переписных листах указали общественную группу, к которой они принадлежали до призыва в армию, а командиры Красной армии отнесены к группе служащих[1].

Помимо этого, из социальной структуры Советского Союза были исключены заключенные и работники аппарата лагерей и колоний. При обработке материалов переписи, 2,5 млн заключенных и работников аппарата лагерей и колоний были включены в группу «рабочие и служащие». И. И. Саутин в докладной записке от 6 августа 1940 г. отмечал, что если исключить эти категории, то численность рабочих и служащих окажется меньше, чем это официально показывает перепись[2]. Заключенные были фактически произвольно присоединены к населению различных регионов Советского Союза. Всесильный Наркомат внутренних дел СССР создал собственное, внутриведомственное бюро переписи. В письме его начальника, полковника Давыдова на имя Л. П. Берии, датированном 1 декабря 1938 г. говорилось: «Предполагается значительную часть заполненных переписных листов (*на заключенных – В. И.*) перераспределить между

---

[1] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 536. Л. 84–85.

[2] Там же. Л. 85.

НКВД республик и управлений НКВД краев и областей пропорционально численности населения республики (краев, областей)»[1].

Произвольное включение военнослужащих, заключенных и работников аппарата НКВД в состав гражданского населения не могло изменить численность населения СССР в целом, но значительно исказило численность населения отдельных регионов страны и отразилось на соотношении городского и сельского населения. По мнению В. Б. Жиромской необоснованная приписка к численности городского населения СССР в 1939 г. равнялась 14 %[2]. Приписки коснулись и Западной Сибири. Так, к населению Омска было произвольно приписано 5,5 тыс. человек, Тюмени — 1,5 тыс., Алтайского края сразу — 53 тыс. человек[3].

Тем не менее, поправки, внесенные в данные переписи о численности населения СССР разными авторами с использованием различных методик, колеблются в пределах от 1 до 1,5 %. В сущности, это статистически незначительная величина. К тому же нет такой переписи, которая учла бы население абсолютно точно. Итог несколько затянувшейся дискуссии о степени фальсифицированности и возможности научного использования переписи 1939 г. подвела В. Б. Жиромская: «Хотя фальсификация общего итога численности населения СССР имела место в переписи, она незначительна по своей величине. Материалами переписи можно пользоваться, но при условии коррекции»[4].

Итак, что же показала перепись населения 1939 г.? Какими людскими ресурсами располагала Западная Сибирь накануне Второй мировой войны?

Табл. 1.2.1 демонстрирует, что численность населения Западной Сибири к 1939 г. достигла почти 9 млн человек. Географически людские ресурсы региона размещались узкой полосой вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали, но с двумя густо заселенными выступами: один — в сторону богатого сельскохозяйственными угодьями Алтайского края, другой — в сторону угольно-металлургического Кузбасса. Огромные пространства севернее линии железной дороги были заселены чрезвычайно редко. Как

---

[1] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 198. Л. 103.

[2] Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 64.

[3] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 280. Л. 2, 46 об., 80, 93, 114.

[4] Жиромская В. Б. Численность населения России в 1939 г.: поиск истины // Население России в 1920–1950-е годы: Численность, потери, миграция. М., 1994. С. 34–35.

показала перепись 1939 г., в расположенных на севере Западной Сибири Остяко-Вогульском и Ямало-Ненецком национальных округах проживало менее 140 тыс. человек. Причем в Остяко-Вогульском н. о. на 1 кв. км приходилось всего 0,2 человека, в Ямало-Ненецком — менее 0,1 человека. Очень слабо был освоен и заселен Нарымский округ. На территории, сегодня занимаемой Томской областью — плотность населения не превышала 0,7 человека на 1 кв. км. В целом по Западной Сибири в 1939 г. (по административно-территориальному устройству послевоенных лет) плотность населения составляла 3,7 человек на 1 кв. км.[1]

*Таблица 1.2.1**

Численность населения Западной Сибири по данным переписи 1939 г.**

Регион	Тыс. человек			Удельный вес, %	
	Все население	Городское	Сельское	Городское	Сельское
Алтайский край	2498,6	411,4	2087,2	16,5	83,5
В том числе: Ойротская а. о.	162,1	24,0	138,1	14,8	85,2
Новосибирская область	4050,3	1664,4	2385,9	41,1	58,9
*В том числе: Кузбасс****	1654,5	910,3	744,2	55,0	45,0
Омская область	2378,4	506,0	1872,4	21,3	78,7
В том числе: Остяко-Вогульский н. о.	93,3	7,5	85,8	8,0	92,0
Ямало-Ненецкий н. о.	45,9	12,8	33,1	27,9	72,1
Всего Западная Сибирь	8927,3	2581,8	6345,5	28,9	71,1

* Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 266. Л. 3; Д. 267. Л. 3; Д. 311. Л. 3; Д. 315. Л. 3; Д. 316. Л. 3.

** По административно-территориальному устройству 1939 г.

*** В границах Кемеровской области по современному административно-территориальному устройству.

[1] Подсчитано по данным: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963. С. 14–16; Население СССР (численность, состав и движение население). 1973. Стат. сборник. М., 1975. С. 16.

Западная Сибирь в конце 1930-х гг. оставалась по преимуществу аграрным регионом страны, в котором более 6,3 млн человек (свыше 70 %) проживали в сельской местности. Согласно нередко используемой в нашей стране шкале уровня урбанизированности Э. Россета (с поправками С. А. Польского) доля городского населения менее 20 % свидетельствует об очень низком уровне урбанизированности, от 20 до 33 % — о низком, от 33 до 50 % — о среднем, от 50 до 66 % — о высоком и 66 % и выше — об очень высоком уровне урбанизированности[1].

Табл. 1.2.1 удостоверяет, что уровень урбанизированности Западной Сибири в 1939 г. оценивается как низкий. Для Алтайского края и Ойротской автономной области (*ныне Республика Алтай – В. И.*) был характерен очень низкий уровень урбанизированности. Преимущественно «сельским» районом Западной Сибири в 1939 г. была территория, позднее вошедшая в состав Тюменской области. Здесь удельный вес городского населения составлял всего 18 %[2]. В Ямало-Ненецком национальном округе городских поселений не было вообще. Единственный город Остяко-Вогульского национального округа. — Остяко-Вогульск (*ныне Ханты-Мансийск – В. И.*) был городом скорее по названию, чем по сути. Остяко-Вогульск только условно считался городом из-за тех административных функций, которые были на него возложены. С учетом этого говорить об урбанизации в Остяко-Вогульском национальном округе тоже не приходится из-за отсутствия явления как такового.

Действительно высокий уровень урбанизированности в Западной Сибири был достигнут только в промышленном центре всесоюзного масштаба — Кузбассе, где было сосредоточено свыше трети городского населения Западной Сибири. Уровень урбанизированности здесь (в границах Кемеровской области по административно-территориальному устройству послевоенных лет) заметно превышал общероссийские и общесоюзные показатели, достигнув в начале 1939 г. 55 % против 33,7 % по РСФСР и 33 % по СССР в целом[3].

С позиций формирования и последующего использования людского потенциала в военные годы, чрезвычайную важность приобретают качественные характеристики народонаселения, в первую очередь его состав по полу и возрасту. Мужская часть населения

---

[1] См.: Польский С. А. Урбанизация и условия жизни народонаселения СССР // Народонаселение СССР и мира: Развитие, проблемы, исследования. М., 1983. С. 146.

[2] Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. С. 26, 28.

[3] Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М., 1992. С. 23.

необходима не только для укомплектования армии личным составом, но играет ведущую роль в развитии тяжелой и оборонной промышленности. Вместе с тем, в военные годы резко повышается экономическая роль женщин, которые замещали уходящих на фронт мужчин. Кроме того, некоторая часть женщин использовалась для формирования Вооруженных сил.

*Таблица 1.2.2**

Гендерный состав населения Западной Сибири по данным переписи 1939 г.**

Пол	Тыс. человек	Удельный вес, %
Мужчины	4221,5	47,3
Женщины	4705,8	52,7
Оба пола	8927,3	100,0
Женский перевес	484,3	5,4

* Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 266. Л. 3; Д. 311. Л. 3; Д. 313. Л. 3.

** По административно-территориальному устройству 1939 г.

Соотношение полов в населении в условиях низкой продолжительности жизни, зависит не столько от параметров рождаемости (при рождении соотношение мальчиков и девочек — величина постоянная, причем число родившихся мальчиков, как правило, превышает число родившихся девочек), сколько от показателей смертности. В принципе невысокая продолжительность жизни населения СССР, но особенно низкая продолжительность жизни мужчин (по сравнению с женщинами) порождала своеобразный демографический феномен — хронический дисбаланс полов. Согласно данным таблиц смертности и продолжительности жизни С. А. Новосельского и В. В. Паевского, в Сибирском крае в 1926–1927 гг. до возраста 10 лет доживали всего 61 % новорожденных мальчиков и 65 % новорожденных девочек. До возраста 20 лет доживало 59 % мальчиков и 62 % девочек[1]. Имеющиеся в нашем распоряжении таблицы смертности населения СССР, рассчитанные для 1938–1939 гг., демонстрируют, что из каждых 100 новорожденных до возраста 5 лет доживало 72 мальчика и 74 девочки, до возраста 10 лет — 69 мальчиков и — 72 девочки[2]. Соответственно, продолжительность

[1] Смертность и продолжительность жизни населения СССР. 1926–1927. Таблицы смертности. М.-Л. 1930. С. 134.

[2] Воспроизводство населения СССР. М. 1983. С. 298.

жизни советских мужчин в 1938–1939 гг. составляла в среднем 44 года, женщин — на 6 лет больше — почти 50 лет[1].

Большие потери мужская часть населения СССР понесла в годы Первой мировой и Гражданской войн, во время голода 1932–1933 гг. По расчетам Е. М. Андреева, Л. Е. Дарского и Т. Л. Харьковой, ожидаемая продолжительность жизни мужчин в 1920 г. составляла всего 19,5 лет. В 1933 г. продолжительность жизни мужского населения СССР сократилась до катастрофической величины — 11,6 лет[2]. Численность советских мужчин только в течение 1933 г. уменьшилась в абсолютном выражении на 3,5 млн человек[3].

Количественным результатом мужской сверхсмертности, стал бросающийся в глаза пониженный удельный вес мужчин в населении Советского Союза и его отдельных регионов. Женский перевес особенно отчетливо проявлялся на восьмом году жизни поколений (см. *табл. 1.2.3*). При рождении число мальчиков всегда выше, чем число девочек. Но вследствие интенсивной смертности мальчиков, число мальчиков и девочек сначала выравнивается, а примерно с 8-летнего возраста количество мальчиков заметно уступает количеству девочек. И если в возрастной группе моложе 7 лет на 1000 девочек в Западной Сибири в 1939 г. приходилось 1011 мальчиков, то в возрасте от 8 до 11 лет на 1000 девочек приходилось всего 986 мальчиков. В возрастной группе 20–29 лет на 1000 женщин приходилось уже 842 мужчины. К концу жизни поколения, в старших возрастных группах, женский перевес достигал самых больших величин.

С позиций накопления людских ресурсов, необходимых для укомплектования армии личным составом, особенно негативным явлением, был дисбаланс полов в диапазоне возрастов от 18 до 49 лет. Перепись 1939 г. зафиксировала явный недостаток мужчин в самых активных, боеспособных, трудоспособных и бракоспособных возрастных группах. Причем в сельской местности женский перевес был особенно внушительным в возрастной группе от 20 до 39 лет. В данном случае основную роль играл отток мужской части населения деревни в город. Между тем, сельские мужчины этого возраста являли собой основной источник укомплектования Вооруженных сил СССР рядовым и сержантским составом. В городах острый дефицит мужчин ощущался, прежде всего, в возрастных группах

[1] Воспроизводство населения СССР. М. 1983. С. 298.

[2] Население Советского Союза: 1922–1991. М., 1993. С. 135.

[3] Там же. С. 124.

от 20 до 29 и от 40 до 59 лет. Мужчина-работник, мужчина-солдат уже в предвоенные годы стал дефицитом советского государства.

*Таблица 1.2.3**

Соотношение возрастно-половых групп в населении Западной Сибири по переписи 1939 г.**

Возраст (лет)	Число мужчин на 1000 женщин		
	Городские поселения	Сельские местности	Всего
До 7 лет	1011	1011	1011
8–11	972	990	986
12–14	960	1005	993
15–19	902	949	934
20–29	870	826	842
30–39	925	893	903
40–49	866	891	836
50–59	787	659	696
60 и старше	590	719	668
Возраст неизвестен	184	270	238
Всего	898	897	897

* Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 266. Л. 3; Д. 311. Л. 3; Д. 313. Л. 3.

** По административно-территориальному устройству 1939 г.

Женский перевес, который в годы Второй мировой войны играл крайне негативную роль в укомплектовании Вооруженных сил личным составом и формировании кадров для промышленности, образовался «не вдруг», а явился результатом длительного предшествующего аномального развития демографической сферы. Об исторической динамике соотношения мужчин и женщин в Западной Сибири свидетельствуют следующие цифровые материалы[1]:

Год	Удельный вес мужчин, %	Удельный вес женщин, %
Перепись 1897 г.	49,8	50,2
Оценка 1914 г.	50,5	49,5
Перепись 1920 г	47,8	52,2
Перепись 1926 г.	48,7	51,2
Перепись 1937 г.	47,6	52,4
Перепись 1939 г.	47,3	52,7

[1] Статистический ежегодник 1918–1920 гг. Вып. первый. М., 1920. С. 4; Всесоюзная перепись населения 1937 г. С. 45. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 266. Л. 3; Д. 311. Л. 3; Д. 313. Л. 3.

Согласно данным переписи 1897 г., численность мужчин и женщин в Западной Сибири в конце XIX столетия являла собой в принципе сбалансированную величину с небольшим перевесом в сторону женщин. К 1914 г. удельный вес мужчин вследствие интенсивного заселения Сибири в ходе столыпинской аграрной реформы (в Сибирь переселялось больше мужчин, чем женщин) даже увеличился.

Первая мировая война, а затем и Гражданская война внесли свои негативные коррективы в соотношение полов. Перепись 1920 г. наглядно продемонстрировала, что в населении Западной Сибири образовался значительный гендерный дисбаланс. С этого времени женский перевес стал перманентным явлением демографической истории региона. Между 1920–1926 гг. вследствие очень высокой рождаемости (как уже говорилось, мальчиков всегда родиться больше, чем девочек) и постепенно снижающейся смертности, мужская прослойка в населении несколько выросла. Но дисбаланс полов преодолеть не удалось, женский перевес сохранился. После 1926 г., когда Советский Союз вступил в стадию социалистической индустриализации и коллективизации, ситуация вновь ухудшилась. К концу 1930-х гг. дисбаланс полов обострился до такой степени, что соотношение мужчин и женщин в населении было таким, каким оно обычно бывает после завершения крупной военной кампании. В сущности, потери мужской части населения в ходе индустриализации и коллективизации вполне сопоставимы с военными.

Диспаритет полов имел место даже в крупных городах Западной Сибири, где, казалось бы, из-за притока мигрантов, среди которых преобладали мужчины, соотношение полов должно быть относительно сбалансированным. В Томске в 1939 г. удельный вес женщин в населении составлял 54 %, в Новосибирске — 53,8, в Тюмени — 53,3, в Омске — 52,9 %[1]. Даже в городах Кузбасса, где доминировали мужские производства, такие как угледобыча и металлургия, численность мужчин заметно уступала численности женщин. Так, согласно переписи 1939 г. в Киселевске и Ленинске-Кузнецком доля мужчин в населении составляла всего 46,9 %, в Прокопьевске — 47,1, в Анжеро-Судженске — 47,2, в Кемерово — 47,3, в Сталинске — 47,9 %[2].

---

[1] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 266. Л. 3; Д. 311. Л. 3; Д. 313. Л. 3.

[2] Там же. Д. 311. Л. 3.

*Таблица 1.2.4**

Возрастная структура населения Западной Сибири**
по переписи 1939 г., %

Возраст (лет)	Городские поселения	Сельская местность	Всего
До 7	17,2	21,6	20,3
8–11	9,1	12,3	11,3
12–14	7,5	9,2	8,7
15–19	10,6	9,2	9,6
20–29	20,8	15,1	16,8
30–39	15,2	12,6	13,4
40–49	8,5	7,5	7,7
50–59	5,8	5,4	5,5
60 и старше	5,1	6,9	6,5
Возраст неизвестен	0,2	0,2	0,2
Всего	100,0	100,0	100,0

* Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 266. Л. 3; Д. 311. Л. 3; Д. 313. Л. 3.
** По административно-территориальному устройству 1939 г.

Население Западной Сибири перед началом Второй мировой войны было очень молодым. Согласно нередко применяемой в нашей стране возрастной шкале, построенной французской исследовательницей Ж. Божё-Гарнье и усовершенствованной Э. Россетом, население считается молодым, если удельный вес лиц старше 60 лет не превышает 8 %[1]. В Западной Сибири, как показывают данные *табл. 1.2.4*, прослойка возрастной группы старше 60 лет в 1939 г. составляла всего 6,5 %. Вместе с тем, на долю детей и подростков моложе 14 лет приходилось свыше 40 % населения, а удельный вес молодежи от 15 до 29 лет превышал 26 %. «Демографическая молодость» как результат повышенной рождаемости вообще была характерна для нашей страны. В СССР в целом удельный вес лиц в возрасте 60 лет и старше по переписи 1939 г. составлял 6,6 %, в РСФСР — 6,7 %[2].

Поскольку, люди, рожденные в деревне, дожив до совершеннолетия, активно перемещались в города — на учебу и на работу, то в городских поселениях Западной Сибири, был выше, чем в деревне удельный вес лиц в рабочем возрасте (от 15 до 59 лет). Вместе с тем, в деревне значительной была прослойка детей до 7 лет, что

[1] Россет Э. Процесс старения населения. М. 1968. С. 69.
[2] Всесоюзная перепись населения 1939 года. С. 29.

являлось прямым результатом повышенной рождаемости. Впоследствии, в годы Великой Отечественной войны, «демографическая молодость» страны дала возможность укомплектовать многомиллионную Красную армию и быстро сформировать контингент рабочих и инженерно-технических кадров для промышленности, транспорта и строек. С учетом этого фактора чрезвычайно важен анализ возрастного состава населения в совокупности с его гендерной дифференциацией.

*Таблица 1.2.5**

Половозрастной состав населения Западной Сибири**
по переписи 1939 г., %.

Возраст (лет)	Год рождения	Мужчины	Женщины	Оба пола
До 7	1932–1938	21,6	19,2	20,3
8–11	1931–1928	11,9	10,9	11,3
12–14	1927–1925	9,2	8,3	8,7
15–19	1924–1920	9,8	9,4	9,7
20–29	1919–1910	16,2	17,3	16,8
30–39	1909–1900	13,4	13,3	13,4
40–49	1899–1890	7,5	8,0	7,7
50–59	1889–1880	4,8	6,2	5,5
60 и старше	1879 и ранее	5,5	7,4	6,5
Возраст неизвестен	–	0,1	0,0***	0,1
Всего	1938 и ранее	100,0	100,0	100,0

* Источник: составлена по тем же данным, что и *табл. 1.2.4.*
** По административно-территориальному устройству 1939 г.
*** Показатель менее 0,1 %

Прежде чем приступить к разбору цифровых материалов *табл. 1.2.5*, отметим, что классификация возрастов, приятная разработчиками переписи 1939 г. сильно затрудняет научный анализ. Так, в одной группе, оказались люди, родившиеся и в 1932–1933 гг., и в 1937–1938 гг. Или, к примеру, те, кто появился на свет в разгар Гражданской войны, в 1919 г., попали в одну группу с теми, кто родился в относительно благополучном 1910 г. Это не дает возможности четко определить влияние различных исторических событий на возрастной состав населения. Данные по одногодичным возрастам для Западной Сибири, к сожалению, отсутствуют. Однако это не может повлиять на конечные выводы.

Табл. 1.2.5 свидетельствует, что в мужской части населения в 1939 г., за счет многочисленных поколений 1910–1913 гг. рождения, значительными были численность и удельный вес возрастной группы 20–29 лет. Высокой также была прослойка мужчин 1900–1909 гг. рождения (30–39 лет). Через два с половиной года, к лету 1941 г. эти люди войдут в возрастную группу от 22 лет до 41 года. На их плечи ляжет основная тяжесть воинской мобилизации начала войны. Они и примут на себя первый, самый страшный удар вермахта.

Вместе с тем, обращает на себя внимание демографическая яма, возникшая в возрастах от 15 до 19 лет (1920–1924 гг. рождения). Это было следствием низкой рождаемости и повышенной смертности населения в период Гражданской войны и в первые послевоенные годы. Относительно низкий удельный вес подростков 1925–1927 гг. рождения (12–14 лет), объясняется повышенной (хотя и снижавшейся) детской смертностью, которая «съедала» высокую рождаемость. Негативную роль играл в данном случае и голод 1931–1933 гг., в ходе которого погибло много детей и подростков. Заметен также провал в численности мужской части населения в возрастном диапазоне от 40 до 59 лет (1880–1899 гг. рождения). В этом случае на структуре мужской части населения отразились боевые потери Первой мировой и Гражданской войн.

Экономическая активность населения, особенно женского, в Западной Сибири в довоенные годы была низкой. Значительная (хотя и понемногу снижавшаяся) рождаемость, а также сложившиеся традиции приводили к тому, что многие женщины с рождением ребенка покидали производство, становились домохозяйками. Главным их занятием было воспитание детей. Поэтому свыше половины женщин, как это обнаруживают данные *табл. 1.2.6*, не работали. Кроме того, почти 13 % женщин, главным образом проживавших в сельской местности, были заняты в личном подсобном хозяйстве. Вне производства, следовательно, в 1939 г. оказалось почти 66 % женщин (включая в это число несовершеннолетних и лиц старшего возраста). В целом по СССР удельный вес неработающих женщин, а также женщин, занятых в личном подсобном сельском хозяйстве составлял по переписи 1939 г. значительно меньшую величину — 47,2 %[1]. Таким образом, запас неиспользованного в производстве женского труда в Западной Сибири был достаточно велик, что сыграло большую роль в развитии военной экономики. Вместе

[1] Всесоюзная перепись населения 1939 года. С. 94.

с тем, неработающие женщины, как правило, не имели специальности и производственного опыта. При их массовом вовлечении в производство это создавало многочисленные проблемы.

*Таблица 1.2.6**

Источники средств существования населения Западной Сибири по переписи 1939 г., %**

Группы населения	Мужчины	Женщины	Оба пола
Имеющие занятия (самодеятельные)	52,2	34,2	42,7
Члены семьи, занятые в личном подсобном хозяйстве	0,3	12,7	6,8
Иждивенцы отдельных лиц	47,5	53,1	50,5
Всего	100,0	100,0	100,0

* Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 226. Л. 18; Д. 311. Л. 16; Д. 313. Л. 20.
** По административно-территориальному устройству 1939 г.

Среди мужчин в состав иждивенцев входили главным образом дети и старики. В сущности, мужчины трудоспособного возраста были почти полностью заняты в различных отраслях хозяйства. Из почти 4-х млн работников, занятых в экономике Западной Сибири, на долю мужчин приходилось 58 %[1].

С позиций изучения людского потенциала, определенный интерес представляет распределение лиц, имевших занятия, по отраслям производства. Как и во всяком обществе, где процесс индустриализации еще не завершен, в Западной Сибири более половины занятого населения сосредоточивалось в сельском хозяйстве. В промышленности трудились немногим менее 15 % экономически активного населения, в строительстве примерно 3, на транспорте и в связи 5 %. Довольно значительной среди сибиряков была прослойка тех, кто трудился в лесном хозяйстве, торговле, заготовках и в сфере общественного питания.

Бесспорным достижением советского государства была ликвидация неграмотности. Это существенно повышало ценность людского потенциала страны. Отметим, однако, что восторженные оценки по поводу полной грамотности населения СССР накануне Второй мировой войны не всегда соответствуют реалиям. Западная Сибирь вообще отличалась относительно низким уровнем

[1] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 226. Л. 18; Д. 311. Л. 16; Д. 313. Л. 20.

грамотности населения. Материалы, сосредоточенные в *табл. 1.2.8* свидетельствуют, что ни один район Западной Сибири по уровню грамотности «не дотягивал» до общесоюзных показателей.

Особенно большое количество неграмотных сосредотачивалось в сельской местности. Так, в деревне Алтайского края в возрастном диапазоне от 9 до 49 лет неграмотными были свыше 8 % мужчин и 25 % женщин, в деревне Новосибирской области соответственно 11 и 40 %, в сельской местности Омской области — 14 и 44 %[1]. Укажем для сравнения, что удельный вес неграмотных в сельской местности Советского Союза в целом в 1939 г. составлял у мужчин 6 %, у женщин — 21 %[2].

*Таблица 1.2.7**

Распределение занятого населения Западной Сибири**
по отраслям экономики по данным переписи 1939 г.

Отрасли экономики	Число занятых, человек	Удельный вес, %.
Промышленность	541 522	14,5
Сельское хозяйство	2 016 216	54,0
Лесное хозяйство	117 132	3,1
Строительство	119 481	3,2
Транспорт и связь	190 059	5,1
Торговля, заготовки, общепит	217 553	5,8
Жилищно-коммунальное хозяйство	39 018	1,0
Просвещение, наука, искусство, печать	162 404	4,4
Здравоохранение	72 309	1,9
Государственные, партийные, общественные организации	112 908	3,0
Прочие и нераспределенные по отраслям экономики	142 436	4,0
Всего	3 731 038	100,0

* Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 226. Л. 19; Д. 311. Л. 17; Д. 313. Л. 21.
** По административно-территориальному устройству 1939 г.

---

[1] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 266. Л. 4; Д. 311. Л. 5; Д. 313. Л. 5.
[2] Всесоюзная перепись населения 1939 года. С. 39.

*Таблица 1.2.8**

Грамотность населения Западной Сибири в возрасте 9–49 лет**

Край, области	Удельный вес грамотных, в %		
	Мужчины	Женщины	Оба пола
Алтайский край	92,5	76,8	84,2
Новосибирская область	92,1	69,0	79,8
Омская область	88,4	63,2	74,9
СССР в целом	95,1	83,4	89,1

* Источник: Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М., 1992. С. 39; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 226. Л. 7; Д. 311. Л. 7; Д. 313. Л. 7.

** По административно-территориальному устройству 1939 г.

В годы Второй мировой войны неграмотность и малограмотность некоторой части мужчин и женщин являла собой серьезную проблему, как для экономики, так и для армии. Сформировать из малограмотных или вовсе неграмотных сельских женщин корпус квалифицированных рабочих было очень сложно. Военкоматам приходилось затрачивать массу времени и усилий для организации обучения призывников чтению и письму.

Отметим, однако, что советское правительство прилагало усилия не только по ликвидации неграмотности, но и по созданию слоя квалифицированных работников. В данном случае главенствующую роль играл прагматизм властей — быстро развивавшейся индустрии была крайне необходима рабочая сила, способная освоить новейшие по тому времени технологии и механизмы. Вооруженные силы, в свою очередь, испытывали потребность в грамотных солдатах, которые могли бы использовать сложную боевую технику, поступавшую в войска. Объективно такая позиция способствовала быстрому увеличению количества людей, обучавшихся в разных типах учебных заведений. Перепись 1939 г. зафиксировала в Западной Сибири 1,8 млн школьников, почти 57 тыс. учащихся техникумов и свыше 31 тыс. студентов вузов[1]. Молодые люди, проходившие обучение в старших классах средней школы, в техникумах и вузах составили в военные годы основу советского командирского (с 1943 г. — офицерского) корпуса.

И все же, как показала война, этого было недостаточно. В Алтайском крае, согласно данным переписи 1939 г. из каждой 1000 человек высшее образование имели 2, среднее — 38 человек,

[1] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 226. Л. 5; Д. 311. Л. 16; Д. 313. Л. 5.

в Новосибирской области соответственно 4 и 58, в Омской — 3 и 52 человека[1]. В результате, в 1941–1945 гг. экономика региона испытывала дефицит инженеров и техников, а Красная армия явную нехватку командиров.

*Таблица 1.2.9**

Национальный состав населения Западной Сибири по переписи 1939 г.**

Этнические группы	Тыс. человек	Удельный вес, %
Русские	7620,5	85,4
Украинцы	483,1	5,4
Татары	161,9	1,8
Немцы	101,4	1,1
Казахи	99,5	1,1
Мордва	89,6	1,0
Белорусы	64,0	0,7
Чуваши	55,9	0,6
Народности Севера***	45,2	0,5
Ойроты	44,9	0,5
Коми	24,1	0,3
Поляки	21,8	0,2
Евреи	20,8	0,2
Эстонцы	18,8	0,2
Латыши	18,2	0,2
Шорцы	14,8	0,2
Удмурты	9,1	0,1
Цыгане	5,6	0,1
Прочие	28,1	0,4
Всего	8927,3	100,0

* Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 226. Л. 7; Д. 311. Л. 8; Д. 313. Л. 8.
** По административно-территориальному устройству 1939 г.
*** Ханты, манси, ненцы, селькупы и др.

В литературе принято писать об особой пестроте национального состава населения Сибири, в том числе и Западной. В определенном смысле это так. На востоке России проживали представители многих этнических групп. Но основную массу населения Западной Сибири составляли русские, на долю которых приходилось свыше 85 % населения региона. В совокупности с близкими им по культуре, языку

[1] Всесоюзная перепись населения 1939 года. С. 50–51.

и конфессиональной принадлежности украинцами (5,4 %) и белорусами (0,7 %), количественный перевес славян становится очевидным. Их совместная численность составляла 8,2 млн человек, а удельный вес достигал почти 92 %.

Еще выше был удельный вес славян в городах. В городских поселениях Алтайского края прослойка одних только русских превышала 91 %, Новосибирской области — 90 %, Омской — 88 %[1].

Второй по величине (после славян) этнической группой Западной Сибири были — татары (162 тыс. человек). Примерно по 100 тыс. человек насчитывали в регионе диаспоры немцев и казахов. Около 90 тыс. человек причислили себя к мордовцам. Около 45 тыс. сибиряков в ходе переписи 1939 г. идентифицировали себя как ойроты. Относительно крупными этническими группами — примерно по 20 тыс. человек — являлись в Западной Сибири поляки, евреи, эстонцы и латыши. Кроме того, в регионе проживали небольшие группы удмуртов (9,1 тыс. человек), цыган (5,6 тыс.), башкир (4 тыс.), литовцев (3,3 тыс.), финнов (1.3 тыс.). Диаспоры армян, грузин и молдаван насчитывали менее 1 тыс. человек[2]. Народности сибирского севера в совокупности насчитывали 45 тыс. человек, что составляло 0,5 % от всего населения западносибирского региона.

С точки зрения укомплектования армии людским составом, этническая структура Сибири создавала некоторые проблемы. В годы Второй мировой и особенно Великой Отечественной войн в ходе призыве в РККА широко практиковался отсев по национальным признакам (об этом подробнее см. гл. 3). Воинской мобилизации не подлежали немцы, финны, молдаване и значительная часть представителей народов Севера. Эстонцы, латыши, литовцы и поляки призывались ограниченно главным образом в национальные формирования. Казахи направлялись в рабочие колонны. В результате, круг лиц, которые могли быть призваны в Красную армию, значительно сужался. Основная тяжесть воинских мобилизаций легла на плечи русских, украинцев, белорусов, татар, мордву и евреев.

Перепись 1939 г. обнаружила, что сибиряки предпочитали жить в семье. В Западной Сибири количество одиночек, проживавших вне семьи, составляло в абсолютном выражении всего 178,5 тыс. человек[3]. Таким образом, 98 % сибиряков не выходили за пределы семейного круга. Вместе с тем, перепись 1939 г. разрушила миф о преобладании крупных семей.

---

[1] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 226. Л. 7; Д. 311. Л. 8; Д. 313. Л. 8.

[2] Там же.

[3] Там же. Д. 266. Л. 4; Д. 311. Л. 4; Д. 313. Л. 4.

*Таблица 1.2.10**

Группировка семей в Западной Сибири по числу совместно проживающих членов семьи по переписи 1939 г.

Размер семьи	Число семей	Удельный вес, %
Из 2-х человек	350 896	18,6
Из 3-х человек	388 805	20,6
Из 4-х человек	395 416	20,9
Из 5-ти человек	322 122	17,1
Из 6-ти и более человек	431 118	22,8
Всего семей	1 888 357	100,0

* Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 266. Л. 4; Д. 311. Л. 4; Д. 313. Л. 4.

Табл. 1.2.10 показывает, что почти 40 % западносибирских семей состояли из 2–3-х человек, еще 38 % семей насчитывали в своем составе 4–5 человек. Удельный вес действительно крупных (6 и более человек) семей не превышал 23 %. При этом в городах доля небольших семей из 2–3-х человек была еще выше. В городских поселениях Алтайского края она превышала 48 %, Омской области — 51 %, Новосибирской — 46 %[1].

Уровень брачности населения Западной Сибири, как свидетельствуют цифровые данные, сосредоточенные в *табл. 1.2.11*, был очень высоким. Перепись населения 1939 г. продемонстрировала, что в Западной Сибири 68 % мужчин старше 15 лет были женаты, 61 % женщин были замужем. Таким образом, за рамками семейных отношений оставались всего 32 % взрослых мужчин и 39 % женщин. В основной массе это были молодые люди до 20 лет, ещё не нашедшие брачного партнера, а также женщины старших возрастов. Уровень безбрачия женщин в возрастном диапазоне 30 лет и старше был заметно выше, чем у мужчин. С одной стороны, дисбаланс полов способствовал формированию такого крайне негативного явления, как «дефицит женихов», с другой, сверхсмертность мужчин создавала предпосылки для овдовения части женщин. В результате, уровень брачности мужчин начиная с 30-летнего возраста, был значительно выше, чем уровень брачности женщин.

Брачность, особенно женская, была очень ранней. В возрастной группе 20–24 года около 40 % мужчин и 60 % женщин были женаты или замужем. Такая ситуация была закономерным явлением в обществе, где демографический переход находился в самой начальной

[1] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 266. Л. 4; Д. 311. Л. 4; Д. 313. Л. 4

стадии своего развития и где так называемый «европейский» тип брачности не получил распространения. Отметим, попутно, что на самом деле, уровень брачности в Западной Сибири был ещё выше, чем это фиксирует перепись. Перекосы в половозрастной структуре населения, порожденный ими «дефицит женихов», а в значительной степени и политика государства в области брачно-семейных отношений способствовали распространению феномена свободного сожительства мужчин и женщин. Перепись 1939 г. зарегистрировала в Западной Сибири 1,8 млн замужних женщин и всего 1,6 млн женатых мужчин[1]. Избыток замужних женщин, определяемый значительной цифрой в 200 тыс. человек, мог появиться только как результат незарегистрированных официально браков. Женщина в этом случае считала себя замужней и в ходе переписи соответственно отвечала на вопрос счетчика. Мужчина же зачастую продолжал считать себя холостяком.

*Таблица 1.2.11**

Число мужчин и женщин старше 15 лет, состоящих в браке по переписи 1939 г. (на 1000 человек соответствующего пола и возраста)

Возраст (лет)	Алтайский край**		Омская область**		Новосибирская область**	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
15–19	43	130	37	125	31	129
20–24	444	661	413	658	398	656
25–29	853	805	816	814	817	812
30–39	950	824	934	826	941	830
40–49	953	749	943	756	951	768
50–59	917	569	912	583	919	611
60 и старше	735	333	743	332	754	363
Всего 15 лет и старше	687	598	684	601	676	612

* Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 266. Л. 4; Д. 311. Л. 4; Д. 313. Л. 4.
** По административно-территориальному устройству 1939 г.

[1] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 266. Л. 3, 4; Д. 311. Л. 3, 4; Д. 313. Л. 3, 4.

Нельзя сказать, что советское правительство не знало об этом явлении и ничего не предпринимало для борьбы с ним. Но в данном случае власти пожинали плоды своей собственной политики. В первые дни существования советской власти революционное правительство в стремлении быстро разрушить устои «старого мира» сделало крупный шаг вперед в модернизации брачно-семейного законодательства. Консервативность и даже нелепость брачно-семейного законодательства Российской империи была очевидна для образованных слоев общества, что показали И. С. Тургенев в повести «Дворянское гнездо», и Л. Н. Толстой в романе «Анна Каренина». Несомненно, В. И. Ленин не был апологетом матримониальной свободы, но желание решительно покончить с наследием царизма превратило его в сторонника либерализации брачно-семейного законодательства.

Одним из первых законодательных инициатив ленинского правительства стал декрет ВЦИК и СНК от 16 (29) декабря 1917 г. «О расторжении брака». Этот декрет аннулировал все юридические и религиозные запреты, существовавшие когда-то в царской России. Были отменены все ограничения для вступления в брак, связанные с национальной, сословной или религиозной принадлежностью. Государство признало равенство супругов, а также «законных» и «незаконнорожденных» детей. Сами эти понятия упразднялись[1].

Если в Российской империи государство признавало и защищало интересы только официально зарегистрированной, «законной» семьи, то брачно-семейный кодекс 1926 г. уничтожал все различия между формально зарегистрированной и фактически сложившейся, но незарегистрированной семьей[2]. Теперь каждая женщина считалась замужней со всеми вытекающими отсюда юридическими правами и обязанностями, если она в судебном порядке могла доказать факт брачного сожительства. Сделать это было несложно. Как в городе, так и в сельской местности еще сильны были общинные традиции. К тому же, большинство городских семей проживало в коммуналках и бараках, где все на виду, а в деревне и вовсе ничего нельзя скрыть от глаз любопытных соседей. При разрыве фактического брака (как и при официальном разводе), семейное имущество делилось поровну между мужем и женой. Женщинам, находившимся в фактическом браке, как и «законным» женам, предоставлялось право на наследство и пенсию по случаю утери кормильца.

[1] Декреты Советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. М., 1957. С. 237–239.

[2] Синельников А. Б. Брачность и рождаемость в СССР. М., 1989. С. 51–55.

Однако результат столь решительной модернизации брачно-семейного кодекса оказался неожиданным для законодателя. Народ, не принял столь кардинальные реформы, тогда как религиозно-нравственные нормы в связи с распространением государственного атеизма уже не работали. В широких слоях советских людей прочно укрепилось воззрение, что «записываться» в загсе не обязательно. Количество официально не зарегистрированных браков стремительно нарастало. Однако, оборотной стороной «медали» было и незначительное количество разводов: где нет официально зарегистрированного брака, нет и юридического оформления развода.

Брачно-семейное законодательство СССР в 1920-х — в начале 1930-х гг. оказалось столь либеральным, что семья фактически вышла из-под контроля государства. Большинство семейных проблем решалось гражданами самостоятельно, на индивидуальном уровне, так как государственные органы фактически утратили даже функцию регистрации браков и разводов. Такая ситуация не могла удовлетворить советское правительство. Первая, в сущности, безуспешная попытка государственного вмешательства в тонкую сферу семейных отношений, была предпринята 27 июня 1936 г. В этот день увидело в свет постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи многосемейным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах»[1]. Процедура развода согласно постановлению, была усложнена. При его оформлении, супруги вызывались в загс для беседы. В паспортах стали делать отметку о разводе, была повышена пошлина за развод, усилена ответственность за уклонение от уплаты алиментов. С 1936 г. все дальнейшее развитие советского брачно-семейного законодательства шло главным образом по контрольно-запретительному пути. Но «джинн был выпущен из бутылки». Государству не удалось быстро переломить тенденцию и образование большого числа незарегистрированных семей продолжалось, что собственно и подтвердила перепись 1939 г.

Таким, в общих чертах, рисуется статистический портрет тех людей, на плечи которых обрушилась непомерная тяжесть войны.

---

[1] Известия. 1936. 28 июня.

Глава 2
Динамика людского потенциала Западной Сибири в годы Второй мировой войны

2.1. Численность и воспроизводство населения в 1939–1941 гг.

1 сентября 1939 г. нападением нацистской Германии на Польшу и включением в конфликт Великобритании и Франции, началась Вторая мировая война. Номинально оставаясь в стороне от схватки европейских государств, де-факто Советский Союз оказался в самом центре мировых событий. По интенсивности воздействия на динамику народонаселения пертурбационных внешнеполитических факторов, период, длившийся с 1 сентября 1939 г. по 22 июня 1941 г., вполне допустимо рассматривать, по меньшей мере, как явно аномальный. Во всяком случае, полтора года, непосредственно предшествовавшие Великой Отечественной войне, невозможно расценить как «мирные» годы. СССР являлся непосредственным участником целого ряда военных конфликтов. Сражение с японскими войсками на реке Халхин-Гол, присоединение Западных Украины и Белоруссии, аннексия стран Прибалтики и включение в состав советской страны Бесарабии и Северной Буковины и, наконец, кровопролитная война с Финляндией оказали значительное воздействие на демографическую подсистему советского общества.

Напористая, а в определенном смысле и агрессивная внешняя политика советского правительства, нарастание угрозы со стороны Германии, настоятельно требовали форсированного наращивания военной мощи Советского Союза. Это, в свою очередь, генерировало процесс перераспределения и без того ограниченных материальных ресурсов страны в пользу армии и военных отраслей экономики. Достаточно сказать, что в 1940 г., расходы на оборону по госбюджету СССР более чем на полтора миллиарда рублей превысили расходы на социально-культурные мероприятия (просвещение, здравоохранение,

социальное обеспечение, физкультура) и науку[1]. Таковы официальные данные, прошедшие строгую советскую цензуру. В действительности, ситуация была еще сложнее. В сущности, в 1939–1941 гг. советские люди испытали на себе все превратности военного времени.

Вместе с тем, нельзя упускать из виду, что все изменения в населении, происходившие в 1939–1941 гг. под мощным воздействием ситуационных факторов внешнеполитического характера, развивались на фоне вновь возникших во второй половине 1930-х гг. фундаментальных процессов демографического перехода. Они были обусловлены вступлением Советского Союза в индустриальную стадию роста. Демографический переход означал продолжение глубинных тенденций, впервые давших о себе знать в конце XIX — начале XX вв. Они были направлены на постепенное формирование так называемого современного (рационального) типа воспроизводства населения. В стране медленно, но уверенно набирал силу сильно заторможенный голодом начала 1930-х гг., процесс демографической модернизации, означающий сокращение смертности и отказ большинства семей (сначала городских, а затем и сельских) от высокой рождаемости.

Однако демографический переход в Советском Союзе был исковеркан до такой степени, что становиться малопонятным, что же было главным в динамике народонаселения в 1939–1941 гг. — влияние внешних по отношению к демографической подсистеме аномальных причин военно-политического характера или глубинных факторов и закономерностей демографической эволюции. Во всяком случае, очевидно, что, в указанные годы в демографической динамике СССР и его отдельных регионов тесно переплелись самые противоречивые факторы. На развитие людского потенциала оказывали одновременное воздействие, как процессы демографического перехода, так и искажающие их мощные факторы внешней и внутренней политики.

Данные, представленные в *табл. 2.1.1* показывают, что за период с 17 января 1939 г. по 1 января 1941 г. численность населения Западной Сибири выросла в абсолютном выражении почти на 340 тыс. человек, превысив в конце 1939 — начале 1940 гг. девятимиллионный рубеж. Темпы роста численности населения региона в 1939–1941 гг. по сравнению с предшествующим периодом несколько увеличились.

---

[1] Народное хозяйство СССР. 1922–1972 гг. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1972. С. 481.

Если в 1926–1937 гг. среднегодовые темпы роста населения Западной Сибири составляли 1,8 %, а в 1937–1939 гг. около 1 %, то в 1939–1941 гг. — 1,9 %.

*Таблица 2.1.1.**

Динамика численности населения Западной Сибири**
в 1939–1941 гг.

Дата	Тыс. человек			Удельный вес, %	
	Все население	Городское население	Сельское население	Городское население	Сельское население
17.01. 1939 г.***	8927,3	2581,8	6345,5	28,9	71,1
1.01. 1940 г.****	9097,3	2730,3	6367,0	30,0	70,0
01.01. 1941 г.****	9266,6	2792,6	6474,0	30,1	69,9
1941 г. в % к 1939 г.	103,8	108,2	102,0	–	–

* Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 241. Л. 30, 53; Оп. 336. Д. 226. Л. 3; Д. 311. Л. 3; Д. 313. Л. 3.

** В границах Алтайского края, Новосибирской и Омской областей по административно-территориальному устройству 1941 г.

*** Перепись 1939 г.

**** Оценка ЦСУ Госплана СССР.

Важной позитивной характеристикой трансформации людского потенциала Западной Сибири в 1939–1941 гг. стал перелом тренда численности сельского населения. После демографической «бури» начала — середины 1930-х гг., вызванной индустриализацией, коллективизацией и связанным с ними голодом, сельское население вновь стало увеличивать свою численность. Напомним, что в 1926–1937 гг. численность сельского населения Западной Сибири (в границах послевоенных лет) сократилась более чем на 230 тыс. человек, а в 1937–1939 гг. выросло всего на 12 тыс. человек [1]. Между тем, в 1939–1941 гг., как свидетельствуют данные *табл. 2.1.1*, сельское население региона увеличилось на 2 %, что в абсолютном выражении составило почти 129 тыс. человек. Потери сельского населения региона не удалось компенсировать полностью, но процесс восполнения утраченного протекал очень активно.

[1] Население СССР (численность, состав и движение населения). 1973. Стат. сборник. М., 1975. С. 16; Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. М., 1991. С. 44–45.

В основе роста численности сельского населения региона лежала, главным образом, повышенная рождаемость, обеспеченная значительной инерционностью демографических процессов. Это, в свою очередь, обусловливало очень высокие показатели естественного прироста. Механический прирост сельского населения Западной Сибири, как и прежде, характеризовался отрицательными величинами. Из деревни уезжало больше людей, чем приезжало. Но масштабы бегства жителей деревни в города сократились. Определенную роль в преодолении миграционного хаоса играла общая стабилизация социально-экономической ситуации. Большое значение имели мероприятия административного характера, сдерживающие отток жителей деревни в города. Ещё в декабре 1932 г. в СССР был введен паспортный режим и система прописки, которые были ужесточены в 1940 г. Промышленные предприятия пытались внедрить систему организованного набора рабочей силы. Эти меры фактически означали прикрепление колхозников к колхозам, но, объективно, способствовали и некоторому упорядочению миграционных потоков. Соответственно, повышенный естественный прирост покрывал отрицательное сальдо миграции сельского населения. И если в годы первой и второй пятилеток отток жителей села в города полностью поглощал весь естественный прирост сельского населения, то теперь кое-что оставалось для обеспечения численного роста жителей деревни.

Некоторую компенсирующую роль играло и плановое сельскохозяйственное переселение в Западную Сибирь из европейской части СССР. Плановое сельскохозяйственное переселение в Сибирь было возобновлено в мае. По данным Н. И. Платунова в 1940 г. в Западную Сибирь прибыло 222 тыс. переселенцев. Из них 89 тыс. человек были расселены в Алтайском крае, 74 тыс. в Новосибирской и 59 тыс. человек в Омской областях[1]. Кроме того, в регион продолжали прибывать десятки тысяч депортированных граждан. К 1 января 1940 г. число состоящих на учете западносибирских комендатур спецпоселенцев (в основном бывших кулаков) превысило 240 тыс. человек[2]. Основная их масса размещалась в Новосибирской области, главным образом в Нарымском округе. В 1940 г. в СССР была проведена «зачистка» погранзоны, вследствие которой в Алтайский край было решено переселить 1743 немца, поляка, грека,

---

[1] Платунов Н. И. Переселенческая политика советского государства и ее осуществление в СССР (1917 — июнь 1941 гг.). Томск, 1976. С. 238.

[2] Земсков В. Н. Спецпереселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005. С. 40–41.

китайца и корейца[1]. В 1940–1941 гг. в Советском Союзе было осуществлено несколько крупных депортаций поляков. Из 210 тыс. спецпоселенцев-поляков в Западню Сибирь к 1 апреля 1941 г. было депортировано почти 40 тыс. человек[2]. В мае — июне 1941 г. власти организовали выселение «антисоветского элемента» из Литвы, Латвии, Эстонии, Молдавии, Западной Украины и Западной Белоруссии. К осени 1941 г. в ссылку на поселение было отправлено почти 86 тыс. человек, из них более половины — 48 тыс. человек оказались в Западной Сибири. В Новосибирской области было расселено свыше 19 тыс. депортированных, в Алтайском крае — более 17 тыс. и около 12 тыс. человек в Омской области[3]. Таким образом, спецпоселенцы играли некоторую роль в наращивании людского потенциала западносибирского региона. По крайней мере, они частично нейтрализовали отток местных сельских жителей в города. Вместе с тем, подобную ситуацию можно уподобить «тришкиному кафтану». Западная Сибирь действительно приобретала население, но районы первоначального проживания депортированных его теряли.

На фоне наращивания темпов роста численности сельского населения, темпы роста горожан Западной Сибири в 1939–1941 гг. несколько замедлились. Исходная масса горожан была уже достаточно велика. Это само по себе отражалось на скорости роста их численности. Но главная причина состояла в том, что теперь сельское население выделяло для города меньше мигрантов, чем раньше. Сталинская технология «индустриальной бури и натиска», характерная для первой и второй пятилеток если и не исчерпала себя полностью, то, во всяком случае, применялась ограниченно. Освоение уже построенных фабрик и заводов требовало меньшего количества рабочих рук, чем их строительство.

Отметим, однако, незавершенность процессов урбанизации в Западной Сибири, что отражало незаконченность самого процесса индустриализации. Хотя уровень урбанизированности региона к началу 1941 г. по отношению к 1939 г. несколько повысился, но оставался по-прежнему низким. Почти 70 % сибиряков проживали в деревне и так или иначе были связаны с аграрным производством. Особенно низким уровень урбанизированности оставался в преимущественно аграрном Алтайском крае. Здесь в январе 1941 г.

---

[1] Земсков В. Н. Спецпереселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005. С. 83.

[2] Там же. С. 85.

[3] Там же. С. 90–91.

доля горожан составляла всего 18 %. Несколько выше был уровень урбанизированности Омской области. Здесь он достигал 21 %. В Новосибирской области (главным образом за счет Кузбасса) перед началом Великой Отечественной войны доля городского населения повысилась до 43 % [1]. В самом Кузбассе удельный вес городского населения на начало 1941 г. приближался, по-видимому, к 60 %. Самыми крупными городами Западной Сибири в январе 1941 г. как и прежде, оставались: Новосибирск (451 тыс. жителей), Омск (301 тыс.), Сталинск (178 тыс.), Барнаул (165 тыс.), Томск (149 тыс.), Кемерово (143 тыс.), Прокопьевск (115 тыс.)[2].

Что же касается состава населения, то за два года, прошедших после переписи 1939 г., т. е. к январю 1941 г. каких-либо принципиальных изменений не произошло. Информация о составе населения СССР в период, непосредственно предшествовавший Великой Отечественной войне, крайне ограничена. Расчеты, организованные местными статистическими управлениями, проводились с очень большими погрешностями. Гендерный и частично возрастной состав населения Западной Сибири мы можем приблизительно определить на основе материалов Госплана СССР, аккумулировавшего данные периферийных статистических управлений и плановых органов. Согласно расчетам работников Госплана СССР, в населении Западной Сибири на 1 января 1941 г. удельный вес мужчин составлял 47,9 %. Он практически не изменился со времени переписи 1939 г.[3] Для сравнения укажем, что в целом по России в 1941 г. удельный вес мужчин в населении составлял 47,3 % [4]. В мужской части населения Западной Сибири доля лиц призывного возраста (18–45 лет) составляла 35 %, в том числе в городах — 41, в сельской местности — 33 %[5].

Кроме того, необходимо отметить некоторые изменения, которые в 1939–1941 гг. претерпел национальный состав населения Западной Сибири. Здесь, вследствие насильственных депортаций несколько повысился удельный вес поляков, а также прибалтов и молдаван.

Как уже говорилось выше, естественный прирост в 1939–1941 гг. являлся основным источником роста населения Западной Сибири,

---

[1] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 241. Л. 53.

[2] Там же. Л. 50.

[3] Там же. Ф. 4372. Оп. 42. Д. 997. Л. 53, 55.

[4] Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Демографическая история России. 1927–1957. М., 1998. Приложение 1.

[5] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 42. Д. 997. Л. 53, 55.

а, следовательно, был важным компонентом формирования людского потенциала региона. Анализируя процесс воспроизводства населения, нельзя обойти вниманием такой его важный составной элемент, как смертность. Именно смертность оказалась тем социальным индикатором, который сигнализировал о зарождении в 1939 г. негативных тенденций в демографической подсистеме советского общества, вызванных событиями внешнеполитического характера. Динамика смертности в 1939–1941 гг. как в зеркале отразила явное неблагополучие в области материальной обеспеченности населения, развитии здравоохранения, распространенности инфекционной, желудочно-кишечной и другой заболеваемости и т. д.

Сокращение смертности, произошедшее в СССР после 1933 г. и длившееся до 1938 г. трактовалось статистиками тех лет как долговременная тенденция, закономерный результат улучшения материальной обеспеченности народа. Думается, подобное толкование неточно отражает реалии исследуемого периода. Данное обстоятельство хотя и имело место, но играло второстепенную роль. Рост материальной обеспеченности советского народа во второй половине 1930-х гг. не был столь существенным, чтобы вызвать сокращение показателей смертности. Снижение смертности явилось объективным следствием стабилизации социальной обстановки в стране после демографического «шторма» первой пятилетки, а также серьезным достижением советской государственной системы здравоохранения и усиления санитарного контроля. Немаловажную роль играло распространение санитарной культуры среди широких слоев как городского, так и сельского населения.

Однако после 1938 г. процесс снижения смертности, как в Западной Сибири, так и по стране в целом, затормозился. К этому времени потенциальные возможности государства, использовавшиеся для развития здравоохранения, были исчерпаны. Чтобы и в дальнейшем поддерживать процесс снижения смертности и повышения продолжительности жизни, требовалось отказаться от некоторых основополагающих принципов сталинского режима, в первую очередь от концентрации ресурсов в сфере тяжелой индустрии и военной промышленности за счет народного потребления. Иными словами, нужно было увеличивать уровень жизни, усиливать ресурсное обеспечение социальной инфраструктуры, легкой и пищевой промышленности, а также сельского хозяйства. Это, в свою очередь, было немыслимо без кардинальных реформ социально-политического характера. Такого рода реформы сталинский политический режим допустить не мог. Целый ряд военных конфликтов, активным

участником которых был Советский Союз, и, наконец, форсированная подготовка к «большой» войне требовали ускоренного наращивания военной мощи СССР, влекли за собой предельное сосредоточение ограниченных ресурсов страны в сфере тяжелой и оборонной промышленности. Достаточно сказать, что по официальным данным ЦСУ СССР в 1940 г. удельный вес производства предметов потребления (группа «Б») в общем объеме продукции промышленности составил всего 38,8 %[1].

И без того низкий уровень материальной обеспеченности населения в конце 1930-х — начале 1940-х гг. быстро падал, что нашло отражение в современной исторической литературе[2]. Хронический дефицит продуктов питания и товаров народного потребления был особенно острым в провинции. Житель Омска Копылов сообщал в ЦК ВКП(б): «В 1939 г., в особенности в конце года, для того, чтобы достать 2 кг хлеба, нужно буквально всей семьей выйти с вечера к хлебным магазинам, занять очередь, простоять ночь до семи утра, а утром получишь эту двух кг лепту, либо уйдешь без ничего. Сидим голодные, тем более зимою при 30-40 градусном морозе и выстоять 10-15 часов в очереди не каждый сможет. Омск и его районы понятия не имеют, что такое мануфактура, обувь, одежда»[3]. Хлеб в городах реализовывался по спискам. Это означало фактическое введение карточек. Секретарь Барнаульского горкома Пермитин в справке «О состоянии торговли хлебом в гор. Барнауле» писал: «До 14 февраля 1941 г. в г. Барнауле продажа хлеба населению производилась путем закрепления магазинов за кварталами, из расчета 500 грамм на каждого человека. Это мероприятие дало возможность выйти населению города из затруднительного положения в начале 1940 года. С 14 февраля в связи с изменением торговли (один кг в руки и без закрепления магазинов за кварталами) сразу же появились около каждого магазина большие очереди до 3000 человек. Во многих магазинах были выбиты стекла, выломаны двери. Были увечья, особенно детей — излом рук и т. д. В магазине № 49 был задавлен в очереди мальчик. Посещаемость детьми школ резко пала, 20 % детей школьного возраста находились в очередях»[4].

---

[1] Народное хозяйство СССР. 1922–1972 гг. С. 481.

[2] См.: Осокина Е. А. Цена «большого» скачка. Кризисы снабжения и потребление в годы первых пятилеток // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 1. М., 1997.

[3] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 6. Д. 177. Л. 8.

[4] ЦХАФАК. Ф. 10. Оп. 25. Д. 22. Л. 4.

Чтобы решить задачу обеспечения продовольствием хотя бы больных детей, властям пришлось пойти на такой беспрецедентный шаг, как открытие специальных детских молочных магазинов, где продукты выдавались по рецептам врачей. Фактически это означало введение аналога детских карточек. Так, в Сталинске осенью 1940 г. был открыт магазин по продаже детских товаров, который ежедневно отпускал продуктов на 50 детей и молока на 500 детей. По врачебным рецептам матери больных детей один раз в декаду могли получить 400 гр. сахара, 300 гр. сливочного масла, 400 гр. крупы, 250 гр. макарон или муки, 400 гр. печенья[1]. Разумеется, для почти 200-тысячного Сталинска это была капля в море. Секретарь Сталинского горкома Мясоедов 9 сентября 1940 г. докладывал секретарю Новосибирского обкома В. И. Бабичу: «Общая потребность в продуктах для детей не удовлетворяется»[2]. Кризис снабжения, поразивший сибирские города в конце 1930-х — начале 1940-х гг., не мог не отразиться негативно на демографической динамике советской провинции, в первую очередь на характеристиках смертности населения.

Сбой в обеспечении горожан Западной Сибири товарами первой необходимости произошел на фоне антисанитарных условий существования большинства горожан. Слабое развитие коммунального хозяйства сибирских городов и отсутствие полноценного жилья были очевидным следствием форсированной индустриализации, ускоренных темпов роста городов и недостатка ресурсов, направляемых на развитие социальной инфраструктуры. Секретарь Кемеровского горкома ВКП(б) Сифуров в докладной записке «О состоянии и перспективах промышленного и жилищно-бытового строительства гор. Кемерово», которую он направил в конце 1940 г. в Новосибирский обком, достаточно точно оценивал ситуацию. Сифуров писал: «ГК ВКП(б) отмечает недопустимую диспропорцию между освоением капиталовложений по промышленному строительству и освоением капиталовложений по жилищному и культурно-бытовому строительству. За последние годы в Кемерово построены и пущены в эксплуатацию ряд предприятий. Но города по существу не построено. Имеющиеся ресурсы позволят осваивать, при чем явно неудовлетворительно, только программу пром. строительства»[3].

---

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 4. Д. 302. Л. 65.

[2] Там же.

[3] ГАКО. Ф. П-15. Оп. 8. Д. 19. Л. 18.

Большинство горожан вынужденно вели антисанитарный образ жизни, что не способствовало преодолению повышенной инфекционной и желудочно-кишечной заболеваемости. В докладной записке Новосибирского обкома, направленной весной 1939 г. в ЦК ВКП(б) подчеркивалось: «Социально-культурное и бытовое строительство не в состоянии удовлетворить самых минимальных потребностей трудящихся. В городах Кузбасса возникают целые поселки из землянок, саманных и прочих временных построек, продолжает эксплуатироваться временный жилой фонд, пришедший в состояние полной негодности»[1]. В Новосибирске свыше 35 % населения пользовались для питья водой из загрязненных речек и мелких колодцев. В Киселевске воду для питья получали путем таяния снега. В Белово и Гурьевске при отсутствии водопровода, жители пользовались водой из реки Бочат, загрязненной ядовитыми кислотными отходами. Строительство водопровода в Сталинске было законсервировано из-за недостатка средств[2]. Ситуация усугублялась из-за практически полного отсутствия в большинстве городов Западной Сибири очистных сооружений. Крупнейший в Советском Союзе Сталинский металлургический комбинат выпускал неочищенные воды в реку Томь, откуда население брало воду для бытовых нужд. Тот же комбинат выбрасывал излишки доменного газа в атмосферу. В результате, за 5 месяцев 1940 г. в Сталинске было зарегистрировано несколько случаев массового отравления населения. Число пострадавших достигло 80 человек[3]. В Омске не была подключена к канализации областная инфекционная больница. В записке о санитарно-эпидемическом состоянии Омской области (10 июня 1941 г.) заместитель облздрава Рудзинская, облгоссанинспектор Кузнецов и начальник облсанэпидемстанции Владимирова писали «Инфекционная больница спускает ежедневно свои сточные воды в открытую канаву фактически заражая целый район города»[4].

Но если в городах люди кое-как сводили концы с концами, то в сибирской деревне осенью 1940 — весной 1941 гг. свирепствовал голод. Урожай 1940 г. оказался не самым лучшим. Несмотря на это обстоятельство, обязательные поставки продукции колхозов государству не были уменьшены, так как необходимо было обеспечить работников промышленности и быстро растущую армию продовольствием.

---

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 3. Д. 2. Л. 21–23.

[2] Там же. Л. 23–24.

[3] Там же. Оп. 4. Д. 304. Л. 11.

[4] ГИсАОО. Ф. 1143. Оп. 1. Д. 181. л. 23.

Выдача продуктов по трудодням в колхозах Западной Сибири значительно сократилась. Так, в Доволенском, Искитимском и Кочковском районах Новосибирской области в 1940 г. на трудодень было выдано всего — 0,5 кг зерна, в Барабинском, Сузунском и Чистоозерном районах — 0,4, в Здвинском районе — 0,2 кг зерна[1]. Из деревни во властные органы хлынул поток сообщений об употреблении в пищу мяса павшего скота, травы, перезимовавшего под снегом зерна. Прокурор Азовского района Омской области Ветлугин 17 мая 1941 г. сообщал областному прокурору Данилову: «В отдельных колхозах Азовского района имеют место случаи употребления мясо от павшего скота (*так в источнике – В. И.*). Общее состояние с продуктами питания у большинства колхозников напряженное»[2]. Районный прокурор Упоровского района Омской области Больших в докладной записке, направленной 1 июня 1941 г. в райком с тревогой отмечал: «В данное время для пищи употребляется зелень (медунки), которую сушат, толкут на муку и стряпают лепешки. В виду недостатка хлеба у колхозников имеются случаи опухоли некоторых граждан»[3].

Многочисленные случаи употребления в пищу голодающими крестьянами мяса павшего скота в 1940 –1941 гг. были зафиксированы и в Новосибирской области. В январе 1941 г. Новосибирский обком командировал в районы области несколько сотрудников для проверки распределения хлебных фондов. Проверяющие партийные работники установили «исключительно напряженное положение с хлебом в колхозах»[4]. Заместитель прокурора Новосибирской области Назарюк 22 марта 1941 г. докладывал в обком: «Произведенной органами прокуратуры проверкой в Доволенском, Барабинском, Купинском, Куйбышевском, Коченевском, Чановском, Убинском, Черепановском, Ордынском, Искитимском районах установлено наличие напряженного положения с хлебом и фуражом. Имеются случаи в Убинском, Ордынском и других районах, когда со скотомогильников растаскиваются трупы животных для употребления в пищу. 10 марта 1941 г. внезапно умер колхозник колхоза «Правда» Купинского района Мерзляков Николай Алексеевич. По заключению судебно-медицинского эксперта смерть Мерзлякова Н. А. наступила от истощения. В колхозе «Красная заря»

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 8. Д. 25. Л. 89.
[2] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2701. Л. 3–3 об.
[3] Там же.
[4] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 647. Л. 68.

Бурмистровского сельсовета Искитимского района, 22 февраля пала лошадь от истощения, в этот же день колхозники разрубили тушу и растащили мясо по квартирам и употребили в пищу. Такое же положение в колхозе «Прогресс» и в колхозе «3 пятилетка», некоторые семьи, не имея совершенно никакого питания, питаются исключительно мясом павших животных»[1].

В Алтайском крае вследствие сбора и употребления в пищу голодающими крестьянами колосьев прошлогоднего урожая, была зафиксирована септическая ангина, страшная болезнь, которая является постоянным спутником голода. Начальник Управления НКВД (*далее – УНКВД – В. И.*) по Алтайскому краю, капитан госбезопасности Тополин 7 июня 1941 г. сигнализировал секретарю Алтайского крайкома ВКП(б) В. Н. Лобкову: «В Уч-Пристанском районе септической ангиной заболело 5 человек, из них 3 человека умерло. В Грязнухинском районе заболело 35 человек, из них умерли уже 15 человек. В Кытмановском районе, с. Порошино заболело 6 человек, из них умерло 4 человека»[2].

Голодающие жители деревни в поисках хлеба ехали в города, что еще больше усилило напряженность в обеспечении продуктами питания горожан. В докладной записке «О торговле хлебом в гор. Барнауле за 28 февраля и 1 марта 1941 г.», адресованной в Алтайский крайком, руководители УНКВД по Алтайскому краю писали: «Возрастание очередей и недостаток хлеба в магазинах связаны в основном с большим наплывом жителей сельской местности. Нормальную торговлю нарушают лица, скупающие хлеб в большом количестве в целях создания запасов. Житель села Стуково, Павловского района, гражданин С. закупил за несколько дней в гор. Барнауле 18 кг хлеба. Хлеб изъят. С. привлекается к ответственности по ст. 105 УК РСФСР»[3]. В ранее упоминаемой справке «О состоянии торговли хлебом в гор. Барнауле», подчеркивалось: «Положение не улучшилось, а наоборот стало ухудшаться за счет приезда людей из сельских районов за покупкой хлеба»[4].

Итак, весь комплекс социально-экономических и политических факторов, сложившихся в Западной Сибири в 1939–1940 гг. негативно воздействовал на демографическую ситуацию в регионе, в том числе и на такой важный её компонент, как смертность. И если

---

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 359. Л. 65–67.

[2] ЦХАФАК. Ф. 1. Оп. 18. Д. 27. Л. 17, 18.

[3] Там же. Ф. 10. Оп. 25. Д. 15. Л. 19.

[4] Там же. Д. 22. Л. 4.

в период с 1934 до 1938 гг. показатели смертности населения Сибири медленно, но все же снижались, то в 1938–1941 гг. они застыли, причем на высоком уровне.

*Таблица 2.1.2**

Динамика смертности населения Западной Сибири в 1938–1940 гг.**

Год	Число умерших (тыс. человек)	Число умерших на 1000 человек населения
1938	179,7	20,1
1939	179,1	20,1
1940	191,9	20,3
1940 г. в % к 1938 г.	106,8	101,0

* Источник: Вестник статистики. 1965. № 1. С. 88–89; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 332. Л. 9 об., 19, 74 об.; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 124. Л. 1–160. Д. 152. л. 4–169.

** По административно-территориальному делению 1940 г.

Основной причиной, непосредственно определявшей «замораживание» показателей смертности, было по-прежнему значительное распространение инфекционных и желудочно-кишечных заболеваний, чему способствовали голод в деревне, недоедание и антисанитарные условия существования в городах. Согласно материалам, скрупулезно собираемым сотрудниками Научно-Методического бюро санитарной статистики Наркомздрава РСФСР, в 1940 г. в Западной Сибири было зафиксировано почти 6 тыс. заболеваний дифтерией, свыше 24 тыс. случаев дизентерии, 8 тыс. случаев скарлатины, почти 15 тыс. заболеваний токсической диспепсией [1] . В конце 1939 г. органами санитарной статистики СССР был зафиксирован всплеск заболеваемости детей корью. В начале 1940 гг. эта вспышка переросла в эпидемию. По стране в целом в 1940 г. было зарегистрировано почти 1,2 млн случаев этой чрезвычайно опасной инфекции[2]. Из этого количества на Западную Сибирь пришлось почти 60 тыс. заболеваний[3].

Немаловажный вклад в процесс «замораживания» смертности вносил туберкулез. Эта болезнь отчетливо социального характера получила особенно широкое распространение в городах, рабочих

[1] ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 47. Д. 78. Л. 1, 2, 13.

[2] Народное хозяйство СССР. 1922–1972 гг. С. 460.

[3] ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 47. Д. 78. Л 15.

поселках и местах заключения. Только в Новосибирской области, по данным областного тубдиспансера, на начало 1939 г. на учете состояло почти 30 тыс. лиц, страдавших туберкулезом, из них 6 тыс. — в самой опасной, активной форме. Спустя год, в начале 1941 г. в областном тубдиспансере на учете состояло уже почти 40 тыс. больных, из них 7 тыс. в активной форме[1]. Согласно статистике причин смерти, в 1940 г. в городах Западной Сибири на 1000 человек населения от туберкулеза скончались 4 человека[2]. В Кемерово в этом году коэффициент смертности от туберкулеза составлял 4,1 ‰, в Прокопьевске — 3,4, Барнауле — 4,9, Новосибирске — 4,0, Томске — 5,1 ‰[3]. Доцент (позднее профессор, академик АМН СССР) В. М. Мыш, в докладной записке «О состоянии специальных видов медицинской помощи в Новосибирской области», направленной 21 марта 1941 г. в обком партии вынужден был констатировать: «Этот участок работы (туберкулезная помощь) является одним из самых отсталых в работе Облздрава»[4].

В связи с антисанитарными условиями жизни, широкое распространение получил тиф. В одной только Новосибирской области в 1940 г. было зарегистрировано свыше 3-х тысяч случаев паратифа, брюшного и сыпного тифа[5]. В Омской области в этом году органы медицинской статистики зафиксировали почти 3 тыс. случаев брюшного и сыпного тифа, а также паратифа[6]. Заместитель Омской облгоссанинспекции Баландин 30 ноября 1940 г. докладывал в Облздрав: «В данный момент вновь начинает вызывать тревогу движение сыпного тифа. Уже имеются симптомы, говорящие о неблагополучии, как в распространении, так и особенно в борьбе с ним при обработке завшивленных очагов»[7].

Состояние здоровья сибиряков, несмотря на многочисленные мифы «о крепком сибирском здоровье» было далеко не сибирским. В данном случае сказывалась «отягощенная историческая наследственность». Люди, много и тяжело работавшие на стройках, заводах, колхозно-совхозных полях, пережившие Гражданскую войну, голод начала 1930-х гг., а в неголодные годы, питавшиеся преимущественно картошкой и хлебом, обитавшие в бараках и землянках,

---

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 4. Д. 304. Л. 20.
[2] ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 47. Д. 89. Л. 18 об.
[3] Там же. Л. 21.
[4] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 4. Д. 302. Л. 76.
[5] Там же. Ф. 11. Оп. 2. Д. 483. Л. 43.
[6] ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 4. Д. 555. Л. 9 об., 10 об., 21 об.
[7] ИсАОО. Ф. 437. Оп. 9. Д. 898. Л. 107.

часто болели простудными, инфекционными, гнойничковыми, желудочно-кишечными заболеваниями. В принципе они не могли быть здоровыми.

Обратимся к такому достаточно объективному источнику, как материалы медицинских обследований юношей, призывавшихся в Красную армию. В Новосибирской области, в ходе призыва 1939 г. обнаружилось, что прослойка молодых людей, признанных непригодными к строевой службе достигала 16 %. В 1940 г. медицинские комиссии военкоматов сняли с воинского учета 2 % призывников как полностью непригодных к службе в РККА. Около 5 % призывников получили отсрочки по состоянию здоровья, а 5,4 % были признаны годными только к нестроевой службе[1]. В Кемерово, в 1939 г., при призыве в Красную армию, 3,2 % призывников были аттестованы как непригодные к военной службе с исключением с учета, а 3,5 % получили отсрочки по болезни, в 1940 г. соответственно 2,2 и 8,4 % призывников[2]. В Алтайском крае в 1940 г. медицинские комиссии военкоматов признали годными к строевой службе всего 76 % призывников, при норме «полезного выхода», установленного Наркоматом обороны СССР — 85–87 %. Примерно 12 % призывников нуждались в дополнительном лечении, а 3,4 % были признаны негодными с исключением с учета[3]. По данным Томского военкомата, в 1940 г. при приписке допризывников 1921–1923 гг. рождения годными к строевой службе были признаны только 82 % молодых людей. Почти 5 % призывников пришлось выдать «белые билеты», освободив их от службы в армии по болезни[4].

Люди с ослабленным нелегкими условиями жизни здоровьем были не в состоянии сопротивляться напору неблагоприятных факторов внешней среды. Собственно, инфекционные и желудочно-кишечные заболевания, а также болезни органов дыхания в предвоенные годы уносили большинство человеческих жизней, являли собой главную причину, непосредственно сокращавшую потенциальную продолжительность жизни сибиряков. В городах Новосибирской области (в сельской местности статистика причин смерти не велась) в 1939 г. в общей совокупности умерших на долю тех, кто скончался от пневмонии, приходилось 17,3 %, от туберкулеза — 13,2, от кори, скарлатины, коклюша и дифтерии — 11,4 %[5]. В 1940 г.

---

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 3. Д. 404. Л. 24.

[2] ГАКО. Ф. П-15. Оп. 7. Д. 267. Л. 1.

[3] ЦХАФАК. Ф. 1. Оп. 18. Д. 110. Л. 54.

[4] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 673. Л. 20.

[5] Там же. Ф. 11. Оп. 2. Д. 351. Л. 39–39 об.

из всей совокупности умерших, в городах Омской области удельный вес тех, кто скончался от кори, составлял 6,8 %, в Алтайском крае — 12,6 %, от дизентерии соответственно 3,3 и 1,4 %, от туберкулеза — 13,3 и 13,9 %, от воспаления легких — 20 и 16 %[1].

Основной удар инфекций принимало на себя детское население. Неокрепший детский организм особенно остро реагировал на неблагоприятные условия жизни. По этой причине уровень детской смертности был очень высок. Это, в свою очередь, негативно отражалось и на общих показателях смертности. Индекс младенческой смертности (число умерших детей в возрасте до 1 года на 1000 родившихся) в Западной Сибири был одним из самых высоких в стране. В 1940 г. в регионе он составлял 216,3 %, тогда как по РСФСР в целом — 205,2 %. При этом уровень детской смертности в 1940 г был даже выше, чем в конце 1920-х и во второй половине 1930-х гг. В 1928 г. на 1000 родившихся в Сибирском крае умерло 197 младенцев в возрасте моложе 1 года, в 1929 г. — 193, тогда как в 1937 г. в Западной Сибири — 196,5 младенцев[2].

Значительные показатели младенческой смертности были характерны для слабо урбанизированных регионов Западной Сибири, с низким уровнем развития здравоохранения и невысокой санитарной культурой населения. В частности, в юго-западных, преимущественно аграрных районах Омской области коэффициент детской смертности достигал 259 %, а в Алтайском крае — 220 %[3].

Табл. 2.1.3 свидетельствует, что в 1940 г. основная масса смертных случаев концентрировалась в детских и старческих возрастах. Во всей совокупности умерших на долю детей до 5 лет приходилось почти 60 %. Причем свыше 38 % из этого числа приходилось на младенцев, не доживших и до одного года. Удельный вес стариков 60 и более лет среди тех, кто ушел из жизни составлял около 18 %. Следовательно, детей погибало даже больше, чем старцев.

Итак, на первом этапе Второй мировой войны давление внешних пертурбационных факторов на демографическую подсистему советского общества резко усилилось и было особенно мощным. Это нашло отражение в обвальном падении рождаемости в 1940 г. Столь резкое сокращение рождаемости объединяет период, длившийся с сентября 1939 г. до 22 июня 1941 г. и последующий этап демографической истории России — Великую Отечественную войну, в единое целое.

---

[1] ГАОО. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 1133. Л. 4–4 об.; ТА ГКС АК.

[2] ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 332. Л. 9 об., 19, 74 об.; ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 22. Л. 4, 5.

[3] ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 332. Л. 9 об., 19, 74 об.

*Таблица 2.1.3**

Возраст умерших в Западной Сибири. 1940 г.**

Возраст (лет)	Число умерших (человек)	Удельный вес, %
0–4 в том числе до 1 года	119 059 76 064	59,9 38,3
5–9	5006	2,5
10–14	3470	1,7
15–19	3629	1,8
20–24	3123	1,6
25–29	4397	2,2
30–34	4262	2,1
35–39	4428	2,2
40–44	3996	2,0
45–49	3824	1,9
50–54	3657	1,8
55–59	4294	2,2
60 и старше	34 985	17,6
Возраст неизвестен	585	0,5
Всего	198 815	100,0

* Источник: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 29. Л. 36; ТА ГКС АК; ГАОО. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 1133. Л. 22.

** В границах Алтайского края, Новосибирской и Омской областей по административно-территориальному устройству 1940 г.

*Таблица 2.1.4**

Динамика рождаемости населения Западной Сибири. 1937–1940 гг.

Год	Число родившихся (тыс. человек)	Число родившихся на 1000 человек населения	В % к предшествующему году
1937**	373,6	42,6	–
1938**	364,0	40,8	95,8
1939**	374,7	42,0	102,9
1940***	343,6	36,9	87,9

* Источник: Вестник статистики. 1965. № 1. С. 88–89; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 332. Л. 9 об., 19, 74 об.; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 124. Л. 1–160.

** По административно-территориальному устройству соответствующих лет.

*** По административно-территориальному устройству послевоенных лет.

Данные *табл. 2.1.4* показывают, что демографическая подсистема западносибирского региона в конце 1930-х — начале 1940-х гг. миновала два этапа сокращения рождаемости. Первый пришёлся на 1938 г. Причина снижения рождаемости в этом году очевидна. Её необходимо искать в негативном воздействии на демографическую подсистему общества такого политического фактора, как массовые репрессии, общая социально-психологическая напряженность и связанная с ними разбалансировка брачно-семейных отношений. В 1939 г., когда внутриполитическая ситуация в СССР несколько разрядилась, рождаемость незначительно (всего на 3 %) увеличилась, но эта тенденция оказалась кратковременной. Второй этап сокращения рождаемости наступил в 1940 г. В этом злополучном году общий коэффициент рождаемости не просто уменьшился, но обрушился по отношению к 1939 г. сразу на 12 %. Самые низкие показатели рождаемости в Западной Сибири в 1940 г. были характерны для районов, позднее вошедших в состав Томской области — 34,8 %, самые высокие — для тех территорий, на базе которых была сформирована Тюменская область — 38,2 %[1].

Как правило, в индустриальных районах с их высоким уровнем урбанизированности показатели были рождаемости ниже, чем в аграрных. Общая тенденция очевидна — чем выше удельный вес сельского населения, тем значительнее рождаемость. Это и понятно — сельское население в меньшей степени, чем городское, было затронуто процессом демографического перехода и долгое время сохраняло приверженность патриархальному образу жизни, со свойственным ему большим числом детей в семье. Но в 1940 г. какой-либо отчетливой закономерности в распределении рождаемости по территории Западной Сибири не прослеживается. Так, в преимущественно аграрном Алтайском крае параметры рождаемости приближались к показателям индустриального Кузбасса, составляя соответственно 36,9 % и 35,8 %. Вместе с тем, в относительно развитых в промышленном отношении Новосибирской и Омской областях (в административных границах послевоенных лет), коэффициент рождаемости составлял соответственно 37,9 и 37,6 %[2]. Это еще раз подчеркивает, что колебания показателей рождаемости на начальном этапе Второй мировой войны зависели не столько от закономерностей собственно демографического развития, сколько от случайных и внешних по отношению к демографической подсистеме общества

[1] Вестник статистики. 1965. № 1. С. 88–89.
[2] Там же.

факторов военно-политического характера. В конце 1930-х — начале 1940-х гг. их влияние было весьма ощутимым.

Среди факторов недемографического характера, оказавших прямое и мощное искажающее воздействие на динамику рождаемости, первостепенное значение имела форсированная милитаризация советского общества. Резкое увеличение численности Красной армии после принятия 1 сентября 1939 г. закона «О всеобщей воинской обязанности», привело к тому, что потенциальные женихи оказались вне пределов брачного рынка. Большинству из них пришлось отложить предполагаемые браки до окончания военной службы, сроки которой составляли от 2 до 5 лет.

Полоса военных конфликтов, в которые вступил Советский Союз в конце 1930-х гг. вызвала боевые потери среди мужчин. По данным военных историков, в конфликте с Японией на реке Халхин-Гол Красная армия потеряла безвозвратно (убитыми, умершими на этапах санитарной эвакуации и пропавшими без вести) 7,9 тыс. человек[1]. В ходе советско-финляндской войны было убито и умерло от ран на этапах санитарной эвакуации свыше 65 тыс. бойцов и командиров. Кроме того, почти 20 тыс. советских военнослужащих пропали без вести[2]. Не исключено, что расчеты военных историков занижают реальные потери Красной армии. Так, П. Аптекарь, изучив «Книги учета безвозвратных потерь РККА в войне с белофиннами», пришел к выводу, что число убитых, пропавших без вести и скончавшихся в результате ранений бойцов и командиров Красной армии достигло почти 132 тыс. человек. Как считает П. Аптекарь, «Книги учета безвозвратных потерь», далеко неполны. Он оценил потери РККА в Зимней войне в 150 тыс. человек[3]. Кроме того, советские солдаты несли потери в «освободительных походах» в западные районы Украины и Белоруссии, в Бессарабию и Буковину, а также при присоединении стран Прибалтики.

Увеличение масштабов военных мобилизаций и потери мужчин в боевых действиях способствовали дальнейшему обострению гендерного дисбаланса и, соответственно, обострению дефицита женихов, овдовению части женщин. Это было особенно характерно для аграрных регионов, так как здесь численность и удельный вес призванных в армию были выше, чем в городах. Этим и объясняется

[1] Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М. 1993 С. 79.

[2] Там же. С. 99.

[3] Аптекарь П. Какие потери в живой силе и технике понесла Красная армия в финской кампании? // Родина. № 12. С. 98.

сближение индекса рождаемости в аграрном Алтайском крае с показателями по индустриальному Кузбассу.

Число зарегистрированных брачных союзов в Западной Сибири в 1939–1940 гг. резко сократилось.

*Таблица 2.1.5**

Динамика брачности населения Западной Сибири. 1938–1940 гг.

Год	Зарегистрировано браков		Зарегистрировано разводов	
	Тыс.	На 1000 человек населения	Тыс.	На 1000 браков
1938**	96,4	10,9	6,9	71,6
1939**	88,6	9,9	6,9	77,9
1940***	41,2	4,4	3,9	94,9
1940 г. в % к 1938 г.	42,7	40,4	56,5	132,5

* Источник: Вестник статистики. 1965. № 1. С. 93; Естественное и механическое движение населения СССР. (Статистический сборник). М., 1967. С. 122, 134; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 124. Л. 1, 64, 72; Д. 152. Л. 6, 7, 76, 77, 84, 85.

** По административно-территориальному устройству соответствующих лет.

*** По административно-территориальному устройству послевоенных лет.

Цифровые материалы *табл. 2.1.5* показывают, что за 1938–1940 гг. число зарегистрированных браков в Западной Сибири в абсолютном выражении уменьшилось более чем в 2 раза. Индекс брачности в регионе (число браков на 1000 человек населения) понизился почти на 60 %. Особенностью процесса формирования семейных пар в Западной Сибири было то, что показатели брачности здесь были ниже, чем в целом по стране. В Советском Союзе в 1940 г. было зарегистрировано 6,3 брака на 1000 человек населения. В Новосибирской области индекс брачности составлял всего 4,4 %, в Алтайском крае и Кемеровской области — 4,5, в Омской области — 5, в Тюменской — 5,3 % (по административно-территориальному устройству послевоенных лет)[1]. Кроме того, в 1938–1940 гг. более чем на 30 % увеличился индекс разводимости, что крайне негативно влияло на состояние брачности, а, следовательно, и на уровень рождаемости.

Вместе с сокращением числа заключаемых браков, увеличением разводов, изменялись и качественные параметры брачности. *Табл. 2.1.6* свидетельствует, что практически сразу же, после

[1] Вестник статистики. 1965. № 1. С. 93.

принятия 1 сентября 1939 г. «Закона о всеобщей воинской обязанности» значительно сократился удельный вес мужчин призывного возраста, заключавших браки в возрасте от 20 до 24 лет. Мужская брачность, таким образом, переместилась в старшие возрастные группы, что обусловило повышение удельного веса женихов в возрасте 25 лет и старше.

*Таблица 2.1.6**

Возраст женихов и невест Омской области. 1939–1940 гг., %.**

Возраст (лет)	1939 г.		1940 г.	
	Мужчины	Женщин	Мужчины	Женщины
До 19	9,7	31,3	9,5	27,6
20–24	38,5	38,8	32,1	40,8
25–29	32,0	15,4	35,8	16,6
30–34	9,1	4,6	10,5	6,9
35–39	4,3	2,9	5,3	3,4
40 и старше	6,2	6,9	6,6	4,6
Возраст неизвестен	0,2	0,1	0,2	0,2
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

* Источник: ГАОО. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 1127. Л. 163–163 об; Д. 1133. Л. 59–59 об.
** По административно-территориальному устройству 1940 г.

Сдвиги, происшедшие в связи с армейскими призывами на рынке женихов, немедленно отразились на состоянии женской брачности. Прежде всего, это выразилось в заметном увеличении среднего возраста невест. Девушки 18–19 лет, как правило, выходившие замуж за 20–24-летних юношей теперь имели суженый круг женихов, которые находились в армии или готовились к призыву. Соответственно индекс брачности девушек моложе 19 лет заметно уменьшился. Девушки 20–24 лет, заключавшие браки с 25–29-летними мужчинами, напротив, оказались в «выигрышной» позиции. К тому же эти невесты в условиях дефицита женихов активнее (чем девицы моложе 19 лет) выходили за мужчин старше 30 лет. Поэтому брачность девушек 20–29 лет заметно повысилась. Вместе с тем, сократилась доля женщин, регистрировавших брак в возрасте 40 лет и старше. Потенциальные брачные партнеры этих женщин, а именно мужчины старших возрастов, пользуясь «дефицитностью» молодых женихов, теперь стремились жениться на девушках значительно младше себя.

В целом, как невесты, так и женихи в 1940 г. значительно «постарели». Это, в свою очередь, вело к сокращению числа лет, прожитых в браке. Поскольку большинство женщин рожают детей в зарегистрированном браке, то негативные изменения качественных параметров брачности в совокупности с сокращением числа брачных пар в условиях незавершенности демографического перехода и слитности брачного и репродуктивного поведения явились основной причиной, непосредственно определявшей резкое падение рождаемости в начальный период Второй мировой войны.

Советские статистики, в особенно те из них, кто, работал в центральных органах, первоначально пытались игнорировать воздействие военно-мобилизационного фактора на динамику рождаемости. Они объясняли резкое падение рождаемости в 1940 г. ростом абортов и демографической «ямой», образовавшейся в период Первой мировой и Гражданской войн. Малочисленное поколение девочек, родившихся в эти годы, в конце 1930-х — в начале 1940-х гг., вступавшее в репродуктивный возраст, не могло уже в силу своей малочисленности (даже в случае интенсивного деторождения), дать большого потомства. На это, как на основную причину снижения числа детей, указывал в августе 1940 г. заместитель начальника ЦУНХУ СССР В. Н. Старовский в аналитической записке «Краткий обзор естественного движения населения СССР в 1 полугодии 1940 г.». Записка была адресована заместителю председателя СНК СССР А. Я. Вышинскому, председателю Госплана СССР Н. А. Вознесенскому, наркому здравоохранения РСФСР Колесникову и начальнику ЦОАГС СССР Солодову [1]. Образовавшаяся демографическая «яма» несомненно, играла понижающую, но далеко не основную роль. Главной причиной, было все же, воздействие военно-мобилизационного фактора, обусловившего резкий дисбаланс полов и нарушившего равновесие на брачном рынке.

Определенную роль играло все более широко распространявшееся в Советском Союзе искусственное регулирование рождаемости. Главным способом контроля рождаемости в условиях явно недостаточного производства средств контрацепции оказался внебольничный аборт. Аборты как способ ограничения числа детей в семье получили некоторое распространение в городах СССР еще в 1920-е гг. В 1930-е гг. они стали если не повсеместным, то достаточно существенным фактором, оказывающим значимое воздействие на демографическую ситуацию. Форсированная индустриализация и связанный

[1] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 406. Л. 130.

с ней процесс урбанизации, кардинальные изменения образа жизни, втягивание женщин в производство, их стремление к образованию и служебной карьере, необходимость зарабатывать на жизнь, существенно трансформировали всю структуру семейных ценностей. В конечном итоге это снижало саму потребность в детях. Определенное значение имела и конкуренция потребностей. В условиях низкого уровня жизни любая советская семья неизбежно стояла перед выбором: рожать ребенка или использовать ограниченные ресурсы на повышение уровня своей материальной обеспеченности.

В Советском Союзе все более широкое распространение получали среднедетные, а в крупных городах и малодетные семьи. Такова была неизбежная плата за вступление в клуб индустриальных держав, ибо демографическая подсистема СССР развивалась по тем же законам, что и демографическая подсистема большинства европейских промышленных стран. Традиционное общество с его патриархальными установками, нацеленными на многодетность, неотвратимо уступало место обществу индустриальному с его новой системой социокультурных ценностей и императивов. «Демографическая беда» советской России того времени заключалась не в том, что урбанизация и крестьянская патриархальность несовместимы в принципе, а в том, что сталинское руководство, несмотря на всю свою подчас показную «революционность», упорно цеплялось за отжившую систему ценностей патриархального общества. Для оправдания такой позиции был выдуман особый, «социалистический» закон народонаселения, один из постулатов которого гласил, что при социализме возможно только поступательное демографическое развитие в единственном направлении снижения смертности и роста рождаемости. Сокращение рождаемости и повышение смертности приписывалось исключительно «загнивающему» капитализму. В итоге в СССР складывалась своеобразная идеология демографического дуализма. Сталинское руководство в области социально-демографической политики принимало крайне противоречивые решения. С одной стороны, оно стремилось «превратить страну из аграрной в индустриальную», а с другой — сохранить нетронутыми патриархальные, явно устаревшие нормы и традиции, более свойственные аграрному, чем индустриальному обществу.

Высокая рождаемость и вообще высокие темпы роста населения представлялись псевдомарксистским теоретикам тех лет ярким свидетельством правильности политической линии партии. При этом воздействие фундаментальных факторов демографического перехода и влияние причин структурного характера попросту

игнорировалось. Газета «Правда», отражавшая официальные позиции, еще в 1934 г. писала: «Одним из наиболее обобщающих показателей уровня жизни являются рождаемость и смертность. В капиталистической Европе при населении в 2,3 раза большем, чем в СССР абсолютное увеличение численности населения в два с лишним раза меньше, чем в СССР. В свете этого полностью вырисовывается во всем своем величии намеченный планом второго пятилетия рост материального и культурного уровня рабочих СССР»[1]. Академик С. Г. Струмилин в статье, написанной ещё в 1936 г., но впервые опубликованной только в 1957 г. иронично обозначил этот примитивный принцип тезисом: «А у нас наоборот»[2]. Поскольку реальное демографическое развитие Советского Союза не вписывалось в рамки «социалистического» закона народонаселения, шло «не по теории», это вызывало сильное раздражение партийных ортодоксов, стимулировало их стремление быстро «исправить» демографическую ситуацию, повысить рождаемость, опираясь на систему мер административного характера.

Советское правительство в своей социально-демографической политике, активно проводившейся во второй половине 1930-х гг. преследовало и еще одну, скрытую цель. Оно стремилось всеми способами компенсировать огромные людские потери, понесенные в ходе голода начала 1930-х гг. и тем самым увеличить мощность советского людского потенциала. Советскому правительству 1930-х годов, как, впрочем, и большинству людей того времени, задача повышения рождаемости представлялась простой и ясной. На практике это вело к принятию внешне эффектных, но на самом деле глубоко ошибочных решений. Самым ярким проявлением стратегии сталинского руководства в сфере демографической политики, явилось уже упоминавшееся ранее постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г.[3] Это постановление действовало в течение всей войны. Ему суждено было сыграть фатальную роль в динамике советской демографической сферы.

В течение примерно двух лет после выхода в свет известного постановления ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г., запретившего аборты, количество искусственных прерываний беременности значительно сократилось, а рождаемость выросла, главным образом

---

[1] Правда. 1934. 27 января.

[2] Струмилин С. Г. К проблеме рождаемости в рабочей среде // Советская демография за 70 лет. М. 1987. С. 168.

[3] Известия. 1936. 28 июня.

в крупных городах, где искусственное прерывание беременности получило значительное распространение. Так, в первом полугодии 1937 г. по отношению к первому полугодию 1936 г. индекс рождаемости в Анжеро-Судженске вырос сразу на 51 %, в Кемерово — на 64, Новосибирске — на 60, в Омске — на 46, в Прокопьевске — на 36, в Томске — на 49 %[1].

Но запрет абортов мог иметь только кратковременный шоковый эффект, так как вступал в противоречие с объективными законами развития демографической подсистемы общества. Социальные причины, толкавшие советских женщин к искусственному прерыванию беременности, не только не были устранены, но напротив, усилились. Низкий уровень жизни, отсутствие полноценного жилья, дефицит средств контрацепции, необходимость трудиться и зарабатывать на жизнь, дисбаланс полов, кардинальные изменения ценностных ориентаций и самого образа жизни, снижение потребности в детях объективно и неизбежно вели к ограничению числа детей.

Советские женщины очень быстро приспособились к новым веяниям. В конце 1930-х — начале 1940-х гг. страну охватила эпидемия подпольных абортов. В 1937 г. (на следующий год после выхода в свет постановления о запрете абортов) в СССР было зафиксировано 568 тыс. искусственных прерываний беременности. В 1939 г. их количество выросло до 723 тыс., в 1940 г. до 807 тыс.[2] В действительности абортов производилось намного больше, чем это показывали данные официальной медицинской статистики, так как далеко не все из них, а, скорее всего, большая часть не регистрировалась. В этой связи не будет преувеличением утверждение, что в 1939 и 1940 гг. реальное число абортов значительно превысило уровень 1935 г.

Волна криминальных абортов, поднявшись в центре, быстро докатилась и до провинции. Здесь их количество существенно уступало столице, но перестройка репродуктивного поведения, обусловленная кардинальными изменениями образа жизни, охватила и Западную Сибирь. В 1939 г. на каждые 100 родов было зафиксировано: в Ленинграде 52 аборта, в Москве 50, в Новосибирской области — свыше 10, в Омской — 6, в Алтайском крае — 5 абортов[3]. В справке «О состоянии дела здравоохранения Новосибирской

[1] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 111. Л. 81.

[2] ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 47. Д. 109. Л. 26; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 241. Л. 76.

[3] ГАРФ. Ф. А-630. Оп. 1. Д. 7. Л. 12–12 об.

области и работе областного отдела здравоохранения», составленной Облздравотделом для обкома ВКП(б) в начале 1940 г., с тревогой констатировался факт быстрого распространения абортов. И если в 1938 г. в городах области было зарегистрировано свыше 12 тыс. прерываний беременности (в основном нелегальных, т. е. вне лечебных учреждений), то в 1939 г. их количество превысило 15 тыс.[1] Исполком Омского областного Совета, рассмотрев 11 апреля 1941 г. вопрос об усилении борьбы с внебольничными абортами, вынужден был отметить, что «число внебольничных абортов по области значительно возросло по сравнению с предыдущими годами»[2]. В 1940 г. в целом по РСФСР было зафиксировано свыше 490 тыс. абортов, из них 400 тыс. в городах. В этом году на 100 родов в городах было произведено 33 искусственных прерывания беременности, в сельской местности — 15 прерываний беременности[3].

Количество внебольничных абортов стремительно нарастало, несмотря на все усилия государства и упорное, почти маниакальное уголовное преследование женщин. В 1940 г., когда в Уголовный кодекс РСФСР была введена статья 140, предусматривавшая ужесточение наказания за производство аборта, Октябрьским районным судом Новосибирска была осуждена к 6 годам лишения свободы некая К. за производство нелегальных абортов 50 женщинам[4]. В Кемерово в этом году в прокуратуру было передано сразу 75 дел о производстве подпольных абортов, в Ленинске-Кузнецком — 19, в Тайге — 15, в Болотнинском районе — 41, в Доволенском — 23 дела[5]. В целом по РСФСР в 1940 г. прокуратурой было возбуждено свыше 20 тыс. дел по фактам криминальных абортов[6].

Аборты, в совокупности с дисбалансом полов и снижением показателей брачности, существенно сокращали рождаемость и тем самым предопределили тенденцию демографической динамики СССР, по крайней мере, на несколько лет вперед. В этом отношении Великая Отечественная война явилась логическим продолжением линии развития демографической сферы, сложившейся в 1939 г. — в первой половине 1941 г. В любом случае, демографические показатели 1939–1941 гг. и в частности сокращение рождаемости, свидетельствуют, что СССР в указанные годы фактически вступил в полосу явно немирного развития.

---

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 4. Д. 304. Л. 37.

[2] ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 47. Д. 119. Л. 117, 133.

[3] Там же. Ф. А-374. Оп. 30. Д. 1913. Л. 191, 192.

[4] ГАНО. Ф. 1199. Оп. 1а. Д. 14. Л. 174.

[5] Там же. Ф. 29. Оп. 1. Д. 175. Л. 36, 38, 40, 41–41 об., 135.

[6] ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 6. Д. 1913. Л. 85.

Численность населения Западной Сибири на начальном этапе Второй мировой войны изменялась под воздействием двух основных факторов: миграционного движения и воспроизводства населения. Каким же было соотношение этих причин?

*Таблица 2.1.7**

Источники формирования людского потенциала Западной Сибири в 1939–1941 гг. (тыс. человек).**

Источники роста (убыли)	Все население	Городское население	Сельское население
Весь прирост (убыль)	+339,3	+210,5	+128,8
Естественный	+347,3	+86,2	+261,1
Механический	-8,0	+124,3	-132,3

* Источник: оценка автора на основе на основе данных *табл. 2.1.1, 2.1.2* и *2.1.4*.

** По административно-территориальному устройству 1941 г.

Приведенные в *табл. 2.1.7* данные демонстрируют, что сельское население Западной Сибири 1939–1941 гг. вследствие миграций (отток жителей деревни в быстро растущие города Западной Сибири и за её пределы) потеряло около 132 тыс. человек. Но эта убыль со значительным превышением была перекрыта естественным приростом. Города и рабочие поселки Западной Сибири в ходе миграций получили свыше 124 тыс. человек. Кроме того, городские поселения увеличивали свою численность за счет естественного прироста, который превысил 80 тыс. человек. Следовательно, естественный прирост имел решающее значение в формировании людских ресурсов региона. Западная Сибирь наращивала мощность своего людского потенциала в основном на собственной основе, за счет значительного, но снижающегося, превышения рождаемости над смертностью.

Миграции в процессе трансформации людского потенциала Западной Сибири в 1939–1941 гг. играли негативную роль. Они сокращали его мощность. Из Западной Сибири в европейскую часть страны, на Урал, в Среднюю Азию и Казахстан уезжало больше населения, чем прибывало в обратном направлении. Отрицательное сальдо миграции только частично компенсировалось плановыми переселениями и насильственными депортациями, но не покрывалось ими полностью. Отдавая в ходе миграций свое население, Западная Сибирь играла определенную роль в формировании людского потенциала других регионов СССР.

2.2. Динамика численности и состава населения в 1941–1945 гг.

Великая Отечественная война, как событие крупного исторического масштаба, кардинально изменила условия демографического развития страны. Для периода войны характерно расстройство всех сложных социокультурных механизмов, регулирующих динамику демографической подсистемы общества. В сущности, войну можно рассматривать как некую социальную патологию, исказившую все без исключения демографические параметры. Процесс накопления людского потенциала, заторможенный в 1939–1941 гг., после 22 июня 1941 г. окончательно прервался. Отныне людские ресурсы Западной Сибири главным образом растрачивались. И если в предшествующий период демографической истории, воздействие причин и факторов пертурбационного характера было очень сильным, то в 1941–1945 гг. они почти полностью доминировали. Такая ситуация немедленно сказалась на динамике численности и состава населения Западной Сибири, а, стало быть, на мощности её людского потенциала. Но процесс этот носил крайне противоречивый характер.

Цифровые данные, сконцентрированные в *табл. 2.2.1* показывают, что за период с 1 января 1941 г. по 1 сентября 1945 г. численность горожан Западной Сибири выросла более чем на 26 %. В абсолютном выражении это составило почти 728 тыс. человек. Однако темпы роста горожан резко замедлились. Самые высокие темпы роста городского населения региона были характерны для 1941–1942 гг. На этом этапе численность горожан увеличилась почти на 16 %. В 1942–1943 гг. скорость роста городского населения Западной Сибири замедлилась до 6 %, в 1943–1944 гг. — до 3 %. В течение полутора лет, с 1 января 1944 г. по 1 мая 1945 г. численность горожан в западносибирском регионе вообще не увеличилась, а между 1 мая и 1 сентября 1945 их количество выросло всего на 2,5 тыс. человек (на 0,1 %).

Столь неровные и очевидно затухающие темпы роста городского населения обусловливались различными (на разных этапах войны) социально-экономическими факторами. Для начального периода Великой Отечественной войны был характерен значительный прилив эвакуированного населения из западных регионов СССР и частично с Дальнего Востока. Эвакуированные граждане размещались в основном в городах западных районов Сибири. Численность эвакуированного населения была столь велика, что они своей массой

до известной степени компенсировали действие факторов, способствующих снижению количества горожан, таких как мобилизация в Красную армию и сокращение естественного прироста.

*Таблица 2.2.1**

Динамика численности населения Западной Сибири в 1941–1945 гг. (Оценка ЦСУ СССР, без армии, спецконтингента и госпиталей)**

Дата	Тыс. человек.			Удельный вес, %	
	Все население	Городское население	Сельское население	Городское население	Сельское население
1 января 1941 г.	9266,6	2792,6	6474,0	30,1	69,9
1 января 1942 г.	9921,4	3231,0	6690,4	32,6	67,4
1 января 1943 г.	9632,5	3423,4	6209,1	35,5	64,5
1 января 1944 г.	9069,3	3517,1	5552,2	38,8	61,2
1 мая 1945 г.	8541,9	3517,8	5024,1	41,2	58,8
1 сентября 1945 г.	8536,7	3520,3	5016,4	41,2	58,8
1 сентября 1945 г. в % к 1 января 1941 г.	92,1	126,1	77,5	–	–

* Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. д. 241. Л. 53–54; Д. 403. Л. 40 об.; Д. 404. Л. 3; Д. 405. Л. 2; Д. 564. Л. 2 об., 60 об.

** По административно-территориальному устройству текущих лет.

Вторая волна эвакуации, поднявшаяся после летнего наступления вермахта в 1942 г. также способствовала росту численности городского населения Западной Сибири. Однако количественно вторая волна эвакуации уступала первой. Соответственно темпы роста горожан региона заметно снизились. Начиная с 1943 г. численность жителей городов росла в основном за счет относительно немноголюдных (по сравнению с 1930-ми гг.) перемещений жителей сибирской деревни в города для работы на промышленных предприятиях, стройках и транспорте. В 1944 г., когда постепенно стали

разворачиваться процессы реэвакуации, рост городского населения Западной Сибири фактически прекратился. Очевидно, что разгром Японии не требовал таких титанических усилий, как борьба с нацистской Германией. Поэтому численность городского населения Западной Сибири на завершающем этапе Второй мировой войны вновь обрела тенденцию к увеличению.

*Таблица 2.2.2**

Динамика численности городского населения отдельных регионов Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны, тыс. человек

Регион**	17 января 1939***г.	1 мая 1945 г.****	1 сентября 1945 г.****	1945 г. в % к 1939 г.
Алтайский край	411,4	580,7	581,9	141,4
Кемеровская область	910,3	1196,0	1199,0	131,7
Новосибирская область	582,4	836,1	836,9	143,7
Омская область	329,7	469,0	470,0	142,6
Томская область	171,7	234,0	230,5	134,2
Тюменская область	176,3	202,0	202,0	114,6

* Источник: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. С. 26–29; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 564. Л. 3 об., 60 об.

** По административно-территориальному устройству 1945 г.

*** По переписи 1939 г.

**** Оценка ЦСУ СССР, без армии, спецконтингента и госпиталей.

Обратимся к анализу динамики численности городского населения Западной Сибири по отдельным административно-территориальным единицам. До войны самые высокие темпы роста горожан были характерны для Кузбасса как района особенно интенсивного индустриального развития. В военные годы этот фактор роста городского населения по-прежнему играл значительную роль, но все же уступил первенство обстоятельствам военно-политического характера. Теперь быстро росла численность городского населения в регионах, принявших большое количество эвакуированных, к которым относились Новосибирская и Омская области, а также Алтайский край (по административно-территориальному устройству 1945 г.).

Среди отдельных городов в годы Великой Отечественной войны быстрее всего росла численность населения Новосибирска, Омска,

Барнаула, Рубцовска, Киселевска, Осинников. Вместе с тем, заметно уменьшились (по сравнению с предшествующим периодом) темпы роста населения Кемерово. Между 1944 и 1946 гг. численность населения этого города даже сократилась. Замедлилась скорость роста населения Сталинска, Анжеро-Судженска, Прокопьевска, Белово. Здесь еще до начала Великой Отечественной войны был накоплен значительный людской потенциал и теперь стоял вопрос не о его наращивании, а о более полном и эффективном использовании имевшихся трудовых ресурсов. Кроме того, затухание темпов роста городского населения Кузбасса объясняется тем, что промышленные предприятия, размещенные в Кемеровской области, в годы войны широко использовала труд заключенных и бойцов рабочих колонн. Статистики не включали их в численность городского населения. О количественной динамике роста населения отдельных городов в военные годы дает представление *табл. 2.2.3*.

*Таблица 2.2.3**

Динамика численности населения городов Западной Сибири с числом жителей в 1946 г. свыше 50 тыс. человек, тыс. человек

Города	Тыс. человек			1946 г. в % к 1939 г.
	17 января 1939 г.**	1 января 1944 г.***	1 января 1946 г.***	
Тюмень	79,2	94,0	95,0	119,9
Барнаул	148,2	216,0	217,3	146,6
Бийск	80,3	97,0	101,6	126,5
Рубцовск	37,7	66,3	72,3	191,8
Кемерово	132,8	188,3	172,8	130,1
Сталинск	165,7	206,6	221,6	133,7
Прокопьевск	107,3	133,5	145,8	135,9
Ленинск-Кузнецкий	82,7	95,3	96,5	116,7
Киселевск	43,9	61,7	68,2	155,4
Анжеро-Судженск	69,0	81,3	87,1	126,2
Белово	43,3	57,2	56,8	131,2
Новосибирск	404,4	609,6	613,6	151,7
Омск	288,9	412,0	410,5	142,1
Томск	145,1	177,7	178,0	122,7

* Источник: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. С. 36–38; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 629. Л. 63, 64, 71–74, 92, 94; Оп. 329. Д. 1452. Л. 31–32.

** По переписи 1939 г.

*** Оценка ЦСУ СССР, без армии, спецконтингента и госпиталей.

Рост численности городского населения Западной Сибири сопровождался некоторым расширением сети городов и поселков городского типа. В течение 1941–1945 гг. на географической карте западносибирского региона появилось несколько новых населенных пунктов, среди которых было 6 городов[1]. В военный период в Западной Сибири возникли такие города, как Салаир (1941 г.), Чесноковка (*ныне Новоалтайск – В. И.*), Бердск (1942 г.), Болотное (1943 г.), Купино (1944 г.), Исилькуль (1945 г.). Все они образовались на базе существовавших ранее, быстро растущих рабочих поселков. Некоторые крупные сельские населенные пункты получили статус рабочих поселков: Батурино (1941 г.), Михайловский и Юрга (1942 г.), Заводо-Петровский, Змеeиногорск и Макаракский (1943 г.), Кургановка, Кулунда, Маслянино, Калачинск, Чугунаш (1944 г.) и другие. В сущности, ни одного собственно «нового» городского поселения в полном смысле этого слова (т. е. на незаселенном, «пустом» месте), за годы войны не появилось. В этом смысле процесс формирования городской сети, особенно бурный в 1930-е гг., в период Великой Отечественной войны носил вяло текущий характер.

Влияние пертурбационных факторов внешней среды в сельской местности ощущалось значительно сильнее, чем в городах. Данные *табл. 2.2.1* показывают, что за период с 1 января 1941 г. по 1 сентября 1945 г. численность сельского населения Западной Сибири сократилась в 1,3 раза, что в абсолютном выражении составило почти 1,5 млн человек. Причем в 1941–1942 гг. численность жителей западносибирской деревни за счет притока эвакуированных выросло на 3 % (на 216 тыс. человек), а в 1942–1945 гг. сократилась сразу на 25 % (на 1674 тыс. человек).

Основным фактором, предопределившим сокращение численности сельского населения, были масштабные призывы и мобилизации мужского контингента в армию (в сельской местности в отличие от городов почти отсутствовала система брони для специалистов). Заметную негативную роль играл отток населения мобилизованного на работу в промышленность, на транспорте и стройках, а также молодежи, привлеченной к учебе в школах ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищах. Существенное значение имело стихийное перемещение части жителей деревни в городские поселения.

[1] РСФСР. Административно-территориальное деление союзных республик на 1 января 1941 г. М., 1941. С. 2–3; РСФСР. Административно-территориальное деление на 1 июля 1945 г. с приложением изменений с 1 июля по 1 декабря. М., 1945. С. 6–11.

Отрицательно отражались на численности сельского населения региона административные преобразования сельских населенных пунктов в городские. Нельзя не учитывать и сокращение показателей естественного прироста (смертность в 1942–1944 гг. превышала рождаемость).

Итак, если в городах и поселках городского типа Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны соотношение причин и факторов, воздействующих на изменение численности населения, несмотря на негативное влияние условий военного времени, обеспечивало некоторый (хотя и замедленный) рост населения, то в сельской местности, напротив, обусловило снижение числа жителей.

Отметим попутно, что в Восточной Сибири сокращение численности сельского населения в 1941–1945 гг. было выражено еще резче. Здесь в указанный период численность жителей деревни уменьшилась на 24,2 %, а в Якутии — даже на 28,9 %[1]. Это объясняется тем, что в Западной Сибири отток населения из села частично компенсировался притоком эвакуированных граждан. Но эвакуация, как компенсаторный фактор, в какой-то степени сдерживающий темпы падения численности сельского населения, значительную роль играла только на начальном этапе войны. Напомним, что в 1941–1942 гг., главным образом за счет эвакуантов, численность жителей западносибирской деревни возросла на 3 %. Между тем, в Восточной Сибири, куда потоки эвакуированных почти не достигали, численность сельских жителей в указанные годы сократилась на 8 %[2]. Но после 1942 г., когда влияние негативных факторов войны стало доминирующим, а эвакуация практически прекратилась, численность сельского населения Западной Сибири заметно сократилась. Особенно резко количество жителей западносибирской деревни уменьшилось в 1943 г. — почти на 11 %, после чего темпы падения их численности несколько замедлились.

Очевидно, что столь заметные аномальные колебания численности населения западносибирского села обусловливались конкретной социально-экономической обстановкой, складывающейся по-разному в различных административных образованиях. В этой связи значительной была и территориальная дифференциация этого процесса.

---

[1] Алексеев В. В., Исупов В. А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1986. С. 79.

[2] Там же. С. 81.

*Таблица 2.2.4**

Динамика численности сельского населения отдельных регионов Западной Сибири. 1941–1945 гг.**

Регион	Тыс. человек.			1945 г. в %
	17 января 1939 г.***	1 мая 1945 г.****	1 сентября 1945 г.****	к 1941 г.
Алтайский край	1976,4	1515,2	1511,2	76,5
Кемеровская область	744,2	616,0	615,0	82,6
Новосибирская область	1279,2	998,2	1000,2	78,2
Омская область	1060,3	824,0	826,0	77,9
Томская область	471,4	379,8	376,0	79,8
Тюменская область	815,1	690,9	688,0	84,4

* Источник: составлена по тем же данным, что и *табл. 2.2.2.*

** По административно-территориальному устройству 1945 г.

*** По переписи 1939 г.

**** Оценка ЦСУ СССР, без армии, спецконтингента и госпиталей.

Согласно данным *табл. 2.2.4*, численность сельского населения сократилась во всех без исключения регионах Западной Сибири, но в наибольшей степени в развитых в аграрном отношении территориях, таких как Алтайский край (на 23,5 %), Омская (на 22,1 %) и Новосибирская (на 21,8 %) области. Отметим, что сельское население в большинстве административно-территориальных единиц сокращалось и на завершающем этапе Второй мировой войны, в мае — сентябре 1945 г.

Сокращение численности сельского населения раскрывает «секрет» на первый взгляд бурного роста уровня урбанизированности Западной Сибири в 1941–1945 гг. Удельный вес горожан в регионе повысился с 30,1 % на начало 1941 г. до 41,2 % на середину 1945 г. (см. *табл. 2.2.1*). Такое положение, однако, было обусловлено не столько увеличением численности горожан, сколько сокращением количества сельских жителей. Подобного рода «квазиурбанизация» несомненно, предопределялась аномальным влиянием факторов военного времени.

Соотношение темпов роста (и сокращения) численности городского и сельского населения в конечном итоге обусловила и эволюцию численности всего населения Западной Сибири. Для мирных лет снижение количества сельского населения явление достаточно широко распространенное, поскольку промышленный рост всегда стимулирует интенсивные миграции из деревни в город. Но в период «нормального», мирного развития количественное уменьшение сельского населения возмещается с одной стороны, повышенными темпами роста численности горожан, с другой — естественным приростом. В результате, совокупная численность (как городского, так и сельского) населения, как правило, возрастает. В годы войны ситуация была принципиально иной. Темпы роста городского населения были низкими, а число жителей деревни напротив, сокращалось очень резко. Естественный прирост характеризовался в основном отрицательными величинами. В результате факторы, в мирные годы, способствующие возмещению падения численности сельского населения, не действовали. К тому же большинство жителей деревни перемещались не в города, а в армию, т. е. за пределы региона

В итоге, общая численность населения Западной Сибири с начала 1941 г. и до завершения Второй мировой войны (до 1 сентября 1945 г.) сократилась на 7,9 %. В абсолютном выражении это составило 729,9 тыс. человек (см. *табл. 2.2.1*). Основной причиной сокращения населения региона, а стало быть, падения мощности его людского потенциала, были не столько отрицательные величины естественного прироста, сколько отток мужчин и частично женщин за пределы региона, главным образом в Красную армию. Перемещение в Сибирь эвакуантов и спецконтингента не компенсировало этот отток.

Чтобы до конца уяснить причины, так или иначе воздействовавшие на динамику численности населения Западной Сибири, обратимся к анализу источников его убыли. При этом будем иметь в виду, что эти данные отчетливо демонстрируют факторы сокращения мощности людского потенциала региона. Имеющиеся в нашем распоряжении статистические материала не дают возможности вычленить собственно период Великой Отечественной войны в «чистом» виде. Они содержат своего рода «примесь» в виде двух этапов, находившихся собственно за хронологическими рамками Великой Отечественной войны и длившихся с 1 января по 22 июня 1941 г. и с 9 мая по 1 декабря 1945 г. Но это не может принципиально изменить выводы.

*Таблица 2.2.5**

Источники изменения численности населения Западной Сибири за период с 1 января 1941 г. по 1 декабря 1945 г., тыс. человек**

Источники убыли (прироста) населения***	Все население	Городское	Сельское
Естественный прирост (убыль)****	+40,3	-23,0	+63,3
Механический прирост (убыль)	-744,9	+770,0	-1514,9
Всего	-704,6	+747,0	-1451,6

* Оценка автора на основе данных: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 156. Л. 20 об., 23 об., 25 об., 28 об., 30 об.; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 251. Л. 75–76, 153–154, 156–157; Д. 418. Л. 28–29, 68–69, 96–100; Д. 501. Л. 49–50107–108, 144–146, 148–149, 183–184, 189; Д. 577. Л. 52–53, 119–120, 156–158, 160–161, 195–196, 201–202; ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 736. Л. 6, 7 об., 8; ГАОО. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 1134. Л. 31–31об.

** По административно-территориальному устройству 1945 г.

*** Цифровые данные, приведенные в данной таблице, незначительно расходятся с цифровыми данными других таблиц. Такое положение отражает несовершенство статистического учета, но не влияет на конечные выводы.

**** Положительные величины естественного прироста образовались главным образом за счет включения в таблицу данных за периоды с января по июнь 1941 г. и с сентября по декабрь 1945 г.

Цифровые материалы, сосредоточенные в *табл. 2.2.5* свидетельствуют, что источники изменения численности городского и сельского населения Западной Сибири сильно различались. В городах отток мужчин и женщин в армию, а также в сельскую местность и другие регионы страны частично нейтрализовывался притоком эвакуированных и сельских жителей. Западносибирские города за счет превышения числа прибывших над числом выбывших в 1941–1945 гг. увеличили свое население на 770 тыс. человек. Для деревни был характерен прямо противоположный процесс. Сальдо миграции сельского населения Западной Сибири было отрицательным. Из деревни региона за годы Великой Отечественной войны выбыло на 1,5 млн человек больше, чем прибыло. Жители села на время или навсегда покидали родные места для службы в армии или для работы в городе. Деревня в годы войны только отдавала свою основную ценность — людей, почти ничего не получая взамен. Это была невосполнимая убыль. Она не могла быть возмещена естественным приростом.

В конечном счете, такое положение обусловило общее сокращение населения Западной Сибири. Таким образом, ослабление мощности людского потенциала региона в 1941–1945 гг. происходило за счет механической убыли, т. е. путем оттока людей за пределы региона, главным образом в Действующую армию. Война уносила сотни тысяч жизней сибиряков.

Однако, осмыслить особенности динамики численности населения Западной Сибири в военные годы, можно только сопоставив их с аналогичными показателями в других регионах страны, причем в тех, которые не подвергались оккупации и не попадали в зону боевых действий. В противном случае сопоставление будет некорректным.

*Таблица 2.2.6**

Динамика численности населения различных регионов РСФСР. 1941–1945 гг.**

Регион***	Тыс. человек.		1945 г. в % к 1941 г.
	1 января 1941 г.	1 мая 1945 г.	
Волго-Вятский	9020,4	7143,0	79,1
Уральский	10 736,1	10 252,4	95,5
Восточно-Сибирский	5256,4	4545,8	86,5
Дальне-Восточный	3161,2	2834,2	90,5

* Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 241. Л. 53–57; Д. 564. Л. 51–31 об.

** Оценка ЦСУ СССР, без армии, спецконтингента и госпиталей.

*** По административно-территориальному устройству 1945 г.

Данные *табл. 2.2.6* свидетельствуют, что в большинстве регионов РСФСР не подвергавшихся оккупации (за исключением Урала), демографическая ситуация была не менее сложной, чем в Западной Сибири. Во многие районы страны было эвакуировано ограниченное количество населения (например, в Волго-Вятский и Восточно-Сибирский), а из Дальне-Восточного региона часть населения даже вывозилась, в основном в Западную Сибирь. Вместе с тем, все регионы страны отдавали значительное количество людей в армию, а естественный прирост в годы Великой Отечественной войны был отрицательным. Соответственно, в Волго-Вятском районе численность населения в 1941–1945 гг. уменьшилась почти на 21 %. В Восточно-Сибирском районе количество населения сократилась на 14 %, в Дальне-Восточном — почти на 10 %. Только на Урале, превратившимся в военные годы в мощный боевой арсенал Красной

армии и получившем большое количество эвакуантов, ситуация была менее напряженной, чем в Западной Сибири.

Трансформации людского потенциала в годы Великой Отечественной войны коснулись не только численности населения, но и его демографического состава. Влияние войны, прежде всего, сказалось на соотношении численности мужчин и женщин. Гендерный дисбаланс, как уже говорилось ранее, был зафиксированы в нашей стране задолго до начала Второй мировой войны. В Великую Отечественную войну Советский Союз вступил с уже нарушенным соотношением полов. В 1941–1945 гг. диспропорции полового состава населения достигли своего максимума, что предельно обострило как демографическую ситуацию, так и обстановку на рынке труда.

Для периода Великой Отечественной войны источники позволяют с достаточной степенью достоверности определить половозрастные аномалии, сложившиеся в сельской местности. Основным источником информации о составе сельского населения Западной Сибири является единовременная отчетность, которая велась сельскими советами, начиная с 1943 г. на основе похозяйственных книг и списков временно проживающих (форма С). Эти отчеты ежегодно направлялись районным инспекторам ЦСУ. Они проводили их статистическую обработку и передавали полученные сведения в высшие инстанции. Необходимость получения таких статистических данных диктовалась тем, что материалы переписи 1939 г. в силу ряда организационных пороков, изначально не могли служить надежной базой для анализа. К тому же изменения, прошедшие в населении за несколько лет после переписи, были слишком значительны, чтобы ими пренебрегать. Власти требовали «свежую» информацию о численности и составе населения.

Единовременные отчеты сельсоветов преследовали главным образом фискальные и мобилизационные цели. Их активно использовали налоговые учреждения, органы по учету и распределению рабочей силы, а также военные комиссариаты. По этой причине, отчеты сельсоветов о численности и структуре сельского населения составлялись особенно тщательно, а потому были достаточно надежны. Сегодня они дают возможность не только определить численность и состав сельского населения по полу и возрасту в годы Великой Отечественной войны, но дифференцировать женский перевес по различным диапазонам возрастов. Это чрезвычайно важно для исторической демографии, так как аномалии в соотношении полов были особенно значительны в наиболее активных возрастах от 18 до 49 лет.

*Таблица 2.2.7**

Удельный вес мужчин (%) в сельском населении Западной Сибири. (1943–1945 гг.).

Возрастная группа (лет)	1 января 1943 г.**	1 января 1945 г.***
До 7	Нет сведений****	49,9
8–11	-.-	49,1
12–13	-.-	48,3
14–15	-.-	48,0
16–17	-.-	40,2
18–24	18,9	20,7
25–49	20,4	20,2
50–54	35,3	31,2
55–59	Нет сведений****	35,7
60 и старше	-.-****	35,7

* Источник: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 332. Л. 24, 39, 40, 57, 59; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1009. Л. 51.

** В границах Алтайского края, Кемеровской, Новосибирской, Омской областей по административно-территориальному устройству 1943 г.

*** В границах Алтайского края, Кемеровской, Новосибирской, Омской, Томской и Тюменской областей по административно-территориальному устройству 1945 г.

**** В силу особенностей военной обстановки, в 1941–1942 гг. главной задачей учетно-статистических органов было определение объемов призывного контингента. Скорее всего по этой причине сведения о структуре населения моложе 17 лет и старше 55 лет по состоянию на 1 января 1943 г. в единовременных отчетах сельсоветов отсутствуют.

Данные *табл. 2.2.7* отчетливо демонстрируют, что в составе сельского населения Западной Сибири в военные годы преобладали женщины. Это было очевидным результатом массовых мобилизаций в Красную армию, гибели мужчин на фронтах и мужской сверхсмертности в тылу. Женский перевес в возрастном диапазоне от 18 до 54 лет к началу 1943 г. достиг критического уровня и продолжал нарастать. Самые резкие диспропорции полов и в 1943 г. и в 1945 г. были характерны для возрастного диапазона от 18 до 49 лет. В этой группе населения удельный вес женщин достигал 80 %.

Несколько лучше, чем в других сельских регионах Западной Сибири была структурная ситуация в деревне Кемеровской области. Здесь в 1944 г. удельный вес мужчин в возрастной группе 19–25 лет

составлял 24 %, в возрастной группе 25–50 лет — 33 %[1]. Однако и в Кузбассе женский перевес носил критический характер.

Дисбаланс полов как следствие военных мобилизаций и массовой гибели мужчин в боях не был чем-то особенным, характерным исключительно для Западной Сибири. Так, согласно единовременным отчетам сельсоветов, в Новосибирской области в 1943 г. на каждые 100 женщин приходилось всего 35 мужчин, в Омской — 31, в Алтайском крае — 27 мужчин. Для сравнения укажем, что в Свердловской области на 100 женщин приходилось 36 мужчин, в Московской — 37, в Ульяновской и Ивановской по — 30, в Рязанской — 26, в Ярославской области — 25 мужчин[2]. В 1943 г. в целом по сельскому населению Советского Союза, доля женщин в возрастной группе 18–24 года превышала 78 %, в возрастной группе 25–49 лет составляла 77 %[3]. Следовательно, Западная Сибирь входила в число регионов, где дисбаланс полов достигал предельных величин.

Несколько иная структурная ситуация была в тех районах Советского Союза, где мобилизации в армию проводились в меньших масштабах, чем в РСФСР и где рождаемость в довоенные годы была особенно значительна. Так, в Таджикистане в начале 1943 г. на 100 женщин приходилось 89 мужчин, в Туркменистане и Узбекистане — 66, в Грузии — 58, в Киргизии — 56, в Армении — 49, в Казахстане — 40 мужчин[4]. Нарком здравоохранения СССР Г. А. Митерев 27 марта 1943 г. на совещании с делегатами пленума Совета лечебно-профилактической помощи детям даже сделал такое заявление: «Если говорить об Узбекии (*так в источнике – В. И.*) и Казахстане, то там мужчин достаточно»[5]. Конечно, заявление о «достаточности» мужчин в среднеазиатском регионе и Казахстане было явным преувеличением, но оно, все же, приблизительно отражало реальную ситуацию.

К сожалению, источники не дают возможности детально проследить изменения половозрастного состава городского населения Западной Сибири, происшедшие в военные годы. Согласно прикидочным расчетам Госплана СССР, удельный вес мужчин в городском населении Западной Сибири на 1 января 1941 г. составлял 47,9 %. К 1 декабря 1941 г., когда в городских поселениях региона в армию было призвано почти 300 тыс. мужчин, их удельный вес

[1] ГАКО. Ф. 304. Оп. 4. Д. 213. Л. 101.
[2] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1009. Л. 20.
[3] Там же. Л. 18.
[4] Там же. Л. 20.
[5] ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 21. Д. 62. Л. 28.

понизился до 42 %[1]. Материалы о половозрастном составе городского населения Западной Сибири за последующие периоды войны отсутствуют. Имеющиеся в нашем распоряжении стандартные справки Наркомата торговли СССР, введенные в статистическую практику с 1 января 1943 г., предоставляют возможность уточнить численность городского населения, но не содержат информации о его половозрастном составе. Поэтому обратимся к такому источнику, как списки избирателей, составлявшиеся к выборам депутатов Верховного Совета СССР (1946 г.) и Верховных Советов РСФСР и автономных республик (1947 г.). В эти списки вносились все взрослые граждане страны 18 лет и старше, обладавшие избирательным правом. СНК СССР своим распоряжением от 31 декабря 1945 г. № 13842Р разрешил статистикам использовать эти списки для расчетов с целью определения численности и половозрастного состава населения[2].

*Таблица 2.2.8**

Итоги статистической разработки списков избирателей по выборам в Верховный Совет СССР по городским поселениям Западной Сибири (10 февраля 1946 г.)

Регион**	Человек		Удельный вес, %	
	Мужчин	Женщин	Мужчин	Женщин
Алтайский край	98 154	194 411	33,5	66,5
Кемеровская область	236 473	378 664	43,9	56,1
Новосибирская область	169 136	287 501	37,0	63,0
Омская область	91 985	155 869	37,1	62,9
Томская область	40 847	78 854	34,1	65,9
Тюменская область	35 668	73 023	32,8	67,2
Всего Западная Сибирь	732 263	1 168 322	38,5	61,5

* Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 2224. Л. 21, 41, 57–59, 74.

** По административно-территориальному устройству 1946 г.

Недостатком списков избирателей как источника сведений о структуре населения Советского Союза было то, что в них не включались некоторые группы населения, в частности граждане, лишенные избирательных прав, из которых большинство составляли

[1] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 42. Д. 997. Л. 53.

[2] ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 1409. Л. 1.

заключенные. Кроме того, исходя из соображений секретности, СНК СССР категорически запретил статистикам разработку списков избирателей по воинским частям. Укажет также, что информация о половозрастном составе гражданского населения, полученная на основе списков избирателей, не может считаться статистически «чистой», так как имеет «примеси» вследствие притока в города мужчин в ходе развернувшейся в 1945 г. демобилизации. Поэтому необходимо иметь в виду, что собственно в военные годы структурная ситуация в городах была значительно напряженней, чем это показывает используемый источник.

На основании данных, приведенных в *табл. 2.2.8* вполне корректным будет вывод, что западносибирские города в годы Великой Отечественной войны и сразу после её завершения являли собой города женщин. Удельный вес мужчин в составе городского населения Западной Сибири в целом в 1946 г. не превышал 39 % и колебался в пределах от 33 % в Тюменской области до 44 % в Кузбассе. Как видим, дисбаланс полов в меньшей степени коснулся тех регионов, где сосредоточивалась тяжелая и оборонная промышленность и где была развита система бронирования военнообязанных от призыва и мобилизации в Красную армию. По этой же причине структурная ситуация в городах Новосибирской и Омской областей оказалась лучшей, чем в Алтайском крае, Томской и Тюменской областях.

Аналогичная ситуация была характерна и для некоторых крупных городов. Так, в Новосибирске, по данным статистической разработки списков избирателей 1947 г., удельный вес мужчин в возрасте 25–29 лет составлял 31 %, в возрастном диапазоне 30–34 года — 41 %, 35–39 лет — 43, 40–49 лет — 42 %[1].

Небезынтересно отметить особую напряженность структурной ситуации в малых городах и поселках городских типа Западной Сибири, где система брони была сильно ограничена. В этом смысле они были ближе к сельским поселениям, чем к крупным городам. Так, в административном центре Алтайского края Барнауле, в возрастной группе 30–39 лет, по данным февральского (1947 г.) учета избирателей, удельный вес мужчин составлял 39 %, тогда как в рабочем поселке Тальменка всего 17 %, в возрастной группе 40–49 лет соответственно 41 и 33 %[2]. В небольшом сибирском городке Ялуторовске Тюменской области даже в декабре 1947 г., когда демобилизация воинского контингента была близка к завершению, доля мужчин

[1] ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 1409. Л. 43.
[2] ТА ГКС АК.

в диапазоне возрастов старше 18 лет не превышала 37 %, в расположенном на севере Западной Сибири Ханты-Мансийске — 35 % [1]. В целом по России (как в городских поселениях, так и в сельской местности) удельный вес мужчин в 1946 г. составлял 45,9 %[2].

Значительные сдвиги в военные годы произошли в составе детского и подросткового населения Западной Сибири. Чтобы получить данные о численности и структуре населения моложе 18 лет, обратимся к такому источнику, как подсчет детей и подростков, организованный ЦСУ СССР в декабре 1947 — январе 1948 гг. в городских поселениях страны. Этот учет являл собой своеобразную микроперепись населения моложе 18 лет, проведенную, однако, без опроса населения. Информация о количестве и составе детей и подростков по домам индивидуального жилищного фонда была получена в ходе отчетов домовладельцев. Регистраторы ЦСУ СССР и представители уличных комитетов посетили фактически каждое домовладение. По домам обобществленного жилищного фонда отчеты составлялись комендантами и домоуправлениями. Сведения о численности и составе детей и подростков в детских домах, школах-интернатах, в общежитиях учебных заведений были получены на основе рапортов их руководителей. После окончания подсчета проводилась контрольная проверка точности полученной информации. Проверка охватила примерно 10–14 % детей и подростков.

Подсчет численности населения моложе 18 лет показал, что к началу 1948 г. в возрастной структуре этой группы населения образовались две глубоких демографических ямы, соответствующие двум мощным демографическим катастрофам, обрушившимся на Советский Союз в XX столетии. Эти катастрофы оказали существенное воздействие на численность и структуру молодежного населения Западной Сибири.

Первый глубокий провал в численности детей и подростков, как обнаруживает *рис. 1*, сформировался в 1933 г. Он был обусловлен спадом резким рождаемости и столь же резким повышением детской смертности в период голода. В 1934–1937 гг., после преодоления голода, численность детского и подросткового населения в городах Западной Сибири неуклонно и быстро нарастала. Этот процесс был

[1] ГАТюмО. Ф. 1112. Оп. 1. Д. 155. Л. 80, 213.

[2] Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Демографическая история России. 1927–1957. М., 1998. Приложение 1.

прерван только в 1938 г., что явилось своеобразной рефлексией демографической подсистемы общества на бурные политические события 1937 г.

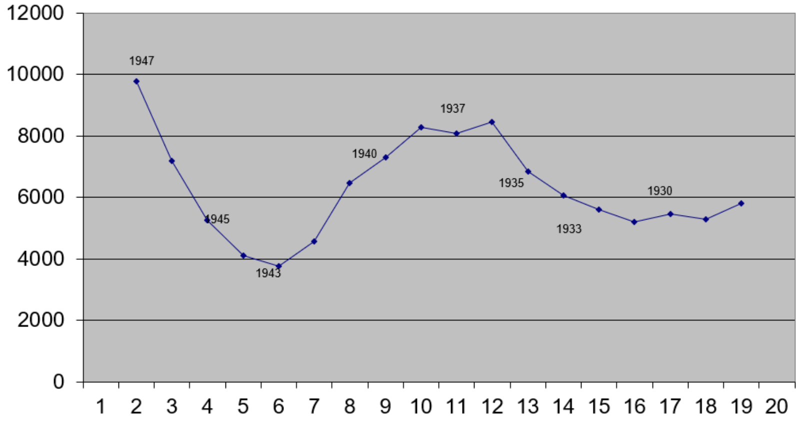

Рис. 1. Численность поколений городских детей Западной Сибири 1930–1947 гг. рождения

Начало Второй мировой войны означало быстрое нарастание кризисных явлений в динамике демографической сферы. С 1939 г. в городских поселениях Западной Сибири численность детей стала стремительно снижаться. Темпы этого сокращения ускорились после вступления СССР в Великую Отечественную войну. В 1943 г. рождаемость в городах Западной Сибири достигла минимальных за всю войну показателей, вследствие чего в этом году образовалась вторая демографическая яма. Она была самой глубокой во всей демографической истории России XX столетия. Соответственно, численность и удельный вес младших возрастных групп в населении Западной Сибири сократился до минимальных величин. Позднее это нашло отражение в материалах послевоенных переписей населения.

Изменения возрастного состава взрослого населения Западной Сибири в соответствии с имеющимися источниками, мы можем рассмотреть отдельно для городских и отдельно для сельских поселений. Общая картина (для городского и сельского населения вместе) получена быть не может из-за полной несопоставимости статистических материалов по городу и селу.

Базой данных по сельскому населению региона являются материалы переписи 1939 г. и сведения сельсоветского учета 1945 г. Отметим, что классификация возрастов, используемая советскими статистиками в 1939 г., не совпадает с группировкой возрастов, примененной в 1945 г., а сведения о возрастном составе сельского населения по одногодичным возрастным группам отсутствуют. Но это не значит, что материалы переписи 1939 г. и сельсоветского учета не могут быть использованы в принципе.

*Таблица 2.2.9**

Изменения возрастного состава сельского населения Западной Сибири в годы Второй мировой войны

1939 г.**			1945 г.***		
Классификация возрастов по переписи 1939 г. (лет)	Возрастной состав мужчин, %	Возрастной состав женщин, %	Классификация возрастов по сельсоветскому учету 1945 г. (лет)	Возрастной состав мужчин, %	Возрастной состав женщин, %
До 7	22,9	20,4	До 7	27,2	16,5
8–11	13,0	11,7	8–11	15,4	9,5
12–14	9,8	8,7	12–13	8,7	5,6
15–19	9,4	8,9	14–17	15,9	12,0
20–29	14,4	15,7	18–24	4,8	10,8
30–49	19,7	20,4	25–49	12,4	27,9
50–59	4,6	6,2	50–59	7,5	8,9
60 и старше	6,1	7,9	60 и старше	8,1	8,8
Возраст неизвестен	0,1	0,1	–	–	–
Всего	100,0	100,0	Всего	100,0	100,0

* Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 266. Л. 3; Д. 311. Л. 3; Д. 313. Л. 3; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 332. Л. 24, 39, 40, 57, 59.

** В границах Алтайского края, Новосибирской, Омской областей по административно-территориальному устройству 1939 г.

*** В границах Алтайского края, Кемеровской, Новосибирской, Омской, Томской, Тюменской областей по административно-территориальному устройству 1945 г.

Динамика возрастного состава мужского и женского населения Западной Сибири в годы Второй мировой войны имела различную направленность. *Табл. 2.2.9* отчетливо демонстрирует главную тенденцию изменения возрастного состава мужской части населения

Западной Сибири в период Второй мировой войны — его постарение. Это выразилось в значительном увеличении удельного веса возрастных групп старше 50 лет. В 1939 г. среди мужчин, проживавших в сельской местности Западной Сибири, доля лиц старше 50 лет составляла 11 %, в 1945 г. — почти 16 %.

В структуре мужской части сельского населения региона образовался глубокий провал в самых активных возрастах — от 18 до 49 лет. В 1939 г. прослойка мужчин 20–49 лет в западносибирском селе превышала 34 %. В 1945 г. удельный вес мужчин 18–49 лет составлял всего 17 %. За счет резкого снижения доли мужчин от 18 до 49 лет ко времени окончания войны значительно увеличился удельный вес мальчиков моложе 11 лет. В данном случае мы имеем дело с типичным артефактом, так как на самом деле абсолютная численность детей существенно уменьшилась. В 1939 г. в сельской местности Западной Сибири насчитывалось свыше 1 млн мальчиков в возрасте моложе 11 лет. В 1945 г. численность этой группы населения составляла всего 0,6 млн человек[1].

Для женской части сельского населения Западной Сибири в 1939–1945 гг. были характерны несколько иные тенденции изменения возрастного состава. Прежде всего, отметим заметное сокращение доли девочек до 14 лет. В 1939 г. удельный вес этой возрастной группы в составе женского населения западносибирского села составлял почти 41 %, в 1945 г. (девочки в возрасте до 13 лет) — около 32 %. Это было обусловлено спадом рождаемости в военные годы и повышением детской смертности в 1941–1942 гг.

Сокращение удельного веса девушек от 18 — до 24 лет в составе сельского населения региона объясняется главным образом перемещением молодых женщин из деревни в город. Некоторую роль играла мобилизация этой части женского населения в Красную армию. Одновременно заметно повысился удельный вес женщин в возрасте от 30 лет и старше. В 1939 г. прослойка этой возрастной группы составляла в сельском населении 35 %, в 1945 г. — около 46 %. Заметно вырос за годы войны и удельный вес женщин старше 60 лет. Таким образом, сельские женщины (как и мужчины) в военные годы заметно постарели.

Для определения динамики возрастного состава городского населения Западной Сибири в период войны, сопоставим материалы переписи населения 1939 г. и данные статистической разработки

[1] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 266. Л. 3; Д. 311. Л. 3; Д. 313. Л. 3; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 332. Л. 57, 59.

списков избирателей 1947 г. К сожалению, в нашем распоряжении нет материалов по всем регионам Западной Сибири. Поэтому рассмотрим процесс на материалах Новосибирской области, имея в виду, что они достаточно полно отражают основные тенденции по городскому населению всего региона.

*Таблица 2.2.10**

Изменения возрастного состава городского населения Новосибирской области в годы Второй мировой войны**

Возрастные группы (лет)	Перепись населения 17 января 1939 г.		Статистическая разработка списков избирателей 10 февраля 1947 г.	
	Возрастной состав мужчин, %	Возрастной состав женщин, %	Возрастной состав мужчин, %	Возрастной состав женщин, %
18–19	6,3	6,3	4,5	4,5
20–24	14,6	17,3	13,0	19,3
25–29	20,9	17,9	9,1	12,4
30–34	16,0	13,5	16,0	14,5
35–39	11,4	11,4	15,0	12,4
40–44	8,3	7,9	12,1	9,9
45–49	6,2	6,0	8,6	7,5
50–54	5,5	5,3	8,2	5,3
55–59	4,0	4,6	5,2	4,4
60 и старше	6,8	9,8	8,3	9,7
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

* Источник: ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 1409. Л. 39, 43.
** По административно-территориальному устройству 1947 г.

Цифровые материалы, сосредоточенные в *табл. 2.2.10* отчетливо демонстрируют основную тенденцию — в мужской части городского населения Новосибирской области резко сократился удельный вес возрастных групп от 18 до 29 лет. Вымывание этой возрастной группы из структуры городского населения явилось прямым следствием воинских мобилизаций и гибели сибиряков в ходе боевых действий. Вместе с тем, увеличилась прослойка возрастов старше 35 лет, и особенно старше 50 лет. Следовательно, процесс постарения затронул и мужчин, проживавших в городах.

В женской части городского населения, главным образом вследствие притока жителей деревни, увеличился удельный вес лиц в возрасте от 30 до 49 лет. Одновременно сократилась доля возрастных

групп 18–19 и 25–29 лет. В данном случае сказалась мобилизация некоторой части молодых женщин в Красную армию. Удельный вес возрастных групп старше 50 лет практически не изменился. Таким образом, городские женщины в годы войны не постарели, а, скорее, повзрослели.

Аналогичные тенденции (с некоторыми незначительными отличиями) были характерны и для всех других регионов Западной Сибири, о чем свидетельствует *табл. 2.2.11*.

*Таблица 2.2.11**

Возрастной состав городского населения Алтайского края и Кемеровской области по данным статистической разработки списков избирателей 10 февраля 1947 г.

Возрастные группы (лет)	Алтайский край**		Кемеровская область**	
	Возрастной состав мужчин, %	Возрастной состав женщин, %	Возрастной состав мужчин, %	Возрастной состав женщин, %
18–19	4,9	5,2	5,7	4,7
20–29	19,3	30,3	28,3	32,8
30–39	28,6	26,2	28,1	25,9
40–49	21,7	18,0	20,1	17,0
50–59	15,6	10,0	10,7	9,4
60 и старше	9,9	10,3	7,1	10,2
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

* Источник: ТА ГКС АК; ГАКО. Ф. 304. Оп. 3. Д. 249. Л. 45.
** По административно-территориальному устройству 1947 г.

Опираясь на материалы таблицы, отметим еще одну важную особенность структуры населения Западной Сибири ко времени завершения Второй мировой войны: в возрастных группах от 20 до 29 лет удельный вес мужчин был особенно низким и заметно уступал аналогичным показателям по женской части населения. Очевидно, что этот феномен был непосредственным порождением тех огромных потерь, которые понесли советские мужчины в военные годы.

В целом, важно подчеркнуть, что в 1939–1945 гг. людской потенциал Западной Сибири претерпел кардинальные количественные и качественные изменения, значительно сократившие его мощность.

2.3. Смертность населения в 1941–1945 гг.

Великая Отечественная война, заметно ухудшившая условия жизни тылового населения СССР, многократно усилила действие многочисленных негативных факторов внешней среды и, тем самым, инициировала подъем и без того высоких показателей смертности. В годы Великой Отечественной войны смертность стала тем демографическим феноменом, который оказал кардинальное воздействие на все основные характеристики людского потенциала страны. Во второй половине 1941 — в 1942 гг. для демографической подсистемы была характерна отчетливо выраженная сверхсмертность, вследствие которой из жизни уходили люди, которые могли бы быть использованы как в армии, так и на производстве.

*Таблица 2.3.1.**

Динамика помесячных показателей смертности населения Западной Сибири в 1941 г.**

Календарный месяц	Число умерших на 1000 человек населения		
	Алтайский край	Новосибирская область	Омская область
Январь	16,3	17,7	20,4
Февраль	16,1	16,2	19,1
Март	19,0	18,3	20,9
Апрель	20,5	19,6	20,5
Май	24,6	19,9	20,8
Июнь	19,5	18,7	20,1
Июль	23,6	22,3	26,8
Август	24,0	23,8	28,7
Сентябрь	19,8	21,6	26,3
Октябрь	22,7	23,5	31,1
Ноябрь	22,3	23,6	32,2
Декабрь	22,7	26,0	30,1

*Источник: ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 607. Л. 53–54; ГАОО. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 1134. Л. 70 об., 73 об.; ТА ГКС АК.

** По административно-территориальному устройству 1941 г.

Значительное повышение общих коэффициентов смертности фиксируется с самого начала Великой Отечественной войны на большинстве территорий Западной Сибири. Как показывают статистические материалы, собранные в *табл. 2.3.1*, в Омской области в августе 1941 г. общий коэффициент смертности населения был

выше, чем в мае этого же года на 38 %. В Новосибирской области в течение 4-х месяцев, с мая по август, индекс смертности увеличился сразу на 20 %. Единственным исключением, которое, впрочем, только подтверждает правило, оставалась демографическая ситуация в Алтайском крае.

Рост смертности в летние месяцы 1941 г. можно было бы отнести на счет её типичных сезонных колебаний. Индекс смертности населения Российской империи в XIX в. и СССР в первой половине XX в. неизменно увеличивался летом и ранней осенью из-за вспышки желудочно-кишечных заболеваний. С приходом холодов наступало осеннее — зимнее снижение смертности. Это означает, что смертность не была контролируемым процессом, развивалась стихийно и зависела от внешних по отношению к демографической подсистеме негативных факторов внешней среды. Такая ситуация была обычной для стран, где преобладал традиционный, нерациональный тип воспроизводства населения. Однако поздней осенью и зимой 1941 г. снижения показателей смертности, как это обычно происходило в мирные годы, не последовало. В Омской области общий коэффициент смертности населения в декабре 1941 г. превысил аналогичные показатели августа на 4,8 %, в Новосибирской области — на 9,2 %.

Что обусловило столь грубые нарушения привычной для мирных лет картины демографической динамики? Уровень смертности в Западной Сибири во втором полугодии 1941 г. (как это специально будет показано ниже) нарастал в связи с притоком больших масс эвакуированных граждан. Первые эвакуированные появились сначала в Омской и Новосибирской областях. В Алтайский край они прибыли несколько позже. В конечном счете, это и обусловило относительно плавное повышение индекса смертности в Алтайском крае сравнительно с его аномально резкими колебаниями в расположенных западнее Омской и Новосибирской областях. Но в дальнейшем, с появлением большого числа эвакуантов на Алтае, смертность здесь заметно возросла и приняла столь характерную для военных лет конфигурацию чередующихся спадов и подъемов. В январе 1942 г. по сравнению с январем 1941 г. число умерших в Алтайском крае выросло сразу на 18 %[1]. Таким образом, негативные факторы военного времени, влияющие так или иначе на динамику народонаселения, нарушили обыденное течение демографических процессов, вызвали заметное повышение смертности тылового населения.

---

[1] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 372. Л. 144, 185.

*Таблица 2.3.2**

Динамика смертности населения Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны.**

Год	Число умерших, (тыс. человек)	Число умерших на 1000 человек населения	В % к предыдущему году
1941	188,8	21,5	-
1942	256,4	26,9	125,1
1943	152,9	18,4	68,4
1944	113,1	12,5	67,9
1945	78,2	8,7	69,6
1945 г. в % к 1941 г.	–	40,5	–

* Источник: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 156. Л. 20 об., 23 об., 25 об., 28 об., 30 об.; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 251. Л. 75–76, 153–154, 156–157; Д. 418. Л. 28–29, 68–69, 96–100; Д. 501. Л. 49–50107–108, 144–146, 148–149, 183–184, 189; Д. 577. Л. 52–53, 119–120, 156–158, 160–161, 195–196, 201–202; ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 736. Л. 6, 7 об., 8; ГАОО. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 1134. Л. 31–31об.; ГАТО. Ф. 1085. Оп. 3. Д. 5. Л. 5, 25; ТА ГКС АК.

** В текущих административно-территориальных границах.

К 1942 г., как показывает *табл. 2.3.2* уровень смертности в Западной Сибири достиг самых высоких за весь военный период величин. В 1942 г. общий коэффициент смертности населения Омской области составлял 29 %, Новосибирской — 25, а в Алтайском крае — 21 %[1]. Это еще раз подтверждает, что нарастание индекса смертности самым тесным образом было связано с процессом эвакуации. В первую очередь наличием большого количества эвакуированного населения объясняется тот факт, что показатели смертности в Западной Сибири несколько превышали аналогичные цифры по Восточной Сибири, где количество эвакуантов было относительно невелико. Здесь в 1942 г. уровень смертности не поднимался выше 25,9 %[2].

Отметим еще одну важную особенность аномальной динамики демографической сферы Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. На протяжении всей Великой Отечественной войны уровень смертности в городах заметно превосходил уровень

[1] ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 736. Л. 7 об. — 8; ГАОО. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 1136. Л. 28, 31; ТА ГКС АК.

[2] Алексеев В. В., Исупов В. А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1986. С. 118.

смертности в сельской местности (см. *табл. 2.3.3*), что свидетельствует о явной социальной патологии, поразившей демографическую сферу. В мирные годы фиксируется прямо противоположная ситуация: смертность горожан, как правило, ниже, чем смертность деревенского населения. В период войны максимальная разница в показателях смертности городского и сельского населения была зафиксирована в 1943 г. В этом году общий коэффициент смертности городского населения более чем на 37 % превзошел аналогичные показатели по сельской местности.

*Таблица 2.3.3**

Динамика смертности городского и сельского населения Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны**

Год	Городское население		Сельское население	
	Число умерших, тыс. человек	Число умерших на 1000 человек населения	Число умерших, тыс. человек	Число умерших на 1000 человек населения
1941	65,7	21,5	123,1	19,9
1942	99,8	26,2	98,8	23,9
1943	76,6	18,4	76,3	13,4
1944	49,6	12,5	63,5	10,1
1945	37,1	9,2	41,1	7,0
1945 г. в % к 1941 г.	–	42,8	–	35,2

* Источник: составлена по тем же данным, что и *табл. 2.3.2*.

** По административно-территориальному устройству соответствующих лет.

Резкое повышение смертности населения Западной Сибири в 1941–1942 гг. было обусловлено в первую очередь увеличением показателей детской смертности.

Данные *табл. 2.3.4*, свидетельствуют об интенсивном нарастании показателей детской смертности во втором полугодии 1941 г. Летом 1941 г. трагически совпало влияние одновременно двух негативных факторов. С одной стороны, очевидна полная зависимость детской смертности от обычных для того времени сезонных колебаний желудочно-кишечной заболеваемости (типичное летне-осеннее повышение). С другой, на динамику детской смертности оказали сильное повышающее воздействие пертурбационные факторы войны, в частности масштабная эвакуация населения и общее

ухудшение условий существования. В августе 1941 г. уровень детской смертности примерно в 2 раза превзошел ее уровень в мае этого года.

*Таблица 2.3.4**

Динамика сезонных колебаний детской смертности населения Западной Сибири в 1941–1942 гг.**

Календарный месяц	Число умерших младенцев в возрасте до 1 года на 1000 родившихся	
	1941 г.	1942 г.
Январь	127,5	153,4
Февраль	154,1	196,1
Март	167,5	228,8
Апрель	193,3	290,1
Май	201,7	335,8
Июнь	208,5	521,8
Июль	325,5	611,8
Август	378,8	600,5
Сентябрь	291,8	406,4
Октябрь	247,5	268,0
Ноябрь	220,3	225,6
Декабрь	194,0	198,6

* Источник: ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 736. Л. 131–131 об., 135–135 об. Д. 607. Л. 1–1 об.; ГАОО. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 1134. Л. 70–70 об.; 73–73 об. Д. 1136. Л. 28; ТА ГКС АК.

** По административно-территориальному устройству соответствующих лет.

В августе 1941 г. уровень детской смертности в Западной Сибири, достигнув своего стандартного сезонного пика, стал, как обычно снижаться. Таким образом, основной вектор демографической динамики сохранился, но сам процесс сокращения смертности был иным, чем в мирные годы. Снижение младенческой смертности проходило значительно медленнее, чем в мирный период. Вследствие этого, индекс детской смертности в сентябре — декабре 1941 г. существенно превышал показатели соответствующих месяцев 1940 г. Так, в октябре 1941 г., уровень младенческой смертности в Омской области был выше, чем в октябре 1940 г. на 9 %, в Алтайском крае — на 20 %, в ноябре соответственно на 35 и 27 %, в декабре на 20 и 12 %[1].

[1] ГАОО. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 1133. Л. 14–15. Д. 1134. Л. 70–70 об.; ТА ГКС АК.

В феврале 1942 г. детская смертность вновь вступила в стадию роста. В июле — августе 1942 г. индекс младенческой смертности в Западной Сибири достиг самых высоких за всю войну величин, значительно превысив отметку 600 %. Это значит, что из всех родившихся младенцев погибали, не дожив до 1 года свыше 60 % (!) детей. Обыденное для тех лет сезонное повышение смертности было многократно усилено воздействием событий экстремального характера. Особенно значительных величин летом 1942 г. достигла детская смертность в Омской области, где в июле погибло 83 % родившихся младенцев, в августе — 81 %[1]. Реальное положение было еще хуже, чем показывают приведенные статистические данные. Часть детских смертей, главным образом гибель младенцев, находившихся в эвакоэшелонах, не фиксировалась и, таким образом, не попала в отчетные статистические сводки.

Младенческая смертность в момент её максимального повышения, т. е. в 1942 г. явственно дифференцировалась по половому признаку. Коэффициент смертности мальчиков значительно превышал аналогичные показатели девочек. В данном случае решающую роль играли факторы биологического характера, разная степень сопротивляемости мальчиков и девочек негативным влияниям внешней среды. Мальчики в возрасте до 1 года понесли очень большие потери.

*Таблица 2.3.5**

Смертность мальчиков и девочек в Западной Сибири в 1942 г.**

Регион	Число умерших младенцев в возрасте до 1 года на 1000 родившихся	
	Мальчики	Девочки
Алтайский край	311,8	287,8
Омская область	383,8	349,6
Новосибирская область	310,7	284,7
Всего по Западной Сибири	330,8	303,1

* Источник: ТА ГКС АК; ГАОО. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 1136. Л. 92 об; ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 736. Л. 131, 135.

** По административно-территориальному устройству 1942 г.

Итак, детское население с самого начала Великой Отечественной войны оказалось в группе риска. Однако было бы правильно дифференцировать детскую смертность хотя бы по признаку проживания

[1] ГАОО. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 1136. Л. 28.

в семье или вне семьи. Дети, оставшиеся без родителей и отправленные на воспитание в детские государственные учреждения: сироты, подкидыши, дети, эвакуированные с детскими учреждениями, дети заключенных оказались в особенно сложном положении. Число детских домов, домов малюток и количество воспитанников в них стремительно нарастало. В целом по РСФСР в 1941 г. насчитывалось 1719 детских домов с контингентом воспитанников 188 тыс. человек. К 1945 г. в России имелось 3492 детских дома, в которых было размещено 357 тыс. детей[1].

В Западной Сибири количество детей, оставшихся без родителей, увеличивалось главным образом за счет эвакуированных. В Новосибирскую область к октябрю 1942 г. было эвакуировано 39 детских учреждений, в том числе 18 детских домов, 12 интернатов, 9 детских садов. В этих детских учреждениях насчитывалось 3500 воспитанников[2]. В конце 1944 г. в области было сосредоточено 68 детских домов, в которых проживало около 7,5 тыс. детей [3] . В Омской области на 1 января 1944 г. располагались 122 детских дома (из них 65 эвакуированных — в основном из Ленинграда (*ныне Санкт-Петербург — В. И.*), Москвы, Новочеркасска и Харькова). Всего в детских домах области воспитывалось почти 14 тыс. детей. Кроме того, в интернатах Омской области проживало почти 8 тыс. детей[4]. В Алтайский край к 29 октября 1942 г. прибыло по эвакуации 43 детских дома с контингентом детей 5070 человек[5]. В Кемеровской области дополнительно к существующим в годы войны было открыто 23 детских дома[6].

Условия содержания детей, и в начале, и в конце Великой Отечественной войны были ниже всякой критики. Средств на содержание детских учреждений было очень мало. Детские дома, как, впрочем, большинство учреждений образования и здравоохранения, финансировались и материально обеспечивались по остаточному принципу. Утверждения, что «детским учреждениям отпускались самые лучшие продукты питания, топливо, оборудования» [7] опровергаются документальными источниками военных лет. Так называемые «трудности военного времени» в полной мере отразились на детском населении.

---

[1] ГАРФ. Ф. 9226. Оп. 1. Д. 638. Л. 4.
[2] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 6. Л. 241.
[3] Там же. Оп. 33. Д. 925. Л. 79.
[4] ГАРФ. Ф. 9226. Оп. 1. Д. 535. Л. 8.
[5] ГАРФ. Ф. 9226. Оп. 1. Д. 535. Л. 8.
[6] История Сибири. Т. 5. Ленинград, 1969. С. 127.
[7] Мананникова Н. В. Охрана здоровья детей в СССР. М., 1973. С. 70.

В отчете Государственной санитарной инспекции (*далее – ГСИ – В. И.*) по Омской области за 1943 г. специально подчеркивалось: «Санитарно-технические условия детдомов, как правило, неудовлетворительные, ибо размещались в приспособляемые здания. Поэтому в детдомах скученно, теснота приводит к заболеваниям: в ряде детдомов имеется чесотка, завшивленность. Дети во многих детдомах моются редко… Питание плохое, ибо даже самые минимальные нормы не удовлетворяются местными организациями… Мыла мало, дети завшивлены, имелись случаи заболеваний сыпным тифом. Много простудных заболеваний из-за отсутствия обуви и одежды»[1]. В докладной записке уполномоченного Комитета партийного контроля (*далее – КПК – В. И.*) при ЦК ВКП(б) по Новосибирской области «О состоянии детских домов в Новосибирской области» (октябрь 1944 г.), отмечался недостаток столов, стульев, кроватей, посуды, постельных принадлежностей. В Барабинском детском доме дети ели стоя. Здесь на 25 детей имелось 3 тарелки. В Меретском детском доме на 107 детей имелось 16 тарелок. В Ордынском детском доме дети ели из консервных банок. В Болотнинском, Никоновском, Каргатском, Куйбышевском детских домах дети спали по 2–3 человека на одной койке[2].

Питание в детских учреждениях было организовано явно неудовлетворительно. Среднесуточный рацион питания в большинстве детских домов РСФСР составлял от 500 до 1800 калорий. Количество получаемых белков, витаминов и жиров было недостаточно. Дети в основном получали углеводы, испытывая белковый и витаминный голод[3]. В Каргатском районе для детских домов в 1944 г. было недопоставлено 5 тонн картофеля, 420 кг сахара. Кирзинскому детскому дому было не додано 524 кг крупы, 50 кг молока, 10 кг масла. Продукты нередко заменялись: мясо на мелкую рыбу, масло на так называемый «гидрожир». В Барабинский детский дом в течение длительного времени поставлялось мясо с червями, в Куйбышевский – рыба с червями и заплесневелые кондитерские изделия. Дети не были обеспечены одеждой и обувью. Так, в Ордынском детском доме 60 воспитанников не были обеспечены обувью. В Меретском детском доме на 107 детей имелось 40 пар «ичигов», 30 пар валенок и 25 телогреек. В Каргатском детском доме на 96 детей было выделено 50 свитеров и 20 пар рваной обуви, в Куйбышевском

---

[1] ГАРФ. Ф. 9226. Оп. 1. Д. 535. Л. 8.
[2] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 925. Л. 79–82.
[3] ГАРФ. Ф. 9226. Оп. 1. Д. 638. Л. 2.

на 142 ребенка было выдано 41 зимнее пальто. Детские дома ощущали острую нехватку топлива — дети мерзли[1].

Из-за недостаточного питания, сырости, холода, плохой одежды дети часто болели. Среди воспитанников детских домов распространенным явлением было малокровие. Так, в Азовском детском доме (Омская область) в 1944 г. из 82 воспитанников 60 детей были ослаблены из-за плохого питания. В Ялуторовском детском доме удельный вес ослабленных детей достигал 90 %[2]. Медицинская помощь в детских домах из-за явной нехватки средств, а подчас и равнодушия взрослых, была организовано плохо. Больные дети не изолировались от здоровых воспитанников. Лекарств было мало. Даже чесотку приходилось лечить солью. В результате широкое распространение в детских домах получили инфекционные, желудочно-кишечные, кожные и гнойничковые заболевания. В уже упоминаемой выше записке уполномоченного КПК при ЦК ВКП(б) по Новосибирской области детально описывается состояние изолятора Зюзинского детского дома, где пребывали 12 больных детей. «Семь детей от 4 до 6 лет, — пишет уполномоченный, — больны трахомой, кожными гнойничковыми заболеваниями, чесоткой, экземой. Они лежали на одной кровати из топчанов, покрытые одним одеялом; остальные дети, больные трахомой, чесоткой, экземой и лишаями спали по 2 на кровати. В этом детском доме все дети больны кожными заболеваниями»[3]. Состояние Зюзинского детского дома отнюдь не было исключением из правила. Судя по процитированному выше документу, такая ситуация была повсеместной.

В 1945 г. сотрудники Всесоюзной государственной санитарной инспекции (*далее ВГСИ — В. И.*) организовали проверку 1559 детских домов СССР, итогом которой стала докладная записка «О санитарном состоянии детских домов СССР». В записке констатировалось: «При анализе полученных материалов резко бросается в глаза в большинстве обследованных объектов отсутствие необходимых санитарно-гигиенических условий, обеспечивающих нормальное развитие воспитанников детских домов… Мероприятия, проводимые органами здравоохранения по улучшению медико-санитарного обслуживания детей в детских домах, вследствие тяжелых материально-бытовых условий, не достигают должного эффекта»[4].

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 325. Л. 79–82.
[2] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 4389. Л. 7.
[3] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 925. Л. 82.
[4] ГАРФ. Ф. 9226. Оп. 1. Д. 638. Л. 2.

В связи со столь сложными условиями существования смертность среди воспитанников детских домов была существенно выше, чем среди детей, живущих с родителями. Но особенно трагично складывалась судьба детей, разными путями попадавших в дома ребенка, предназначенных для содержания самых маленьких детей. Так, в Томском доме ребенка на 1 октября 1943 г. содержалось 246 детей, из них в возрасте до 6 месяцев — 31 ребенок, от 6 месяцев до 1 г. — 52 ребенка. За период с января по октябрь 1943 г. здесь умер 31 ребенок, что составило более 12 % к списочному составу воспитанников. Летальность* от скарлатины в Томском доме ребенка превышала 33 %, от токсической диспепсии — 30 %. Летальность от воспаления легких в этом детском учреждении достигала невиданной даже в суровые годы войны величины — 75 %. Кроме того, в доме ребенка 12 детей скончались от дистрофии, 4 ребенка — от туберкулеза и 6 детей — от туберкулезного менингита[1].

В Новосибирском доме ребенка № 1 к началу 1943 г. содержалось 190 детей-дошкольников, из них 47 подкидышей, 47 детей тяжело болеющих матерей-одиночек, 20 сирот и 8 полусирот. Остальные прибыли из мест заключения матерей. В течение 1942 г. в доме ребенка скончалось почти 10 % воспитанников, в 1943 г. — 6 %. Большинство детей умерли от туберкулеза легких, токсической диспепсии, воспаления легких, острых инфекций и атрофии[2]. Работники детских домов и домов ребенка в военные годы делали многое, чтобы понизить детскую смертность. Но их деятельность объективно была ограничена рамками отпущенных на эти цели ресурсов.

Помимо детей в Западной Сибири в военные годы были и другие группы населения, подверженные риску повышенной смертности. Определить коэффициенты смертности различных половозрастных групп населения оказалось непростым делом из-за состояния источниковой базы. Для такого рода расчетов необходимы данные не только о числе умерших с разбивкой их по полу и возрасту, но и сведения о половозрастной структуре населения. Для городских поселений материалы о половозрастной структуре населения в военные годы почти полностью отсутствуют, за исключением некоторых отрывочных данных по Новосибирской области, которые не дают возможности выявить динамику процесса.

---

* Летальность — в медицинской статистике отношение числа умерших от какой-либо болезни к числу болевших этой болезнью. Выражается в процентах.

[1] ГАНО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 349. Л. 1.

[2] Там же. Л. 3–4.

Для определения половозрастной структуры сельского населения пришлось воспользоваться данными сельсоветского учета. Фактором, усложняющим расчеты, является погрешности текущей регистрации умерших, а также неточность материалов сельсоветов о составе детского населения. На их основе можно получить лишь приблизительные оценки, указывающие только на общие тенденции. К тому же изменения административно-территориального устройства Западной Сибири в 1943 и 1944 гг. делают используемые цифровые источники плохо сопоставимыми. Поэтому, чтобы элиминировать возможные искажения, расчет проведен только для Алтайского края, административно-территориальные границы которого в 1941–1945 гг. изменились незначительно. Будем, однако иметь в виду, что демографическая ситуация собственно в Алтайском крае как в капле воды отразила положение не только по Западной Сибири, но и по всем неоккупированным территориям СССР.

*Таблица 2.3.6**

Уровень смертности в различных половозрастных группах населения Алтайского края в 1942–1945 гг.**

Возраст (лет)	Число умерших на 1000 человек соответствующей половозрастной группы			
	1942 г.		1945 г.	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
0–24	25,1	18,6	7,0	4,9
25–49	51,4	5,8	23,3	5,0
50–54	22,6	4,7	22,0	5,0
55 и старше	65,6	29,9	39,9	22,7
Всего	31,5	15,7	13,3	7,4

* Источник: ТА ГКС АК.

** По административно-территориальному устройству текущих лет.

Данные *табл. 2.3.6* показывают, что демографически «слабой» группой тылового населения (после детей) оказались мужчины. Коэффициент смертности мужской части населения в 2 раза превышал смертность среди женщин. Крайне высокие показатели смертности были характерны для мужчин рабочего возраста от 25 до 49 лет, а также для мужчин старше 55 лет. В этих возрастных диапазонах коэффициент мужской смертности характеризовался катастрофическими величинами, превышая в 1942 г. величину 50 %. В этом году смертность мужчин в возрастной группе 25–49 лет превосходила

аналогичные женские показатели почти в 9 раз, в возрасте 50–54 года — в 5 раз, в возрасте 55 лет и старше — более чем в 2 раза.

Сверхсмертность мужчин самых активных, боеспособных и трудоспособных возрастов была «ахиллесовой пятой» советской военно-мобилизационной системы. Мужчины в годы Великой Отечественной войны являлись самым острым дефицитом. Без них не могла обойтись ни Красная армия, ни военная промышленность. Без труда мужчин застывало строительство, останавливался транспорт, замирало сельское хозяйство. Сверхсмертность мужчин активных возрастов усиливала их дефицит и возлагала на плечи женщин, подростков и стариков дополнительную как трудовую, так и психологическую нагрузку.

Причины сверхсмертности мужчин разнообразны. Но вряд ли правильно свести их только к биологическим факторам, в частности к относительно низкой (по сравнению с женщинами) жизнеспособности мужчин. Этот фактор действовал главным образом в младших возрастных диапазонах, в течение первого года жизни. В старших возрастах мощное воздействие оказывали факторы социального характера. Конкретные причины мужской и женской смертности детально рассмотрим на материалах Омской области.

Итак, удельный вес мужчин среди людей, умерших в 1942 г. достигал почти 60 %. Женщины численно преобладали среди умерших от некоторых инфекционных заболеваний, таких, например, как брюшной тиф, скарлатина, коклюш, дифтерия. Больше женщин, чем мужчин погибало от артериосклероза. Но это женское преобладание на самом деле кажущееся, поскольку женщины составляли большинство в населении. Поэтому правильным будет предположение, что интенсивность мужской и женской смертность от указанных причин была примерно одинаковой.

Вместе с тем, мужчины явно доминировали среди умерших от желудочно-кишечных болезней: гемоколита, токсической диспепсии и острого гастроэнтероколита. Много мужчин погибало от болезней явно социальной этиологии, обусловленных низким уровнем жизни, невозможностью соблюдать санитарные правила, например, от туберкулеза, сыпного тифа, воспаления легких. Значительно больше мужчин, чем женщин в 1942 г. скончалось от производственных и бытовых травм, в результате убийств и самоубийств. Много мужских жизней уносили злокачественные опухоли, сердечно-сосудистые заболевания и болезни органов кровообращения. В результате совокупного действия всех указанных причин, мужская смертность значительно превосходила женскую.

*Таблица 2.3.7**

Причины мужской и женской смертности в городских поселениях Омской области в 1942 г.**

Причины смерти	Число умерших (тыс. человек)			Удельный вес умерших, %	
	Оба пола	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Брюшной тиф	125	51	74	40,8	59,2
Сыпной тиф	114	65	49	57,0	43,0
Корь	568	282	286	49,6	50,4
Скарлатина	193	91	102	47,1	52,8
Коклюш	81	38	43	46,9	53,1
Дифтерия	259	120	139	46,3	53,7
Дизентерия	838	475	363	56,7	43,3
Гемоколит	299	209	90	69,9	30,1
Туберкулез	3569	2274	1295	63,7	36,3
Убийство	15	10	5	66,6	33,4
Самоубийство	68	43	25	63,2	36,8
Травмы	590	396	194	67,1	32,9
- в том числе: производственные	41	32	9	78,0	22,0
Рак	504	270	234	53,6	46,4
Артериосклероз	484	212	272	43,8	56,2
Грудная жаба	30	22	8	73,3	26,7
Прочие болезни сердца	2349	1199	1150	51,0	49,0
Болезни органов кровообращения	197	117	80	59,1	40,9
Воспаление легких	3527	2305	1222	65,3	34,7
Токсическая диспепсия	1257	685	572	54,5	45,5
Острый гастроэнтероколит	1384	850	534	61,4	38,6
Прочие	5795	3456	2339	59,6	40,4
Всего	22 246	13 170	9076	59,2	40,8

* Источник: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 161. Л. 2–2 об.
** По административно-территориальному устройству 1942 г.

Для того чтобы понять, в результате действия каких факторов формировались возрастные различия смертности, обратимся к статистическим материалам, характеризующим повозрастную смертность в зависимости от причин смерти.

*Таблица 2.3.8**

Возраст умерших в зависимости от причин смерти. (Городское население Новосибирской области). 1942 г., %**

Причины смерти	Возраст умерших (лет)											
	До 1 года	1-6	7-9	10-14	15-17	18-24	25-29	30-39	40-49	50-59	60 и старше	Возраст неизвестен	Всего
Брюшной тиф	15,9	9,6	11,8	7,1	12,1	10,7	14,6	8,8	5,2	17,8	16,3	0,1	100,0
Сыпной тиф	–	8,0	0,4	1,5	2,7	7,6	6,4	17,4	21,6	17,8	16,3	0,3	100,0
Корь	21,6	77,2	1,2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	100,0
Скарлатина	10,2	84,6	3,5	1,2	0,1	0,1	–	–	–	–	–	0,3	100,0
Коклюш	46,0	53,7	0,3	-	-	-	–	–	–	–	–	–	100,0
Дифтерия	15,5	79,6	2,9	0,8	0,8	0,1	–	–	–	–	–	0,3	100,0
Дизентерия	29,0	38,9	1,2	0,8	0,7	1,6	2,0	4,6	5,7	5,2	10,2	0,1	100,0
Гемоколит	8,1	18,4	0,9	3,0	1,3	10,1	10,4	15,1	14,3	8,3	10,0	0,1	100,0
Туберкулез органов дыхания	4,0	19,1	1,0	2,4	3,8	10,8	9,6	18,3	14,5	9,8	6,3	0,4	100,0
Травмы	2,2	12,2	4,5	6,4	6,6	13,7	8,0	17,8	12,9	7,1	7,6	1,0	100,0
Артериосклероз	–	-	-	0,2	0,4	0,2	0,7	4,0	9,5	20,3	62,9	1,8	100,0
Болезни сердца	–	1,6	0,4	0,5	6,7	2,2	1,8	7,1	10,2	18,3	51,3	0,1	100,0
Токсическая диспепсия	81,2	18,3	0,1	–	–	–	–	0,1	0,1	0,1	0,1	–	100,0
Острый гастроэнтероколит	50,2	18,5	0,4	0,4	0,6	10,7	2,0	4,2	4,0	2,1	6,9	–	100,0
Авитаминоз и дистрофия	-	8,3	0,8	-	0,8	10,2	6,6	18,0	18,2	14,6	22,3	0,2	100,0
Карбункул, фурункул, флегмона, абсцесс	34,7	13,7	–	2,7	1,4	2,7	4,8	14,4	6,8	7,5	10,3	1,0	100,0
Рак	–	–	–	0,1	0,1	0,8	2,0	8,9	18,4	25,7	43,4	0,6	100,0

* Составлена поданным: ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 736. Л. 40–40 об.

** По административно-территориальному устройству 1942 г.

Данные, сосредоточенные в *табл. 2.3.8* свидетельствуют, что повышенная детская смертность обусловливалась главным образом широким распространением так называемых «детских» инфекций, таких как корь, скарлатина, коклюш, дифтерия. Среди тех, кто скончался от скарлатины и дифтерии, почти 95 % составляли дети до 6 лет. Среди умерших от кори и коклюша удельный вес детей моложе 6 лет достигал 99 %. Значительный вклад в увеличение детской смертности вносили желудочно-кишечные болезни, такие как дизентерия, токсическая диспепсия и острый гастроэнтероколит. Повышенная смертность детей от этих заболеваний обусловливалась невозможностью соблюдать гигиенические правила, употреблением в пищу некачественных продуктов, а также слабой естественной сопротивляемостью детского организма.

Молодежь и люди рабочих возрастов погибали в основном от туберкулеза, сыпного и брюшного тифа, гемоколита, авитаминозов и дистрофии. Много жизней людей рабочих возрастов уносили травмы. Люди старших поколений умирали от болезней сердца, артериосклероза, рака.

В конечном итоге, все это говорит о том, что, возрастная структура причин смерти формировалась под воздействием не столько возрастного состава населения, сколько условий жизни. Сам по себе факт быстрого увеличения смертности в 1941–1942 гг. и очень широкое распространение причин смерти инфекционного, воспалительного и желудочно-кишечного происхождения свидетельствует о значительном ухудшении качества жизни. Государство, которое и в мирные годы «не баловало» рядовых советских людей, направляя львиную долю ресурсов в развитие тяжелой индустрии, в военные годы сосредоточил все имевшиеся в его распоряжении материальные средства в оборонной сфере. Достаточно сказать, что по официальным данным, расходы государственного бюджета СССР на военные нужды только за 1940–1942 гг. выросли на 91,2 %, тогда как ассигнования на социально-культурные нужды сократились в 1,3 раза[1]. Это была не только вынужденная мера, но и последствие закостенелой традиции, своего рода социальная стратегия.

Производство сельскохозяйственной продукции, не удовлетворявшее потребности населения и в мирные годы, в период Великой Отечественной войны резко сократилось. В СССР в целом валовой сбор зерновых и бобовых за 1941–1943 гг. уменьшился в 1,7 раза,

[1] Кравченко Г. С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 125.

а в Западной Сибири — более чем в 2 раза[1]. Вместе с тем, гитлеровцы оккупировали богатейшие аграрные районы СССР, что в еще большей степени урезало продовольственные ресурсы страны. Продукция пищевой промышленности СССР в 1945 г. по отношению к 1940 г. составила по муке всего — 51 %, по хлебу — 46, по крупе — 63, по сахару-песку — 22, по растительному маслу — 37, по животному маслу и молочным продуктам — 45 %[2].

Соответственно, уровень и структура питания тыловиков с началом войны изменились в худшую сторону. В рационе недоставало белков и витаминов. Понизилась калорийность питания. И если до войны в СССР на одного едока приходилось 3370 калорий в сутки, то в 1942 г. — 2555 калорий, или в 1,3 раза меньше[3]. Данные о калорийности питания приводят к выводу, что до войны, по крайней мере, в конце 1930-х гг., недоедание советских людей носило структурный характер. Людям хватало картошки и хлеба, но не доставало высококачественных продуктов, содержащих белки и витамины. В военные годы недоедание, а подчас и голод, особенно в сельской местности, приняли абсолютный характер. Такой авторитетный свидетель, как нарком торговли СССР, А. В. Любимов, отмечал, что в годы войны «пришлось ограничить потребление; наряду с уменьшением товарной массы произошло значительное обеднение ассортимента»[4].

Заместитель председателя Госплана СССР Г. П. Косяченко в записке «О производительности труда в угольной промышленности» в июле 1943 г. докладывал в СНК СССР: «Одним из наиболее серьезных недостатков в обслуживании рабочих является неудовлетворительная организация питания… Нормы отпуска продуктов, установленные для рабочих угольной промышленности, реализуются нерегулярно. Часто установленные по норме продукты заменяются другими, не равноценными для людей тяжелого физического труда»[5]. Если такое положение сложилось в высоко ценимой властями и относительно хорошо обеспеченной угольной промышленности, что же было в других отраслях экономики?

---

[1] Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М. 1970. С. 421, 424.

[2] Чернявский У. Г. Война и продовольствие. Снабжение городского населения в Великую Отечественную войну (1941–1945 гг.). М., 1964. С. 58.

[3] Там же. С. 179.

[4] Любимов А. В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М., 1969. С. 13.

[5] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 44. Д. 377. Л. 15, 21–22.

Цены на так называемых «колхозных базарах» резко выросли. Теперь для большинства горожан основным источником поступления продуктов стали продовольственные карточки. В городах Западной Сибири карточки были введены в сентябре 1941 г. Они позволили относительно равномерно и справедливо распределять имеющееся продовольствие, но от этого провизии не стало больше. Между тем, численность городского населения осенью 1941 г. увеличилась. Секретарь Новосибирского обкома И. А. Волков и председатель Облисполкома И. Т. Гришин в октябре 1941 г. докладывали заместителю председателя СНК СССР А. И. Микояну и секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Андрееву: «Выделенные фонды продовольственных товаров и имеющиеся местные фонды не удовлетворяют минимальных потребностей все увеличивающегося населения»[1]. Секретарь Новосибирского обкома по пищевой промышленности М. Гореловская и заместитель председателя Облисполкома Н. Беляев в октябре 1941 г. отмечали: «Около магазинов собираются колоссальные очереди (тысячи человек). В очередях преобладает сельское и эвакуированное население. Торговля мясом в магазинах почти не производится. Завоз основных сельскохозяйственных продуктов на колхозные рынки снизился»[2]. В справке «О состоянии торговли общественного питания в Омской области на октябрь 1943 года», подготовленной сотрудниками торгового отдела Омского обкома подчеркивалось: «Выделенные на 1942 г. фонды продовольственных и промышленных товаров не перекрывали потребность в продовольствии всех групп населения, имеющих гарантированную норму снабжения по продкарточкам. Выделенные фонды продтоваров удовлетворяли потребность от 45 % до 85 %»[3]. В 1942–1943 гг. в Омской области выделенные фонды покрывали потребность гарантированного снабжения по мясу — рыбе на 74 %, по жирам — на 66, по сахару — на 60 %[4]. Таким образом, население Западной Сибири испытывало острый дефицит не только мяса, рыбы, жиров, сахара, но даже картофеля и хлеба.

Ситуация не изменилась кардинально и на завершающем этапе Великой Отечественной войны. Характеризуя положение с обеспечением населения Омской области продовольствием в целом за три с половиной года войны, секретарь Омского обкома С. С. Румянцев

---

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 662. Л. 202.

[2] Там же. Л. 20, 21.

[3] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3758. Л. 85, 86.

[4] Там же. Д. 3636. Л. 101.

1 февраля 1945 г. докладывал секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову: «За годы войны… рыночные фонды по некоторым продовольственным и особенно промышленным товарам выделялись крайне недостаточно»[1]. В Омске в апреле 1944 г. дефицит хлеба составил 453 тонны, в Тюмени — 80, в Тобольске 39, в Ишиме — 20, в Таре — 18, а в Ялуторовске — 13 тонн[2].

Серьезные проблемы с обеспечением продуктами испытывал и Кузбасс, снабжение которого, как индустриального центра страны, было организовано все же лучше, чем в других регионах СССР. Первый секретарь Кемеровского обкома С. Б. Задионченко 8 января 1945 г. телеграфировал в СНК СССР: «По плану, установленному Наркомзагом, в декабре (*1944 г. – В. И.*) должны завезти в Кемеровскую область из Алтайского края муки — 2500 тонн, завезено 240 тонн, зерна 3000 тонн, завезено 430 тонн. Создается угроза перебоев в снабжении хлебом трудящихся Кузбасса»[3]. Впрочем, термин «перебои» в данном случае не совсем уместен, так как недостаток продуктов на протяжении всей войны был перманентным явлением. Так, заместитель директора Яшкинского цементного завода Ференс и секретарь партбюро завода Быков весной 1945 г. докладывали секретарю Кемеровского обкома С. Б. Задионченко: «Снабжение Яшкинского цементного и Шиферного заводов продуктами и промтоварами через ОРС цемзавода находится в крайне неудовлетворительном (*так в источнике – В. И.*) состоянии… На протяжении более года в Яшкино не было завезено ни одного килограмма сортовой муки. Фонды мясо (*так в источнике – В. И.*) облторготдел на протяжении 1-го квартала отоваривал заменителями в количестве 55 %, причем заменители не обеспечивались поставками… Наряды на рыбопродукты в 3 и 4 кварталах 1944 г. были отоварены на 65 %. Такое положение создает крайне невозможное состояние с обеспечением рабочих заводов»[4].

Нехватка продуктов питания не только ухудшала структуру потребления (так называемый «латентный голод» (белково-витаминное голодание, которое способствует снижению сопротивляемости организма), но вело к открытому голоду. О голоде, или, во всяком случае, длительном хроническом недоедании населения свидетельствуют документально зафиксированные многочисленные случаи

---

[1] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 4391. Л. 15.
[2] Там же. Д. 4046. Л. 28.
[3] ГАКО. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 304. Л. 1.
[4] Там же. Л. 27–29.

дистрофии. Заместитель секретаря Омского обкома по торговле Потапов в справке «О некоторых фактах тяжелого состояния в снабжении населения области продовольственными и промышленными товарами», подготовленной 16 июля 1944 г. для секретаря обкома С. С. Румянцева, писал, что на заводе № 20 около 80 % работников истощены, а 243 человека страдают дистрофией в острой форме. На заводе № 29 в 1944 г. зафиксировано 545 больных дистрофией. Врачи заводской поликлиники в течение 6 месяцев 1944 г. зарегистрировали 8 случаев смерти от дистрофии. Рабочий Мищенко и инженер Антонов, в состоянии крайней степени истощения, умерли на приеме у врача. На заводе № 166 болели дистрофией 500 человек. В феврале и марте 1944 г. на этом заводе от дистрофии скончались 6 человек [1]. Нарком авиационной промышленности СССР А. И. Шахурин вспоминал, что люди, бывавшие в годы войны на заводах наркомата, видели «худых, истощенных людей, часто с опухшими ногами, черными кругами под уставшими от напряженной работы глазами. Видели молодых парней и девчат, худых, узкогрудых, работающих у станков и прессов на подставках»[2].

Аналогичное положение сложилось и в учебных заведениях. Они снабжались значительно хуже, чем оборонные предприятия. В Омске, в ремесленном училище № 9 из 200 учащихся дистрофией страдали в феврале 1944 г. — 28 человек, в марте — 34, в апреле — 40 человек. В школе ФЗО № 13 все 86 воспитанников страдали малокровием, а в ремесленном училище № 1 число заболевших дистрофией 1-й степени достигало 68 человек, 2-й степени — 6 человек[3]. Резюмируя, Потапов, в вышеупомянутой записке пришел к выводу, что «состояние питания привело к высокой заболеваемости туберкулезом и дистрофией»[4].

Но если городское население все же обеспечивалось продуктами питания их централизованных фондов, по карточкам, то жители деревни должны были полагаться исключительно на свои силы. Производство сельскохозяйственной продукции сокращалась, но объем обязательных заготовок был увеличен, так как количество едоков резко выросло. Крестьянство теперь должно было кормить не только горожан, но и огромную армию. По данным В. Т. Анискова в 1942 г. удельный вес отчислений в счет заготовок достиг в Сибири 52,4 %

[1] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 4389. Л. 1–2.
[2] Шахурин А. И. Крылья победы. М., 1985. С. 214.
[3] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 4389. Л. 1–3, 7.
[4] Там же. Л. 1.

валового сбора зерновых и бобовых, а на Алтае превысил 54 %[1]. Еще до войны натуроплата по трудодням не обеспечивала существование колхозников. Во время войны она была сведена к смехотворному минимуму. Так, в колхозах Барабинского района Новосибирской области выдача зерна по трудодням в 1942 г. составила 370 гр., а в 1943 г. понизилась до 260 гр. В колхозах Доволенского района она понизилась с 440 гр. в 1942 г. до 190 гр. в 1943 г., в Колыванском соответственно с 340 до 270 гр., в Кочковском с 400 до 210 гр., в Легостаевском с 390 до 270 гр., в Пихтовском с 270 до 220 гр., в Чистоозерном с 420 до 190 гр., в Карасукском — с 350 до 130 гр., в Чулымском — с 170 до 140 гр.[2] Несколько лучше была ситуация в Кемеровской области. Но и здесь колхозники в 1942 г. получили на трудодень всего 0,8 кг зерна, в 1943 г. — 0,5 кг, в 1944 г. — 0,7 кг зерна[3].

Колхозники зарабатывали на трудодень один, в лучшем случае, полтора — два стакана зерна. И если город балансировал на грани голода, то деревня голодала. Сообщения о голоде в деревне в органы власти шли потоком. В декабре 1941 г. прокурор Новосибирской области докладывал секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Андрееву о письмах колхозниц сельхозартели им. Чапаева Татарского района. Те писали: «Колхозники голодные и холодные вынуждены есть павших лошадей и коров и скоро будем есть кошек и собак»[4]. Начальник УНКВД по Алтайскому краю К. С. Волошенко в записке о политических настроениях колхозниц 12 февраля 1942 г. писал: «Жена красноармейца Попова (село Тунджа) заявила — «Хлеба нисколько не дают, некоторые колхозники сидят без хлеба и голодают». Жена красноармейца Ландарева (село Гусевка) сказала — «Хлеба нет. Все сушат картофельные шкурки». Жена красноармейца Вотникова (село Волчиха) сказала — «Живем мы сейчас очень плохо, хлеба у нас нет, картошки тоже нет, вообще нет ничего»[5]. Колхозница колхоза «2-я пятилетка» Здвинского района Новосибирской области К. К. Еремина, муж которой находился на фронте, в феврале 1942 г. в письме в обком сообщала: «Я в течение нескольких дней со всей семьей оставалась совершенно голодная… Дети все плачут — просят есть… Я решила тогда задавить всех детей и сама покончить жизнь самоубийством, но в этот день узнала, что в колхозе пал бык,

---

[1] Анисков В. Т. Жертвенный подвиг деревни. Крестьянство Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск. 1993. С. 66.

[2] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 8. Д. 25. Л. 89.

[3] ГАКО. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 300. Л. 13.

[4] Анисков В. Т. Жертвенный подвиг деревни. С. 144.

[5] ЦХАФАК. Ф. 1. Оп. 18. Д. 155. Л. 138.

которого вывезли на свалку. Я вместе с сыном нарубила мяса этого быка и в течение шести дней питались. В январе в течение нескольких дней мы питались жмыхом, который воровали на скотном дворе колхоза»[1].

Проверка материально-бытовых условий рабочих и служащих совхоза Стрункино, организованная в 1944 г. прокуратурой Омской области совместно с отделом здравоохранения Называевского района выявила 32 случая дистрофии среди русских, 29 случаев среди калмыцких и 27 случаев дистрофии среди немецких семей. В марте 1944 г. в совхозе от дистрофии умерли 16 человек[2]. «Наличие заболеваний дистрофией — докладывал прокурор Омской области в обком, — имеет место не только в совхозе Стрункино, но и в совхозе "Искра" и в ряде колхозов района, а также в самом районном центре»[3]. В селе Называевское в конце февраля 1944 г. по результатам подворного обхода было выявлено 185 дистрофиков, из них 130 детей, большинство из семей фронтовиков[4]. Руководитель Называевской районной ГСИ Михалева в марте 1944 г. сообщала председателю исполкома райсовета: «При проведении подворного обхода в колхозах Называевского района "Завет Ильича", "Омский Комсомол", "Спартак", "Буденный", им. Ленина, "Правда", "Парижская Коммуна" и др. установлено полное отсутствие хлеба и его заменителей, таких продуктов, как картофель, крупа. Вместо хлеба колхозники на трудодни получают семена сорняков, главным образом дикой горчицы, лебеды. Их размалывают на жерновах, а из муки темно-серого цвета пекут лепешки черного цвета горького вкуса. При осмотре выявлено 100 % детей с малокровием. Внешний вид детей производит тяжелое впечатление. Совершенно бледные лица с большими впалыми глазами, атрофичной мускулатурой»[5].

Инструктор военного отдела Новосибирского обкома в справке «О результатах проверки состояния разбора жалоб и писем, а также и обслуживания семей военнослужащих и инвалидов отечественной войны в Здвинском районе», в конце 1944 г. писал: «Большинство колхозников, семей военнослужащих с декабря и января не имели ни хлеба, ни картофеля, ни овощей, при том почти отсутствовало централизованное снабжение. В колхозе "6-й съезд Советов" обследовано 32 семьи, из них с резким истощением и безбелковым отеком

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 565. Л. 42.
[2] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3916. Л. 73.
[3] Там же. Л. 74.
[4] Там же.
[5] Там же. Л. 76.

18 семей, продуктов не имеют никаких, употребляют в пищу древесные опилки, мякину, картофельную ботву. В колхозе "Прибережье" обследовано 15 семей военнослужащих, из коих у 5-ти семейств безбелковый отек, у 8-ми сильное истощение, у двух семейств голодная смерть. Дети оставляют школу, имеется смертность от голода, употребление в пищу мяса павших животных, лисиц, собак»[1].

С целью максимального использования ограниченных продовольственных ресурсов, пищевая промышленность СССР приступила, дополнительно, к выпуску заменителей — солодового молока, мясорастительной и субпродуктовой колбасы, растительных котлет. К употреблению были допущены продукты, ранее категорически запрещенные санитарным законодательством, например, финозное мясо. Результат не заставил себя ждать. В 1942 г. в СССР была зафиксирована 191 вспышка массовых пищевых отравлений с более чем 13 тыс. пострадавших. По сравнению с 1941 г. число пищевых отравлений почти утроилось, а количество пострадавших выросло в 3,5 раза[2]. Прокурор Омской области Теребов докладывал в обком ВКП(б), что 20–26 августа 1942 г. на заводах №№ 166, 174, 513, 357, 29 и других отравилось 1500 человек. Из них 2 % получили отравления в тяжелой форме. В начале января 1943 г. на заводе № 174 некачественными продуктами отравились 94 человека. В апреле 1943 г. в больницы Омска поступило 733 человека с жалобами на боль в животе, головную боль и рвоту. Как оказалось, все они употребляли недоброкачественную ливерную колбасу, продававшуюся в заводских столовых[3].

Возведение полноценного жилья (и без того ограниченное в довоенное время) практически прекратилось. Эвакуированных в восточные районы СССР беженцев размещали, уплотняя местных жителей, приспосабливая под жилье чердаки, подвалы, склады, клубы, недостроенные здания. Люди вынуждены были селиться в бараках, землянках, общежитиях барачного типа с многоярусными нарами. В Омске в 1940 г. жилая площадь на одного человека составляла 3,2 кв. м., в 1943 г. и того меньше — 2,2 кв. м. В Тюмени на одного горожанина приходилось в 1942 г. 3,3 кв. м. жилья, в 1943 г. — 2,5 кв. м[4]. В крупнейшем городе Сибири — Новосибирске бараки и землянки составляли в годы войны почти половину жилых

---

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 8. Д. 602. Л. 14–15.
[2] ГАРФ. Ф. 9226. Оп. 1. Д. 636. Л. 112.
[3] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3640. Л. 120, 123, 124.
[4] Там же. Д. 3636. Л. 104.

площадей[1]. Около 40 % рабочих комбината № 179 проживали в общежитиях, которые представляли собой каркасно-засыпные дома, бараки, землянки и мансарды[2]. В общежитиях Новосибирска, в большинстве своем оборудованных нарами-вагонками в два и даже три яруса, на одного человека приходилось от 1,8 до 2-х кв. м. жилой площади[3]. В справке «О материально-бытовом обслуживании рабочих и служащих предприятий гор. Новосибирска», составленной заведующим оргинстрксторского отдела обкома Шепелевым летом 1944 г. указывалось: «Придя после работы в общежитие, рабочие попадают в сплошной муравейник клопов. Поэтому они вынуждены спать на улице и в грязных коридорах. В общежитиях исключительная грязь, масса клопов, в силу чего рабочие вынуждены спать на крышах бараков»[4].

В связи с ростом военного производства, притоком эвакуированных и мобилизованных крестьян, нагрузка на слабо развитое коммунальное хозяйство сибирских городов многократно возросла. Только 6–7 % жилых домов Новосибирска были подключены к водопроводу, 4 % к канализации. Ассенизационные обозы из-за нехватки транспорта и рабочей силы вывозили лишь 15–20 % годового накопления мусора. В решении исполкома Новосибирского облсовета от 7 мая 1942 г. подчеркивалось: «Очистка городов и населенных пунктов проходит неудовлетворительно, а в Томске, Тайге, Ленинске-Кузнецком, Татарске, Мариинске, Черепаново, Искитиме и Куйбышеве очистка сорвана. Ни один город Новосибирской области не обеспечен ассобозом в достаточной степени для проведения систематической полной очистки»[5].

Ресурсов на развитие коммунального хозяйства катастрофически не хватало, в связи с чем острой проблемой в военные годы стала нехватка чистой питьевой воды. Так, на одного жителя Новосибирска приходилось всего 30–50 л. воды, вместо 100 л. по санитарным нормам[6]. В Томске в 1942 г. суточный дефицит воды составлял 21 тыс. куб. м., в Сталинске — 13,5 тыс., в Прокопьевске — 5 тыс. куб. м[7]. Исполком Новосибирского облсовета в своем решении от 21 мая 1942 г. констатировал: «Такое состояние с водоснабжением в городах

1 НГГА. Ф. 33. Оп. 1. Д. 481. Л. 202 об.
2 ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 195. Л. 12а об.
3 Там же. Оп. 5. Д. 59. Л. 115.
4 Там же. Оп. 7. Д. 195. Л. 14–15.
5 Там же. Ф. 29. Оп. 1. Д. 247. Л. 23–24.
6 НГГА. Ф. 33. Оп. 1. Д. 560. Л. 13, 20, 22.
7 ГАНО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 247. Л. 30.

и рабочих поселках ставит в чрезвычайно опасное положение города в санитарном отношении, способствует эпидемическим заболеваниям»[1].

Многочисленные архивные документы свидетельствуют, что кризис жилищно-коммунального хозяйства был характерен не только для Новосибирской области, но для всех без исключения городов Западной Сибири. В Тюмени потребность населения в воде в 1941–1943 гг. удовлетворялась всего на 37 %, в Омске — на 55 %[2]. В отчете ГСИ Омской области за 1943 г. подчеркивалось: «В некоторых частях города население буквально испытывает голод в воде, особенно на окраинах. Имеются факты, когда население северных улиц, линий восточного поселка забирает воду из болота около кирзавода, пользуется недоброкачественной водой колодцев»[3].

Средства личной гигиены превратились в остро дефицитный товар. С полок магазинов исчезли мыло, зубные щетки, зубной порошок, полотенца, мочалки. В Новосибирской области план по производству мыла за 10 месяцев 1942 г. был выполнен всего на 19 %[4]. «Снабжение семей начальствующего состава продуктами питания, промтоварами, теплой одеждой, обувью — указывалось в справке Омского обкома «О выполнении постановления бюро обкома ВКП(б) от 16 октября 1941 г. "О трудовом и бытовом устройстве эвакуированных семей начальствующего состава Красной Армии и Военно-Морского флота", — поставлено неудовлетворительно. Большинство семей испытывают затруднения в таких видах товаров и продуктов, как картофель, крупа, соль, керосин, мыло, теплая обувь, одежда и т. п.»[5].

Бани из-за нехватки горячей воды сократили объемы оказываемых услуг. Многие из них были закрыты, так как не хватало средств на ремонт. В Белово бани обеспечивали всего 13 помывок в год на человека, в Новосибирске — 18 помывок, тогда как санитарные нормы требовали 36 помывок[6]. В городах Омской области 1943 г. бани удовлетворяли потребности населения всего на 38 %[7]. В Томске в 1941–1942 гг. число людей, помывшихся в городских банях, сократилось на 41 %. Вместе с тем, заболеваемость сыпным тифом

[1] ГАНО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 247. Л. 30.
[2] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3636. Л. 104.
[3] ГАРФ. Ф. 9226. Оп. 1. Д. 535. Л. 5.
[4] Там же. Ф. А-482. Оп. 47. Д. 409. Л. 118 об.
[5] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3083. Л. 3.
[6] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 354. Л. 206.
[7] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3636. Л. 104.

выросла в 55 раз[1]. Заместитель начальника Новосибирского областного статистического управления Пименов и начальник сектора населения и здравоохранения Лившиц в докладной записке, направленной 4 апреля 1942 г. в ЦСУ СССР, объясняя причины резкого роста смертности от инфекционных заболеваний, нашли необходимым специально указать: «Снижение количества бань, снижение пропускной способности и количество мывшихся, при одновременном росте населения привело к тому, что в банях существовали и существуют громаднейшие очереди, что затрудняет гражданам регулярно посещать бани и выполнять элементарные гигиенические правила»[2].

Педикулез (завшивленность) в военные годы получил самое широкое распространение. Из прокуратуры Омской области сигнализировали в обком: «Многие рабочие завшивлены, по месяцу и более не бывали в бане»[3]. Начальник секретно-политического отдела УНКВД по Алтайскому краю Бетин в докладной записке, 29 января 1943 г. направленной в Алтайский крайком подчеркивал: «увеличение заболеваемости сыпным тифом происходит в большинстве случаев из-за отсутствия в ряде районов края достаточных средств борьбы и как результат этого среди населения наблюдается большая завшивленность и особенно среди детей школьного возраста»[4]. В Сорокинском районе края среди школьников было обнаружено 70 % завшивленных, в Барнаульском сельском районе в Доме инвалидов войны — до 50 %[5]. В Новосибирске в 1942 г. педикулез среди школьников достигал 14 %, а в общежитиях некоторых заводов — 100 %[6]. Распространение педикулеза являлось основным условием роста заболеваемости сыпным тифом.

Важным фактором, способствующим распространению острых инфекций и желудочно-кишечных заболеваний, были интенсивные миграции населения. Начальный период Великой Отечественной войны характеризовался огромными по масштабам территориальными передвижениями людей. В восточные районы страны хлынули сотни тысяч эвакуированных, раненых бойцов и командиров Красной армии, а также спецпереселенцев. В западном направлении перемещались части и соединения Красной армии. Транспорт

---

[1] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 791. Л. 61.
[2] Там же. Л. 141.
[3] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3640. Л. 42.
[4] ЦХАФАК. Ф. П-1. Оп. 18. Д. 290. Л. 59.
[5] Там же.
[6] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 59. Л. 115.

работал с максимальным напряжением. Крупномасштабные передвижения людского контингента в условиях почти полной антисанитарии, повышенная вынужденная контактность в пути не могли не привести к росту заболеваемости.

*Таблица 2.3.9**

Динамика инфекционной заболеваемости населения Западной Сибири в 1941–1942 гг.**

Заболевание	Всего случаев		1942 г. в % к 1941 г.
	1941 г.	1942 г.	
Дизентерия	20 778	26 927	129,6
Корь	63 778	40 115	63,9
Скарлатина	11 879	18 660	157,1
Дифтерия	6104	11 350	185,9
Коклюш	23 073	21 738	94,7

* Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 793. Л. 204.

** По административно-территориальному устройству 1942 г.

Как подтверждают материалы, помещенные в *табл. 2.3.9*, в течение 1941–1942 гг. в Западной Сибири число случаев таких опасных болезней, как дифтерия выросло на 86 %, скарлатины — на 57, дизентерии — почти на 30 %. Увеличились и относительные показатели заболеваемости. В Алтайском крае, в частности, индекс заболеваемости (число случаев на 10 000 человек населения) скарлатиной повысился с 5,9 в 1940 г. до 15,2 в 1942 г., дифтерией с 4 до 10,2, бруцеллезом с 5,6 до 16,4[1]. В Омской области за 1940–1942 гг. индекс заболеваемости дифтерией вырос почти в 4 раза, дизентерией — в 1,5 раза, а скарлатиной — утроился[2].

Сокращение заболеваемости в 1942 г. произошло по кори. Причина в том, что в 1940 и частично в 1941 гг. (как уже говорилось ранее) Советский Союз был охвачен эпидемией этой опасной болезни. В результате сформировался круг детей, обладающих повышенной иммунной защитой. Аналогичным образом складывалась ситуация по коклюшу.

Смертельную опасность для жизни населения тыловых районов представлял рост паратифа, возвратного, сыпного и брюшного тифов. Тиф, если не воздвигнуть на пути его распространения прочные санитарные барьеры, мог привести к катастрофе, унести жизни

---

[1] ЦХАФАК. Ф. 726. Оп. 3. Д. 35. Л. 6 об.

[2] ГАОО. Ф. 1143. Оп. 4. Д. 26. Л. 8.

тысяч людей и даже нарушить работу промышленных предприятий. В начале войны самая высокая степень пораженности населения сыпным тифом в Западной Сибири была характерна для Новосибирской области, принявшей большое количество эвакуированных граждан. Осенью 1942 г. Новосибирская область заняла первое в РСФСР место по заболеваемости сыпным тифом[1]. Эпидемия тифа вспыхнула и в Алтайском крае. Здесь в 1942 г. по отношению к 1941 г. заболеваемость сыпным тифом выросла почти в 4 раза, брюшным тифом — утроилась, паратифом — увеличилась сразу в 70 раз[2]. В Омской области во втором полугодии 1941 г. по отношению ко второму полугодию 1940 г. заболеваемость сыпным тифом выросла на 82 %[3]. В целом по СССР заболеваемость сыпным тифом за 1940–1942 гг. выросла почти в 15 раз[4].

Серьезную угрозу жизни людей несли желудочно-кишечные болезни, а также такое инфекционное заболевание отчетливо выраженного социального характера, как туберкулез, в особенности туберкулез органов дыхания. В структуре заболеваемости военных лет все чаще стали появляться и такие сравнительно редко фиксируемые в мирные годы заболевания, как цинга и пеллагра.

Само по себе увеличение заболеваемости не могло вызвать резкого повышения смертности. Прямой связи между уровнем заболеваемости и смертностью в XX столетии, когда медицина и фармакология получили полноценное развитие, уже не существовало. Действительные причины повышения смертности населения в тыловых районах СССР в 1941–1942 гг. были сложнее. Основным фактором нарастания смертности в начале Великой Отечественной войны явилось не столько повышение инфекционной и желудочно-кишечной заболеваемости, сколько ослабление с началом войны государственной системы здравоохранения, удручающая неготовность к войне многих институтов советского государства, в том числе и медико-санитарных служб. Причем эта неготовность выражалась далеко не в количественных аспектах. Как раз с этой стороны все было в порядке — в СССР в 1930-е гг. была создана разветвленная сеть противоэпидемических учреждений, санитарно-контрольных органов, неплохо оборудованных больниц, поликлиник и амбулаторий. Имелось достаточно врачей и среднего медицинского персонала.

[1] ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 47. Д. 409. Л. 117.

[2] ЦХАФАК. Ф. 726. Оп. 3. Д. 35. Л. 6 об.

[3] ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 1. Д. 53. Л. 8.

[4] Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Историко-демографические очерки. Новосибирск. 2000. С. 153.

Неготовность носила скорее качественный характер — низкая квалификация медперсонала, организационная беспомощность чиновников, слабое администрирование и, как следствие этого — крайне неэффективное использование имевшихся медицинских ресурсов.

На железных дорогах страны осенью 1941 — зимой 1942 гг. царил хаос. Приказ наркома путей сообщения Л. М. Когановича от 22 ноября 1941 г. о продвижении эшелонов с эвакуированными со среднесуточной скоростью не менее 500–600 км не выполнялся. Поезда, в лучшем случае, проходили до 300 км в сутки[1]. «Обстановка складывалась не так, как предполагалось, — вспоминал А. И. Микоян (в июле 1941 г. первый заместитель председателя Совета по эвакуации). — Не хватало ни времени, ни транспорта. Положение на железных дорогах крайне осложнилось»[2]. Сама эвакуация проводилась беспорядочно, планы фактически отсутствовали. Созданные в спешке эвакопункты не в состоянии были снабдить людей не только продуктами, но даже чистой питьевой водой в необходимых количествах. Санитарное и материальное обеспечение эвакуации было явно недостаточным из-за нехватки ресурсов, растерянности, безответственности и нераспорядительности властей. Большинство эвакуированных граждан, пораженных педикулезом, не проходило санитарную обработку ни в пути, ни по прибытии в пункты назначения. Больные не изолировались от здоровых, не получали минимально необходимой медицинской помощи. В лучшем случае их снимали с поездов, доставляли в привокзальные медпункты, которые из-за нехватки лекарств, врачей и фельдшеров не могли оказать квалифицированную помощь.

Санитарное положение вокзалов и станций оказалось неудовлетворительным. Пристанционные площади не были оборудованы даже простейшими туалетами, не говоря уже о банях, дезинфекционных и дезинсекционных пунктах. Зачастую эвакуанты проводили в зданиях вокзалов по нескольку недель. Начальник Отдела железнодорожной милиции на вокзале Новосибирск-главный старший лейтенант Москвин 15 октября 1941 г. докладывал председателю Новосибирского горсовета Глыбину: «Дальнейшее скопление и длительное пребывание пассажиров в вокзале без санобработки не исключает возможности эпидемических заболеваний»[3].

---

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 481. Л. 326.

[2] Микоян А. И. В Совете по эвакуации // Военно-исторический журнал. 1989. № 1. С. 31, 37.

[3] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 481. Л. 42.

Через неделю после начала Великой Отечественной войны, 30 июня 1941 г. Наркомат здравоохранения СССР и Наркомат путей сообщения спешно разработали совместное положение «О медико-санитарном обслуживании населения», которое предусматривало комплекс противоэпидемических мероприятий на транспорте [1]. Но все пункты положения на практике оказались благими пожеланиями. Они не могли быть реализованы из-за дефицита ресурсов и организационного хаоса. В конце августа 1941 г. нарком здравоохранения СССР Г. А. Митерев был вынужден издать приказ, в котором констатировал: «Произведенной НКЗ (*Наркомат здравоохранения – В. И.*) СССР проверкой работы ряда эвакопунктов и медико-санитарных организаций железно-дорожного транспорта установлено, что положение о медико-санитарном обслуживании эвакуированного гражданского населения, утвержденного мною 30 июня 1941 г. не выполняется… Врачебные контрольные пункты на железно-дорожных узлах работают формально… Не налажено водоснабжение доброкачественной питьевой водой эшелонов. Надлежащего контроля за уборкой территории станций, железнодорожных путей, а также железнодорожных вокзалов и поселков не установлено»[2].

Заведующий Новосибирским облздравотделом Н. Лапченко, в служебной записке «Организация медико-санитарного обслуживания эвакуированных в Новосибирскую область» указывал, что в ноябре 1941 г., в самый напряженный месяц пассажироперевозок, доля эвакуированных, прошедших санобработку не превышала 10 %, в декабре – 20 %. По данным облздравотдела за первые полгода войны, с 20 июля 1941 г. по 14 января 1942 г., через станцию Новосибирск-главный проследовало 407 эшелонов с 356 тыс. пассажиров. Из них санобработку прошли только 12 %[3]. В отчете политотдела Томской железной дороги за октябрь 1941 г. подчеркивалось: «Медпомощь организована плохо, в изоляторе допускается продолжительное время нахождения больных с различными инфекционными заболеваниями. Проходящие эшелоны с эвакуированным населением находятся в антисанитарном состоянии, отмечается высокий процент завшивленности, санобработке в пути следования и в местах разгрузки не подвергаются, что грозит возникновением

---

[1] ГАРФ. Ф. 9226. Оп. 1. Д. 636. Л. 73.

[2] Там же. Ф. А-482. Оп. 47. Д. 685. Л. 62.

[3] Там же. Д. 683. Л. 1–2.

и распространением паразитарных тифов… Питание эвакуированных организовано крайне неудовлетворительно, особенно детское»[1].

Основная масса эвакуированных граждан, прибывших в пункты назначения, расселялась среди местного населения без предварительной санитарной обработки. Председатель комиссии по здравоохранению Новосибирского горсовета Шитов докладывал: «Прибывающее население, не подвергаясь обработке, расходится по всему городу. Санитарного шлюза вокзал не имеет»[2]. Представитель Наркомздрава СССР в Омской области Н. П. Константинов в августе 1941 г. сообщал в Омский обком: «Прибывшее население не обрабатывается и расселяется с дороги в квартиры без санобработки, расселяется в квартиры, где есть больные, или больных расселяют в здоровые квартиры, чем создается дальнейшее рассеивание инфекции»[3].

Аналогичная ситуация сложилась и в 1942 г., в ходе второй волны эвакуации. Так, через станцию Новосибирск-главный в 1942 г. проследовало 322 эшелона с 742 тыс. пассажиров. Из них санобработке подверглись всего 16 %. В отчете ГСИ Новосибирской области за 1942 г. указывалось, что «большинство эшелонов, прошедших через узловые станции, не проходили санобработки на местах формирования, а многие из них и на крупных станциях в пути»[4].

Железнодорожный транспорт, осуществлявший основные грузоперевозки оказался, таким образом, основным источником распространения инфекционных болезней. Чтобы подтвердить это, воспользуемся материалами Барабинской санитарно-эпидемиологической станции (*далее – СЭС – В. И.*) об инфекционной заболеваемости Барабинска, расположенного непосредственно на Транссибирской железнодорожной магистрали, и сопоставим их с данными по заболеваемости Северного района Новосибирской области, географически расположенного в стороне от основных транспортных путей. Если в Барабинске число случаев сыпного тифа за 1941–1942 гг. увеличилось в 61 раз, то в Северном районе заболеваемость сыпным тифом вообще не увеличилась. По брюшному тифу рост заболеваемости составлял соответственно 717 и 279 %[5].

Инфекции распространялись вместе с потоком беженцев. И если в Западной Сибири, принявшей во втором полугодии 1941 г.

---

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 486. Л. 14 об.
[2] НГГА. Ф. 33. Оп. 1. Д. 560. Л. 43.
[3] ГАОО. Ф. 1143. Оп. 1. Д. 116. Л. 36.
[4] ГАРФ. Ф. 9226. Оп. 1. Д. 483. Л. 98 об.
[5] ГАНО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 411. Л. 1.

большое количество эвакуированных и спецэвакуированных — немцев, заболеваемость сыпным тифом выросла в 2–3 раза, то в Восточной Сибири, где было сравнительно немного эвакуантов, заболеваемость сыпным тифом практически не увеличилась. Только этим можно объяснить тот факт, что в отдельных населенных пунктах Западной Сибири, расположенных вдоль железнодорожных путей показатели смертности достигли в 1942 г. катастрофических величин. Так, в Тюмени в этом году общий коэффициент смертности составлял 47 %, в Ишиме — 45 %[1]. Аналогичным образом распределялась и детская смертность — чем ближе к железной дороге, тем выше были её показатели. В Тюмени коэффициент детской смертности в 1942 г. повысился до 466 %, в Ишиме — до 426, в Куйбышеве (Новосибирской области) — до 331, в Тайге — до 354, в Томске — до 400 %[2].

Опасность инфекционной заболеваемости усиливалась вследствие острого недостатка лекарственных препаратов. В начале Великой Отечественной войны значительная часть химико-фармацевтических предприятий и складов оказались на территории, занятой врагом. Многие предприятия прекратили работу, так как были демонтированы и перемещались в тыловые районы. Осенью 1941 г. производство медицинских препаратов в СССР упало до самой низкой в годы Великой Отечественной войны отметки. В ноябре 1941 г. по сравнению с ноябрем 1940 г. советская химико-фармацевтическая промышленность выпустила менее 8 % лекарственных средств[3]. В 1942 г. восстановить выпуск медицинских препаратов не удалось. Производство акрихина в СССР в 1942 г. Было ниже уровня 1940 г. в 14 раз, кофеина — в 6, остро необходимых препаратов сульфаниламида — в 2, фенатецина — в 33 раза[4]. Одновременно резко сократилось производство медицинского инструментария: шприцев, медицинских иголок, автоклавов, хирургических инструментов.

Лекарственные препараты из запасов, изготовленных еще до войны, сохранившиеся на складах глубокого тыла, а также медицинский инструментарий направлялись главным образом в госпитали для лечения раненых. Гражданское население столкнулось с острым дефицитом лекарств. Если в первом квартале 1941 г. товарооборот аптек РСФСР составлял 222 млн руб., то в четвертом

[1] ГАТюмО. Ф. 1725. Оп. 1. Д. 21. Л. 104.
[2] ГАОО. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 1136. Л. 93; ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 736. Л. 6. 8.
[3] Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: Энциклопедия. М., 1985. С. 440.
[4] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 46. Д. 835. Л. 16.

квартале — 154 млн., а в первом квартале 1942 г. всего — 120 млн руб.[1] Врачи были вынуждены перейти на некачественные заменители и природные средства: травы, хвою, ягоды и т. д. В декабре 1943 г., на IV пленуме больничного совета НКЗ СССР и НКЗ РСФСР, заместитель наркома здравоохранения СССР С. А. Колесников, подводя итоги работы медиков за два с половиной года Великой Отечественной войны, признал: «В первый период войны мы не могли дать больницам в нужном количестве основных медикаментов»[2].

В связи с мобилизацией в Красную армию врачей, их число в тыловых районах страны заметно сократилось. В течение всего второго полугодия 1941 г. гражданское население тыловых районов оставалось фактически без медиков. Так, в Новосибирской области на фронт ушло 55 % врачей[3]. В справке инспектора по детству Новосибирского облздравотдела Э. С. Дынкевич констатировалось: «В связи с призывом значительного числа педиатров в армию… имеется ухудшение медицинского обслуживания, местами повышение заболеваемости»[4]. Заведующая Барнаульским горздравом Казакова, характеризуя кадровую ситуацию, сложившуюся в начале войны, подчеркивала: «С 22 июня — 41 г. по ноябрь 1941 г. детские учреждения не были укомплектованы врачебными кадрами (призваны в РККА). Патронажные сестры также отсутствовали (призваны в РККА)»[5]. В Алтайском крае в связи с переходом медиков в Красную армию сменилось 84 % главных врачей[6].

Таким образом, воздействие внешних, неблагоприятных факторов на демографическую подсистему советского общества резко усилилось, тогда как способность государственного здравоохранения и каждого отдельного человека противодействовать этому напору сократилась. На практике это выразилось в изменении в худшую сторону такого важного показателя социального благополучия, как летальность. В 1940 г. по городам РСФСР в целом из всех людей, заболевших скарлатиной, умерли 6,7 %. В 1942 г. летальность от скарлатины выросла до 7,9 %. Смертность от коклюша составила

[1] ГАРФ. Ф. А-484. Оп. 47. Д. 447. Л. 24.
[2] Там же. Ф. 8009. Оп. 5. Д. 231. Л. 73.
[3] НГГА. Ф. 1992. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.
[4] ГАНО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 306. Л. 16.
[5] ЦХАФАК. Ф. 10. Оп. 26. Д. 124. Л. 1.
[6] ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 5. Д. 231. Л. 26.

соответственно 5,9 и 6,8 %, от дифтерии 10,9 и 13,6 %[1]. В стационарах Омской области усредненная летальность в 1942 г. выросла до 14 %, против 10 % в 1941 г.[2] Смертность от дифтерии в 1942 г. достигла в Омской области 31 %, от кори — 23, от дизентерии — 11 %[3]. В Новосибирской области уже в 1941 г. летальность от токсической диспепсии достигла критической отметки 83 %. Это значит, что в живых из числа заболевших токсической диспепсией оставалось всего 17 %[4].

Резко повысилась в военные годы смертность от желудочно-кишечных заболеваний. В Западной Сибири в целом уровень смертности от острого гастроэнтероколита за 1940–1943 гг. увеличился в 2,7 раза, от дизентерии — почти в 1,5 раза[5]. Очень высокой в годы войны была смертность от туберкулеза. В 1943 г. в Кемерово индекс смертности от этой болезни (число умерших на 10 000 человек населения) достиг 33,4, в Анжеро-Судженске — 32,2, в Бийске — 44,8, в Прокопьевске — 46, в Барнауле — 44,4, в Сталинске — 36,1, в Новосибирске — 42,6, в Омске — 57,1, в Томске — 45,5, в Тюмени — 46[6].

Как показывает *табл. 2.3.10*, основными причинами смерти гражданского населения глубокого тыла в 1942 г. были туберкулез и воспаление легких. В совокупности от этих болезней скончалось 28 % горожан. Много жизней уносили острые инфекции, такие как тиф, корь, дифтерия, скарлатина, коклюш, дизентерия. Удельный вес умерших от этих болезней составил почти 13 %. Высокой была смертность от желудочно-кишечных болезней — гемоколита, токсической диспепсии и острого гастроэнтероколита. На долю этих болезней приходилось 9,5 % смертей. Значительное число жизней уносили также различные болезни сердца.

Удельный вес умерших от инфекционных и желудочно-кишечных болезней в 1942 г. заметно увеличился даже по отношению к далеко не благополучному 1940 г. Доля скончавшихся от брюшного тифа, паратифа, скарлатины и дизентерии в 1942 г. по сравнению с 1940 г. более чем удвоилась. Удельный вес людей, скончавшихся от сыпного тифа, вырос сразу в 7 раз. Таким образом, в структуре причин смерти городского населения Алтайского края в 1942 г. явно

---

[1] Рикман О. А. Детские инфекции в годы Великой Отечественной войны // Медико-санитарные последствия войны и мероприятия по их ликвидации: Труды Второй конференции. М., 1948. С. 152.

[2] ГАОО. Ф. 1143. Оп. 4. Д. 29. Л. 14.

[3] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 791. Л. 137.

[4] Там же.

[5] ГАРФ. Ф. А-630. Оп. 1. Д. 89. Л. 26.

[6] Там же. Л. 21.

преобладали факторы экзогенного происхождения. Все они напрямую связаны с ухудшением условий жизни населения: питания, жилья, гигиены. Причины смерти эндогенного происхождения, обусловленные естественным старением человеческого организма, оказались отодвинутыми на второй план. Даже смертность от болезней сердца в военные годы в известном смысле можно трактовать, по меньшей мере, как квазиэкзогенную, поскольку она в значительной степени предрешалась воздействием внешних, негативных факторов — нервным напряжением, тяжелым трудом, переживаниями за жизнь родных и близких.

*Таблица 2.3.10**

Структура причин смерти городского населения Алтайского края (1940–1944 гг.), % к итогу**

Причины смерти	1940 г.	1942 г.	1944 г.
Брюшной тиф и паратиф	0,7	1,5	0,8
Сыпной тиф	0,1	0,7	0,8
Корь	12,6	3,0	1,2
Скарлатина	0,6	1,2	0,0***
Коклюш	1,3	1,2	0,6
Дифтерия	1,0	1,8	0,8
Дизентерия	1,4	3,5	0,6
Гемоколит	0,9	0,7	0,1
Туберкулез	13,9	14,1	18,8
Рак	2,8	2,3	4,6
Артериосклероз	0,9	0,9	1,6
Болезни сердца	6,4	12,3	16,7
Воспаление легких	16,1	13,9	10,0
Токсическая диспепсия	8,3	5,4	1,6
Острый гастроэнтероколит	6,5	3,4	2,2
Курбункул, фурункул, флегмона, абсцесс	0,1	0,2	0,2
Прочие и неопределенные причины смерти	26,4	33,9	39,3
Всего	100,0	100,0	100,0

* Источник: ТА ГКС АК.

** По административно-территориальному устройству соответствующих лет.

*** Показатель менее 0,1 %.

Разумеется, такая ситуация не была чем-то характерным только для Алтайского края. Она распространялась на всю территорию Западной Сибири. В Омской области в 1942 г. удельный вес брюшного

и сыпного тифов в структуре причин смерти горожан достиг 1,1 %, дизентерии и гемоколита — 5,1, токсической диспепсии и острого гастроэнтероколита — почти 12, кори, скарлатины, коклюша и дифтерии — свыше 5, туберкулеза — 16,1, воспаления легких — почти 16 % [1]. В Новосибирской области в общей совокупности, скончавшихся в 1942 г., удельный вес умерших от тифов составлял 1,3 %, от основных детских инфекций — почти 8, от дизентерии и гемоколита — свыше 4, от туберкулеза — почти 16, от воспаления легких — 15,8, от токсической диспепсии и острого гастроэнтероколита — свыше 11 %[2]. В этом отношении демографическая ситуация в Западной Сибири ничем не отличалась от той, которая сложилась в целом по тыловым регионам страны. Так, в РСФСР в 1942 г. удельный вес смертей от острых инфекций достиг 13 %, от хронических инфекций 12, от болезней органов дыхания — 16, от токсической диспепсии и острого гастроэнтероколита — 11 %[3].

Итак, главными причинами повышения смертности населения тыловых районов СССР на начальном этапе Великой Отечественной войны был рост числа смертных случаев от болезней экзогенного происхождения: туберкулеза, воспаления легких, инфекционных и желудочно-кишечных болезней. В свою очередь, они были обусловлены резким ухудшением качества жизни, неспособностью властей нейтрализовать воздействие негативных факторов военного времени на динамику демографической подсистемы общества.

Вместе с тем, чрезвычайно важно отметить, что в тех суровых условиях можно было бы ожидать еще более крутого подъема смертности в тылу. Однако этого не произошло. Населению тыла в 1941–1942 гг. удалось избежать катастрофы, подобной той, которая поразила демографическую подсистему советского общества в 1932–1933 гг. В начале Великой Отечественной войны демографическая ситуация в советском тылу колебалась на пороге катастрофы. Но гражданское население тыла так и не переступило роковую черту. Использование термина «демографическая катастрофа» по отношению к 1941–1942 гг. в принципе вполне правомерно, но при условии включения в контекст военных потерь.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы дают возможность приблизительно определить масштабы сверхсмертности гражданского населения Западной Сибири в годы Второй мировой

[1] Там же. Ф. А-373. Оп. 11. Д. 161. Л. 2–2 об.

[2] ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 736. Л. 40–40 об.

[3] Исупов В. А. Демографические катастрофы… С. 156.

войны. В данном случае мы будем иметь в виду, что смертность в регионе нарастала, начиная с 1940 г. и до 1942 г. включительно. В основу определения размеров сверхсмертности в качестве «эталона» положим показатели 1939 г. и сопоставим его с реальными показателями смертности военных лет. Эта методики не учитывает всех сложностей исторического процесса, даёт очень приблизительные цифры, но в целом правильно отражает основные тенденции динамики людского потенциала.

Расчеты, результаты которых отражены в *табл. 2.3.11*, показали, что, если бы Вторая мировая война не началась, в Западной Сибири в 1940–1942 гг. умерло примерно на 100 тыс. человек меньше, чем это зафиксировала статистика.

*Таблица 2.3.11**

Сверхсмертность гражданского населения Западной Сибири (1940–1942 гг.), тыс. человек

Год	Фактическое число умерших	Должно умереть при условии, если бы не было войны	Сверхсмертность
1939	179,1	179,1	0,0
1940	191,9	179,1	12,8
1941	188,8	179,1	9,7
1942	256,4	179,1	77,3
Всего 1940–1942 гг.	637,1	179,1	99,8

* Источник: составлена по тем же данным, что и *табл. 2.1.2* и *2.3.2*.

* По административно-территориальному устройству соответствующих лет.

В конце 1942 — начале 1943 гг. демографическая подсистема Западной Сибири вступила в качественно новую стадию своей истории. С этого времени уровень смертности населения тыловых районов стал очень быстро сокращаться. В течение 1942–1945 гг. (см. *табл. 2.3.2* и *2.3.3*) общий коэффициент смертности населения Западной Сибири понизился в 2,8 раза, в том числе в городах — в 2,5 раза. Особенно значительно уменьшилась смертность в сельской местности — сразу в 3,4 раза. В итоге, показатели смертности в 1944 г. были заметно ниже, чем в 1940 г. И если в 1940 г. коэффициент смертности населения Алтайского края составлял 20,6 %, то в 1944 г. — всего 11,3 %. По Кузбассу уровень смертности

сократился с 18,2 в 1940 г. до 11,5 % в 1944 г., по Новосибирской области соответственно с 21,5 до 15,0 %, по Омской с 19,1 до 12,9 %[1].

Уменьшение показателей смертности было характерно не только для Западной Сибири, но для всех тыловых регионов РСФСР. Например, на Урале общий коэффициент смертности сократился с 26 % в 1942 г. до 10,5 % в 1945 г.[2] В Хакасии в 1945 г. уровень смертности понизился до 7,8 %[3]. В целом по тыловым районам РСФСР в 1945 г. уровень смертности не превышал 14,1 % против 31,2 % в 1940 г[4].

В основе столь бурного процесса сокращения общих показателей смертности лежало, прежде всего, снижение показателей детской смертности.

*Таблица 3.2.12**

Детская смертность в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны**

Год	Число детей, умерших в возрасте до 1 года на 1000 родившихся		
	Все население	Городское	Сельское
1941	224,9	218,2	228,0
1942	323,7	323,3	323,9
1943	152,7	157,6	149,4
1944	89,0	91,6	87,5
1945	72,8	82,7	65,3
1945 г. в % к 1941 г.	32,4	37,9	27,3

* Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 251. Л. 75–76, 153–154, 156–157; Д. 418. Л. 28–29, 68–69, 96–100; Д. 501. Л. 49–50, 107–108, 144–146, 148–149, 183–184, 189; Д. 577. Л. 52–53, 119–120, 156–158, 160–161, 195–196, 201–202; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 156, Л. 20 об., 23 об., 35 об., 28 об., 30 об., ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 736. Л. 6–6 об., 7 об, 8; ГАТО. Ф. 1085. Оп. 3. Д. 5. Л. 5, 25; ТА ГКС АК.

** По административно-территориальному устройству соответствующих лет.

Табл. 3.2.12 удостоверяет, что в течение 1942–1945 гг. детская смертность в Западной Сибири сократилась более чем в 4 раза.

[1] Вестник статистики. 1965. № 1. С. 88–89; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 372. Л. 44; Д. 501. Л. 49–50, 55–56, 98–99, 107–108, 146, 148–149, 183–184, 189–199, 211–212.

[2] Корнилов Г. Е. Уральское село и война. Екатеринбург, 1993. С. 95.

[3] Кышпанаков В. А. Население Хакасии. Абакан, 1995. С. 183.

[4] Исупов В. А. Демографические катастрофы… С. 131, 158.

Причем в городских поселениях её коэффициенты уменьшились почти в 4 раза, в сельской местности — почти в 5 раз. Особенно внушительно она понизилась в Алтайском крае и Омской области (см. *табл. 2.3.13*).

*Таблица 2.3.13**

Детская смертность в отдельных регионах Западной Сибири**
1940–1945 гг.

Регион	Число детей, умерших в возрасте до 1 года на 1000 родившихся		
	1940 г.	1945 г.	1945 г. в % к 1940 г.
Алтайский край	219,6	78,2	35.6
Кемеровская область	197,3	79,2	40,1
Новосибирская область	217,5	80,9	37,2
Омская область	209,5	76,3	36,4
Томская область	194,1	76,4	39,3
Тюменская область	258,7	97,9	37,8

* Источник: Естественное и механическое движение населения РСФСР. (Статистический сборник). М., 1967. С. 93; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 354. Л. 26–26 об. Д. 355. Л. 2 об., 21–21 об., 79–79 об., 85–85 об., 177–177 об.

** По административно-территориальному устройству 1945 г.

Причины такого парадоксального явления, как сокращение смертности населения тыловых районов страны, ведущей самую тяжелую в своей истории войну и сопровождавшуюся резким ухудшением условий существования многообразны. Вряд ли правильно сводить их к действию какого-то одного, хотя бы и решающего фактора. Скорее всего, позитивную роль сыграл целый комплекс факторов социально-экономического и демографического характера.

В начале 1943 г., когда хаос отступления был преодолен, а Красная армия одержала победу в Сталинградской битве, развернулся процесс коренного перелома в Великой Отечественной войне. Положение в тылу стабилизировалось. Теперь появилась возможность уделить внимание социальным проблемам. Сталинское руководство страны было встревожено сложившейся в тыловых районах демографической ситуацией. Этому в значительной степени способствовал резко обострившийся дефицит людских ресурсов вследствие воинских мобилизаций. Дальнейший рост инфекций, перераставших по некоторым видам заболеваний в эпидемии и связанное с этим вымирание людей активных возрастов, являло собой угрозу как укомплектованию армии личным составом, так и военному производству. Число людей,

не подлежавших воинским и трудовым мобилизациям из-за состояния здоровья, а также потери рабочего времени в связи с утратой трудоспособности стремительно нарастали. Так, в первом квартале 1942 г. в Новосибирской области на заводе № 9 число дней нетрудоспособности на 100 работающих достигло 246, в третьем квартале — 417, на заводе № 677 соответственно 98 и 210[1]. В Омске на заводе № 166 потери рабочего времени только из-за болезней рабочих и служащих в 1943 г. составили 125 тыс. человеко-дней, на заводе № 174 — 208 тыс. человеко-дней[2]. В тресте «Кемеровоуголь» в 1940 г. около 4 % работников (по отношению к их среднесписочному составу) не явились на работу из-за болезней. В 1942 г. удельный вес работников, не явившихся на производство из-за болезней, возрос до 7,5 %, а в 1943 г. — до 9,2 %[3].

Еще тревожнее выглядели итоги медицинского переосвидетельствования призывников. Так, в военные годы медицинские комиссии при призыве на воинскую службу молодых людей 1924 г. рождения, вынуждены были предоставить отсрочки по состоянию здоровья в Алтайском крае 7 % призывников, в Омской области — 6 %, в Новосибирской области — почти 8 % призывников. /Исупов В. А. Социальные перемещения в Сибири в годы Второй мировой войны. Динамика и масштабы. Новосибирск, 2015. С. 153–154./

С прагматичной точки зрения сталинского руководства, необходимо было резко сократить заболеваемость населения, что полностью отвечало запросам армии и производства. Учитывая это, было бы ошибочным расценивать деятельность государства по предотвращению эпидемий и снижению заболеваемости исключительно как некий социальный альтруизм с целью спасения человеческих жизней и улучшения состояния здоровья людей. В действительности никакой самостоятельной ценности человек для сталинского политического режима не представлял. Власти были обеспокоены не ухудшением состояния здоровья людей, не ростом смертности как таковой, но, прежде всего снижением боевого и экономического потенциала людских ресурсов. Они вынуждены были считаться с потерями рабочего времени из-за значительного количества дней нетрудоспособности, а также с большим удельным весом призывников, отсеянных от службы в Красной армии по медицинским показателям. Не человек, но военно-мобилизационные и трудовые

[1] ГАНО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 352. Л. 9.

[2] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3905. Л. 35.

[3] ГАКО. Ф. П-15. Оп. 8. Д. 86. Л. 120.

ресурсы были особым предметом заботы властей. Война вынудила сталинский режим осуществить то, что он должно был сделать значительно раньше и чем он пренебрегал в мирные годы.

Выстраивая свою социально-демографическую политику, власти исходили из того неоспоримого факта, что изменить в лучшую сторону условия жизни людей и, тем самым улучшить состояние их здоровья и понизить смертность, в военные годы было нереально. Исходя из этого, необходимо было разработать иную стратегию, а именно решать две сложнейшие задачи одновременно. С одной стороны, чрезвычайно важно было, предельного ужесточив санитарный контроль, утвердить прочный барьер на пути распространения инфекций и тем самым понизить уровень заболеваемости, а с другой — максимально стимулировать здравоохранение, добившись снижения уровня летальности среди тех, кто все-таки заболел.

Реализуя такого рода стратегию, необходимо было, прежде всего, найти решение задачи если не по устранению, то хотя бы по снижению инфекционной заболеваемости на транспорте. «Наведение порядка», как это часто бывало в те суровые времена, началось с репрессий. В апреле 1942 г. была осуждена группа руководящих работников транспорта на Юго-Восточной, Пермской, Казанской и других железных дорогах. Этим людям среди прочих обвинений, была инкриминирована преступная халатность при наведении санитарного порядка на транспорте[1]. Тогда же произошла смена руководства главной медицинской службы НКПС, которую с весны 1942 г. возглавил генерал-майор медицинской службы Соколов[2].

Сегодня трудно судить, были ли руководители транспортного ведомства подвергнуты уголовному преследованию справедливо? Возможно, они совершили множество ошибок, граничащих с халатностью. Но в любом случае, было бы нелепо надеяться изменить эпидемическую ситуацию только при помощи арестов. Война вынуждала советских руководителей реально оценивать ситуацию. Они понимали, что никакие репрессии не увеличат запасы лекарств и медицинского оборудования. Огромные административные ресурсы режима надо было, прежде всего, использовать для предельного усиления санитарного контроля на транспорте. С этой целью

---

[1] ГАРФ. Ф. 9226. Оп. 1. Д. 636. Л. 77.

[2] Анисков В. Т. Медико-санитарное обслуживание эвакуированного населения (1941–1942 гг.) // Народонаселенческие процессы в региональной структуре России XVIII — XX вв. Новосибирск, 1996. С. 166.

еще в 1941 г. на 24 крупнейших транспортных узлах Советского Союза были командированы уполномоченные ВГСИ. Перед ними стояла сложнейшая задача максимально активизировать противоэпидемическую деятельность. В Западной Сибири уполномоченные ВГСИ располагались на станциях Омск, Татарская, Новосибирск. Однако в силу общего хаоса начального периода войны и явно недостаточных материальных и административных возможностей, в 1941 — начале 1942 гг. решить проблему не удалось. Кардинальный перелом произошел только в апреле 1942 г., когда сразу на 198 крупных железнодорожных узлах и станциях Советского Союза были сформированы чрезвычайные органы — Санитарно-контрольные пункты (*далее – СКП – В. И.*). В Западной Сибири СКП были организованы на станциях Омск, Тюмень, Чулымская, Инская, Тайга, Томск I, Сталинск, Топки. На станции Новосибирск-главный действовали два СКП[1].

Сотрудники СКП получили фактически диктаторские полномочия. В их задачи входили: санитарный контроль над передвигающимся контингентом пассажиров; организация систематических санитарных осмотров эшелонов с целью выявления заболевших; снятие больных с поездов и размещение их в изоляторах при вокзалах и станциях; выявление и санитарная обработка зараженных педикулезом; проведение санитарных мероприятий в вагонах, на станциях и вокзалах. Сотрудники СКП получили право не только налагать штрафы, но через органы прокуратуры привлекать виновных в нарушении санитарных требований к уголовной ответственности[2]. Единственное, чего они так и не сумели добиться — контролировать эшелоны всесильного НКВД. Так называемый «спецконтингент» санитарному осмотру не подвергался.

С момента появления СКП категорически не допускалось скопления пассажиров на станциях. Воинские эшелоны отделялись от гражданских поездов, а после стоянки каждого состава проводилась обязательная санитарная очистка территории. СКП получили солидное материально-техническое подкрепление в виде новых хлораторов, дезинфекционных и дезинсекционных установок, отремонтированных привокзальных изоляторов, бань с жаровнями и дезокамер. Только в Новосибирской области за первые 6 месяцев 1942 г. было пущено в эксплуатацию 210 дезокамер, а их пропускная способность почти удвоилось. Это были простейшие жаровые

[1] ГАРФ. Ф. 9226. Оп. 1. Д. 483. Л. 98 об.
[2] Там же. Д. 636. Л. 75–77.

дезокамеры (в народе они назывались «вошебойками»), но, как показала практика, их эффективность превзошла все ожидания[1]. Не был забыт даже такой элемент санитарного благополучия, как массовое строительство туалетов самого примитивного, так называемого «полевого типа». СКП благодаря полученным чрезвычайным полномочиям, бескомпромиссности и настойчивости сотрудников быстро превратились в эффективный фильтр на пути распространения инфекционных заболеваний на транспорте.

В 1943 г. во исполнение приказа наркома здравоохранения СССР, уполномоченного ГКО по противоэпидемическим мероприятиям Г. А. Митерева, санитарный контроль на железных дорогах и водных путях был усилен. Осмотр пассажиров, находившихся в пути более 3-х суток или проведших в пункте пересадки более 6 часов, стал поголовным, с обязательной санитарной обработкой выявленных санитарно-неопрятных лиц. Проездные билеты на железнодорожном и водном транспорте продавались только по предъявлению справки о предварительном санитарном осмотре и санобработке[2]. Всего за 1943–1945 гг. сотрудниками СКП было осмотрено 15 млн вагонов, а санобработке было подвергнуто 18 млн человек[3].

Немаловажную роль сыграл тот факт, что объемы массовых людских перевозок после завершения эвакуации сократились. Согласно постановлению ГКО от 18 марта 1942 г. в целях рационального использования транспорта и предупреждения распространения эпидемических заболеваний, индивидуальные поездки граждан были предельно ограничены. Постановлением ГКО допускался проезд по железной дороге и водным путям только при наличии командировочных удостоверений или специальных пропусков, выданных органами милиции. Нарушение постановления сурово каралось вплоть до уголовной ответственности по статье 75-1 УК РСФСР. Статья предусматривала лишение свободы до 3-х лет или штраф до 3 тыс. руб.[4] В организованном порядке перевозились только воинские контингенты, гражданские лица, следующие в служебную командировку или мобилизованные на работу, военнопленные, спецпереселенцы и заключенные. В январе 1945 г. постановлением

---

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 354. Л. 201.

[2] Там же. Ф. 29. Оп. 1. Д. 310. Л. 16.

[3] Дрейзин И. И. Санитарное обслуживание массовых людских перевозок по железным дорогам в годы Великой Отечественной войны // Медико-санитарные последствия войны и мероприятия по их ликвидации. Т. 2. М., 1948. С. 75.

[4] ГАНО. Ф. 1199. Оп. 1а. Д. 17. л. 14.

СНК СССР перевозки организованного людского контингента по железным дорогам были полностью запрещены без предъявления специального санитарного паспорта, выдаваемого органами здравоохранения на каждый эшелон[1].

Метод борьбы с инфекционными заболеваниями на транспорте путем предельного ужесточения санитарного режима и ограничения людских перевозок оправдал себя. Ставшая основной «козырной картой» советских санитарных служб, эта технология не требовала больших финансовых затрат и серьезной структурной перестройки учреждений здравоохранения. Но самое важное — она идеально вписывалась в русло общей политики сталинского государства, признававшего «закручивание гаек» в качестве основного аргумента.

Одновременно с усилением санитарного надзора на транспорте, аналогичные задачи активно решались и на местах, в первую очередь в центрах сосредоточения военной промышленности и большого количества эвакуированных. В феврале 1942 г. решением ГКО для предотвращения инфекционных заболеваний, в краях, областях и автономных республиках были созданы чрезвычайные противоэпидемические комиссии[2]. Само их название указывает на то, что они получили «чрезвычайные» полномочия. Координацию действий противоэпидемических органов и учреждений здравоохранения, как на транспорте, так и на местах осуществлял нарком здравоохранения СССР Г. А. Митерев. Он же был назначен уполномоченным ГКО, персонально ответственным за санитарное состояние страны. В заслугу Г. А. Митереву, помимо всего прочего, следует поставить организацию оперативного учета острозаразных заболеваний, как в масштабах страны, так и в отдельных регионах. О важности, которая придавалась учету, свидетельствует тот факт, что в Наркомат здравоохранения СССР с мест направлялись ежедневные телеграфные донесения о каждом случае острозаразных заболеваний[3].

Число противоэпидемических органов и лечебных учреждений в тыловых районах СССР было значительно увеличено — устрашенное ростом эпидемических болезней и вполне осознавшее серьезность инфекционной угрозы, советское руководство не жалело средств на дело, которое, как показала практика войны, оказалось жизненно важным. В военные годы обстановка вынудила власти

---

[1] ГАРФ. Ф. 9517. Оп. 1. Д. 44. Л. 1.

[2] Советское здравоохранение. 1944. № 1–2. С. 7.

[3] Советская медицина. 1944. № 10–11. С. 31.

энергично делать то, чем они пренебрегали в мирные годы, финансируя здравоохранение и санитарно-контрольные службы по остаточному принципу. Достаточно сказать, что в 1945 г. по отношению к 1940 г. количество санитарно-эпидемических станций в СССР выросло на 88 %, санитарно-гигиенических лабораторий — на 10, дезинфекционных учреждений на 76 %[1]. В городах и сельских населенных пунктах, как и на транспортных узлах, спешно строились дезокамеры, дезинсекторы, сухожаровые камеры. В РСФСР только в 1942 г. было создано 10 тыс. дезокамер, а сеть дезинфекционных пунктов выросла в 2 раза[2]. В Омской области в 1941 г. имелось 8 санэпидемстанций, а в 1943 г. — 16, санитарно-бактериологических лабораторий соответственно 5 и 7, дезокамер — 93 и 361[3]. В Кузбассе к концу войны насчитывалось 32 санэпидемстанции, 8 дезостанций, 6 дезопунктов, 6 малярийных станций, 3 врачебных малярийных пункта[4]. В больницах Кемеровской области к 1945 г. было развернуто — 597 инфекционных коек для детей и 1573 инфекционные койки для взрослых[5]. В Алтайском крае за годы Великой Отечественной войны дополнительно к имеющейся сети были развернуты 21 амбулатория и поликлиника, 4 тубдиспансера, 29 врачебных и фельдшерских здравпунктов[6]. Заметный сдвиг произошел в здравоохранении Новосибирской области. Здесь в годы войны были созданы: 31 больница, 70 амбулаторно-поликлинических учреждений, 8 туберкулезных диспансеров, 184 фельдшерских и фельдшерско-акушерских пункта[7]. И если в 1941 г. на 1 тыс. жителей области приходилось 4,8 больничных койки, то в 1944 г. — 9,6[8].

Санитарные органы на местах, так же как и на транспорте, основной упор в работе сделали на ужесточение контроля путем организации многочисленных массовых проверок. Достаточно сказать, что ГСИ Алтайского края только в 1942 г. организовала 2101 проверку водопроводов, 4121 раз инспектировала общежития, 7811 раз проверяла предприятия пищевой промышленности, 6120 раз

---

[1] Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 32. М., 1955. С. 31.

[2] Советская медицина. 1944. № 10–11. С. 31.

[3] ГАОО. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 1137. Л. 28–28 об.

[4] ГАКО. Ф. 864. Оп. 1. Д. 2. Л. 195.

[5] Там же. Д. 1. Л. 1.

[6] ЦХАФАК. Ф. 726. Оп. 3. Д. 35. Л. 3.

[7] ГАНО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 183. Л. 4 об.

[8] Там же. Ф. 11. Оп. 2. Д. 1179. Л. 1.

проверяла магазины и 563 раза — рынки[1]. Санитарная инспекция Омской области в 1943 г. провела 2203 проверки предприятий водоснабжения, 51 366 проверок предприятий коммунального хозяйства. Она 2726 раз проверяла санитарное состояние бань и прачечных, организовала 10 958 инспекций предприятий общепита, 14 557 инспекций магазинов. За это время было выписано свыше 2 тыс. штрафов[2]. Вполне в духе «закручивания гаек» были организованы контрольные обходы жилых помещений, а по их результатам — санитарная обработка жилищ и одежды граждан. Инспекторы и помощники инспекторов ГСИ Новосибирской области только в 1942 г. провели 211 тыс. обходов жилых помещений, 42 тыс. обходов гостиниц и общежитий[3].

Спешно залатывая прорехи прошлых лет, властям пришлось установить охрану водоисточников, ввести хлорирование воды в водопроводах, организовать обязательный контроль качества воды. Еще в октябре 1941 г. секретарь Новосибирского обкома М. В. Кулагин рассылал почти панические телеграммы вроде этой: «Дзержинск. Наркомхимпром. Денисову. Требования отгрузки хлоризвести нарядам третьего квартала не выполняются. Кузнецком заводе прекращено обеззараживание воды. Возможны инфекционные заболевания»[4]. Не добившись помощи от центра, в Новосибирской области в 1942 г. организовали кустарное производство собственного коагулянта (глинозема) из местного сырья, обеспечив, таким образом, очистку воды в городских водопроводах[5]. Этим же путем пошли Алтайский край и Омская область. И хотя стандарт качества питьевой воды не выдерживался в течение всей войны, а хлора и других веществ, необходимых для обеззараживания и очистки не хватало, властям удалось постепенно ликвидировать все крупные водные вспышки желудочно-кишечных инфекций[6].

Широкое распространение получили «добровольно-принудительные» санитарные очистки городов. В уборке дворов, улиц, мест общего пользования принимали участие тысячи горожан. В Новосибирске, например, в кампаниях по очистке города в 1942–1943 гг. участвовали 125 тыс. человек[7]. В Томске в 1943 г. для профилактической очистки

---

1 ГАРФ. Ф. 9226. Оп. 1. Д. 482. Л. 46.
2 Там же. Д. 535. Л. 2 об.
3 Там же. Д. 483. Л. 78.
4 ГАНО. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 3. Л. 13.
5 Там же. Оп. 6. Д. 354. Л. 203.
6 ГАРФ. Ф. 9226. Оп. 1. Д. 636. Л. 44, 49.
7 Советское здравоохранение. 1944. № 4–5. С. 11.

города было привлечено свыше 80 тыс. человек, 760 автомашин, 15 тыс. подвод[1]. Качество уборки населенных пунктов в военные годы понизилось, главным образом из-за нехватки рабочих рук и материальных средств. Согласно «Инструкции по очистке населенных мест в условиях военного времени», разработанной Наркомздравом СССР, допускалось применение упрощенных способов ликвидации отбросов. Мусор сжигали на открытых площадках. Нечистоты закапывали и даже замораживали во дворах, сливали в колодцы канализационной сети. Отходы разрешалось сбрасывать в реки[2]. Авралы по уборке мусора не могли возместить отсутствие регулярной, плановой очистки. Тем не менее, та работа, которая проводилась, несомненно, тормозила рост инфекционной заболеваемости.

Существенные изменения произошли и в численности медицинских кадров. В ходе эвакуации сибирское здравоохранение в конце 1941 г. — начале 1942 г. получило сотни опытных медицинских работников из Украины, Белоруссии, Москвы, Ленинграда и других районов СССР. В Западной Сибири на 1 января 1943 г. насчитывалось почти 3 тыс. эвакуированных врачей[3]. Среди медицинских работников Алтайского края удельный вес эвакуированных врачей в 1943 г. составлял 31 %, Новосибирской области — 26, Кемеровской — почти 34, Омской области — 27 %[4]. Таким образом, к концу 1942 г. — началу 1943 г. отток врачей в Красную армию был компенсирован притоком специалистов, прибывших в регион в ходе эвакуации. Как свидетельствуют данные *табл. 2.3.14*, обеспеченность населения Западной Сибири врачебным персоналом в 1943 г. заметно превзошла показатели 1941 г.

К 1943 гг. удалось почти полностью восстановить производство медикаментов. На базе эвакуированных заводов, на востоке страны было создано несколько новых предприятий химико-фармацевтической и медицинской промышленности. Были построены заводы в Тюмени, Анжеро-Судженске, Новосибирске, Томске. После пуска они стали производить свыше 300 наименований лекарственных средств[5]. В Западной Сибири, ставшей крупным центром фармацевтической промышленности, было освоено производство стрептоцида,

---

[1] ГАТО. Ф. 441. Оп. 1. Д. 25. Л. 14; Д. 27. Л. 14.
[2] ГАРФ. Ф. 9226. Оп. 1. Д. 636. Л. 55.
[3] Там же. Ф. А-630. Оп. 1. Д. 75. Л. 15.
[4] Ф. 8009. Оп. 6. Д. 1906. Л. 22.
[5] Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия. С. 286, 441.

сульфидина, антифибрина, хлористого кальция, уротропина, сернокислого цинка, пепсина, эндокринных препаратов[1].

*Таблица 2.3.14**

Обеспеченность населения СССР и Западной Сибири врачебным персоналом В 1941–1943 гг.**

Регион	Число врачей на 10 000 тыс. жителей		
	1941 г	1942 г.	1943 г.
СССР	7,5	5,3	6,6
Алтайский край	2,3	2,2	3,8
Новосибирская область	5,4	5,1	7,1
Омская область	4,7	5,5	6,9

* Источник: ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 6. Д. 1906. Л. 18 об.

** По административно-территориальному устройству на начало 1943 г.

В целом по Советскому Союзу в 1943 г. по сравнению с 1942 г. выпуск акрихина, кофеина и метилкофеина более чем удвоился, производство препаратов сульфаниламида увеличилось почти в 3 раза, пирамидона — в 19 раз[2]. Расширялась и номенклатура выпускаемых лекарственных средств. Если в первом квартале 1942 г. в системе Главхимфармпрома выпускалось 152 наименования медицинских препаратов, то в четвертом квартале — 211 наименований[3]. Кроме того, Советский Союз стал получать по ленд-лизу новый по тем временам, особо ценный препарат — пенициллин. Он сыграл огромную роль в лечении раневых инфекций и инфекционных болезней, воспаления легких, бронхитов и т. д. В 1944 г. в СССР, первоначально, в очень небольшом объеме — всего 0,6 миллионов общих единиц (МОЕ) был организован выпуск собственного, отечественного пенициллина. В 1945 г. производство отечественного пенициллина было увеличено сразу в 1630 раз и достигло 940,7 МОЕ[4].

Большое значение в борьбе с инфекциями в военные годы имела сульфаниламидотерапия. Антимикробные свойства препаратов сульфаниламида превращали их в чрезвычайно эффективное средство лечения раневых инфекций, а также тех острозаразных и желудочно-кишечных болезней, которые уносили в годы войны большинство человеческих жизней. В Советском Союзе выпуск

[1] ГАНО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 350. Л. 16 об.
[2] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 46. Д. 835. Л. 11.
[3] Советское здравоохранение. 1943. № 4–5. С. 3–4.
[4] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 46. Д. 835. Л. 11.

сульфаниламидов впервые был организован еще в 1937 г. Но этих препаратов выпускалось крайне мало. В 1941–1942 гг. они поступали только в госпитали крохотными порциями по 100–200 гр. стрептоцида и по 20–30 гр. сульфидина[1]. Нарком здравоохранения РСФСР А. Ф. Третьяков, выступая в мае 1942 г. на совещании начальников эвакогоспиталей и главных хирургов Наркомздрава РСФСР, в ответ на настойчивые просьбы медиков предоставить препараты сульфаниламида, вынужден был заявить: «Сульфаниламидов мало, их нет, а если нет, то требовать бессмысленно»[2]. Сегодня остается только сожалеть о том, как много раненых в советских госпиталях погибли из-за того, что производство сульфаниламидов не было организовано в надлежащих объемах до начала войны. В военные годы советской химико-фармацевтической промышленностью прилагались лихорадочные усилия для организации производства сульфаниламидов. И если в 1941 г. в СССР было изготовлено около 80 т. препаратов сульфаниламида, а в 1942 г. — всего лишь 32 т., то в 1943 г. — 93 т., в 1945 г. — 214 т. Таким образом, за 1942–1945 гг. их выпуск был увеличен почти в 7 раз[3]. Это не означает, что был ликвидирован дефицит медикаментов. Но к концу войны они все же стали доступны и рядовым гражданам.

Немаловажную роль в сокращении смертности от инфекций в военные годы играли массовые профилактические мероприятия, в первую очередь прививки. Несмотря на острую нехватку ресурсов, в стране нашлись средства, чтобы организовать производство необходимых препаратов. Их выпуск в 1943 г. по отношению к 1940 г. увеличился по противобрюшнотифозной вакцине на 15 %, а по дизентерийному бактериофагу — более чем удвоился. Производство холерной подкожной вакцины за 1940–1943 гг. выросло в 15 раз, противостолбнячной сыворотки — в 5 раз[4]. Всего за годы Великой Отечественной войны в СССР было проделано 250 млн предохранительных прививок[5]. В РСФСР только в 1943 г. прививками против брюшного тифа было охвачено свыше 15 млн человек, фагировано бактериофагом — почти 5 млн человек[6]. В Омской области в 1941 г. было вакцинировано против брюшного тифа 119 тыс. человек, в том

[1] ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 47. Д. 606. Л. 70.

[2] Там же. Л. 71.

[3] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 46. Д. 835. Л. 11.

[4] Там же. Оп. 45. Д. 1163. Л. 4.

[5] Советская медицина. 1944. № 10–11. С. 31.

[6] Советское здравоохранение. 1944. № 6. С. 4.

числе в сельской местности — 82 тыс. человек [1]. В Новосибирске в 1944 г. медики вакцинировали против оспы 11 тыс. человек, ревакцинировали 133 тыс. человек, вакцинировали против брюшного тифа 283 тыс., против дизентерии 272 тыс., против дифтерии — 17 тыс. человек [2]. В 1945 г. в Новосибирской области прививками было охвачено свыше 800 тыс. человек[3].

В результате напряженной работы медиков и сотрудников санитарно-контрольных учреждений удалось добиться значительных результатов. Они проявились, прежде всего, в стабилизации эпидемической обстановки. Объективно неизбежному в годы войны ухудшению условий жизни тылового населения была противопоставлена активная деятельность медицинских служб, но особенно санитарно-контрольных органов. Советское государство, «предельно закручивая санитарные гайки», сумело частично нейтрализовать воздействие негативных факторов военного времени на динамику смертности тылового населения. В результате, смертность как социальный феномен, стала более контролируемой. Это, в свою очередь, способствовало снижению показателей смертности, так как население при помощи государства адаптировалось к крайне низкому уровню материального обеспечения.

Распространение инфекций после завершения эвакуации удалось приостановить. По некоторым видам заболеваний произошло даже снижение. Но сами они не были ликвидированы, поскольку не исчезли причины, порождавшие эпидемические угрозы. Противоэпидемическая работа в условиях войны не могла проводиться иначе, как по принципу «тришкиного кафтана» — преодолев эпидемическую вспышку в одном районе, медики сталкивались с аналогичной ситуацией в другом. Уровень материальной обеспеченности населения в течение всей войны оставался низким. Это ежедневно порождало все новые и новые эпидемические угрозы. Сигналы о вспышках инфекционных заболеваний продолжали поступать из самых разных районов Западной Сибири вплоть до конца войны. Заболеваемость населения многими опасными острозаразными и желудочно-кишечными болезнями, а также заболеваниями органов дыхания оставалась высокой. Особую угрозу, по-прежнему, представляли туберкулез, сыпной и брюшной тиф, дизентерия, токсическая диспепсия, колиты. Население тыловых районов СССР

---

[1] ГАОО. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 1134. Л. 21.

[2] ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 998. Л. 40.

[3] Там же. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 1085. Л. 92.

в 1943–1945 гг. балансировало на грани эпидемического порога. В целом по Советскому Союзу в 1945 г. индекс заболеваемости сыпным тифом был выше, чем в 1940 г. в 6 раз, возвратным тифом — в 205 раз. Заболеваемость скарлатиной за 1940–1945 гг. почти утроилась, а по кори выросла в 3,4 раза[1]. В Новосибирской области (без Новосибирска) за 1943–1944 гг. число случаев сыпного тифа выросло в 1,7 раза, по скарлатине — на 10 %, а по кори — почти утроилось[2]. В Алтайском крае заболеваемость паратифом только за 1944–1945 гг. удвоилась, возвратным тифом выросла на 43 %, туляремией — на 57 %, скарлатиной — в 5 раз. Индекс заболеваемости корью в крае за 1943–1945 гг. удвоился[3]. В просмотренных нами многочисленных архивных документах завершающего этапа Великой Отечественной войны констатировались многократные вспышки особо опасных инфекций. Так, в одном из документов, а именно в постановление № 21 Новосибирской областной чрезвычайной противоэпидемической комиссии «О заболеваемости сыпным тифом в подсобном хозяйстве Сибстройпути в Коченевском районе» датированным 25 января 1945 г говорилось, что «в результате нарушения элементарных санитарных правил, в октябре месяце (*1944 г. – В. И.*) на подсобном хозяйстве (*так в источнике – В. И.*) возникли заболевания сыпным тифом; болели целыми семьями… Больные оставались негоспитализированными длительное время… Переболело на дому 23 человека, из них двое умерли»[4].

Итак, в 1945 г. по отношению к 1942 г. в Западной Сибири (см. *табл. 2.3.9* и *2.3.15*) заболеваемость по таким опасным инфекциям, как коклюш сократилась на 44 %, по скарлатине — на 30 %, дифтерии — в 2,5 раза, дизентерии — в 5,5 раз. Вместе с тем, распространенность многих болезней, особенно малярии, кори, сыпного тифа, коклюша оставалась еще высокой. Бийск и Кемерово в 1944 г. оказались самыми неблагополучными городами РСФСР по сыпному тифу, Тюмень — по пневмонии, Новосибирск — по скарлатине[5].

Бедствием военных лет оставался туберкулез — заболевание ярко выраженной социальной окраски, «болезнь подвалов». Туберкулез был широко распространен в Советском Союзе еще в довоенные годы. В период Второй мировой войны заболеваемость туберкулезом приняла повсеместный характер. По СССР в целом

---

[1] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 2248. Л. 23, 26.
[2] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 8. Д. 19. Л. 50.
[3] ЦХАФАК. Ф. 726. Оп. 3. Д. 35. Л. 6 об.
[4] ГАНО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 355. Л. 22.
[5] ГАРФ. Ф. А-630. Оп. 1. Д. 89. Л. 11 об., 12.

в 1940 г. доля инфицированных туберкулезом школьников 8–12 лет колебалась в пределах от 38 до 49 %, в 1944 г. — от 64 до 82 %, подростков 13–17 лет — в 1940 г. от 56 до 73 %, в 1944 г.- от 64 до 82 %[1].

*Таблица 2.3.15**

Инфекционная заболеваемость населения Западной Сибири**
в 1945 г.

Заболевание	Всего случаев	На 10 000 человек населения
Малярия	11 7073	137,1
Паратиф	1089	1,3
Туляремия	854	1,1
Токсическая диспепсия	1620	1,9
Коклюш	12 236	14,3
Корь	44 654	52,3
Цинга	4851	5,7
Туберкулез легких	6539	7,6
Скарлатина	13 130	15,3
Сыпной тиф	14 147	16,5
Дифтерия	4469	5,3
Возвратный тиф	469	0,6
Брюшной тиф	8299	9,7
Дизентерия	4937	5,7

* Источник: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 400 Л. 1, 3–5, 7, 16–19, 23, 25.
** По административно-территориальному устройству 1945 г.

В течение всей Великой Отечественной войны Центральный туберкулезный институт Наркомздрава СССР совместно с Новосибирским областным туберкулезным диспансером проводили исследования заболеваемости туберкулезом учащихся школ Новосибирска. Согласно материалам, полученным в ходе исследования, в 1942 г. этой болезнью в той или иной степени были поражены 75 % городских детей в возрасте 12 лет. Среди школьников 16 лет доля инфицированных туберкулезом достигала 87 %. В 1943 г. удельный вес инфицированных туберкулезом детей 12 лет составлял в Новосибирске 72 %, подростков 16 лет — 85 %, в 1944 г. соответственно — 75 и 84 %[2]. Очень широкое распространение туберкулез получил среди

[1] ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 21. Д. 145. Л. 36.
[2] Там же. Л. 45.

взрослого населения. Достаточно сказать, что в девятом цехе завода № 153 туберкулезом страдало 17 % рабочих, в восемнадцатом цехе — 18 %[1]. В 1944 г. в Кемерово индекс смертности от туберкулеза достиг 20 умерших на 10 000 человек населения, в Анжеро-Судженске — 23, в Бийске — 26, в Прокопьевске — 27, в Барнауле и Сталинске — 28, в Новосибирске — 30, в Омске — 33, в Томске и Тюмени — 34[2]. В целом по городам Западной Сибири индекс туберкулезной смертности в 1943 г. составил 44,4, в 1944 г. — 29,1[3]. В 1943–1944 гг. смертность от туберкулеза в СССР сократилась, но оставалась все же чрезвычайно высокой. Заместитель уполномоченного Госплана СССР по Кемеровской области И. Егоров в июне 1945 г. докладывал секретарю обкома С. Б. Задионченко, что главной причиной смертности населения Кузбасса является туберкулез. На его долю в мае 1945 г. приходилось свыше 30 % смертей, в том числе от туберкулеза органов дыхания — почти 26 %[4]. В Киселевске доля горожан, умерших от туберкулеза в мае 1945 г. составляла 36 % от общего числа ушедших из жизни, в Сталинске — 30, в Прокопьевске — 29 %[5].

*Таблица 2.3.16**

Повозрастная смертность городского населения Кемеровской области от туберкулеза органов дыхания (1943–1944 гг.), %.

Возраст (лет)	1943 г.	1944 г.
До 1 года	1,9	2,0
1–7	16,1	12,6
8–15	3,0	2,6
16–19	8,0	7,5
20–49	52,4	54,2
50 и старше	18,3	20,8
Возраст неизвестен	0,3	0,3
Всего	100,0	100,0

* Источник: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 359. Л. 49 об.

** По административно-территориальному устройству 1944 г.

Смертность от туберкулеза, сосредоточившись в молодых и средних возрастных группах, в основном от 20 до 49 лет, уносила

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 195. Л. 20.

[2] ГАРФ. Ф. А-630. Оп. 1. Д. 89. Л. 21.

[3] Там же. Л. 18 об.

[4] Там же. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 359. Л. 41 об.

[5] Там же. Л. 42.

жизни самых работоспособных людей. Именно туберкулез был одной из самых распространенных причин, по которым тысячи молодых мужчин получали отсрочку от призыва в Красную армию или вовсе снимались с воинского учета.

В годы войны в Западной Сибири вновь вспыхнула эпидемия такой опасной болезни, поразившей главным образом сельскую местность и малые города, как септическая ангина. Это типичное заболевание голодных лет вызывалось употреблением в пищу перезимовавшего под снегом зерна, толченого камыша, озерных и речных водорослей, трав и других природных суррогатов. Летальность при заболевании септической ангиной часто достигала 100 %. Основным условием, при котором наступала смерть от септической ангины, было истощение организма вследствие длительного недоедания. Везде, где питание было хотя бы относительно удовлетворительным, не было зафиксировано ни одного смертного случая в результате заболевания септической ангиной[1].

Рост заболеваемости септической ангиной в СССР в 1941–1944 гг. выражен астрономической цифрой — 34 600 % (!). И если в 1941 г. септическая ангина была зафиксирована в 5 республиках, краях и областях Советского Союза, то в 1944 г. сразу в 33[2]. В деревне Алтайского края за 1942–1944 гг. индекс заболеваемости септической ангиной увеличился в 334 раза[3]. В Новосибирской области весной 1944 г. эпидемия септической ангины поразила Сузунский, Ордынский, Маслянинский районы, в Томской области — Кожевниковский район. Ситуация здесь была столь острой, что СНК СССР специальным постановлением № 645 от 2 июня 1944 г. выделил для этих районов дополнительные продукты для питания больных этой страшной болезнью[4].

В целом по Советскому Союзу, по материалам 83 городских больниц, самыми распространенными болезнями военных лет были острые инфекции (в особенности дизентерия и брюшной тиф), болезни органов пищеварения (гастроэнтероколит), болезни органов дыхания (воспаление легких) и травмы[5]. Такая структура заболеваемости сохранялась не только до конца Второй мировой войны, но и некоторое время после ее окончания. Демографический

[1] См. подробнее: Зима В. Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996. С. 79–81.

[2] ГАРФ. Ф. 9226. Оп. 1. Д. 636. Л. 115.

[3] ЦХАФАК. Ф. 726. Оп. 3. Д. 35. Л. 6 об.

[4] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 8. Д. 577. Л. 53–53 об.

[5] ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 6. Д. 1898. Л. 15–15 об.

парадокс военного времени, таким образом, заключался в том, что смертность снижалась на фоне явно недостаточного питания, формировавшего хронический латентный голод, плохих жилищных условий, дефицита средств личной гигиены и повышенного уровня заболеваемости населения.

Вне всякого сомнения, сокращение смертности после 1942 г. было прямым следствием успехов медицины и санитарии, внедрения новых, более эффективных лекарственных препаратов (в первую очередь сульфаниламидов и частично пенициллина), лучшей организации работы органов здравоохранения, сурового, но эффективного санитарного контроля и администрирования. Подтверждением этому является снижение летальности от инфекционных заболеваний. В городских больницах РСФСР в целом, за 1942–1945 гг. летальность от скарлатины сократилась почти в 5 раз, от кори — почти в 10, от коклюша — более чем в 2 раза[1]. В Западной Сибири летальность от токсической диспепсии и гастроэнтероколита за 1943–1944 гг. у детей до 3-х лет понизилась в 2,5 раза, у детей старше 3-х лет — в 3,5 раза, от дизентерии у взрослых в 4 раза[2]. За указанные годы смертность населения от всех видов тифа в Барнауле уменьшилась в 1,5 раза, в Бийске — в 1,8, в Кемерово — в 4,5, в Новосибирске — в 1,8 раза[3]. На практике это означало резкое повышение степени «излечиваемости» больных, хотя их число заболевших возрастало. В таких условиях собственно уровень заболеваемости не играл той роковой роли, как в начале войны. Тогда болезнь как правило вела к смертельному исходу. Теперь же у людей, заболевших даже тяжелой болезнью, появился шанс выздороветь. Таким образом, сформировались две разнонаправленных тенденции. Снижение смертности происходило одновременно с ростом инфекционной заболеваемости.

Значительных успехов добились медики в лечении такой опасной болезни, как крупозная пневмония. В 1944 г. индекс смертности от крупозной пневмонии оказался ниже, чем в 1940 г. Так, в Кемерово в 1944 г. по отношению к 1940 г. он сократился в 3,3 раза, в Сталинске — в 2,9, в Томске — в 2, в Омске — в 1,8, в Барнауле и Новосибирске — в 1,5 раза[4]. Смертность от желудочно-кишечных заболеваний в целом по Западной Сибири в 1944 г. составила

[1] Рикман О. А. Детские инфекции в годы Великой Отечественной войны. С. 152.

[2] ГАРФ. Ф. А-630. Оп. 1. Д. 89. Л. 45.

[3] Алексеев В. В., Исупов В. А. Население Сибири в годы… 138.

[4] ГАРФ. Ф. А-630. Оп. 1. Д. 89. Л. 24 об.

4,2 на 10 000 человек, против 15,7 в 1943 г. (снижение почти в 4 раза)[1]. При этом летальность от токсической диспепсии и острого гастроэнтероколита у детей до 3-х лет за 1943–1944 гг. уменьшилась в 2,6 раза, от дизентерии и гемоколита — в 4,4 раза[2].

Чтобы осмыслить глубинные процессы, кардинально изменившие направление демографического развития в военные годы и вызвавшие глубокие качественные изменения людского потенциала, вновь обратимся к анализу структуры причин смерти городского населения (см. *табл. 2.3.10*). Как показывает таблица, в течение 1942–1944 гг. в городских поселениях региона заметно сократился удельный вес смертей от причин экзогенного происхождения (инфекционные и желудочно-кишечные заболевания), таких как корь, скарлатина, коклюш, дизентерия, воспаление легких, токсическая диспепсия, острый гастроэнтероколит. Вместе с тем повысилась доля умерших от эндогенно детерминированных причин: сердечно-сосудистых заболеваний и злокачественных опухолей.

Следовательно, в городах Западной Сибири в годы войны развернулся процесс качественной перестройки структуры причин смерти — от преобладания экзогенных к доминированию эндогенных факторов. От болезней экзогенного характера чаще погибают люди детских и молодых возрастов, а от болезней эндогенного происхождения — в старших возрастах. Таким образом, главным результатом структурной перестройки причин смерти стало перемещение смертности из младших диапазонов возрастов в старшие.

Цифровые материалы, представленные в *табл. 3.2.17* отчетливо демонстрируют, что в 1940 г. смертность концентрировалась в младших возрастах (главным образом в группе детей от 0 до 4 лет), что отражало очень высокие показатели детской смертности от экзогенных причин и сильно снижало продолжительность жизни сибиряков. В годы войны явственно проявилась тенденция к перемещению смертности в возрастные группы старше 40 лет. И если в 1940 г. в Алтайском крае на долю тех, кто скончался в возрасте 40 лет и старше, приходилось 21,2 %, то в 1945 г. более половины, в Омской области соответственно 22 и 48 %.

В конечном счете, передвигаясь по возрастной шкале, смертность тылового населения заметно старела. Эта тенденция стала важнейшим демографическим итогом сокращения смертности от инфекционных и желудочно-кишечных болезней. Молодые люди все чаще

---

[1] ГАРФ. Ф. А-630. Оп. 1. Д. 89. Л. 25 об.

[2] Там же. Л. 26.

доживали до старших возрастов. Как это ни парадоксально, но ожидаемая продолжительность жизни тылового населения Западной Сибири (без учета военных потерь) в годы Великой Отечественной войны, скорее всего, повысилась. Процесс постарения смертности, разумеется, был характерен не только для Западной Сибири, но для всех регионов РСФСР, не подвергавшихся оккупации, что подтверждается историко-демографическими исследованиями[1].

*Таблица 2.3.17**

Возрастная структура умерших. 1940–1945 гг., %.

Возраст (лет)	Алтайский край**		Омская область**	
	1940 г.	1945 г.	1940 г.	1945 г.
0–4	65,7	22,4	63,0	22,0
в т. ч. моложе 1 года	40,6	13,1	41,2	12,1
5–9	2,7	4,5	2,6	4,9
10–14	1,6	2,5	1,9	2,7
15–19	1,6	4,2	1,9	4,6
20–24	1,3	3,6	1,5	4,4
25–29	2,0	2,7	2,1	2,9
30–34	2,1	4,6	2,2	4,3
35–39	2,2	4,5	2,2	4,6
40–44	2,0	5,0	2,1	5,2
45–49	1,8	4,6	2,0	4,8
50–54	1,7	4,5	1,9	5,0
55–59	2,0	5,1	2,2	5,3
60 и старше	13,7	31,6	14,2	27,8
Возраст не указан	0,5	0,2	0,2	1,5
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

* Источник: ТА ГКС АК; ГАОО. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 1133. Л. 22; Д. 1141. Л. 30–30 об.

** По административно-территориальному устройству соответствующих лет.

Снижение смертности четко дифференцировалось по половым и возрастным группам. Индекс смертности мужчин в возрастной группе 0–24 г. (см. *табл. 2.3.6*) за 1942–1945 гг. сократился в 3,6 раза, женщин — в 3,8 раза. В диапазоне возрастов 25–49 лет уровень смертности у мужчин понизился в 1,6 раза, тогда как у женщин всего

[1] Вербицкая О. М. Население российской деревни в 1939–1959 гг. Проблемы демографического развития. М., 2002. С. 130; Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы… С. 148; Корнилов Г. Е. Уральское село и война. С. 69.

на 14 %. В возрастном диапазоне 50–54 г. индекс мужской смертности сократился на 2,6 %, тогда как у женщин вырос на 6 %. В возрастной группе 55 лет и старше смертность мужчин уменьшилась в 1,6 раза, женщин всего на 24 %. Таким образом, в тыловых районах отчетливо фиксируются два основных тренда: во-первых, чем моложе были люди, тем стремительнее снижалась смертность, во-вторых, у мужчин смертность сокращалась быстрее, чем у женщин. Наибольший выигрыш, следовательно, получали демографически самые «слабые» группы населения — дети и мужчины. Стало быть, смертность сокращалась выборочно, а это принципиально меняет все сделанные ранее излишне оптимистические заключения о снижении смертности населения тыловых районов России в военные годы.

Проблема в том, что смертность (как уже говорилось), вследствие снижения инфекционной и желудочно-кишечной заболеваемости, перемещалась, в старшие возрастные группы. Но в этих возрастах преобладали болезни эндогенной этиологии, в частности сердечно-сосудистые заболевания, которые по условиям тех лет излечивались чрезвычайно плохо. Вообще необходимо отметить, что повышение затрат на здравоохранение и санитарию всегда дает хороший эффект в ходе преодоления экзогенно детерминированных инфекций. Борьба с эндогенной смертностью сложнее и требует не только больших затрат, но и иной культуры, иного отношения к человеку. Это было практически невозможно не только в военный период, но и в целом в годы правления Сталина.

Отметим также, что деятельность государства по борьбе с инфекциями не была единственной причиной снижения показателей смертности. Вследствие сокращения рождаемости (об этом подробно будет сказано ниже) в военные годы, численность детского контингента, в наибольшей степени подверженного риску смертности, уменьшалась, что объективно вело к сокращению абсолютных чисел умерших детей, а, в конечном счете, содействовало быстрому падению показателей детской смертности. Было бы неверно не учитывать действие этого фактора.

Вместе с тем, в годы войны удалось не только приостановить процесс резкого повышения смертности тылового населения, но добиться её сокращения. Это было бы невозможно без жестких мер, предпринятых советским государством. Социально-демографическая политика, направленная в военные годы на адаптацию населения к полуголодному существованию в сырых и холодных бараках путем повышения эффективности здравоохранения и максимального ужесточения санитарного контроля, была достаточно

действенной, а потому оправданной. Она позволила на фоне нищенского уровня материального обеспечения и повышенной заболеваемости населения сократить детскую смертность и несколько уменьшить смертность среди старших поколений, особенно среди мужчин. Эта прагматическая политика исходила не из «сталинской» заботы о людях, но имела своей целью повысить работоспособность занятых на производстве и максимально увеличить число годных к службе в армии. Но объективно такого рода стратегия дала результат, который, по-видимому, не ожидали и сами творцы советской социально-демографической политики: смертность сократилась, а слабейшие группы населения — дети и мужчины получили самый большой выигрыш. Эта побочная ветвь социально-демографической политики советского государства и стала, как эти ни парадоксально, главным «демографическим достижением» военных лет.

Адаптационное (пассивное) направление социально-демографической политики, под которой имеется в виду максимальное приспособление к низкому уровню жизни, зародилось в СССР еще в 1930-е годы[1]. Отметим попутно, что идея о наличии в СССР двух тенденций сокращения смертности: адаптационной (пассивной) и активной, в принципе нашла поддержку в историко-демографической литературе[2]. Пассивное направление приобрело максимальное развитие в годы Великой Отечественной войны и вскоре превратилось в своего рода «идола для поклонения». Советское руководство укрепилось во мнении, что смертность может и должна снижаться на фоне пониженного уровня материального благосостояния людей. Это расценивалось как высокое достижение социализма и, таким образом, адаптационное (пассивное) направление советской демографической политики получило приоритет вплоть до середины 1950-х гг.

Особое место в динамике смертности тылового населения Западной Сибири занимала смертность военнослужащих. Смерти бойцов и командиров Красной армии, даже скончавшихся в глубоком тылу, не регистрировалась гражданскими загсами. Она фиксировалась только в Наркомате обороны СССР. Начальник ЦСУ СССР В. Н. Старовский 15 апреля 1942 г. в письме заместителю начальника Главного управления формирования и укомплектования войск Красной армии (*далее — Главупраформ — В. И.*) НКО генерал-майору

---

[1] См.: Исупов В. А. Демографические катастрофы… С. 108.

[2] См.: Голотик С. И., Минаев В. В. Население и власть: Очерки демографической истории СССР 1930-х годов. М., 2004. С. 60–61.

Белякову нашел нужным специально подчеркнуть: «ЦСУ Госплана СССР считает целесообразным, во избежание двойного учета, установить на период военного времени регистрацию смертей всех военнослужащих только в органах Наркомата Обороны»[1]. Несколько месяцев спустя, 21 июля 1942 г., начальник Отдела демографии ЦСУ СССР И. Ю. Писарев в циркулярном письме, разосланным во все статистические управления союзных республик напомнил, «что смерти военнослужащих, погибших на фронтах и умерших от ран и болезней в госпиталях, регистрируются органами НКО СССР и регистрации в органах ЗАГС НКВД СССР не подлежат»[2]. Такая ситуация несколько усложняет анализ смертности военнослужащих в тыловых районах (доступ гражданских историков в архив Министерства обороны РФ затруднен), но не делает его безнадежным. Обратимся с этой целью к документам тыловых эвакогоспиталей.

Смертность среди прошедших медицинское освидетельствование красноармейцев и командиров, проходивших боевую подготовку в запасных бригадах и полках, а также молодых и крепких курсантов военных училищ, была настолько низкой, что ей можно пренебречь. В тылу умирали в основном раненые и больные военнослужащие, находившиеся на лечении в эвакогоспиталях. Западная Сибирь в годы Великой Отечественной войны была важнейшим госпитальным центром страны. Так, в Омской области к началу 1942 г. было развернуто более 30 эвакогоспиталей почти на 20 тыс. коек. В самом Омске было сосредоточено 18 госпиталей, в Тюмени — 10, в Ишиме — 2 госпиталя и по одному госпиталю имелось в Заводоуковске, Исилькуле, Называевске, Голышманово и Калачинске[3]. К концу 1945 г. в области осталось 26 эвакогоспиталей на 15 тыс. коек[4]. Всего за годы Великой Отечественной войны в эвакогоспитали Омской области поступило 157 тыс. раненых и больных солдат, сержантов и офицеров[5]. В Алтайском крае к январю 1942 г. было развернуто 82 эвакогоспиталя на 33 тыс. коек. К апрелю этого года 54 госпиталя были реэвакуированы, но дополнительно было создано 8 новых эвакогоспиталей. Таким образом, к осени 1942 г. в крае действовали 30 госпиталей на 13 тыс. мест[6]. В Новосибирской области к осени 1941 г. имелось 75 эвакогоспиталей на 47 тыс. мест. В основном они

[1] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 791. Л. 66.
[2] Там же. Д. 793. Л. 3.
[3] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3086. Л. 58.
[4] ГАОО. Ф. 1143. Оп. 4. Д. 1. Л. 4.
[5] Там же.
[6] ЦХАФАК. Ф. П-1. Оп. 18. Д. 879. Л. 1–2.

были развернуты в Новосибирске, Томске, Кемерово и Анжеро-Судженске[1]. К ноябрю 1942 г. в области (после реэвакуации некоторых военно-лечебных учреждений) остался 61 госпиталь на 40 тыс. мест[2]. В одном только Новосибирске за годы войны в госпиталях прошли курс лечения 112 тыс. человек[3]. Таким образом, общее число больных и раненых военнослужащих, прошедших через эвакогоспитали Западной Сибири, было весьма значительным — по-видимому, до полумиллиона солдат, сержантов и офицеров.

Особенностью Западной Сибири как госпитального центра было то, что здесь сосредотачивались главным образом узко специализированные военно-лечебные учреждения, предназначенные для тяжело раненых военнослужащих. В Новосибирске располагались нейрохирургический, челюстно-лицевой, легочно-хирургический госпитали. В Томске — челюстно-лицевой и протезный. В Бердске размещался госпиталь-санаторий.

Материальное снабжение госпиталей было на порядок лучше, чем обеспечение гражданских больниц. В госпитали направлялись лучшие врачи, фельдшеры и медсестры. Инструктор Военного отдела Кемеровского горкома Шведов в справке «О состоянии госпиталя № 1230 на 17 июля 1942 г.» писал: «Кадрами врачей госпиталь укомплектован полностью, также полностью укомплектован госпиталь средним и младшим медперсоналом. Мединструментарием госпиталь обеспечен»[4]. Госпитали получали лучшее оборудование и не испытывали такого острого дефицита лекарственных средств, как гражданские больницы. Нарком здравоохранения СССР Г. А. Митерев в марте 1943 г. сделал очень характерное признание: «Первое время все фонды у нас съедали госпитали»[5]. Так, все эвакогоспитали Алтайского края имели собственные лаборатории, аптеки, кабинеты лечебной физкультуры. Большинство госпиталей были оборудованы рентгеновскими установками и физиотерапевтическими кабинетами, что для гражданских больниц являлось особой ценностью и острейшим дефицитом[6]. На фоне нищенского материального обеспечения гражданских больниц это было огромное богатство. В докладной записке «О состоянии здравоохранения в Новосибирской области и работе Облздрава в военных условиях»,

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 670. Л. 2.

[2] Там же. Ф. 29. Оп. 1. Д. 350. Л. 1 об.

[3] Великая Отечественная война: энциклопедия. С. 494.

[4] ГАКО. Ф. П-15. Оп. 8. Д. 31. Л. 38.

[5] ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 21. Д. 62. Л. 31.

[6] ЦХАФАК. Ф. П-1. Оп. 18. Д. 879. Л. 2.

написанной осенью 1942 г., подчеркивалось: «Снабжение госпиталей медикаментами и перевязочными средствами более или менее удовлетворительное»[1]. Даже питание раненых в госпиталях было организовано по нормам, значительно превышающим нормы гражданских больниц. Голодающий тыл отдавал раненым все, что мог.

*Таблица 2.3.18**

Суточные нормы довольствия в госпиталях и гражданских стационарах Наркомздрава СССР (на пациента, грамм в сутки)

Виды продуктов	Эвакогоспитали	Гражданские больницы	Гражданские больницы в % к эвакогоспиталям
Мясо-рыба	170	90	52,9
Крупы-макароны	130	75	57,7
Жиры	55	36	65,5
Сахар	50	33	66,0
Овощи	735	Нет	–
Сухофрукты	20	Нет	–

* Источник: ГАНО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 399. Л. 31.

Усилия медиков и административного персонала эвакогоспиталей приносили свои плоды. В целом за годы Великой Отечественной войны из общей совокупности раненых умерло всего 7,5 %. Свыше 70 % раненых были возвращено в строй[2]. В госпиталях Западной Сибири «выход в строй» был значительно ниже из-за наплыва большого количества тяжелораненых, получавших увечье, препятствовавшее службе в армии. Но, тем не менее, уровень смертности здесь был очень низким. Большинство раненых погибало на этапах санитарной эвакуации, не достигнув госпиталей. В эвакогоспиталях Алтайского края в III квартале 1943 г. скончалось всего 1,3 % раненых и больных военнослужащих от общего количества проходивших лечение, в IV квартале — немногим более 1 %. Вместе с тем, из числа проходивших лечение, было уволено в запас искалеченных и увечных в III квартале 1943 г. — свыше 50 %, в IV квартале — 42 %, выписано в часть для дальнейшего прохождения службы в III квартале 48 % вставших на ноги раненых и больных, в IV квартале — 57 %[3].

---

[1] ГАНО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 350. Л. 16 об.

[2] Медик В. А, Пильник Н. М. Юрьев В. К. Санитарные потери в войнах XX века. М., 2002. С. 216.

[3] ЦХАФАК. Ф. 1. Оп. 18. Д. 502. Л. 7.

В Новосибирской области за период Великой Отечественной войны возврат в строй проходивших лечение военнослужащих составлял 67 %. Из всех солдат и офицеров, получивших ранение черепа с повреждением кости, возвращалось в строй 37 %, с ранением бедра и повреждением кости — 25 %. Возвращение в строй военнослужащих с ранением голени без повреждения кости достигало 84 %, с ранением плеча без повреждения кости — 77 %, с ранением кистей и пальцев рук — 72 %[1] . Смертность в госпиталях области в 1942 г. составляла к общему числу раненых всего 0,3 %, к общему числу больных — 0,4 %. Основными причинами смерти раненых были ранения бедра с повреждением кости (летальность 23 %), ранения голени с повреждением кости (15,4 %), ранения черепа с повреждением кости (15 %). Среди заболевших военнослужащих преобладали смерти от сепсиса, пеллагры, гиповитаминоза, туберкулеза легких, рака[2].

В эвакогоспиталях Омской области в 1941–1945 гг. возврат в строй раненых и больных бойцов и офицеров составлял всего 45 %. Примерно 54 % военнослужащих были уволены в запас (из них 32 % стали инвалидами и были полностью сняты с воинского учета). Многие военнослужащие получили отпуск по ранению и болезни. Из всех воинов, проходивших лечение в госпиталях Омской области, 1117 человек были признаны инвалидами первой группы, свыше 30 тыс. человек получили инвалидность второй и третьей группы. Но за все годы войны в эвакогоспиталях области скончалось всего 1296 бойцов и офицеров, что составляло 0,8 % к общему количеству всех раненых и больных[3].

Данные *табл. 2.3.19* показывает, что летальность в госпиталях Омской области, во-первых, была очень низкой. Во-вторых, смертность от болезней была заметно выше, чем смертность в результате ранений. Среди раненых самая высокая летальность была характерна для ранений живота, позвоночника, таза и грудной клетки. Относительно высокий удельный вес умерших военнослужащих наблюдался среди обмороженных. Среди больных военнослужащих самый высокой удельный вес умерших был характерен от туберкулеза, алиментарной и раневой дистрофии.

---

[1] ГАНО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 350. Л. 14 об.
[2] Там же. Л. 15.
[3] ГАОО. Ф. 1143. Оп. 4. Д. 1. Л. 7–8.

*Таблица 2.3.19**

Причины смерти солдат и офицеров в эвакогоспиталях Омской области. Первое полугодие 1944 г.**

Причина смерти	Всего лечилось (человек)	Из них умерло (человек)	Летальность (в %)
Всего раненые и увечные	15 393	82	0,5
В том числе ранения: Черепа	546	9	1,6
Лица	713	2	0,2
Глаз	224	–	–
Шеи	74	–	–
Грудной клетки	775	8	1,0
Живота	207	6	2,8
Позвоночника	167	3	1,7
Верхних конечностей	4109	14	0,3
Нижних конечностей	7545	30	0,4
Таза	653	8	1,2
Половых органов	66	–	–
Обмороженные	131	2	1,5
Обожженные	38	–	–
Контуженные	165	–	–
Всего заболевшие	1982	108	5,4
В том числе: Туберкулез	618	84	13,5
Алиментарная и раневая дистрофия	68	8	11,7
Болезни органов дыхания	155	5	3,2
Болезни органов пищеварения	208	4	1,9
Болезни крови	11	2	1,9
Болезни нервной системы	521	2	0,3
Болезни почек	58	1	17
Прочие болезни	24	2	8,0
Болезни, не давшие летального исхода	319	–	–

* Источник: ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 4044. Л. 7–8.

** По административно-территориальному устройству 1944 г.

Особую группу тылового населения СССР составляли заключенные. Численность узников исправительно-трудовых лагерей и колоний в целом по стране на начало 1939 г. составляла 1672 тыс. человек, на начало 1941 г. — 1930 тыс. человек, на начало 1943 г. — 1485 тыс., на начало 1945 г. — 1461 тыс. человек[1]. Западная Сибирь, задолго до начала Второй мировой войны превращенная в мощный полигон сталинской карательной политики, была покрыта целой сетью лагерей и колоний. Среди них были такие крупные, как: Сиблаг, Алтайлаг, Омсклаг, Саплаг, Томсклаг, Кемерлаг, Кузнецклаг, Южкузбасслаг и многие другие.

Смертность пенитенциарных групп населения, как и смертность военнослужащих, регистрировалась особым образом. В 1939 г., в соответствии с приказом НКВД СССР № 00674, была предпринята попытка, организовать учет смертности заключенных с использованием общегражданской системы регистрации демографических событий. Начальникам лагерей, колоний и тюрем было вменено в обязанность, в трехдневный срок направлять в загсы и сельсоветы по месту проживания узников (до момента ареста) извещения о каждом случае смерти. Но приказ этот выполнялся крайне неохотно. Материалы о смерти заключенных страдали неполнотой и направлялись в загсы и сельсоветы с большим опозданием. Те немногие данные из лагерей и колоний, которые все-таки поступали в загсы и сельсоветы, перемешивались с материалами о смертности гражданского населения. Это делалось для того, чтобы было невозможно вычленить сведения о смертности пенитенциарного населения из общего массива статистических материалов[2]. Поэтому основным источником данных о смертности пенитенциарных групп являются внутриведомственные документы и текущая статистическая отчетность органов НКВД. Как обоснованно указывает В. Н. Земсков, эти материалы «значительно полнее и надежней, чем, скажем, статистика загсов»[3].

В начале Великой Отечественной войны основной тенденцией динамики смертности пенитенциарного населения СССР стало её стремительное увеличение. Расчет, основанный на цифровых данных, опубликованных В. Н. Земсковым, показывает, что в 1939 г. в лагерях ГУЛАГа (без исправительно-трудовых колоний) скончались

---

[1] Земсков В. Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 11.

[2] См.: Исупов В. А. Демографические катастрофы… С. 26–27

[3] Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005. С. 14.

3,8 % заключенных по отношению к их среднесписочной численности, в 1940 г. — 3,3, 1941 г. — почти 7, в 1942 г. — почти 20, в 1943 г. — 20,3 %. Таким образом, с начала Второй мировой войны и до 1943 г. уровень смертности в лагерях ГУЛАГа вырос более чем в 5 раз. Когда в 1942–1943 гг. смертность советских заключенных достигла своего максимума, в лагерях скончалось свыше 400 тыс. узников[1]. Умерших было так много, что специальным приказом начальника ГУЛАГа НКВД СССР старшего майора госбезопасности В. Г. Наседкина за № 42/232109 от 2 февраля 1943 г. было разрешено скончавшихся узников хоронить в общих могилах по несколько трупов без гробов и без белья[2].

Основными факторами повышенной смертности заключенных были условия их содержания: недостаточное питание, слабое санитарное обеспечение мест лишения свободы, теснота и скученность в бараках, а главное — пренебрежительное и безответственное отношение администрации лагерей к жизни узников. В совокупности это вело к резкому увеличению авитаминозов, пеллагры, безбелковых отеков, цинги, гемоколита, открытого туберкулеза легких, сыпного тифа. В циркулярном письме, адресованном начальникам санотделов лагерей и колоний за подписью и. о. начальника санотдела ГУЛАГа НКВД СССР Зицермана и начальника 2 отделения ГУЛАГа Померанцева, датированным 12 января 1942 г., пеллагра, безбелковые отеки и гемоколит перечислены в качестве самых распространенных причин смерти заключенных[3].

Очень большую роль в увеличении смертности узников играли ужасающие условия содержания. Начальник УНКВД по Алтайскому краю К. С. Волошенко в спецзаписке секретарю Алтайского крайкома В. Н. Лобкову «О состоянии колоний ОИТК УНКВД по АК» (*так в источнике — В. И.*) 27 октября 1941 г. докладывал: «Санитарное состояние большинства колоний неудовлетворительное… В бараках были обнаружены вши, клопы, блохи, в особенности в колонии № 3… белье заключенных не стирается месяцами, мытье в бане проводится нерегулярно. Пищеблок всех колоний находится в антисанитарном состоянии. В результате неудовлетворительной постановки лечебно-профилактической работы в колониях имеется большая смертность и заболеваемость»[4]. В первом квартале 1941 г.

[1] Земсков В. Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект). С. 14–15.
[2] ЦХАФАК. Ф. Р-635. Оп. 2. Д. 74. Л. 76–76об.
[3] Там же. Л. 41.
[4] Там же. Ф. 1. Оп. 18. Д. 27. Л. 175, 177.

в исправительно-трудовых колониях, размещенных на территории Алтайского края, скончались 42 заключенных, в третьем квартале — 190 человек. Число больных за это время выросло с 3985 человек до 8412 человек[1].

В летние месяцы в лагерях и колониях ГУЛАГа резко увеличивалось количество отравлений — голодающие люди употребляли в пищу сырые грибы и, как казалось, истощенным узникам «съедобные» корни растений. Так, заместитель начальника ГУЛАГа комиссар госбезопасности Добрынин в письме начальнику управления Алтайлага полковнику Петренко 8 июля 1943 г. указывал: «Поступающие материалы в ГУЛАГ НКВД СССР сигнализируют, что среди заключенных наблюдаются отравления корнями растения «цикута», другими дикорастущими растениями, а также от употребления в пищу сырых грибов (сморчков). Среди заболевших имеются смертельные исходы»[2].

Сегодня мы не располагаем всем необходимым комплексом документов, чтобы с достаточной полнотой охарактеризовать смертность заключенных в лагерях и колониях, располагавшихся на территории Западной Сибири. Но имеющая документальная база подтверждает, что тенденции их смертности носили крайне негативный характер. В апреле 1942 г. прокуратура Омской области организовала обследование Омской, Тарской и Тюменской тюрем. Проверке также подверглись 8 исправительно-трудовых колоний. По итогам обследования прокурор Омской области Теребов составил служебную записку, которую 9 марта 1942 г. он направил начальнику управления НКВД по Омской области капитану госбезопасности Захарову. В записке смертность заключенных была охарактеризована как «большая» [3] . Обследование показало, что в колонии № 1 за 4 месяца, с января по апрель 1942 г., скончались 157 заключенных. Это составило свыше 22 % от их среднесписочной численности. В колонии № 8 за указанный период умерло более 15 % заключенных, а в колонии № 7, где содержалось 4563 заключенных, только в январе погибло 130 человек — почти 3 % от их среднесписочной численности[4]. В ходе повторного обследования Омской тюрьмы и колоний №№ 1, 2, 4, 5 и 7, проведенного прокуратурой Омской области в октябре 1942 г., выяснилось, что ситуация отнюдь

[1] Там же. Ф. 1. Оп. 18. Д. 27. Л. 178.
[2] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 17. Д. 195. Л. 51.
[3] Там же.
[4] Там же. Л. 51, 51 об., 52.

не изменилась. В докладной записке «О состоянии тюрем, колоний и лагеря НКВД СССР, и подготовка к зиме», направленной 24 октября 1942 г. прокурором области секретарю Омского обкома М. А. Кудинову указывалось, что смертность заключенных по-прежнему «велика». Так, в колонии № 2 с апреля по октябрь 1942 г. умерло 32 % узников, в колониях № 1 — 8 %, в колонии № 5 — 7,5 %[1].

Повышенная смертность заключенных, их скверное физическое состояние затрудняли использование узников на различных работах, в том числе и оборонного значения. Директор комбината № 179 А. С. Новиков в декабре 1941 г. в докладной записке секретарю Новосибирского обкома М. В. Кулагину писал: «На комбинате № 179… работает 7800 заключенных… Выход на работу составляет лишь 50 %, а иногда и меньше… Так называемая слабосильная команда насчитывает свыше 2000 человек. Состоящие в ней по существу только едят… хлеб, занимают жилье, но не работают»[2]. Прокурор Омской области Теребов в уже упоминавшейся докладной записке от 24 октября 1942 г. обратил внимание секретаря обкома М. А. Кудинова на то, что «ежедневно рост освобождения по нетрудоспособности возрастает и количество временно освобожденных растет»[3]. По данным В. Н. Земскова, удельный вес заключенных ГУЛАГа, годных к тяжелому физическому труду в 1942 г. сократился до 19 %, против 36 % в 1940 г. Вместе с тем, прослойка заключенных, годных к легкому труду, а также инвалидов и ослабленных повысилась с 39 % в 1940 г. до 64 % в 1942 г.[4] Даже в январе 1944 г., когда ситуация несколько изменилась к лучшему, среди узников Алтайлага только 29 % были пригодны к тяжелому физическому труду, а 32 % — к труду средней тяжести. Таким образом, почти 40 % контингента заключенных Алтайлага были пригодны только к легким работам или вообще были инвалидами[5].

Проблема использования принудительного труда заключенных в военные годы обострилась настолько, что 5 сентября 1941 г. и. о. начальника Санотдела ГУЛАГа НКВД СССР Зицерман, отражая, по-видимому, указания вышестоящего руководства разослал начальникам управлений лагерей и начальникам отделов исправительно-трудовых колоний специальное письмо. В нем подчеркивалось:

---

[1] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 17. Д. 196. Л. 32–37.

[2] Оборонная промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Сб. документов. Новосибирск. 2005. С. 206.

[3] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 17. Д. 196. Л. 33.

[4] Земсков В. Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект). С. 22.

[5] ЦХАФАК. Ф. Р-635. Оп. 2. Д. 6. Л. 281.

«Задачи, стоящие перед санитарной службой лагерей и ОИТК в условиях сложившейся в настоящее время обстановки чрезвычайно ответственны. Одним из актуальных вопросов сегодняшнего дня является вопрос максимального сохранения рабочей силы, которая должна быть направлена на выполнение особо важных задач» [1]. О том же, в сущности, говорил в докладной записке от 24 октября 1942 г. прокурор Омской области Теребов. Он подчеркивал, что недостаточное питание спецконтингента «грозит тем, что зак. (*так в источнике – В. И.*) будут истощаться и впоследствии выйдут из строя, в то время как со стороны Наркомата Внутренних Дел вопросу поддержания здоровья заключенных придается исключительное внимание»[2].

Такой, несколько циничный взгляд, впрочем, вполне напоминавший позицию властей по отношению к гражданской рабочей силе, объективно способствовал некоторому улучшению условий содержания спецконтингента. К этому власти вынуждала объективная ситуация, необходимость интенсивного использования труда заключенных. Поэтому, достигнув в 1943 г. максимальных величин, смертность в лагерях и колониях ГУЛАГа стала сокращаться. В 1945 г. в лагерях ГУЛАГа умерло 6,7 % заключенных по отношению к их среднесписочной численности[3].

Ещё одной причиной снижения смертности спецконтингента стали изменения самой технологии учета смертности заключенных. В документах ГУЛАГа НКВД СССР с конца 1942 г. появляется новый термин: «актировка» спецконтингента. Во исполнение решения пленума Верховного суда СССР от 1 августа 1942 г. и последовавшей за ним совместной директивы НКВД СССР, Наркомата юстиции СССР и Прокуратуры СССР от 23 октября 1942 г., заключенные, страдающие неизлечимыми недугами, освобождались из мест лишения свободы. Таким оригинальным способом ГУЛАГ избавлялся от «ненужных нахлебников». С этой целью в санотделе ГУЛАГа было разработано «Расписание болезней и физических недостатков, при наличии которых заключенные ИТЛ и колоний могут быть отнесены к категории инвалидов, подпадающих под действие циркуляра Пленума Верховного Совета от 1 августа 1942 г.»[4]. Документ был подписан начальником санотдела ГУЛАГа подполковником медицинской

---

[1] ЦХАФАК. Ф. Р-635. Оп. 2. Д. 6. Л. 281.

[2] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 17. Д. 196. Л. 33.

[3] Земсков В. Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект). С. 14–15.

[4] ГАНО. Ф. 1199. Оп. 2. Д. 3. Л. 35–36.

службы Лойдиным и утвержден начальником ГУЛАГа, комиссаром госбезопасности Наседкиным. Согласно «Расписанию болезней», свободу получали лица, страдающие неизлечимыми болезнями, которые делали заключенных полностью непригодными к труду. Среди них были такие заболевания, как: значительно выраженное истощение на почве авитаминозов, пеллагра и алиментарная дистрофия, злокачественное малокровие, декомпенсированный туберкулез легких, открытый бациллярный туберкулез легких, резко выраженная эмфизема легких, отсутствие обеих нижних или верхних конечностей, полная слепота на оба глаза и т. д.[1]

Разумеется, заключенные актировались не из гуманных соображений, а для того, чтобы государство не тратилось на их содержание. На «свободе» бывшие узники, как правило, жили недолго. Они быстро умирали, но смерть наступала за пределами лагерей и колоний. Таким образом, факт их смерти фиксировался не учетно-распределительными частями мест заключения, а общегражданскими загсами. Учетно-распределительным частям было категорически запрещено вносить смерти актированных заключенных в лагерную отчетность. Так, 2 апреля 1943 г. всем начальникам УИТЛК и ОИТК НКВД – УНКВД был разослан циркуляр № 42/232546 за подписью начальника ГУЛАГа НКВД СССР, комиссара госбезопасности Наседкина, в котором разъяснялось, что «данные об умерших в лагерях и колониях освобожденных заключенных необходимо сообщать в отдельной сопроводительной к медицинскому отчету объяснительной записке. Включать же этих умерших в медицинские отчеты по медпомощи вольнонаемному составу или заключенным не следует»[2]. Таким образом, изменение системы отчетности способствовало снижению, по крайней мере, на бумаге, показателей смертности в лагерях и колониях. Реальный уровень смертности заключенных в военные годы, очевидно, был выше, чем это фиксировалось в статистической отчетности органов НКВД.

Существенный вклад с процесс снижения мощности людского потенциала СССР в годы войны вносила и смертность спецпоселенцев[*]. Их численность в военные годы непрерывно увеличивалась. В 1941 г. в Западной Сибири было сосредоточено около 240 тыс. бывших

---

[1] ГАНО. Ф. 1199. Оп. 2. Д. 3. Л. 35–36.

[2] ЦХАФАК. Ф. Р-635. Оп. 2. Д. 74. Л. 83.

[*] До 1934 г. всех, отправленных в ссылку, официально именовали «спецпереселенцами», в 1934–1944 гг. – «трудпоселенцами», а после 1944 г. – «спецпоселенцами». Чтобы избежать ненужной путаницы, в дальнейшем мы будем именовать депортированных спецпоселенцами.

кулаков, польских осадников, беженцев и других[1]. В годы войны в регион направлялись крупные потоки так называемых «спецэвакуированных». Под этим эвфемизмом следует понимать, прежде всего, депортированные народы. В итоге, к апрелю 1945 г. в Западной Сибири насчитывалось почти 500 тыс. спецпоселенцев[2].

Демографические события (смертность и рождаемость) среди спецпереселенцев фиксировались комендатурами НКВД. Общегражданские загсы, получавшие данные о рождаемости и смертности спецпереселенцев, перемешивали их с общим массивом документов, так чтобы вычленить смертность спецпереселенцев было в принципе невозможно. Начальник Отдела демографии ЦСУ СССР И. Ю. Писарев 8 апреля 1941 г. разослал в Статистические управления союзных республик письмо, в котором указывалось: «Отдел демографии ЦСУ Госплана СССР сообщает Вам, что вторые экземпляры актов гражданского состояния, полученные из комендатур НКВД разрабатываются вместе с общим массивом актов… Никаких подсчетов актов по комендатурам производить не следует»[3].

В годы Великой Отечественной войны для спецэвакуированных самую большую опасность представляли этапы собственно транспортировки, а затем адаптации к непривычным условиям жизни в местах расселения. Первый крупный поток спецпереселенцев на восток страны был организован по указу Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. По данным А. А. Германа, в сентябре — октябре 1941 г. в Западную Сибирь прибыло свыше 150 тыс. немцев[4]. В дальнейшем депортации немцев были продолжены, а их численность в регионе увеличилась.

Немцам в силу ряда объективных обстоятельств (переселение в относительно благоприятных климатических условиях ранней осени и наличие у государства еще нерастраченных материальных ресурсов), удалось избежать повышенной смертности в пути. Согласно материалам А. А. Германа, из 73 285 немцев, перемещенных в Алтайский край, в пути умерло 32 человека. Из числа 77 345 немцев, прибывших в Новосибирскую область, в дороге скончалось 84 человека. Среди 65 881 немца, депортированного в Омскую область, потерь не было вообще[5].

---

[1] Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР. С. 85, 98.

[2] Там же. С. 116.

[3] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Л. 540. Д. 57.

[4] Герман А. А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. Часть II. Саратов. С. 358.

[5] Там же.

В дальнейшем смертность среди немцев в связи с неизбежным ухудшением условий существования выросла. В спецсообщении начальника УНКВД по Новосибирской области Ф. П. Петровского от 2 февраля 1945 г. «О жилищно-бытовых условиях спецпереселенцев-немцев, трудоустроенных на заводе № 65 г. Новосибирска» указывалось, что немцы «живут в нетерпимых условиях, крайне скученно, завшивлены, полураздеты, в постоянном холоде из-за непригодности бараков и отсутствия топлива, вследствие чего имеют массовые заболевания и смертность»[1].

Тем не менее, смертность среди немцев, скорее всего, была близка к показателям смертности среди местного гражданского населения. Немцы сумели быстро адаптироваться к жизни в местах высылки, освоить систему ведения сельского хозяйства. Квалифицированные и трудолюбивые немецкие рабочие, техники и инженеры высоко ценились на производстве. Они нашли применение своим способностям на местных предприятиях. Как справедливо отметил В. Н. Земсков, «чем цивилизованнее нация, тем выше степень её выживаемости в экстремальной ситуации»[2].

Иначе сложилась демографическая судьба калмыков, которые выселялись по указу Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1943 г. и постановлению СНК СССР от 28 декабря 1943 г. Всего на поселение поступило свыше 90 тыс. калмыков [3] . Основная их масса была размещена в Западной Сибири. К январю 1944 г. в регион поступило 63,5 тыс. калмыков. Из них свыше 12 тыс. были депортированы в расположенные на крайнем севере Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский национальные округа, а также в Тобольский округ[4]. Условия переселения калмыков были значительно хуже, чем условия переселения немцев. В Сибири, особенно в её северных районах, январь один из самых холодных месяцев. Кроме того, на январь, как правило, приходятся вспышки сыпного тифа. Смертность калмыков при перевозке, как указывает П. М. Полян «была чрезвычайно высокой»[5].

В силу особенностей менталитета и специфических условий хозяйствования и быта в родных для калмыков степях, малого количества высококвалифицированных специалистов, адаптация калмыков

---

[1] Оборонная промышленность Новосибирской области. С. 698.

[2] Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР. С. 120.

[3] Там же. С. 107.

[4] Полян П. М. Не по своей воле… История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. С. 121.

[5] Там же.

к жизни в чуждой для них среде, проходила со значительными трудностями. Ситуация усложнялась из-за отсутствия жилья, медицинской помощи, плохого и непривычного питания. Когда в октябре 1944 г. управление НКВД по Новосибирской области провело сплошную проверку в местах расселения калмыков, выяснилась удручающая картина. Жилища для спецпереселенцев оказались неподготовленными — без окон, без дверей, без печей с полуразрушенными стенами. В совхозе № 168 Барабинского района в саманной избушке площадью 8 кв. м. проживало 15 калмыков, часть которых спала на улице. В Каргатском районе рыболовецкая бригада из 15 калмыков жила в полуразрушенной бане, в которой отсутствовала печь, а окна были выбиты. В Чулымском районе калмыки были расселены в бараках с разваленными печами и разбитыми стеклами[1]. «Аналогичное положение с состоянием жилья, — констатировалось в постановлении Новосибирского обкома от 23 ноября 1944 г., — имеет место и по остальным районам и населенным пунктам расселения калмыков»[2]. Строительство жилья для спецпереселенцев велось с большими задержками. В Новосибирской области из запланированных 1529 землянок построено всего 185, деревянных домов построено 2 вместо 190, отремонтировано 384 дома вместо 3124 домов[3]. Тяжелые жилищные условия усугублялись вынужденным антисанитарным состоянием депортированных. Калмыки не были обеспечены не только одеждой, обувью и сменным бельем, но и мылом. В уже упомянутом выше постановлении Новосибирского обкома подчеркивалось, что медики устранились от надзора за санитарным состоянием калмыков, не проводили санитарную обработку, медпомощь не оказывали[4].

Средства, выделяемые на обустройство калмыков, должны были черпаться из нищенских ресурсов местных колхозов и совхозов, работники которых сами влачили жалкое существование. Те средства, что выделялись, использовались не по назначению. Так, колхоз «Искра» Мануйловского сельсовета Болотнинского района получил в мае 1944 г. небольшой кредит в 5 тыс. рублей на обустройство калмыков. Из этих денег более 1000 руб. были израсходованы на нужды колхоза[5]. Из запланированных 2884 голов скота, предназначенных для раздачи калмыкам, депортированным в Новосибирскую

---

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 585. Л. 3 об., 34.
[2] Там же. Л. 3 об., 36.
[3] Там же. Л. 56–57.
[4] Там же. Л. 43.
[5] Там же. Л. 3 об., 36.

область, было выдано всего 1176 голов, а во многих районах скота не дали вовсе[1]. Всего к ноябрю 1944 г. только 669 семей калмыков получили скот[2].

В итоге, смертность среди депортированных калмыков поднялась до очень высоких показателей. В Новосибирской области на момент вселения (январь 1944 г.) насчитывалось 18 334 калмыка. Из них к октябрю 1046 человек умерли, а число родившихся детей составило всего 65 человек[3]. В Барабинском районе погибли на этапе адаптации 8 % калмыков, в Чановском — 7, в Каргатском — 4 %[4].

Смертность среди депортированных народов значительно превышала рождаемость даже в самом конце войны, когда, казалось бы, главные трудности были преодолены. Во всяком случае, для местного гражданского населения в 1945 г. были характерны небольшие, но все же положительные величины естественного прироста. Между тем, в течение всего 1945 г. в семьях калмыков родилось всего 351 младенец, тогда как умерло 3735 человек, у немцев соответственно 1914 и 6930 человек, у бывших кулаков 1694 и 8194 человека[5]. В сущности, насильственная депортация нанесла непоправимый ущерб людскому потенциалу не только «наказанных» народов, но и всему населению СССР в целом, о чем собственно и свидетельствует факт депопуляции.

2.4. Рождаемость населения в 1941–1945 гг.

Особенностью процесса воспроизводства населения Западной Сибири в период Великой Отечественной войны было не возникновение каких-то принципиально новых тенденций, а резкое углубление и обострение тех кризисных явлений, которые давали о себе знать значительно раньше. Они оказали огромное воздействие на динамику людского потенциала нашей страны в военные годы.

Истоки демографической катастрофы, поразившей народонаселение тыловых регионов СССР в годы Великой Отечественной войны, необходимо искать в демографических событиях 1939–1941 гг. Единственно новым, в этом смысле, было доведение

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 585. Л. 4.

[2] Там же. Л. 41.

[3] Там же. Л. 45.

[4] Там же. Л. 55.

[5] 40-е — 50-е годы: последствия депортации народов (свидетельствуют архивы НКВД — МВД СССР) // История СССР. 1992. № 1. С. 138.

негативных тенденций, зародившихся в предшествующие Великой Отечественной войне годы, до крайних, экстремальных форм. Период 1941–1945 гг. характеризуется сокращением рождаемости до предельно низких величин, за которыми начинается процесс исчезновения человеческой популяции. Падение рождаемости не только нанесло мощный удар по демографической подсистеме тыловых регионов страны, но негативно повлияло на послевоенные тенденции развития людского потенциала.

Общий коэффициент рождаемости населения Западной Сибири под влиянием факторов пертурбационного характера, в течение 1941–1945 гг. уменьшился более чем в 2 раза (см. *табл. 2.4.1*). Особенно стремительно уровень рождаемости сокращался в начальный период войны. В 1941–1942 гг. коэффициент рождаемости в Западной Сибири понизился в 1,5 раза, в 1942–1943 гг. в 1,7 раза. В 1943–1944 гг. уровень рождаемости фактически стабилизировался. Таким образом, самой низшей точки падения рождаемость в западносибирском регионе достигла в 1943 и в 1944 гг., когда ее общие коэффициенты уменьшились по сравнению с 1941 г. в 2,5 раза. Перелом тренда произошел только в 1945 г. С этого времени показатели рождаемости стали медленно увеличиваться.

*Таблица 2.4.1**

Динамика рождаемости населения Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны**

Год	Число родившихся (тыс. человек)	Число родившихся на 1000 человек населения
1941	277,0	31,5
1942	203,6	20,7
1943	106,0	12,6
1944	111,3	12,3
1945	131,8	15,4
1945 в % к 1941	47,6	48,9

* Источник: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 156. Л. 20 об., 23 об., 25 об., 28 об., 30 об.; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 251. Л. 75–76, 153–154, 156–157; Д. 418. Л. 28–29, 68–69, 96–100; Д. 501. Л. 49–50107–108, 144–146, 148–149, 183–184, 189; Д. 577. Л. 52–53, 119–120, 156–158, 160–161, 195–196, 201–202; ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 736. Л. 6, 7 об., 8; ГАОО. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 1134. Л. 31–31об.; ГАТО. Ф. 1085. Оп. 3. Д. 5. Л. 5, 25; ТА ГКС АК.

** В текущих административно-территориальных границах.

Отметим, что процесс снижения рождаемости в военные годы не был чем-то, типичным только для Западной Сибири. Поражена была демографическая сфера всей страны. По РСФСР в целом за 1941–1943 гг. общий коэффициент рождаемости сократился более, чем в 3 раза, с 33,3 % до 9,9 %[1]. На Урале, как показали расчеты Г. Е. Корнилова, общий коэффициент рождаемости в период наибольшего его сокращения (1944 г.) понизился до 10,4 %, против 34 % в 1941 г. При этом в городах Урала показатели рождаемости уменьшились с 32,6 до 9,7 %, в сельской местности с 34,9 до 11,1 %[2]. Таким образом, в Западной Сибири, по крайней мере в городах, демографическая ситуация была в определенном смысле даже лучше, чем в других регионах России.

*Таблица 2.4.2**

Динамика рождаемости городского и сельского населения Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны**

Год	Городское население		Сельское население	
	Число родившихся (тыс. человек)	Число родившихся на 1000 человек населения	Число родившихся (тыс. человек)	Число родившихся на 1000 человек населения
1941	84,8	32,2	192,2	31,1
1942	66,5	20,6	137,1	20,8
1943	42,4	16,1	63,6	11,1
1944	49,1	17,6	62,2	9,9
1945	63,0	21,5	68,8	12,6
1941 в % к 1945	74,3	66,7	35,8	40,5

* Источник: составлена по тем же данным, что и *табл. 2.4.1.*

** В текущих административно-территориальных границах.

При детальном ознакомлении с изменениями параметров рождаемости населения Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны, обращает на себя внимание факт её значительной дифференциации в городах и в сельской местности. Как правило, уровень рождаемости в сельской местности выше, чем в городах. Сельская семья в большей степени, чем городская ориентирована

[1] Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000. С. 175.

[2] Корнилов Г. Е. Уральское село и война. Проблемы демографического развития. Екатеринбург. 1993. С. 46.

на многодетность, что определяется глубинными социокультурными факторами, патриархальностью деревни. Но война значительно деформировала процессы воспроизводства населения и, являясь мощным пертурбационным фактором, внесла коррективы, сильно искажающие естественный, «нормальный», ход событий. Привычное для мирного периода соотношение рождаемости в городах и селах было грубо нарушено. В 1941–1942 г. коэффициенты рождаемости в городе и селе фактически выровнялись, а в 1943–1945 гг. уровень рождаемости в городских поселениях заметно превышал аналогичные показатели по сельской местности. К тому же, в городах перелом тренда рождаемости в сторону повышения произошел уже в 1944 г., тогда как в сельской местности на год позже.

В сельской местности темпы падения рождаемости были особенно резкими. В городах этот процесс протекал относительно плавно. В 1941–1945 гг. общий коэффициент рождаемости сократился в городских поселениях Западной Сибири на 33,3 %, тогда как в деревне почти — на 60 %. Чем крупнее был город, тем менее крутой была кривая падения рождаемости. В Новосибирске, самом большом городе Сибири, рождаемость в течение войны уменьшилась всего на 25 %, в Омске — на 30 %[1].

Таким образом, в районах с низким уровнем урбанизированности, показатели рождаемости снижались особенно быстро и до предельно низких величин. Именно этим объясняется территориальная дифференциация показателей рождаемости. Так, в Алтайском крае, где преобладало сельское население, общий коэффициент рождаемости в 1945 г. по отношению к 1941 г. составил всего 37 %, в Омской области — 41, тогда как в выскоурбанизированном Кузбассе — 61 %[2]. Эта аномалия еще раз подчеркивает, что война сильно исказила весь ход демографических процессов и максимально усилила негативное воздействие внешних, пертурбационных факторов.

При исследовании процессов воспроизводства населения, нельзя упускать из виду интервал между зачатием и рождением ребенка. Коэффициент рождаемости в каждый определенный момент времени отражает демографическую ситуацию примерно 9-месячной давности. Чтобы учесть это обстоятельство, необходимо обратиться к анализу помесячных колебаний рождаемости с учетом условной

---

[1] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 577. Л. 156; ГАОО. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 1134. Л. 97; Д. 1141. Л. 12; ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 607. Л. 48.

[2] Алексеев В. В., Исупов В. А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1986. С. 89.

даты зачатия. При этом приходится игнорировать число мертворожденных, а также многоплодных и преждевременных родов. Но из-за их количественной незначительности это в целом не влияет на итоговые выводы.

*Таблица 2.4.3**

Помесячная динамика рождаемости населения Западной Сибири в 1941–1942 гг.**

Календарный месяц рождения ребенка	1941 г.		1942 г.	
	Дата зачатия	Число родившихся на 1000 человек населения	Дата зачатия	Число родившихся на 1000 человек населения
Январь	Май 1940 г.	33,8	Май 1941 г.	34,4
Февраль	Июнь 1940 г.	34,3	Июнь 1941 г	26,2
Март	Июль 1940 г.	32,1	Июль 1941 г	28,0
Апрель	Август 1940 г.	28,6	Август 1941 г	21,6
Май	Сентябрь 1940 г.	26,4	Сентябрь 1941 г.	18,6
Июнь	Октябрь 1940 г.	27,1	Октябрь 1941 г	16,0
Июль	Ноябрь 1940 г.	32,0	Ноябрь 1941 г	16,5
Август	Декабрь 1940 г.	32,2	Декабрь 1941 г	16,1
Сентябрь	Январь 1941 г.	32,5	Январь 1942 г.	15,1
Октябрь	Февраль 1941 г.	33,4	Февраль 1942 г	15,1
Ноябрь	Март 1941 г.	30,2	Март 1942 г	13,0
Декабрь	Апрель 1941 г.	29,1	Апрель 1942 г	10,8

* Источник: ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 607. Л. 53–54; Д. 736. Л. 131, 135; ГАОО. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 1134. Л. 70–71, 73; Д. 1136. Л. 31; ТА ГКС АК.

** По административно-территориальному устройству соответствующих лет.

При такой постановке вопроса становится ясным, что аномально резкое сокращение рождаемости началось примерно с апреля 1942 г., а именно с того момента, как был окончательно исчерпан довоенный «запас зачатий». В апреле 1942 г., когда на свет появились

дети, зачатые примерно в августе 1941 г., коэффициент рождаемости понизился (по сравнению с мартом 1942 г.) сразу на 14 %. До апреля 1942 г. динамика рождаемости в основном отражала тенденции, характерные для 1940 — первой половины 1941 гг.

Сокращение индекса рождаемости было обусловлено воздействием многих сложных факторов и причин в основном экзогенного характера. В годы войны, как уже говорилось, демографическое развитие определялось не внутренней логикой и закономерностями развития собственно демографической подсистемы общества, но, прежде всего негативным и очень мощным воздействием внешних по отношению к демографической подсистеме военно-политических факторов. Едва возникнувший в СССР во второй половине 1930-х гг. процесс демографического перехода был, если не прерван окончательно, то, во всяком случае, сильно заторможен. Процесс становления современного типа воспроизводства населения отошел на далекую периферию демографического развития. На авансцену выступили причины пертурбационного характера, прежде всего деформации половозрастного состава населения. Структурные факторы демографической динамики играли значительную роль уже в 1939 — первой половине 1941 гг., но в годы Великой Отечественной войны их действие стало определяющим

Этот тезис подтверждается тем фактом, что в районах, где дисбаланс полов был выражен не столь резко, демографическая ситуация была несколько лучше. Это касается тех регионов, где сосредотачивалась тяжелая и оборонная промышленность и была развита система бронирования от призыва в Красную армию. Соответственно, в крупных городах рождаемость была выше, чем в целом по городским поселениям Западной Сибири. Напомним (см. *табл. 2.4.2*), что в целом по всем городам Западной Сибири в 1943 г. (в момент прохождения низшей точки падения рождаемости) общий коэффициент рождаемости составлял 16,1 %, тогда как в Кемерово — 17 %, в Сталинске — 17,2, а в Прокопьевске даже 18 %[1]. В Новосибирске, крупнейшем центре оборонной промышленности Советского Союза, в годы Великой Отечественной войны уровень рождаемости не опускался ниже 19 %[2].

В небольших городах и поселках городского типа параметры рождаемости почти не отличались от показателей по сельской местности. Так, в Тюмени в 1944 г. индекс рождаемости составлял 16 %,

---

[1] ГАКО. Ф. 304. Оп. 4. Д. 157. Л. 7.

[2] ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 871. Л. 3.

тогда как в расположенном неподалеку Ишиме — всего 9 %[1]. В небольшом рабочем поселке Акутиха Алтайского края в 1943 г. показатель рождаемости не превышал 7,4 %, в Ойрот-Туре (*ныне Горно-Алтайск – В. И.*) — 7,2 %, в Павловске — 8,3, в Камне-на-Оби — 12,1 %[2]. Вместе с тем, в сравнительно небольшом городе Рубцовске, где численность населения в 1943 г. не превышала 38 тыс. человек, коэффициент рождаемости достигал почти 25 %[3]. Объясняется это тем, что в Рубцовске в военные годы строился крупный тракторный завод. Мужчины, сначала строившие, а затем и трудившиеся на заводе, получали бронь от призыва в армию.

Несколько лучше, чем в других сельских районах Западной Сибири была демографическая ситуация в деревне Кемеровской области. Сельские районы Кемеровской области были единственными во всей Западной Сибири, где рождаемость превышала смертность, а естественный прирост характеризовался положительными величинами даже в 1943 г., в момент самого значительного (для сельской местности Кузбасса) падения рождаемости. В этом году число родившихся в сельской местности Кемеровской области превысило число умерших на 269 человек[4].

Все это еще раз подчеркивает значение структурных факторов, которые и определяли параметры рождаемости в военные годы. Падение рождаемости в связи с воинскими мобилизациями впервые фиксируется в нашей стране в 1940 г. В годы Великой Отечественной войны эта тенденция была доведена до крайних пределов. Уход женатых мужчин в армию означал временный, а в случае гибели бойца окончательный разрыв уже установившихся брачно-семейных отношений. Война вызвала процесс массового овдовения. Помимо этого, призыв в Красную армию неженатых юношей стал причиной сужения круга числа потенциальных женихов, что в свою очередь привело к резкому сокращению количества заключаемых браков.

Индекс брачности населения Западной Сибири в связи с крупномасштабными воинскими мобилизациями мужчин в 1941 г. сокращался очень быстро. Своеобразным исключением стали конец июня и начало июля 1941 г., когда уровень брачности несколько увеличился, причем главным образом, в городах. В городских поселениях Алтайского края в июне 1941 г. по отношению к предшествующему

[1] ГАТюмО. Ф. 1725. Оп. 1. Д. 21. Л. 104.
[2] ТА ГКС АК.
[3] Там же.
[4] ГАКО. Ф. 304. Оп. 3. Д. 249. Л. 79 об.

месяцу индекс брачности удвоился, в сельской местности вырос на 41 %. В городах Омской области уровень брачности увеличился в 1,8 раза (в том числе в Омске — в 1,9 раза), в деревне — на 24 %. В городах Новосибирской области показатель брачности в июне 1941 г. превзошел майский уровень сразу на 77 %, в сельской местности — почти на 42 %.

*Таблица 2.4.4**

Ежемесячные показатели брачности населения Западной Сибири в 1941 г.

Календарный месяц	Число зарегистрированных браков на 1000 человек населения					
	Омская область**		Новосибирская область**		Алтайский край**	
	Городские поселения	Сельская местность	Городские поселения	Сельская местность	Городские поселения	Сельская местность
Январь	9,1	6,8	7,6	4,9	9,6	5,6
Февраль	8,3	5,6	7,2	4,9	7,2	5,2
Март	8,6	5,6	7,7	4,3	6,0	4,4
Апрель	8,4	4,7	6,6	4,0	5,7	3,5
Май	8,4	3,7	7,5	3,1	5,5	3,2
Июнь	**15,3**	**4,6**	**13,3**	**4,4**	**11,5**	**4,5**
Июль	11,3	3,9	11,7	4,2	9,1	3,3
Август	8,8	2,7	7,0	2,1	4,5	2,1
Сентябрь	8,4	1,6	6,6	2,0	3,4	1,3
Октябрь	7,5	1,5	5,7	1,4	4,6	1,7
Ноябрь	6,9	1,4	4,8	1,7	9,8	1,6
Декабрь	6,6	2,3	5,5	2,1	4,6	2,6
Декабрь 1941 г. в % к январю 1941 г.	72,5	33,8	72,4	42,9	47,9	46,2

* Источник: ГАОО. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 1134. Л. 70 об., 71 об., 73 об; ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 607. Л. 53, 54; ТА ГКС АК.

** По административно-территориальному устройству 1941 г.

Объясняется столь «загадочное» явление очень просто. Мужчины, перед уходом в армию, спешили зарегистрировать фактически уже сложившиеся брачные союзы. Молодожены рассчитывали, что семьи фронтовиков будут обеспечены различного рода

льготами, а в случае гибели бойца — пенсией. Во всяком случае, указ Президиума Верховного Совета СССР «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время» вышел в свет спустя несколько дней после начала войны, 26 июня 1941 г., о чем не могли не знать призывники и их фактические жены[1]. Докладывая секретарю Барнаульского горкома Кувшинову о работе загсов города в июне 1941 г., начальник УНКВД (загсы входили в систему НКВД СССР) по Алтайскому краю лейтенант госбезопасности Бетин и начальник Управления милиции капитан Воробьев писали: «Регистрация брака, по сравнению с предшествующими днями значительно возросла. Характерно, что большинство регистрирующих находились в течение ряда лет в фактическом браке»[2]. Отметим попутно, что столь значительное повышение брачности в июне-июле 1941 г. свидетельствует в пользу тезиса о распространении внебрачного сожительства в годы, предшествующие Великой Отечественной войне.

Однако запас фактических, но незарегистрированных по разным причинам браков, накопленный в довоенные годы, был очень быстро исчерпан. Начиная с конца июля 1941 г. число регистрируемых брачных пар стало быстро снижаться.

*Таблица 2.4.5**

Динамика брачности населения Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны**

Год	Число зарегистрированных браков, тыс.	На 1000 человек населения зарегистрировано браков
1941	40,7	4,4
1942	18,1	1,8
1943	22,0	2,3
1944	31,8	3,5
1945	53,0	6,2

* Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1009. Л. 51; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 332. Л. 24. 39, 40, 57, 59.

** По административно-территориальному устройству соответствующих лет.

---

[1] Законодательные и административно-правовые акты военного времени. С 22 июня 1941 г. по 22 марта 1942 г. М. 1942. С. 66–68.

[2] ЦХАФАК. Ф. 10. Оп. 25. Д. 15. Л. 28–29.

В 1942 г. в Западной Сибири было создано в 2,3 раза меньше новых семей, чем в 1941 г. В 1943 г. число браков в регионе даже не приблизилось к явно пониженному уровню 1941 г. Медленное нарастание брачности началось, по сути, только в конце 1943 г., когда в тыловых районах страны скопилось некоторое количество фронтовиков-инвалидов, комиссованных по состоянию здоровья из армии. Своего довоенного уровня брачность достигла только в 1945 г. Скорее всего, это произошло во второй половине 1945 г., когда развернулись процессы демобилизации.

!!!Отметим еще одну явно нетипичную для мирных лет характеристику брачности населения в военные годы. Уровень брачности в городах был выше, чем в сельской местности, поскольку города, все же, обладали небольшим запасом женихов. К тому же городские невесты могли рассчитывать на военнослужащих, находившиеся в учебных центрах Красной армии или на излечении в эвакогоспиталях. Так, уполномоченный КПК по Алтайскому краю Комаров в мае 1945 г. докладывал секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Андрееву: «Раненые большими группами, не считаясь с правилами внутреннего распорядка, уходят из госпиталя в нижнем белье и халатах в город. Есть случаи заболеваний раненых венерическими заболеваниями»[1].

В сельской местности ситуация была сложнее. Начальник политсектора Алтайского краевого земельного отдела в марте 1943 г. доносил в крайком ВКП(б): «Среди женщин-колхозниц очень развито пьянство, так называемые семейные вечера. В это пьянство вовлекают 15–16-летних мальчишек, которых напаивают пьяными и затем устраивают сожительство»[2]. Война, несомненно, разрушала нравственные основы общества, что негативно сказывалось на отношениях мужчин и женщин.

Изменения количественных параметров брачности сопровождались заметными структурными сдвигами.

Табл. 2.4.6 свидетельствует, что в условиях острого дефицита женихов процесс формирования семей существенно изменился, причем в сторону развития аномальных тенденций, нехарактерных для периода мирных лет. Прежде всего, заметно сократился удельный вес женщин, выходивших замуж в возрасте старше 24 лет. Женская брачность переместилась в младшие возрастные группы от 19 до 24 лет. Девушки спешили оформить брак, пока «капризный» из-за своей дефицитности жених, был согласен идти в загс. Вместе с тем,

---

[1] ЦХАФАК. Ф. 1. Оп. 18. Д. 880. Л. 108.

[2] Там же. Д. 167. Л. 25.

женщины значительно чаще, чем в мирное время стали выходить замуж за ровесников. Увеличилось количество браков девушек с мужчинами значительно старше и младше себя.

*Таблица 2.4.6**

Возраст женихов и невест в Западной Сибири. 1941–1943 гг., %

Возраст женихов и невест (лет)	1941 г.**		1943 г.***	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Моложе 18	0,1	0,7	0,4	0,9
18	8,0	11,2	2,6	9,4
19	3,6	9,0	3,0	10,8
Всего 18–19	11,6	20,2	5,6	20,2
20	3,9	10,8	7,6	13,1
21	3,0	8,3	6,7	10,8
22	6,2	8,7	8,3	9,8
23	7,2	6,1	7,3	7,0
24	7,7	4,8	8,2	6,0
Всего 20–24	28,0	38,7	38,1	46,7
25	8,5	5,0	7,3	4,6
26	8,7	5,2	5,2	3,2
27	7,2	4,5	5,4	3,3
28	6,2	3,9	4,8	3,1
29	4,2	2,5	4,4	2,5
Всего 25–29	34,8	21,1	27,1	16,7
30–34	14,8	9,3	13,6	8,1
35–39	6,5	4,5	6,2	3,4
40 лет и старше	4,1	5,3	8,8	3,6
Возраст неизвестен	0,1	0,2	0,2	0,4
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

* Источник: ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 607. Л. 63–63 об.; Д. 871. Л. 22–22 об., 33–33 об.; ГАКО. Ф. 304. Оп. 4. Д. 157.Л. 27–27 об.; ГАОО. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 1134. Л. 95–95 об.; Д. 1137. Л. 70–70об.; ТА ГКС АК.

** В границах Алтайского края, Новосибирской и Омской областей по административно-территориальному устройству 1941 г.

*** В границах Алтайского края, Новосибирской, Кемеровской и Омской областей по административно-территориальному устройству 1943 г.

Соответственно изменилось и брачное поведение мужчин. Переизбыток невест привел к заметному увеличению доли сверхранних браков мужчин. Брачность юношей в возрасте моложе 18 лет повысилась сразу в 4 раза. Вместе с тем, более чем в 2 раза повысился удельный вес «женихов» в возрасте старше 40 лет. Тыловики старших возрастов получили возможность брать в жены молодых девушек.

Индекс разводов в военные годы и вплоть до конца 1944 г. практически не менялся (см. *табл. 2.4.7*). Но это не значит, что сложившиеся семьи были крепкими. Подавляющее большинство мужчин находились в армии. Для них оформление развода было не только сложным, но практически невозможным делом. Если же семья фронтовика в силу каких-то причин фактически распадалась, то оформление развода, как правило, откладывалось до возвращения мужа из армии. Все разводы, таким образом, приходились на немногочисленных мужчин, оставшихся в тылу. Исходя из этого, вполне справедливо предположение, что количество распавшихся семей в 1941–1944 г. на самом деле не сократилось, поскольку фактический развод не регистрировался и, следовательно, не попадал в статистическую отчетность. Война, таким образом, негативно влияла на брачное поведение, как мужчин, так и женщин.

*Таблица 2.4.7**

Динамика разводов в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны.**

Год	Число разводов на 1000 человек населения		
	Все население	Городское	Сельское
1941	0,3	0,5	0,2
1942	0,3	0,5	0,3
1943	0,4	0,5	0,3
1944	0,3	0,4	0,3
1945	0,02	0,1	0,003

* Источник: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 73. Л. 70; Д. 75. Л. 4; Д. 76. Л. 13 об, 16, 25, 26; Д. 207. Л. 14, 42; Д. 208. Л. 1, 4, 5, 6, 9; Д. 264. Л. 1, 89–90, 135–136, 139, 140–141, 205, 207–208, 211, 213, 216; ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 607. Л. 51; Д. 736. Л. 6–6 об., 7 об., 8; 131–131 об., 135–135 об.; Д. 871. Л. 3–3 об.; 41–41 об., 37–37 об.; Д. 992. Л. 20–20 об., 38–38 об.; ГАОО. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 1134. Л. 29–30 об., Д. 1136. Л. 92 об. – 93; Д. 1137. Л. 139–140 об.; ГАТО. Ф. 1085. Оп. 3. Д. 5. Л. 5, 25; ТА ГКС АК.

** По административно-территориальному устройству соответствующих лет.

Сокращение индекса разводов впервые было зафиксировано только в 1945 г. В сельской местности Западной Сибири за 1944–1945 гг. он понизился сразу в 100 раз, в городах — в 4 раза. Столь аномально резкое сокращение показателей разводимости говорит только об одном — институт семьи в военные годы переживал тяжелый кризис.

Падение индекса разводимости в 1944–1945 гг. не означает, что количество распавшихся семей уменьшилось. В действительности снижение показателя разводимости было очевидным результатом административных решений, не учитывавших сложную ситуацию на брачном рынке. Президиум Верховного Совета СССР, обеспокоенный расшатыванием семейных устоев, 8 июля 1944 г. принял указ «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания "Мать героиня" и учреждении ордена "Материнская слава" и медали "Медаль материнства"»[1].

Процедура развода, согласно этому указу, была значительно усложнена. Отныне развод производился исключительно через суд, публично, с привлечением свидетелей. Эти требования были обязательными даже при обоюдном согласии супругов, отсутствии у них детей и имущественных споров. Сама процедура развода стала двухступенчатой. Решение суда низшей инстанции о разводе фактически носило рекомендательный характер, а окончательное решение принимала высшая судебная инстанция. В газетах в обязательном порядке публиковались объявления о бракоразводных процессах.

«Забюрократичивание» процедуры прекращения брачных отношений, несомненно, отражало стремление советского государства укрепить расшатавшиеся в годы войны семейные устои. Но реализовывалось это благое стремление привычным путем усиления административного контроля в области семейных отношений. Однако практическое воплощение этого топорного положения указа в жизнь привело скорее к негативным, чем позитивным последствиям. Число официально оформленных разводов в 1944–1945 гг. действительно сократилось. Но количество распавшихся семей от этого не уменьшилось. Как правило, муж и жена жили раздельно, но не оформляли развод фактически. В сельской местности возможностей преодолеть бюрократические препятствия при разводе было

[1] Сборник законов и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1967. М., 1968. Т. 2. С. 409–417.

меньше, чем в городах. Поэтому здесь феномен сохранения брака де юре при отсутствии брачных отношений де-факто получил особенно широкое распространение. Именно этим объясняется столь резкое падение индекса разводов в сельской местности по сравнению с городами.

Президиум Верховного Совета СССР, издав указ от 8 июля 1944 г. в сущности, поощрял внебрачное сожительство. В этом заключалось основное противоречие социально-демографической политики сталинского режима на завершающем этапе Второй мировой войны. Дело в том, что указ отменил право женщины на обращение в суд с иском об установлении отцовства и взыскании алиментов на содержание ребенка, родившегося от лица, с которым она не состоит в зарегистрированном браке. Отныне советское брачно-семейное законодательство признавало только официально зарегистрированный брак, который один только порождал соответствующие права и обязанности. По сути, это было возвращение к консервативным принципам брачно-семейного законодательства Российской империи. Установление отцовства в отношении ребенка, родившегося вне зарегистрированного брака, не допускалось даже в случае, если мужчина добровольно признавал себя отцом. Детям, родившимся вне брака, в свидетельстве о рождении в графе «отец» ставился прочерк.

Вся ответственность за воспитание ребенка, таким образом, возлагалась на женщину. Мужчины, освобожденные от алиментных обязательств, могли вступать во внебрачные отношения без каких-либо последствий. В условиях острого «дефицита женихов» внебрачное сожительство не могло не получить широкого распространения. За публичными рассуждениями официальных идеологов об укреплении семьи скрывалась латентная, но прагматичная цель — всеми способами повысить рождаемость и, тем самым, хотя бы частично компенсировать огромные людские потери.

Число внебрачных рождений после принятия указа от 8 июля 1944 г. резко увеличилось. Так, в Кемеровской области во втором полугодии 1944 г. (после выхода в свет указа) вне брака родилось 2464 ребенка, против 306 младенцев в первом полугодии. Таким образом, количество внебрачных рождений в Кузбассе выросло более чем в 8 раз[1]. В Томской области в 1945 г. число детей, в акте о рождении которых отсутствовала запись об отце, достигло 2,3 тыс. [2]

[1] ГАКО. Ф. 304. Оп. 4. Д. 157. Л. 33 об. — 34 об.

[2] ГАТО. Ф. 1085. Оп. 3. Д. 5. Л. 9 об.

В Новосибирской области (без Новосибирска) в 1945 г. количество «незаконных» детей достигло 7,6 тыс. человек. Основная масса внебрачных рождений приходилась на женщин от 20 до 26 лет[1]. В Алтайском крае прочерк об отце был поставлен в свидетельствах о рождении 8,4 тыс. младенцев[2].

Однако компенсировать огромные военные потери, прибегая к административным и фактически аморальным технологиям, было невозможно. Советские женщины, привыкшие и приспособившиеся к неожиданным изменениям брачно-семейного законодательства, быстро адаптировались к нелепостям новой ситуации на брачном рынке. В стране в конце Второй мировой войны резко увеличилось количество нелегальных абортов. Еще 29 апреля 1944 г. на совещании в Наркомздраве СССР, посвященном обсуждению проекта «О повышении рождаемости детей», работник наркомата Исаева и профессор Архангельский указывали, что новый закон освобождает мужчин от какой-либо ответственности и это может привести только к росту абортов[3]. Предвидение, к сожалению, оказалось пророческим.

Итак, в годы Великой Отечественной войны на передний план в детерминации демографических процессов выступили структурные факторы, в свою очередь обусловленные мощным давлением военно-политических обстоятельств. Однако было бы ошибочно связывать падение рождаемости в военные годы исключительно с аномалиями половозрастного состава населения. Изучение и анализ архивных документов подтверждает наличие элементов внутрисемейного регулирования числа детей. Даже в тех семьях, где брачные связи не разрывались, или прерывались на короткое время, число родившихся детей сократилось. Репродуктивные установки, у основной массы населения, особенно сельского, еще направленные на многодетность, блокировались ухудшением условий жизни. Многие не распавшиеся семьи откладывали рождение детей до завершения войны. Об этом, в частности свидетельствуют данные о сокращении брачной плодовитости. В 1941 г. в Сибири на каждую 1000 зарегистрированных браков родилось 932 ребенка, в 1943 г. — 563, в 1945 г. — 338 детей[4]. В период Великой Отечественной войны уровень брачной плодовитости в сибирском регионе уменьшился

[1] ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 992. Л. 13, 41.

[2] ТА ГКС АК.

[3] ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 21. Д. 62. Л. 33 об., 35 об.

[4] Алексеев В. В., Исупов В. А. Население Сибири в годы… С. 104.

почти в 3 раза. Таким образом, в годы войны в недрах демографической подсистемы российского общества вызревали предпосылки для последующего ускоренного перехода к новому типу воспроизводства населения.

Главным способом контроля над рождаемостью, в условиях почти полного отсутствия средств контрацепции, не могло не стать искусственное прерывание беременности. В годы войны, по сути, была продолжена линия репродуктивного поведения, зародившаяся еще в конце 1920-х, в 1930-е гг. Распространение абортов в Западной Сибири, особенно в крупных городах, несмотря на категорический запрет и уголовное преследование, было достаточно широким. Едва ли можно согласиться с мнением Е. А. Садвокасовой, утверждающей, что в период войны годы аборт утратил свое значение[1]. В январе 1942 г. начальник УНКВД по Алтайскому краю К. С. Волошенко и заместитель начальника Управления НКВД по Алтайскому краю Осипов в докладной записке «О работе органов милиции», направленной в Алтайский крайком писали: «С начала войны и до 30.XI.41 г. по краю было зарегистрировано и раскрыто 50 случаев криминальных абортов, за которые привлечен 51 человек»[2]. Уполномоченный Госплана СССР по Новосибирской области И. Жатов в конце 1944 г. докладывал в Новосибирский обком: «Снижение рождаемости в 1944 и 1943 военных годах есть результат резкого сокращения численности трудоспособного мужского населения. Кроме того, на снижение рождаемости повлияло значительное количество произведенных в городах области абортов»[3]. В 1944 г. в городских поселениях Новосибирской области (без областного центра) на каждые 100 родов было произведено 30 абортов, а в самом Новосибирске — 50 абортов[4]. При этом, как подчеркивал Жатов, «указанное количество абортов совершенно не охватывает всего числа имевших место искусственных прерываний беременности, т. к. большое количество произведенных абортов… оставались неучтенными»[5].

В целом по РСФСР в 1944 г. прокуратурой было возбуждено 17 тыс. уголовных дел о незаконных прерываниях беременности[6]. Абортов, несомненно, было в несколько раз больше, но далеко не все

---

[1] Садвокасова Е. А. Социально-гигиенические аспекты регулирования размеров семьи. М., 1969. С. 116.

[2] ЦХАФАК. Ф. 1. Оп. 18. Д. 155. Л. 261.

[3] ГАНО. Ф. 11. Оп. 4а. Д. 69. Л. 3.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 21. Д. 62. Л. 34.

из них были выявлены, а тем более доведены до суда. По данным Наркомздрава СССР, удельный вес дел о криминальных абортах, передаваемых в прокуратуру был ничтожен. В 1944 г. он не превышал 2–5 % от общего количества криминальных прерываний беременности[1].

Причины распространения нелегальных абортов в военные годы многообразны. Среди них самые важные: отсутствие средств контрацепции, низкий уровень жизни, отсутствие жилья, невозможность содержать ребенка, нежелание женщин растить ребенка без отца. Часть женщин решались на подпольный аборт, чтобы муж-фронтовик не узнал о беременности жены. Нарком здравоохранения Г. А. Митерев еще в 1943 г. подвел некий итог, заявив не совещании с делегатами пленума Совета лечебно-профилактической помощи детям: «Понижение рождаемости нельзя объяснить только отсутствием мужчин … Женщины не хотят родить»[2].

Соотношение параметров рождаемости и смертности в конечном итоге определило основные тенденции воспроизводства населения Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. Так как из-за недостатка и дефектности статистических материалов военных лет, невозможно определить собственно коэффициенты воспроизводства населения, мы вынуждены использовать показатель, имеющий ограниченные аналитические возможности, а именно материалы по естественному приросту населения. Однако этот показатель дает все же некоторое представление о динамике людского потенциала западносибирского региона в 1941–1945 гг.

Табл. 2.4.8 демонстрирует главную тенденцию динамики естественного прироста Западной Сибири: он не только сокращался, но в 1942–1944 гг. характеризовался отрицательными величинами. В эти годы смертность значительно превышала рождаемость.

Поскольку рождаемость в годы Великой Отечественной войны снижалась быстрее, чем нарастала смертность (в 1943–1945 гг. смертность в тыловых районах, как показано выше, даже понижалась), то собственно падение рождаемости и явилось фундаментальной основой той демографической катастрофы, которую перенесла демографическая подсистема Западной Сибири в период Великой Отечественной войны. Отрицательный естественный прирост населения тыловых районов страны складывался, прежде всего, за счет предельно низких показателей рождаемости.

---

[1] Алексеев В. В., Исупов В. А. Население Сибири в годы… С. 104.

[2] ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 21. Д. 62. Л. 28.

*Таблица 2.4.8**

Динамика естественного прироста населения Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны**

Год	Естественный прирост (убыль), тыс. человек	Коэффициент естественного прироста (убыли), %
1941	+88,2	+10,0
1942	-52,8	-5,9
1943	-46,9	-5.8
1944	-1,8	-0,2
1945	+53,6	+6,6
Всего за 1941–1945 гг.	+40,3	–

* Источник: составлена по тем же данным, что и *табл. 2.3.2* и *2.4.1*.

** По административно-территориальному устройству соответствующих лет.

Своего рода итогом динамики демографической сферы Западной Сибири во все годы Второй мировой войны, отражающим как колебания рождаемости, так и колебания смертности могут стать материалы об изменении числа детей с разбивкой по годам рождения.

*Таблица 2.4.9**

Число детей в городах Западной Сибири в возрасте от 2 до 9 лет рожденных в годы Второй мировой войны и доживших до 1 февраля 1948 г.**

Год рождения	Возраст в начале 1948 г. (лет)	Число детей (человек)
1939	9	8267
1940	8	7282
1941	7	6341
1942	6	4553
1943	5	3749
1944	4	4104
1945	3	5253

* Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 690. Л. 3, 36, 64, 66, 68, 96, 100.

** В границах Алтайского края, Кемеровской, Новосибирской, Омской, Томской, Тюменской областей по административно-территориальному устройству 1948 г.

Вследствие совокупного действия двух разнонаправленных компонентов воспроизводства населения (рождаемость и смертность) численность детского населения западносибирских городов, начиная с 1939 г. неуклонно снижалась. В 1941–1942 гг. на количество детского населения Западной Сибири значительное воздействие оказала резко увеличившаяся младенческая смертность. Низшей своей точки падения численность детей достигла в 1943 г. Но после 1943 г. началось медленное увеличение числа детей. Это увеличение было обусловлено не только ростом рождаемости, но и сокращением детской смертности.

Учитывая основную генерирующую роль низкой рождаемости в продуцировании демографической катастрофы, а, следовательно, и в динамике людского потенциала, важно определить дефицит рождений по Западной Сибири. Методику расчетов впервые предложил известный советский демограф Б. Ц. Урланис[1]. Эту методику в 1963 г. он использовал для определения дефицита рождений России в годы Первой мировой войны[2]. Аналогичные расчеты были проведены в 1986 г. В. В. Алексеевым и В. А. Исуповым для определения дефицита рождений по Сибири в целом для периода 1941–1945 гг. [3] В 1993 г. методика Б. Ц. Урланиса была использована Г. Е. Корниловым для населения Урала[4], а в 2002 г. О. М. Вербицкой для сельского населения РСФСР[5]. Следовательно, методика, предложенная Б. Ц. Урланисом для расчета дефицита рождений в военные годы (хотя она дает результат с некоторой погрешностью), прошла апробацию и признана в научной литературе.

В нашем случае методически правильно было бы рассчитать дефицит рождений в Западной Сибири за все годы Второй мировой войны, взяв в качестве эталонного 1939 г., когда влияние пертурбационных факторов военного времени было еще слабым.

Цифровые материала, помещенные в *табл. 2.4.10* показывают, какой огромный урон понесла демографическая сфера такого тылового региона страны, как Западная Сибирь. Здесь в 1939–1945 гг.

---

[1] Урланис Б. Ц. Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII–XX вв. (Историко-статистическое исследование). М., 1960.

[2] Урланис Б. Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963. С. 22.

[3] Алексеев В. В., Исупов В. А. Население Сибири в годы… С.94–95.

[4] Корнилов Г. Е. Уральское село и война. С.62.

[5] Вербицкая О. М. Население российской деревни в 1939–1959 гг. Проблемы демографического развития. М., 2002. С. 122.

родилось на 1 млн младенцев меньше, чем этого можно было бы ожидать при условии, если бы не было войны.

*Таблица 2.4.10**

Дефицит рождений в Западной Сибири в годы Второй мировой войны, тыс. человек**

Год	Фактически родилось	Должно было родиться при условии, если бы не было войны	Дефицит рождений
1939	374,7	374,7	0,0
1940	343,6	374,7	31,1
1941	277,0	374,7	97,7
1942	203,6	374,7	171,1
1943	106,0	374,7	268,7
1944	111,3	374,7	263,4
1945	131,8	374,7	242,9
Итого	1548,0	2622,9	1074,9

* Источник: составлена по тем же данным, что и *табл. 2.1.4* и *2.4.1*.

** По административно-территориальному устройству соответствующих лет.

Таким образом, война нанесла фактически непоправимый ущерб людскому потенциалу Западной Сибири. Он складывается из демографических, косвенных и прямых потерь населения. Демографические потери Западной Сибири во Второй мировой войне (дефицит рождений) превысили 1 млн человек.

Глава 3
Использование людского потенциала Западной Сибири в годы Второй мировой войны

3.1. Мобилизация людского потенциала на защиту Родины

Основной «статьей расходов» накопленного в течение десятилетий людского потенциала в период Второй мировой войны явилась мобилизация населения в армию. Как правило, крупномасштабные воинские мобилизации в народном сознании, а зачастую и в научной литературе, связываются с нападением нацистской Германии на Советский Союз. В действительности, массовые воинские мобилизации, как показал в своем исследовании М. И. Мельтюхов, развернулась значительно раньше[1]. 1 сентября 1939 г., в тот день, когда войска Германии вторглись в пределы Польши, Верховный Совет СССР принял закон «О всеобщей воинской обязанности». Отныне каждый мужчина, достигший призывного возраста, был обязан пройти срочную воинскую службу. Закон не только закреплял кадровый принцип строительства Вооруженных сил советского государства, но был нацелен на создание многомиллионной армии и огромного по численности обученного резерва.

Согласно закону от 1 сентября 1939 г., устанавливались два призывных возраста. В 19 лет в армию уходили молодые люди, занятые в различных отраслях экономики. Окончившие среднюю школу и соответствующие учебные заведения призывались в 18 лет. Призыв проводился один раз в год, с 15 сентября по 15 октября. Сроки службы составляли: для рядовых сухопутных и внутренних войск 2 года, для младших командиров — 3 года. В авиации, частях береговой обороны и пограничных войсках срок службы был увеличен

---

[1] Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941 гг. (Документы, факты, суждения). М., 2002.

до 4 лет, в Военно-Морском флоте — до 5 лет. Предельный возраст состояния в запасе был повышен с 40 до 50 лет[1]. Последнее означало, что в случае необходимости в армию могли быть мобилизованы мужчины старших возрастов.

Реализация закона «О всеобщей воинской обязанности» знаменовала собой развертывание специальных мероприятий, нацеленных на ускоренное увеличение численности советских Вооруженных сил. Практическое применение закона 1939 г. сразу же превратилось из обыденного призыва молодежи в армию мирного времени в беспрецедентную по масштабам, но тщательно скрытую военную операцию. Никто, за исключением высших партийных и военных руководителей, не представлял масштабов проводившихся мероприятий. Первыми под действие нового закона попали юноши 1919 г. и частично 1918 г. рождения. Они были призваны в Красную армию осенью 1939 г. Тогда же была организована приписка к призывным участкам молодежи 1920–1921 гг. рождения. В сентябре — октябре 1940 г. молодые люди 1920–1921 гг. рождения были призваны в армию, а юноши 1922 гг. рождения прошли процедуру приписки. По планам Генерального штаба РККА они должны были уйти в армию осенью 1941 г.

В связи с быстрым нарастанием военной напряженности, практиковались и частичные мобилизации военнообязанных запаса старших возрастов. Так, в сентябре 1939 г. в семи военных округах была развернута частичная мобилизация военнообязанных запаса, замаскированная под Большие учебные сборы (*далее – БУС – В. И.*). Всего на БУС, по данным М. И. Мельтюхова, было мобилизовано 2,6 млн человек[2]. Помимо этого, в 1940 г., в ходе советско-финляндской войны, проводился частичный призыв в Красную армию военнообязанных 1910–1914 гг. рождения, а также набор добровольцев. И если на 1 января 1938 г. численность советских Вооруженных сил составляла 1,6 млн человек, то на 1 января 1940 г. — 3,9 млн, а на 22 июня 1941 г. — 5,1 млн человек[3]. Таким образом, в ходе скрытой мобилизации численность Вооруженных Сил СССР утроилась. Значительное увеличение численности армии было бы ошибочно расценивать как обычное военное строительство мирного времени. Скорее, это похоже на форсированное развертывание Вооруженных сил, ускоренно готовившихся к «большой» войне.

---

[1] Советская военная энциклопедия. Т. 3. М., 1977. С. 379.

[2] Мельтюхов М. И. упущенный шанс Сталина. С. 292.

[3] Там же. С. 292, 294–295.

Столь масштабный призыв военнообязанных в Красную армию в конце 1930-х — в начале 1940-х гг. выявил огромное количество сбоев в работе государственных структур, призванных обеспечить мобилизацию. В данном случае сказывалось слабое администрирование и безответственность отдельных военных и гражданских руководителей, также как легкомыслие и разгильдяйство некоторых рядовых граждан. Практика призыва наглядно продемонстрировала, что состояние воинского учета в Советском Союзе находилось в крайне запущенном состоянии. Прежде всего, выяснилось, что государственные органы, ответственные за определение военно-мобилизационных ресурсов страны, не имеют ясного представления о численности и составе призывного контингента. В этом контексте весьма показателен текст проекта Постановления СНК СССР И ЦК ВКП(б) «Об уроках мобилизации 7 сентября 1939 г. По Московскому и Орловскому военным округам». Текст гласил: «Учет военнообязанных крайне запущен. Единого учета военнообязанных на практике нет»[1].

Всесоюзная перепись населения 1939 г., которая могла быть положена в основу определения мобилизационных возможностей страны, дала не совсем точную картину численности и состава народонаселения как Советского Союза в целом, так и его отдельных регионов. Как уже говорилось, в ходе статистической обработки материалов переписи, они были откорректированы в сторону завышения численности населения. Это, в свою очередь, привело к искажению сведений о половозрастной структуре населения. В результате, искажению подверглись данные о численности мужчин призывного возраста, а, следовательно, и о военно-мобилизационном потенциале СССР.

Только позднее, в годы Великой Отечественной войны стало понятно, что, искажая в угоду идеологическим фетишам демографическую статистику, советские руководители обманывали сами себя. Но, несмотря на отдельные дефекты, материалы переписи 1939 г. были вполне пригодны для использования в практических целях (с учетом обоснованных поправок). Поэтому в начале Великой Отечественной войны перепись 1939 г. служила важным ориентиром для определения людского потенциала и военно-мобилизационных возможностей СССР. С этой же целью материалами переписи населения 1939 г. небезуспешно пользовалась немецкая разведка [2] .

[1] РГАСПИ, Ф. 17. Оп. 121. Д. 18. Л. 2–4.

[2] Гелен Р. Война разведок. Тайные операции спецслужб Германии. 1942–1971. М., 2003. С. 18–22.

Из этого следует, что псевдосекретность, созданная вокруг переписи 1939 г. была не только бессмысленной, но попросту вредной затеей, причинявшей ущерб, прежде всего, самому Советскому Союзу. Материалы переписи не использовались той мере, в какой их можно было бы использовать и, таким образом, были созданы искусственные сложности при определении собственных же людских ресурсов.

Изъяны в обработке цифровых результатов переписи 1939 г. и неэффективное применение ее материалов усугублялись недостатками советского текущего статистического учета. Усилия властей по улучшению учета рождаемости, смертности и миграций, предпринятые во второй половине 1930-х гг. положительно сказывались на точности регистрации демографических событий. Тем не менее, статистический учет в СССР проводился с большими погрешностями. Так, в 1940 г. в Советском Союзе было зарегистрировано 6,1 млн родившихся, тогда как на самом деле, как показали современные расчеты, на свет появилось почти 7 млн младенцев (погрешность почти 15 %). В этом же году загсами было зафиксировано 3,5 млн смертей. На самом деле умерло 4,2 млн человек (погрешность около 20 %)[1]. С большими погрешностями регистрировались пол и возраст умерших, что приводило к искажению информации о половозрастном составе населения. В совокупности это приводило к преувеличенному представлению о численности мужчин призывных возрастов. Очень большими неточностями характеризовался статистический учет мигрантов, который был организован только в городах на основе прописки-выписки. В сельской местности, где люди были лишены паспортов, мигранты вообще не регистрировались. Это вызывало ошибки в расчетах численности и состава населения отдельных регионов страны.

На основе недостоверных данных о естественном и механическом приросте (убыли), были получены не совсем точные данные о количестве населения Советского Союза на 1940 и 1941 гг. По расчетам ЦСУ СССР, численность населения страны (с учетом присоединенных территорий, включая армию и спецконтингент) на 1 января 1940 г. была определена в 183,4 млн человек, на 1 ноября 1940 г. — в 193 млн человек, а на 1 января 1941 г. в 198,6 млн человек[2]. В действительности, как показали современные исследования, население Советского Союза насчитывало на начало 1940 г. примерно

[1] Население Советского Союза: 1922–1991. М. 1993. С. 55.

[2] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 241. Л. 12, 53–54.

192,6 млн., а на начало 1941 г. — 195,4 млн человек[1]. Следовательно, советское руководство не располагало достаточно точными данными о населении, а людские ресурсы страны были преувеличены почти на 3 млн человек. Эти 3 млн человек (которых на самом деле не было) брались в расчет при составлении планов воинских и трудовых мобилизаций.

Численность населения Западной Сибири на начало 1941 г. Госплан СССР на основе выкладок ЦСУ СССР определил в 9266,6 тыс. человек, а на конец 1941 г. — в 9329,4 тыс. человек, в том числе мужчин — 4468,8 тыс. человек, женщин — 4860,6 тыс. человек. Считалось, что количество мужчин призывного возраста (18–45 лет) в Западной Сибири составляло 1576,8 тыс. человек, что, скорее всего, превышало их реальную численность[2].

Таким образом Великая Отечественная война началась при отсутствии достоверных данных о наличии людских ресурсов, что существенно затрудняло планирование использования людского потенциала. В конечном счете, на места высылались явно завышенные наряды на мобилизацию военнообязанных, которые подчас невозможно было выполнить. Так, к примеру, в информации «О ходе мобилизации военнообязанных по Крапивинскому району», направленной 31 декабря 1941 г. в Новосибирский облсовет, указывалось: «Наряд недовыполнен… из-за отсутствия военнообязанных, стоящих на учете»[3].

В 1941 г. ни Госплан, ни ЦСУ, ни Наркомат обороны СССР, ни местные статистические и плановые органы не имели точных сведений о численности мужчин боеспособных возрастов, что чрезвычайно важно для укомплектования армии. Отсутствовали достоверные сведения о количестве женщин трудоспособных возрастов, подростков, вступающих в рабочий возраст и лиц старше 60 лет, что необходимо при планировании трудовых ресурсов для экономики. Это, в свою очередь, создавало затруднения при замене уходивших на фронт мужчин небоеспособными гражданами. Не определено было и количество детей — дошкольников и подростков, а, следовательно, было неясно, сколько же женщин не смогут прийти на заводы и фабрики? Какое количество детских садов и яслей потребно, чтобы высвободить женщин от домашних забот и направить их на производство?

---

[1] Население Советского Союза. С. 118.

[2] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 42. Д. 997. Л. 55.

[3] Этот день мы приближали, как могли. Сб. документов и материалов. Кемерово, 2005. С. 44.

В июле 1942 г. Новосибирский обком под давлением обстоятельств военного времени принял явно запоздалое, но важное решение об организации специального обследования людского потенциала области с целью его последующего рационального использования. Отметим попутно, что Новосибирская область оказалась единственной в Западной Сибири, где в годы войны было проведено подобное обследование. Его итогом стал фундаментальный 340-страничный аналитический доклад, подготовленный отделами обкома и облисполкома при активном участии местных научных работников. Составители доклада посчитали необходимым специально подчеркнуть: «Несмотря на всю народнохозяйственную и оборонную важность этих (*демографических – В. И.*) процессов, точных статистических материалов, характеризующих состояние дела — не имеется. Органы статистического управления до последнего времени не занимались учетом и анализом происходящих сдвигов в составе населения и потому не располагают соответствующими материалами. Между тем, этот вопрос сейчас, в обстановке отечественной (*так в источнике – В. И.*) войны, приобрел исключительное государственное значение и в первую очередь для обеспечения всех отраслей народного хозяйства рабочей силой, не говоря уже о значении этих данных для выполнения планов мобилизации в Красную Армию»[1]. В результате властям, при расчете людских ресурсов и организации трудовых и военных призывов приходилось действовать не по заранее составленному плану, но импровизировать, принимать ситуационные решения, далеко не во всех случаях основанные на точных данных.

Но даже те материалы, которые имелись, отчетливо демонстрировали ахиллесову пяту людского потенциала Советского Союза — явный перекос в структуре населения в пользу женщин. Их удельный вес в населении СССР по данным переписи 1939 г., как уже говорилось, был ненормально высок. К середине 1941 г. доля мужчин, вследствие сверхсмертности «сильного пола» еще более сократилась. Это существенно снижало военно-мобилизационный потенциал страны. Для районов Западной Сибири удельный вес мужчин на 1 января 1941 г. был определен Госпланом СССР в 47,9 %. Численность мужчин призывного возраста 18–45 лет в населении региона была установлена в 1576,8 тыс. человек, что составляло около 35 % от их общего

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 38. Л. 23.

количества. Это, скорее всего, было ошибкой[1]. На самом деле численность и удельный вес мужчин был, по-видимому, ниже.

Недостатки работы гражданских статистиков углублялись просчетами, которые допускали работники Наркомата обороны, ответственные за определение военно-мобилизационных возможностей Советского Союза. В 1940 г., после неудачной Советско-Финляндской войны был отправлен в отставку с поста наркома обороны Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов. В ходе передачи дел новому наркому обороны, Маршалу Советского Союза С. К. Тимошенко, выяснилось, что учет личного состава РККА и военнообязанных запаса находился, как подчеркивалось в акте приемки, «в исключительно запущенном состоянии». Оказалось, что Наркомат обороны не обладал информацией о точной фактической численности Красной армии[2].

Не был исключением и западносибирский регион. Основная масса хозяйственных руководителей, равно как и самих военнообязанных не придавала важности правильной постановке воинского учета. Очень показательно в этом отношении письмо Кемеровского райвоенкома, старшего политрука Фадеева от 31 января 1938 г., адресованного председателю Кемеровского горсовета и руководителям крупных предприятий города. В письме указывалось, что согласно постановлению Военного совета Сибирского военного округа (далее СибВО), требовалось ещё к 11 ноября 1937 г. проверить списки всех военнообязанных. Это постановление, как писал Фадеев, «полностью никто не выполнил, а некоторые допустили преступное бездействие. В четвертый раз прошу выслать в Райвоенкомат списки всех приписанных»[3]. По результатам разбирательств, президиум Кемеровского горсовета 25 февраля 1938 г. принял постановление, в котором констатировалось: «Состояние военного учета находится в крайне неудовлетворительном положении»[4].

Такая ситуация была характерна не только для Кузбасса, но и для других районов Западной Сибири. Так, в справке «О состоянии учета военнообязанных в Новосибирской области», подготовленной Военным отделом обкома в конце 1939 г. указывалось: «Состояние военного учета в области явно неудовлетворительное и не отражает действительного положения, как в количественном,

---

[1] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 42. Д. 997. Л. 55.

[2] 1941 год: В 2-х кн. Кн. 2. М., 1998. С. 624.

[3] ГАКО. Ф. П-15. Оп. 7. Д. 234. Л. 8–8 об.

[4] Там же. Л. 16 об.

так и в качественном отношении»[1]. В Новосибирской области осенью 1939 г., при призыве в Красную армию граждан 1918–1919 годов рождения, к вящему изумлению работников военкоматов, на призывные пункты явилось на 8 тыс. юношей больше, чем состояло на воинском учете[2].

Даже персональный учет начальствующего состава запаса «хромал на обе ноги». Когда в стране, с 15 декабря 1940 г. по 15 января 1941 г. был проведен переучет всех командиров запаса, то секретарь Новосибирского обкома В. И. Бабич и заведующий Военным отделом обкома Н. Л. Багаев вынуждены были разослать всем секретарям и заведующим Военными отделами горкомов и райкомов специальный циркуляр. В нем подчеркивалось, что «учет в целом по области, а особенно в городах Новосибирске, Томске, Сталинске и др. до сих пор поставлен неудовлетворительно, учетные данные о количестве начсостава не соответствуют фактическому его положению»[3].

Тогда же было вскрыто еще одно безобразное явление, которое позднее, в годы Великой Отечественной войны, получит очень широкое распространение — хозяйственные руководители, скрывали высококвалифицированных работников от воинского учета. Старший политрук Фадеев, характеризуя состояние воинского учета на Кемеровском азотнотуковом заводе, 1 ноября 1938 г. докладывал секретарю Кемеровского горкома и председателю Кемеровского горсовета: «Ряд военнообязанных держат на учете по “черной кассе” с целью, чтобы РВК не приписал их на военное время к воинским частям или не призвал на сборы. Начспецотдела Григорьев все время дает военно-учетным работникам установку, чтобы на ряд людей прятать учетные документы. С целью же скрыть ресурсы военнообязанных от призыва в военное время, явно жульнически, незаконно зачисляют на спецучет»[4]. (*Спецучет по терминологии тех лет означал бронирование военнообязанного как специалиста от призыва в армию — В. И.*).

Но что говорить о провинциальных военкоматах, если даже Наркомат обороны не имел точных данных о фактической численности военнообязанных запаса. Переучет резервистов в Советском Союзе не проводился с 1927 по 1940 гг.[5] И это несмотря на то, что количество районных военкоматов, как основного инструмента учета

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 3. Д. 407. Л. 1.
[2] Там же. Д. 404. Л. 3.
[3] Там же. Оп. 4. Д. 554. Л. 1.
[4] ГАКО. Ф. П-15. Оп. 7. Д. 234. Л. 77.
[5] 1941 год. Кн. 2. С. 624.

военнообязанных, в 1938–1939 гг. более чем утроилось[1]. Созданное в октябре 1939 г. Главное управление Красной Армии (*далее – ГУКА — В. И.*), на которое были возложены обязанности по организации воинского учета, войсковой мобилизации и укомплектования армии, а также руководство военкоматами, явно не справлялось со своими обязанностями.

В таких условиях, о каком-либо строгом планировании и эффективном использования людских ресурсов страны не могло идти и речи. Летом 1941 г., с началом широкомасштабных боевых действий, в деятельности государственных органов и штабов, не обладавших точной информацией о советском людском потенциале, произошел сбой. В свою очередь это вызвало множество ошибочных решений, растерянность, а в конечном итоге явно избыточный призыв. В целом, в течение всей Великой Отечественной войны многие решения о воинской мобилизации носили не планомерный и упорядоченный характер, а являлись ситуационными и подчас бессистемными.

Важнейшим элементом использования людских ресурсов в случае войны является направление боеспособной мужской части населения в армию. С этой целью Генеральным штабом РККА составлялись так называемые мобилизационные планы, работа над которыми является очень сложным делом, требующим уточненной демографической информации о численности и составе населения по полу и возрасту. Особенно значимы сведения о количестве мужского контингента призывных и допризывных возрастов. Поскольку войны XX столетия предъявляли повышенные требования к качеству бойцов, не менее важными были данные о состоянии здоровья, уровне грамотности, образования и профессиональной подготовки мужской части населения. В довоенные годы задача создания мобилизационного плана не была решена полностью. В период с мая по июнь 1941 г. мобилизационные планы в СССР перерабатывались четыре раза, но работа так и не была закончена. Советский Союз вступил в войну с несколькими незавершенными вариантами мобилизационного плана.

Согласно одному из основных вариантов мобилизационного плана, созданному в Генеральном штабе в начале 1941 г., так называемому «МП-41», Красная армия после развертывания и перехода на штаты военного времени должна была насчитывать в своих рядах

---

[1] Мохоров Г. А. Защищая Родину (создание стратегических резервов на территории Российской Федерации в годы войны 1941–1945 гг.). СПб, 1995. С. 25.

8682,8 млн красноармейцев и командиров. Кроме того, в Вооруженных силах Советского Союза предполагалось использовать почти 188 тыс. вольнонаемных граждан, а военизированные формирования гражданских наркоматов должны были насчитывать 242 тыс. человек. Самыми крупными были военизированные формирования Наркомата путей сообщения СССР — 111 тыс. человек, Наркомата здравоохранения СССР — почти 83 тыс., Наркомата связи СССР — 21 тыс. человек[1]. МП-41 касался только собственно армии и не предусматривал мобилизацию во внутренние и пограничные войска, которые в ведомственном отношении подчинялись НКВД. Они комплектовались по особым планам. Следовательно, совокупная численность вооруженного контингента в Советском Союзе должна была значительно превысить цифру в 8,7 млн человек и, вероятно, достигнуть 10 млн человек.

Помимо этого, на покрытие возможных боевых потерь Красной армии (безвозвратных и санитарных, без учета пограничных и внутренних войск НКВД) первого года войны дополнительно требовалось мобилизовать 3,8 млн красноармейцев и командиров. Из этого количества, почти 0,5 млн человек необходимо было призвать для восполнения потерь в командном, техническом, политическом, юридическом, медицинском и т. д. составе[2]. Как показали дальнейшие события, предположительные потери РККА в течение первого года войны Генеральным штабом были определены неверно. Отметим, что предвидеть события в том виде, в котором они развернулись в страшное лето 1941 г. было практически невозможно.

Исходя из весьма приблизительных плановых наметок о численности людей, которые потребуются в случае войны для ведения боевых действий, потенциальные призывники были разверстаны по всем военным округам СССР. Войска внутренних округов должны были служить запасным резервуаром людских ресурсов, необходимых для пополнения Действующей армии. В СибВО, который перед началом Великой Отечественной войны охватывал Алтайский и Красноярский края, Новосибирскую и Омскую области (по административно-территориальному устройству 1941 г.) предполагалось довести численность дислоцируемых войск до 224 тыс. человек [3] . После прохождения боевой подготовки и по мере необходимости, эти люди должны были направляться

[1] 1941 год. Кн. 2. С. 639.

[2] Там же. С. 616–617.

[3] Там же. С. 639.

во фронтовые подразделения. Основная нагрузка, таким образом, приходилась на приграничные военные округа: Киевский (1388 тыс. человек) и Западный (1099 тыс. человек). Значительный контингент военнообязанных предполагалось дислоцировать в Дальневосточном (801 тыс. человек) и Ленинградском (714 тыс. человек) военных округах[1].

Ход войны и непредвиденная катастрофа, которая обрушилась на Красную армию и всю страну летом — осенью 1941 г., полностью опрокинула все предвоенные расчеты. Реальные потери оказались несоизмеримо выше предполагавшихся. Согласно расчетным данным военных историков, проведенных под руководством Г. Ф. Кривошеева, безвозвратные потери Красной армии погибшими, пропавшими без вести, попавшими в плен, расстрелянными по приговорам военных трибуналов, умершими от ран и болезней (включая потери внутренних и пограничных войск НКВД), во второй половине 1941 г. составили 3137,7 тыс. человек. Санитарные потери (ранеными, контуженными, обожженными и больными) достигли — 1336,1 тыс. человек. Таким образом, совокупные потери Красной армии, флота, пограничных и внутренних войск за полгода войны (III и IV кварталы 1941 г.), по прикидкам военных историков, достигли почти 4,5 млн человек[2]. К этому необходимо приобщить потерю 500 тыс. резервистов, призванных, но еще не зачисленных в штаты воинских частей, погибших, пропавших без вести или дезертировавших по пути в свои подразделения[3].

Самые крупные людские потери в 1941 г. советские Вооруженные силы понесли в так называемых котлах. В Белостокском и Минском котлах в окружении оказалась 10-я армия. В Уманском котле были уничтожены 6-я и 12-я армии. В Киевском котле по вине Сталина, который отказался отдать приказ на отход, был загублен практически весь Юго-Западный фронт. В Вяземском котле были окружены сразу четыре армии — 19-я, 20-я, 24-я и 32-я, в двух Брянских котлах — 50-я, 3-я и 13 армии[4]. Генеральный штаб, разрабатывая МП-41, не предполагал такой катастрофы. Реальные потери Вооруженных сил Советского Союза превысили ожидаемые в несколько раз.

---

[1] 1941 год. Кн. 2.

[2] Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Стат. исследование. М., 1993. С. 143.

[3] Известия. 1998. 25 июня.

[4] Рубан С. Н. Стояли насмерть в огненных котлах // Военно-исторический журнал. 1995. № 2. С. 14–16.

Но, скорее всего, сведения о потерях Красной армии авторами статистического исследования «Гриф секретности снят» занижены. Расчеты потерь проведены ими на основании донесений фронтов, флотов, армий, военных округов и отчетов Центрального военно-медицинского управления. Между тем, учет боевых потерь в Красной армии в течение всей Великой Отечественной войны, был организован не лучшим образом. Летом 1941 г. учет людских потерь практически отсутствовал. Донесения о потерях в Генеральный штаб из большинства фронтовых частей и соединений летом 1941 г., не поступали вовсе. Фронтовые командиры в обстановке беспорядочного отступления, не имели возможности, времени и сил заниматься учетом личного состава. Арестованный 30 июня 1941 г. командующий Западным фронтом генерал Д. Г. Павлов на допросе показал: «До дня ареста сведений о потерях, как людей, так и материальной части у меня не было»[1]. В мае 1942 г., оценивая потери Красной армии на начальном этапе войны, начальник организационно-учетного отдела Оперативного управления Генерального штаба, полковник Ефремов в справке «О численности Красной Армии, пополнении и потерях за период с начала войны по 1 марта 1942 г.», писал: «Период с 1 августа по 1 декабря (*1941 г. – В. И.*) наиболее неясен в отношении учета, особенно потерь. Можно совершенно определенно утверждать, что данные оргштатного управления по потерям за октябрь и ноябрь месяц совершенно не соответствуют действительности»[2].

Такое положение с подсчетом боевых потерь вообще характерно для любой армии, находящейся в состоянии беспорядочного отхода. В вермахте, где учет потерь был поставлен образцово, с немецкой пунктуальностью и аккуратностью, сбой в учете личного состава произошел сразу же после 1 января 1945 г., что и отмечает в своем известном труде бывший генерал-майор германской армии Б. Мюллер-Гиллебранд[3].

Красная армия, в ходе тяжелых оборонительных боев попадавшая в многочисленные котлы, не могла представлять исключение из правила. Многие документы, считавшиеся секретными, во время окружения целых армий преднамеренно уничтожались. Часть из них исчезла при форсировании рек, при пожарах, просто при

---

[1] 1941 год. Кн. 2. С. 467.

[2] Цит. по: Михалев С. Н. Людские потери в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Стат. исследование. Красноярск, 2000. С. 98–99.

[3] Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. М., 2002. С. 712.

бегстве. Потери советских войск, понесенные в первые месяцы войны, а также в тех случаях, когда донесения о них не поступали, определены военными историками, как пишут сами авторы статистического исследования «Гриф секретности снят», «расчетным способом»[1]. К сожалению, методика расчетов в книге не раскрывается и, соответственно, у нас нет уверенности в их точности. У внимательного читателя сборника подчас складывается впечатление, что это не расчеты, но скорее, интуитивные прикидки.

Огромный недоучет потерь Красной армии, помимо объективных обстоятельств отступления, дополнительно обусловливался рядом субъективных факторов. Явный недоучет потерь свидетельствует об отношении сталинского режима к человеческой жизни как к чему-то малоценному, но количественно неограниченному. Эту позицию четко зафиксирована в выступлении Сталина, который в речи на параде Красной армии 7 ноября 1941 г., исключая всякую двусмысленность, заявил: «Наши людские резервы неисчерпаемы»[2]. Примечательно, что даже после завершения Великой Отечественной войны советские газеты повторяли сталинский тезис о неисчерпаемых людских резервах СССР[3].

Не меньшую роль играло и отвратительное советское администрирование, выстроенное на бездушно-бюрократических принципах. Примерно через месяц после начала Великой Отечественной войны, 29 июля 1941 г., вместо провалившего дело ГУКА в Наркомата обороны было спешно создано Главное управление формирования и укомплектования войск Красной Армии (Главупраформ — иногда в архивных документах — ГУФУКА — *В. И.*). Первым начальником Главупраформа был Маршал Советского Союза Г. И. Кулик. С августа 1941 г. и до осени 1943 г. управление возглавлял армейский комиссар 1-го ранга (с 1942 г. генерал-полковник) Е. А. Щаденко, бывший одновременно заместителем наркома обороны. Затем на этом посту был утвержден генерал-полковник И. В. Смородинов. Главупраформ, ведавший вопросами формирования, укомплектования армии и учета военных потерь, в условиях беспорядка и путаницы 1941 г. оказался не в состоянии собрать полную информацию об убыли живой силы.

Специальная организация, занимавшаяся сбором сведений о потерях Красной армии — Центральное бюро по персональному учету

---

[1] Гриф секретности снят. С. 128.

[2] И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1946. С. 39.

[3] См.: Экштут С. А. Предвестие свободы, или 1000 дней после Победы. М., 2006. С. 27.

потерь личного состава действующей армии была сформирована только через полгода после начала Великой Отечественной войны, в январе 1942 г.[1] Но создание дополнительной специализированной структуры по фиксации людских потерь принципиально не изменило ситуацию. Между тем органы, ведавшие вопросами укомплектования и формирования войск, из ведения Генерального штаба были переданы в систему Главупраформа. В Оперативном управлении Генерального штаба остался только организационно-учетный отдел, главной задачей которого был учет войск и их дислокации. Отдел, по сути, игнорировал проблему потерь. Это в еще большей степени усложнило регистрацию боевых потерь[2].

В этом контексте весьма примечательны строки из приказа заместителя наркома обороны, начальника Главупраформа, армейского комиссара 1 ранга Е. А. Щаденко № 0270 от 12 апреля 1942 г. «О персональном учете безвозвратных потерь на фронтах». Приказ гласил: «…учет личного состава, в особенности учет потерь, ведется в действующей армии совершенно неудовлетворительно… На персональном учете состоит в настоящее время не более $^1/_3$ действительного состава убитых. Данные персонального учета пропавших без вести и попавших в плен еще более далеки от истины. Все это говорит, что со стороны штабов армий и фронтов не установлено должного контроля за учетом и предоставлением указанных сведений»[3]. Рассуждения некоторых современных авторов о том, что в Красной армии безобразно был организован только персональный подсчет потерь, но в целом потери учитывались якобы точно[4], являются ненаучными и бездоказательными конъюнктурно-политическими натяжками.

Приказы, в которых прямо признавался огромный недоучет потерь Красной армии издавались и на завершающем этапе войны[5]. Так, 7 марта 1945 г. в приказе наркома обороны отмечалось, что «военные советы фронтов, армий и военных округов не уделяют должного внимания этому (*учету потерь личного состава – В. И.*) важному вопросу»[6]. Как видим, регистрация боевых потерь в Красной армии была поставлена неудовлетворительно не только в начале, но и в конце

[1] Военно-исторический журнал. 1998. № 1. С. 70.

[2] См.: Василевский А. М. Дело всей жизни. Кн. 1. М., 1988. С. 124–125; Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 2. М., 1974. С. 7–8.

[3] Военно-исторический журнал. 1998. № 1. С. 72.

[4] Пыхалов И. Великая Оболганная война. М., 2005. С. 451.

[5] См.: Военно-исторический журнал. 1992. № 9. С. 29, 30.

[6] Там же. 1990. № 4. С. 5.

войны. В результате, только за два послевоенных года по запросам родственников дополнительно пришлось оформить около 2 млн похоронок на погибших солдат и офицеров[1]. Можно ли после этого доверять такому источнику сведений о боевых потерях, как донесения из Действующей армии?

О том же свидетельствуют и воспоминания непосредственных участников событий. Так, К. А. Мерецков, в 1942 г. командующий Волховским фронтом, характеризуя деятельность Военного совета 2-й Ударной армии, вынужден был признать: «Персональный учет раненых и убитых находился в запущенном состоянии, в армии не знали даже приблизительных потерь»[2]. Только тезис об огромном недоучете потерь объясняет, почему К. А. Мерецков в своих воспоминаниях сообщил, что потери 2-й Ударной армии после вывода из окружения составили погибшими всего 6 тыс. человек, а пропавшими без вести 8 тыс. человек[3]. Эти явно нелепые цифры и сегодня повторяются в литературе без всякого намека на критику[4], несмотря на то, что ныне опубликовано много дополнительных материалов, позволяющих уточнить оценки боевых потерь Красной армии.

Современные исследования показали, что 2-я Ударная армия за период с 7 января по 30 апреля 1942 г. в ходе Любанской наступательной операции потеряла около 81 тыс. человек, в том числе безвозвратно — 28 тыс. человек. В кровопролитных боях по выводу 2-й Ударной армии из окружения (между 13 мая и 10 июля 1942 г.) советское военное командование загубило еще 47 тыс. красноармейцев и командиров, причем безвозвратные потери достигли почти 39 тыс. человек[5]. Следовательно, донесения штаба 2-й Ударной армии (эти документы, по-видимому, и использовал К. А. Мерецков), почти в 12 раз (!) занижают людские потери 2-й Ударной армии. Но в действительности потери были еще выше, так как в боевых действиях на Волховском фронте принимали участие, кроме 2-й Ударной армии и другие соединения советских войск. Очевидец событий, воевавший в 1942 г. на Волховском фронте в должности командира роты, а затем батальона в составе 1349 полка, М. И. Сукнев вспоминал: «Батальон каждые четыре месяца менялся почти

---

[1] Клейменов А. И. По долгу памяти // Там же.

[2] Мерецков К. А. На службе народу. М., 1988. С. 264.

[3] Там же. С. 287.

[4] См., например: Александров А. А. Битва ставок. Великое противостояние 1941–1945. М. 2003. С. 127.

[5] Гуркин В. В., Круглов А. И. Жупел Мясного бора // Военно-исторический журнал. 1999. № 5. С. 24–25.

полностью. Убитые, раненые, умершие от разрыва сердца, цинги и туберкулеза. Сегодня приняли с "большой земли" пополнение, а к утру многих уже нет в живых. Конвейер смерти проворачивался каждую ночь: к нам поступало пополнение, назад в тыл — убитых, раненых и больных, иногда "пачками"»[1].

Одной из причин неполного учета боевых потерь в начале войны было отсутствие у красноармейцев каких-либо документов, удостоверяющих личность. Красноармейские книжки для Действующей армии были отменены еще в 1940 г. приказом наркома обороны № 171. Красноармейцы и младшие командиры оказались на фронте без документов. Вновь красноармейские книжки были введены только 7 октября 1941 г. приказом наркома обороны № 330[2]. Но фактически они стали выдаваться в частях действующей армии не ранее января 1942 г. Личные медальоны, в которые заносились сведения о военнослужащих, введенные 15 марта 1941 г., у большинства бойцов отсутствовали. Многие красноармейцы выбрасывали медальоны, так как среди солдат широко распространилось поверье, что ношение «смертных» медальонов является плохой приметой. По этой или другой причине 17 ноября 1942 г. приказом наркома обороны они вообще были отменены[3].

Серьезным изъяном представленных в статистическом исследовании военных историков «Гриф секретности снят» сведений является то, что они не учитывают гибель бойцов и командиров в подразделениях, структурно не входивших в состав РККА и ВМФ. Исключение составили только потери внутренних и пограничных войск НКВД. Но авторы исследования игнорируют потери партизан, подпольщиков, народных ополченцев, бойцов истребительных батальонов, военизированных формирований гражданских наркоматов, а также гражданских работников железнодорожного, речного, морского и автомобильного транспорта. Между тем эти потери были весьма значительны. Достаточно сказать, что 32-я армия, без малого в полном составе полегшая в октябре 1941 г. в страшном Вяземском котле, почти целиком состояла из ополченцев. А кто считал погибших железнодорожников, когда они под бомбами вывозили эвакуированное население и материальные ценности вглубь страны? Не учтены потери речников, под огнем противника

---

[1] Сукнев М. И. Записки командира штрафбата. Воспоминания комбата. 1941–1945. М., 2006. С. 24–25, 35.

[2] Военно-исторический журнал. 1998. № 1. С. 71.

[3] Соколов Б. Как подсчитать потери во Второй мировой войне // Континент. 2006. № 2. С. 249.

перевозивших на правый берег Волги оружие, боеприпасы и снаряжение для защитников Сталинграда. Не учтены и потери гражданских моряков торгового флота, вывозивших грузы и людей сначала из осажденной Одессы, а затем и Севастополя.

Но особенно скверно был организован учет советских военнослужащих, пропавших без вести и попавших в плен. По сути, он отсутствовал. Командиры подразделений опасались (и не без оснований) докладывать начальству о «позорных» фактах и разными способами скрывали пленение своих подчиненных. За всю Великую Отечественную войну всеми командирами по официальным каналам было доложено о 36,2 тыс. пленных[1].

По вопросу о количестве советских бойцов и командиров, погибших в плену, высказывались многие историки. Но они так и не пришли к единому мнению. Во вполне официальном издании (т. е. прошедшем все цензурные проверки и освященным грифом Института военной истории Министерства обороны СССР), «Энциклопедии Великой Отечественной войны» утверждается, что только на оккупированной территории СССР захватчики уничтожили около 4 млн военнопленных[2]. Но, кроме того, советские военнопленные погибали на территории Польши, Венгрии, Румынии, Австрии, Германии и других стран. Как считает Е. И. Рыбкин, в 1941–1945 гг. всего погибло 4,5 млн советских военнопленных [3]. По мнению Б. В. Соколова, в плену закончили свою жизнь 3,7 млн советских солдат и офицеров[4]. Близкую к этой оценку высказывает М. И. Семиряга — 3,3 млн погибших в плену[5].

Между тем, по данным статистического исследования «Гриф секретности снят» в плену оказалось 4059 тыс. советских военнослужащих, из них 1836 тыс. вернулись по домам после окончания войны, а почти 940 тыс. человек из числа ранее пропавших без вести и бывших в плену, были призваны вторично. Судьба 1283 тыс. человек неизвестна. Надо полагать, большая их часть погибла[6]. На наш

---

[1] Кривошеев Г. Ф. Об итогах статистических исследований потерь Вооруженных Сил СССР в Великой Отечественной войне // Людские потери СССР в период второй мировой войны. СПб., 1995. С. 78.

[2] Великая Отечественная война 1941–1945: Энциклопедия. М. 1985. С. 509, 756.

[3] Рыбкин Е. И. Мировоззрение и военная история. // Военно-исторический журнал. 1989. № 3. С. 52.

[4] Соколов Б. В. Цена победы. Великая Отечественная война: неизвестное об известном. М. 1991. С. 11.

[5] Семиряга М. И. Военнопленные, коллаборационисты и генерал Власов // Другая война: 1939–1945. М. 1996. С. 313.

[6] Гриф секретности снят. С. 338.

взгляд эта цифра не отражает реальные потери советских военнопленных. Отметим, что один из защитников официальных данных, приводимых в статистическом исследовании «Гриф секретности снят», в статье, опубликованной в 2006 г., пишет, что в нацистских лагерях было истреблено более 2-х млн советских военнопленных[1]. Как видим, расхождения в оценках числа советских военнослужащих, погибших во вражеском плену слишком велики, чтобы считать этот вопрос закрытым.

Уточнить данные о числе погибших советских военнопленных можно только на основе немецких источников. По этим, на наш взгляд куда более достоверным данным, общее число советских военнопленных, поступивших в немецкие лагеря, в декабре 1941 г. составило 3350 тыс. человек. К январю 1943 г. их число выросло до 5000,7 тыс. человек. В феврале 1945 г. в германских концлагерях томилось 5734,5 тыс. советских военнопленных. Из общего числа советских военнопленных погибло, согласно немецким источникам, около 3,3 млн человек[2]. Как видим, разночтения между результатами расчетов, представленных в сборнике «Гриф секретности снят» (1,3 млн человек) и немецкими источниками (3,3 млн человек) о числе погибших в плену советских людей оставляет огромную величину — 2 млн человек. Один из самых авторитетных немецких историков, исследовавших численность, состав и судьбу советских военнопленных в Германии, К. Штрайт, характеризуя цифровые данные, представленные в книге «Гриф секретности снят» справедливо, на наш взгляд, отметил, что здесь «как в отношении общего числа советских пленных, так и в отношении числа погибших приводятся абсурдно низкие цифры, которые являются совершенно несостоятельными перед лицом предельно ясных немецких источников»[3].

Данные немецкой стороны о численности советских военнопленных находят подтверждение в отечественных источниках. Согласно сводке германского верховного командования, к 13 октября, когда котлы были ликвидированы, в немецком плену оказалось 663 тыс. советских военнослужащих[4], а всего в полосе группы армий

---

[1] Гареев М. А. Об объективном освещении военной истории России // Новая и новейшая история. 2006. № 5. С. 29.

[2] Штрайт К. Солдатами их не считать. Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 годах. М., 1979. С. 6, 99.

[3] Штрайт К. Советские военнопленные в Германии // Почему Гитлер проиграл войну? Немецкий взгляд. М., 2009. С. 153.

[4] Типпельскирх К. История Второй мировой войны 1939–1945. М., 2003. С. 273.

«Центр» с 28 сентября по 18 октября в плен попало 688 тыс. красноармейцев и командиров[1]. В действительности убыль личного состава окруженных войск, как показали новейшие изыскания С. Н. Михалева, достигла 789 тыс. человек[2]. Разница в 126 тыс. человек между отечественными (С. Н. Михалева) и немецкими (К. Типпельскирх) цифрами объясняется тем, что часть красноармейцев и командиров погибли в бою. Другим удалось избежать пленения и вырваться из окружения. Те, кому это не удалось, ушли в партизаны или пристроились примаками в крестьянские семьи. Многие из них были призваны в Красную армию вторично, после изгнания оккупантов.

Между прочим, авторы уже не раз упоминавшегося статистического исследования «Гриф секретности снят» считают, что Западный, Резервный и Брянский фронты во всей целиком Московской оборонительной операции (с 30 сентября по 5 декабря 1941 г.) потеряли 60 9916 человек, в том числе безвозвратно — 486 670 человек. Санитарные потери составили 123 246 человек[3]. Как видим, разночтения между цифровыми данными С. Н. Михалева, К. Типпельскирх и авторами статистического исследования «Гриф секретности снят» слишком существенны, чтобы их игнорировать, как это подчас делают отдельные авторы.

Утверждение Сталина, высказанное в известном докладе на заседании Моссовета 6 ноября 1941 г., что вермахт потерял убитыми, пленными, пропавшими без вести и ранеными в 2 раза больше солдат, чем Красная армия[4], являлось не более, чем пропагандистским ходом, стремлением выдать желаемое за действительное. Население так и воспринимало это заявление. Материалы о рефлексии тыловиков на сообщения с фронта сосредоточены в информационных сводках, составлявшихся органами НКВД на основе отчетов так называемых «осведомителей» — секретных доносчиков НКВД. Так, в беседе с одним из осведомителей, ничего не подозревавший работник «Снабсбыта» гражданин Колесник высказался: «Нашим газетам верить нельзя. Газетные сообщения Совинформбюро брехня. Говорят, что РККА имеет меньшие потери, это выдумка». Бригадир Барнаульского хлебокомбината Тушев, перед началом митинга заявил: «В сводке о потерях наших войск показывается очень мало, а фактически потери больше». Наивная домохозяйка Кобякова задала

[1] Михалев С. Н. Людские потери в Великой Отечественной войне. С. 16.
[2] Там же.
[3] Гриф секретности снят. С. 171.
[4] Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 20.

агитатору идеологически вредный вопрос: «Почему не сообщают, сколько у нас убито»? Призывники Анисимов и Смирнов по дороге в райвоенкомат между собой говорили: «Мы их разобьем, русских костей хватит дорогу мостить»[1].

Итак, реальные людские потери СССР в Великой Отечественной войне значительно превышают цифры, которые сегодня официально признаются военными историками. Они намного превзошли наметки о вероятных людских потерях, сделанные сотрудниками Генштаба РККА перед началом Великой Отечественной войны. Разработанные до Великой Отечественной войны планы мобилизации фактически были сорваны. Советскому военному руководству пришлось отказаться от реализации ранее составленных планов и кардинально пересмотреть стратегию мобилизации. Этому в значительной степени способствовал и факт быстрой оккупации западных регионов СССР, что существенно урезало резерв призывников. В западных районах Советского Союза остались несколько миллионов мужчин, которых не успели призвать в армию. Согласно докладу начальника Главупраформа Е. А. Щаденко, представленного в сентябре 1942 г. Сталину, на временно занятой противником территории осталось 5,6 млн потенциальных призывников[2] Их призывали в Красную армию или рабочие колонны уже после изгнания оккупантов. Военно-мобилизационный потенциал Казахстана, Средней Азии, Северного Кавказа и Закавказья был ограничен из-за слабого знания местным населением русского языка и особенностей менталитета их жителей. В результате, воинская мобилизация всей своей непомерной тяжестью обрушилась главным образом на центральные, южные и восточные районы России, Армению, Грузию и Азербайджан. Они должны были выделить для армии значительно больше людей, чем это предусматривалось первоначально.

Мобилизация военнообязанных в СССР была развернута сразу же, после начала боевых действий. В первый же день войны, 22 июня 1941 г., был обнародован указ Президиума Верховного Совета СССР «О мобилизации военнообязанных». Указ предусматривал с 23 июня развернуть мобилизацию граждан 1905–1918 гг. рождения по 14 военным округам, в том числе и в СибВО[3]. К 1 июля 1941 г. в Красную армию было направлено 5,3 млн человек [4] . К этому времени

[1] ЦХАФАК. Ф. 1. Оп. 18. Д. 26. Л. 8, 10; Д. 27. Л. 34, 79.

[2] Михалев С. Н. Людские потери в Великой Отечественной войне. С. 102.

[3] Законодательные и административно-правовые акты военного времени. С 22 июня 1941 г. по 22 марта 1942 г. М. 1941. С. 40–41.

[4] 50 лет Вооруженных сил СССР. М., 1968. С. 257.

численность РККА была доведена до 9,6 млн красноармейцев и командиров, из которых 3,5 млн находились в Действующей армии[1]. Однако к на 1 августа 1941 г., согласно данным Оперативного управления Генерального штаба, фактическая численность Красной армии из-за огромных потерь понизилась до 6,7 млн человек. Из них на фронте находились 3,2 млн человек[2].

В этой связи, 10 августа 1941 г. Государственный Комитет Обороны (*далее – ГКО. В архивных документах встречается также ГОКО – В. И.*) принял постановление «О мобилизации военнообязанных 1890–1904 гг. рождения и призывников 1922–1923 гг. рождения» [3] . Вторая волна мобилизации должна была возместить огромные боевые потери, понесенные Красной армией в ужасное лето 1941 г. По сведениям С. Н. Михалева, в целом за первые шесть месяцев войны в Вооруженные силы было направлено почти 12 млн человек[4]. По данным Госплана СССР, контролирующего движение людских ресурсов и вследствие этого получавшего сведения о числе мобилизованных, к 1 декабря 1941 г. только по центральным и восточным районам страны в Красную армию было призвано свыше 16 млн человек[5]. Кроме того, часть военнообязанных запаса успели призвать в западных регионах СССР, до того как они были оккупированы врагом. Так, в западных областях Украины и Белоруссии в армию ушло свыше 613 тыс. мужчин, в Латвии, Литве и Эстонии — 317 тыс., в Молдавии — 131 тыс., в Карело-Финской ССР — 28 тыс. мужчин[6]. В городах Орловской области, до момента ее оккупации, военкоматы успели призвать 16 тыс. человек, в городах Смоленской области — почти 11 тыс. человек[7].

В результате двух волн массовых воинских мобилизаций, организованных спешно, непродуманно и бессистемно, резерв военнообязанных в тыловых районах СССР был в значительной степени исчерпан. Это был явно «избыточный» призыв. Такое количество новобранцев страна не могла быстро обучить, вооружить, обмундировать и прокормить. Вместе с тем, военная экономика лишалась миллионов рабочих рук. Очень важно, что в армии оказались,

---

[1] Мохоров Г. А. Защищая Родину. С. 63.

[2] Михалев С. Н. Людские потери в Великой Отечественной войне. С. 98.

[3] Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия. С. 452; Мохоров Г. А. Защищая Родину. С. 66.

[4] Михалев С. Н. Людские потери в Великой Отечественной войне. С. 99.

[5] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 42. Д. 997. Л. 21.

[6] Там же.

[7] Там же. Л. 47, 55.

по меньшей мере, несколько миллионов высококвалифицированных инженеров, техников и рабочих, без которых советская военная промышленность испытывала очень большие сложности. В армию были призваны даже студенты первых курсов вузов и техникумов. Это был серьезный стратегический просчет советского руководства. Позднее тех специалистов, которые остались в живых, приходилось возвращать в тыл.

На этом столь масштабные мобилизации в Вооруженные силы Советского Союза пришлось прекратить. Теперь в армию призывалась молодежь, по мере взросления вступавшая в призывной возраст. Проводились также частичные мобилизации военнообязанных запаса старших возрастов. Так, в сентябре — октябре 1941 г. частичная мобилизация военнообязанных запаса была организована в Алтайском крае, Новосибирской и Омской областях. В целом по СССР за период с 1 января по 1 марта 1942 г. было призвано дополнительно 700 тыс. человек. Всего с начала войны до 1 сентября 1942 г., по расчетам Главупраформа, «было изъято из страны» свыше 18 млн человек[1].

Вследствие масштабных воинских мобилизаций, соотношение сил противоборствующих сторон постепенно менялось в пользу Советского Союза. На 22 июня 1941 г. войска вермахта (включая вооруженные силы стран-сателлитов) на Восточном фронте насчитывали 5500 тыс. человек. Им противостояли 2900 тыс. красноармейцев и командиров западных военных округов (соотношение 1,9:1). Через 5 месяцев войны, к 1 декабря 1941 г. численность германских войск на востоке понизилась до 5093 тыс. человек, тогда как численность Действующей армии Советского Союза выросла до 4200 тыс. человек (1,2:1). К 1 июля 1943 г. численность германских войск на Восточном фронте составила 5165 тыс., численность фронтовых подразделений Красной армии увеличилась до 6442 тыс. человек (1:1,2). На 1 января 1944 г. численность немецких войск на востоке составила 4906 тыс., Красной армии — 6100 тыс. человек (1:1,2), а на 1 января 1945 г. соответственно 3100 тыс. и 6000 тыс. человек (1:1,9). И это при том условии, что советские потери значительно превосходили потери немецкий войск[2].

Западная Сибирь, где накануне Великой Отечественной войны проживало свыше 9 млн человек, а сельские жители составляли

[1] Михалев С. Н. Людские потери в Великой Отечественной войне. С. 99, 106.
[2] 50 лет Вооруженных сил СССР. С. 459.

большинство населения, рассматривалась советским руководством как важный источник людских ресурсов, необходимых для укомплектования Вооруженных сил личным составом. Мобилизационные телеграммы пришли в Сибирь вечером 22 июня, а уже на следующий день на призывные участки прибыли первые тысячи мужчин. За пять месяцев после начала Великой Отечественной войны, к 1 декабря 1941 г. Западная Сибирь отдала в армию свыше миллиона человек. Это составило 67 % мужчин призывного возраста. В городских поселениях было мобилизовано 52 % мужчин, а в сельской местности, где бронирование военнообязанных использовалась в ограниченном масштабе — свыше 75 % мужчин. Таким образом, уже к концу 1941 г. в тылу оставались мужчины, непригодные к службе в армии по состоянию здоровья, забронированные за отраслями экономики, имеющими оборонное значение, или сумевшие уклониться от призыва.

*Таблица 3.1.1**

Мобилизация мужской части населения Западной Сибири**
(на 1 декабря 1941 г.), тыс. человек

Регион	Всего мужчин призывного возраста 18–45 лет	Не призвано по состоянию здоровья	Забронировано в экономике	Призвано в армию
Всего	1576,8	157,7	204,0	1057,4
Городские поселения	551,9	55,1	154,5	287,0
Сельская местность	1024,9	102,6	49,5	770,4

* Источник: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 42. Д. 997. Л. 53, 55.

** Западная Сибирь в составе Алтайского края, Омской и Новосибирской областей по административно-территориальному устройству 1941 г.

Фронт требовал все больше людей. Война, как ненасытный Молох, пожирала человеческие жизни. На запад уходили сотни тысяч необученных и плохо вооруженных бойцов, которые закрывали своими телами бреши в линии фронта, пробитые немецкими танковыми клиньями. Военные потери 1942 г. превысили потери 1941 г. В целом за 1942 г. Красная армия потеряла убитыми, ранеными, контуженными, пленными, пропавшими без вести и больными

по заниженным данным статистического исследования «Гриф секретности снят» около 8 млн человек. Безвозвратные потери превысили 3,5 млн человек[1].

Демянская наступательная операция (январь-май 1942 г.) обошлась Красной армии, по самым скромным подсчетам, в 246 тыс. убитых, раненых и пропавших без вести. Почти 800 тыс. человек погибли и были искалечены в наступлении под Ржевом и Вязьмой в январе — апреле 1942 г.[2] В мае был разгромлен Крымский фронт. Бездарное командование сталинского «политрука» Л. З. Мехлиса обошлось Красной армии в 162 тыс. солдатских жизней[3]. Тогда же несколько советских армий были окружены и уничтожены в районе Харькова. На поле боя пало свыше 171 тыс. красноармейцев и командиров[4]. На Волховском фронте, в бесплодной попытке деблокировать Ленинград, в январе — июле 1942 г. сгинула в лесах 2-я Ударная армия. В Синявинских болотах летом и осенью 1942 г. советские генералы погубили почти 112 тыс. красноармейцев и командиров. Оборона Севастополя (октябрь 1941 г. — июль 1942 г.) обошлась в 200 тыс. жертв[5].

В бессмысленных лобовых атаках погибал цвет нации, лучшие из лучших, молодые, здоровые, полные сил мужчины. Но на место убитых, искалеченных, пленных, пропавших без вести, вставали новые тысячи бойцов, прибывавших из тыловых районов. В 1941 г. вермахтом было разгромлено и уничтожено 186 советских расчетных дивизий (*под расчетной дивизией понимается суммарное количество дивизий и бригад, при этом две бригады условно приравниваются к одной дивизии — В. И.*), однако в глубоком тылу было сформировано дополнительно 526 дивизий. В 1942 г. противник уничтожил почти 130 советских расчетных дивизий. Но тыл, напрягая все силы, выделил бойцов для укомплектования 270 дивизий[6].

В Западной Сибири в конце 1941 г. были сформированы 14 стрелковых и 3 кавалерийских дивизии, 5 отдельных лыжных и морских стрелковых бригад. Среди них 362-я дивизия омичей, 368-я дивизия тюменцев, 370-я дивизия новосибирцев, 376-я дивизия кузбассовцев, 380-я дивизия алтайцев и другие. В 1942 г. в Омской

---

[1] Гриф секретности снят. С. 143.

[2] Там же.

[3] Гуркин В. В. Людские потери Советских Вооруженных Сил в 1941–1945 гг.: новые аспекты // Военно-исторический журнал. 1999. № 2. С. 5.

[4] Там же.

[5] Гриф секретности снят. С. 176, 224–225.

[6] Военно-исторический журнал. 1995. № 3. С. 56.

области были созданы 308-я (позднее 120-я гвардейская), 229-я, 282-я стрелковые дивизии, на Алтае — 312-я и 315-я дивизии. В Новосибирской области были сформированы 235-я, 150-я и 140-я стрелковые дивизии, 278-я истребительная авиадивизия, в Кузбассе — 237-я и 303-я дивизии, в районе Томска — 284-я (позднее 79-я гвардейская) дивизия[1].

Помимо этого, на пополнение боевых частей россыпью уходили многочисленные маршевые батальоны и роты. 23-я запасная стрелковая бригада СибВО в течение первых месяцев войны отправила на фронт 58 маршевых батальонов и рот. За год своего существования она послала в Действующую армию 706 маршевых батальонов и рот, в составе которых находились почти 300 тыс. рядовых и около 6,5 тыс. командиров[2]. 39-я запасная стрелковая бригада в течение первого года Великой Отечественной войны откомандировала для боевых подразделений Красной армии 1000 маршевых рот[3]. Запасная стрелковая бригада № 29, дислоцировавшаяся в Омской области, с 15 сентября 1941 г. по 1 января 1944 г. обучила и отправила в Действующую армию 1103 маршевые роты[4].

В сущности, выдержать страшные удары вермахта в 1941–1942 гг. и выиграть драгоценное время Советский Союз смог только благодаря миллионам спешно мобилизованных, на скорую руку вооруженных, подготовленных по сокращенной месячной программе и быстро переброшенных на фронт резервистов. Из них немногие остались в живых.

Солдатские жизни расходовались щедро, без счета. «Мы по-прежнему атакуем его (*противника — В. И.*) опорные пункты в лоб, несем при этом лишние потери» — констатировал в своих мемуарах генерал А. В. Горбатов[5]. Вот как описывает штурм Новгорода, состоявшийся 15 марта 1943 г. участник боев, сибиряк М. И. Сукнев. Штурм проводился без предварительной артиллерийской подготовки через замерзшую пойму реки Малый Волховец. «Противник нас просто расстреляет на этом ледяном поле. Только наши достигли плотными цепями поротно, со штыками наперевес, льда Малого

---

[1] Верховцева З. П. Солдаты Сибири. 1941–1945. Кемерово, 1978. С. 38; Молочаев И. П. Боевой путь сибирских дивизий в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Новосибирск, 2005. С. 13, 31, 50, 58, 74, 81, 91, 106, 114, 124, 127, 157, 165, 199, 207, 214, 221, 228, 234, 247, 260, 276, 279, 283.

[2] Верховцева З. П. Солдаты Сибири. С. 26.

[3] Мохоров Г. А. Защищая Родину. С. 75.

[4] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3912. Л. 25.

[5] Горбатов А. В. Годы и войны. М., 1980. С. 232.

Волховца, грозовыми вспышками замерцали орудийные залпы противника. По цепям пронеслись трассы крупнокалиберных пулеметов. Трасса — несколько человек падают. Но цепи смыкаются и убыстряют бег. Это был воистину массовый героизм. И вдруг видим — грохочущая стена стали. Немцы открыли огонь из 500, если не более, орудий, и все снаряды осколочно-бризантные или шрапнель. Не достигая земли, они рвались над ней в 10–15 метрах, поражая все живое. Стену огня и дыма пронизывали тысячи пулеметных трасс и град автоматных очередей. Мы умылись кровью. Потери тяжелейшие и абсолютно неоправданные»[1]. Новгород так и не был взят. Даже в 1945 г., когда, казалось бы, советское командование приобрело ценный боевой опыт, отдавались приказы, подобные приказу Маршала Советского Союза Г. К. Жукова 9-му гвардейскому танковому корпусу: «18 апреля 1945 г. 24.00. К исходу дня 19 апреля 1945 года ***любой ценой*** (*курсив мой — В. И.*) корпусу выйти в район Фройдебурга. Об исполнении донести лично мне. Жуков»[2].

На 12-й день войны начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Ф. Гальдер, пребывая в состоянии победной эйфории, записал в своем служебном дневнике: «задача разгрома главных сил русской сухопутной армии выполнена… Не будет преувеличением сказать, что кампания против России выиграна в течение 14 дней»[3]. На 32-й день войны у генерала появились нотки тревоги: «У противника все еще имеются свежие соединения… Людские ресурсы у русских всегда в избытке»[4]. На 34-й день войны эти смутные подозрения оформились в сознании Гальдера более четко: «Задача осталась прежней: разгромить живую силу противника… Неиссякаемые людские резервы»[5]. И только на 51-й день войны, 11 августа 1941 г. до сознания немецкого генерала дошла страшная истина: «Колосс-Россия… был нами недооценен… К началу войны мы имели против себя около 200 дивизий противника. Теперь мы насчитываем уже 360 дивизий противника. И даже если мы разобьем дюжину таких дивизий, русские сформируют новую дюжину»[6].

---

[1] Сукнев М. И. Записки командира штрафбата. С. 124–125, 134.

[2] Орлов А. С. Крушение «третьего рейха» // Новая и новейшая истории. 2005. № 2. С. 13.

[3] Гальдер Ф. Военный дневник. 1941–1942. М., 2003. С. 77.

[4] Там же. С. 193, 197.

[5] Там же. С. 214.

[6] Там же. С. 306.

К аналогичным выводам пришла и немецкая разведка. Начальник отдела «Иностранные армии Востока» Генерального штаба вермахта Р. Гелен писал: «Советам удалось за короткое время мобилизовать многие миллионы жителей из глубинных районов страны, сформировать из них новые дивизии, обмундировать, вооружить, организовать на скорую руку боевую выучку и направить на фронт. Несмотря на то, что русские в сражениях под Киевом, Вязьмой и Брянском понесли огромные потери, мы установили к настоящему времени наличие в Красной армии примерно такого же числа дивизий и частей, что и в начале войны»[1].

Однако германские военачальники могли только догадываться, какое перенапряжение испытывает демографическая подсистема советского тыла. Вследствие крупномасштабных мобилизаций, численность и удельный вес мужчин активного возраста (и без того низкий) в тыловых регионах страны сократились до минимальных величин. Миф о неисчерпаемости советских людских ресурсов к концу 1942 — началу 1943 гг. развеялся как дым. Армия и экономика испытывали острейший дефицит людей, многократно усиленный их неэффективным использованием. Отныне главной заботой тыловых властей стал лихорадочный поиск мужчин, годных к военной службе, а также тех, кто мог трудиться в военных отраслях промышленности, на транспорте и стройках, в колхозах и совхозах.

Военные и гражданские руководители столкнулись между собой в острой борьбе за живую силу. Каждый «тянул одеяло на себя». Военные настойчиво требовали людей для фронта. Директора предприятий не склонны были отдавать кадры в армию. Мало того, они стремились «на всякий случай» создать латентный запас рабочих рук. Производственники мотивировали свою позицию острой нехваткой не только квалифицированных, но любых работников и необходимостью срочного выполнения оборонных заказов. В данном случае военные пожинали плоды своей собственной стратегической ошибки — призвав в начале Великой Отечественной войны большое количество высококвалифицированных рабочих, инженеров и техников, они оголили промышленное производство, оставив его без опытных кадров.

В основе «решительной и смелой» борьбы директоров за кадры лежало не только осознание важности их продукции для фронта, но, как это ни парадоксально, страх сурового наказания. Ещё до начала Великой Отечественной войны, 6 июня 1941 г. увидело свет

[1] Гелен Р. Война разведок. С. 26.

постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об ответственности наркомов, директоров предприятий, начальников железных дорог, начальников главков за подготовку и выполнение мобплана по боеприпасам». В постановлении подчеркивалось, что руководители предприятий «лично несут ответственность за первоочередное выполнение заказов по производству боеприпасов и за обеспечение сырьем, материалами, полуфабрикатами заводов и цехов, изготовляющих боеприпасы»[1]. Это был первый «пробный камень». Проба оказалась успешной и 17 ноября 1941 г. ГКО принял постановление № 903сс, подписанное единолично Сталиным. Отныне невыполнение задания ГКО расценивалось как особо опасное государственное преступление, каравшееся как контрреволюционное деяние по 59 статье УК РСФСР. Срыв производственной программы, невыполнение плана могли повлечь за собой не только снятие с должности, но и лишение свободы на длительный срок[2]. Руководители заводов и фабрик хорошо знали, что это не пустая угроза. Поскольку выполнение производственной программы в значительной степени зависело от рабочих и инженерно-технических кадров, безопаснее было вступить в конфронтацию с военными и даже партийными органами, чем рисковать свободой и жизнью.

В годы Великой Отечественной войны конфликт принял открытую, до предела обостренную форму. Так, начальник одной из самых мощных в Кузбассе строительных организаций ОСМЧ-30, выполнявшей задания правительства по возведению промышленных объектов оборонного значения, Коротков в 1941 г. писал Кемеровскому горвоенкому Лундтэ и секретарю Кемеровского горкома Сифурову: «Не смотря на (*так в источнике – В. И.*) протесты в разбронировании руководящих и квалифицированных кадров по Особой строительной части № 30, Вами разбронированы и призываются десятники (*прилагается список из 6 человек – В. И.*), квалифицированные рабочие и (*список из 8 человек – В. И.*) и нормировщик и (*указан 1 человек – В. И.*). Мобилизация указанных кадров в РККА приведет к ослаблению строительных работ на участках. Категорически протестую против мобилизации вышеуказанных работников и прошу их от мобилизации освободить»[3].

---

[1] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. 1941–1952 годы. М., 1968. С. 35.

[2] Кнышевский П. Н. Государственный комитет обороны: методы мобилизации трудовых ресурсов // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 55.

[3] ГАКО. Ф. П-15. Оп. 8. Д. 16. Л. 75.

В затруднительных ситуациях «командиры производства» апеллировали к своим наркомам, вхожих к самому Сталину. Те, как правило, приходили на помощь. Так, директор крупнейшего в стране предприятия по производству боеприпасов комбината № 179 А. С. Новиков в ответ на попытки военных призвать в Красную армию рабочих, направил письмо командующему СибВО Н. В. Медведеву, в котором заявил: «Народный Комиссар Боеприпасов (*так в источнике – В. И.*) тов. Ванников телеграммой от 3/III–42 г. за № 01/404 приказал не отпускать ни по каким мобилизациям без указания из Наркомата рабочих, инженеров и техников, состоящих на учете военнообязанных»[1]. В особых случаях к решению проблемы подключался лично председатель ГКО, председатель Ставки Верховного Главнокомандования, Верховный Главнокомандующий Вооруженными силами СССР, нарком обороны Сталин. Известна, например, его телеграмма в Новосибирские обком и облисполком от 24 апреля 1942 г. Телеграмма гласила: «…Продлить до конца 1943 г. отсрочки (бронь) от мобилизации в Красную Армию рабочим, ИТР и служащим авиационной промышленности, имевшим бронь и отсрочки в 1942 году и в первом квартале 1943 года, включая призывников всех возрастов»[2].

Местные партийные комитеты оказались в очень сложной ситуации. С одной стороны, они (в первую очередь секретари обкомов и крайкомов) головой отвечали за выпуск военной продукции. Сорвать производство самолетов, авиамоторов, артиллерийских орудий, снарядов, патронов или оптических приборов было «смерти подобно». Поэтому периферийные партийные комитеты, так или иначе, но вынуждены были оказывать поддержку производственником. С другой, Москва в лице ЦК ВКП(б), Ставки Верховного Главнокомандования, Генерального штаба РККА и Главупраформа, угрожая суровыми карами, жестко требовала выполнения нарядов по воинской мобилизации. В конце концов, позиция местных партийных властей оказалась довольно расплывчатой, непринципиальной, определявшейся в зависимости от ситуации.

Директора крупных оборонных предприятий, от которых зависело обеспечение армии вооружением, чувствуя за плечами мощную поддержку наркоматов и неуверенность партийных комитетов, действовали напористо, а в иных случаях даже нагло. Для «красных»

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 641. Л. 58.

[2] Оборонная промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Сб. документов. Новосибирск. 2005. С. 473.

директоров областные, краевые и городские военкомы, а тем более райвоенкомы, не были силой, с которой нужно считаться. Работники военкоматов, оказывались в очень сложном положении, когда против них выступали такие авторитетные руководители, как директор Кузнецкого металлургического комбината им. Сталина Р. В. Белан, директор особого завода № 69 им. Ленина А. С. Котляр, директор авиационного завода № 153 им. В. П. Чкалова В. Н. Лисицын, директор промышленного гиганта по производству боеприпасов, комбината № 179 А. С. Новиков, (с 1943 г. — А. В. Саханицкий) и другие. К тому же руководители предприятий опирались на безоговорочную поддержку представителей высших партийных инстанций на заводах — парторгов ЦК ВКП(б).

Новосибирский облвоенком, старший батальонный комиссар Н. Г. Шемякин и начальник 2 части облвоенкомата интендант 2 ранга Шаровьев в сентябре 1942 г. пытаясь противостоять уверенному давлению руководителей оборонных предприятий, писали: «Нужно отметить факт игнорирования директорами оборонных заводов приказа Горвоенкоматов о явке рабочих призывников 1924 г. на призывные пункты, особенно по гор. Новосибирску, где директора заводов 69, 51, 153, 208 и 350 отдали приказание своему аппарату отбирать повестки и призывников на призыв не пускать, а на заводе № 69 до мастеров включительно повестки райвоенкоматов просто уничтожать»[1]. Заведующий Военным отделом Новосибирского обкома Г. Ерофеев в информации по итогам призыва молодежи 1924 г. рождения и результатам отбора в военные училища 8 сентября 1942 г. сообщал в военный отдел обкома: «Имели место случаи задержки призывников директорами предприятий и учреждений (не давали расчет, отбирали повестки, не выдавали характеристики) — завод им. Чкалова, заводы комбината № 179, завод № 69 и др.»[2]

Хозяйственники мелкого масштаба, особенно в отдаленных районах Западной Сибири, опирались на поддержку райкомов. Члены проверочной комиссии, работавшие весной 1943 г. в Нарымском округе в справке, направленной секретарю Новосибирского обкома М. В. Кулагину вынуждены были констатировать серьезные трения между райвоенкоматами и партийными комитетами округа. В справке указывалось, что в селах Молчаново и Каргасок «райкомы ВКП(б) отбирали повестки у военнообязанных, выписанных райвоенкомом. Руководители партийных организаций помогали

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 633а. Л. 14.
[2] Там же. Л. 22 об.

сами хозяйственникам ходатайствовать в освобождении людей от службы в Армии (*так в источнике – В. И.*)»[1].

Партийные работники строго контролировали работу военкоматов и ревниво относились к своим прерогативам. Так, в 1944 г. с формулировкой: «за недостатки в практической работе» был освобожден от занимаемой должности военком Полтавского района Омской области Котегов. Он «призывал в Красную армию председателей колхозов без согласования с Райкомом (*так в источнике – В. И.*) ВКП(б) и оголял колхозное производство»[2]. Несомненно, ключевые слова в данном случае — «без согласования с Райкомом ВКП(б)».

Конфликт не только не угас, но напротив, принял самую острую форму в ходе укомплектования личным составом сталинской дивизии добровольцев-сибиряков. За подбор личного состава и укомплектование этого соединения непосредственно отвечали местные партийные организации. Главное управление кадров Наркомата обороны и Главное политической управление РККА (*далее – ГлавПУР – В. И.*) должны были предоставить для этого соединения высший, старший, средний командный и политический состав. Младший командный и рядовой состав комплектовался добровольцами под ответственность партийных органов. Теперь партийные чиновники пожинали плоды своей собственной непринципиальной политики. Инструкторы Новосибирского обкома Захватаева и Нарожнова 29 июля 1942 г. жаловались заведующему военным отделом обкома Белоусову: «Директор завода № 590 т. Мещеряков и парторг ЦК ВКП(б) т. Иванов считают невозможным отпускать добровольцев с завода, дали согласие только на 2-х человек»[3]. Заведующие секторами отдела кадров обкома Булгаков и Жахалов в июле 1942 г. докладывали секретарю Новосибирского обкома А. П. Эльман о положении на заводе № 564: «По заявлению директора завода тов. Юрина и парторга ЦК ВКП(б) т. Гринштейн, кроме ранее посланных в дивизию 41 чел., больше никого отпустить нельзя»[4].

В свою очередь военкомы, а это в большинстве своем были искалеченные на фронте командиры Красной армии, прошедшие «огонь, воду и медные трубы», действовали напористо и дерзко.

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 680. Л. 13.
[2] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 4384. Л. 20.
[3] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 632. Л. 98.
[4] Там же. Л. 107.

Большинство военкомов осознавали важность и необходимость выполнения нарядов по воинской мобилизации. Кроме того, им было хорошо известно, что наряды на мобилизацию рассматривались как важнейшие правительственные задания. Упомянутое ранее постановление ГКО № 903сс от 17 ноября 1941 г. распространялось не только на директоров предприятий, но и на военных. Учитывая суровую кару, предусмотренную постановлением ГКО, многие военкомы подходили к делу исключительно с бюрократических позиций — в любом случае выполнить количественные показатели наряда по воинской мобилизации, не считаясь с потребностями экономики.

Заместитель начальника Томской железной дороги Чернышев 21 мая 1943 г. гневно писал командующему СибВО генерал-лейтенанту Н. В. Медведеву: «Прошу дать немедленное указание Новосибирскому, Кемеровскому облвоенкоматам и Алтайскому крайвоенкомату о прекращении какого бы то ни было призыва работников ж. д. транспорта». В качестве веского аргумента Чернышев привел материалы о действиях военкома Первомайского района Новосибирска Жаркова. «Несмотря на постановление НКО от 13 мая 1942 г. № 1765с и последующих указаний НКО о запрещении призыва работников жел. дор. транспорта без разрешения и специальной разверстки НКПС, — подчеркивал Чернышев, — Первомайский райвоенком г. Новосибирска т. Жарков систематически самовольно разбронирует и призывает железнодорожников»[1]. Военный комиссар Кемеровской области, полковник административной службы Исупов в приказе по облвоенкомату № 0132 от 12 декабря 1944 г. вынужден был констатировать: «За последнее время установлены случаи грубого нарушения порядка призыва и отправки в войска военнообязанных запаса. Некоторые военкоматы призывают военнообязанных запаса, пользующихся правом на отсрочку от призыва в Красную Армию без проверки законности их призыва, продолжают призывать прибывших по нарядам НКО для работы в промышленности. Некоторые горрайвоенкомы продолжают направлять на пересыльный пункт военнообязанных явно негодных к военной службе. Этот порочный стиль работы является прямым следствием погони за количественным выполнением нарядов»[2].

Директор особого завода № 69 А. С. Котляр 31 июля 1944 г. докладывал секретарю Новосибирского обкома М. В. Кулагину: «За

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 198. Л. 158.
[2] ГАКО. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 302. Л. 99–99 об.

последнее время райвоенкоматы г. Новосибирска, в особенности Заельцовский, стали на путь нарушения ГОКО от 6.II–43 г. за № 2828 о бронировании военнообязанных, работающих на нашем заводе, т. е. без ведома завода призывают в Красную Армию высококвалифицированных рабочих, имеющих отсрочку от призыва… Райвоенкоматы поставили Завод под угрозу срыва задания ГОКО по выпуску срочного вооружения для Красной Армии»[1]. В свою очередь представлявший интересы военных в партийных органах, заместитель заведующего Военным отделом Новосибирского обкома Никаноров характеризовал действия директоров как «государственное преступление многих авторитетных руководителей, не выполняющих директив ГОКО и Правительства»[2].

Конфликт был перенесен в самые высокие сферы. В него втянулись не только наркоматы, но и секретари ЦК ВКП(б). В июле 1942 г. секретарь Новосибирского обкома М. В. Кулагин направил докладную записку Г. М. Маленкову. В записке М. В. Кулагин отмечал, что в сталинскую добровольческую дивизию к середине июля было подано свыше 25 тыс. заявлений. Но «некоторые наркоматы, не желая преодолеть трудностей военного времени, дали распоряжение не отпускать с производства добровольцев в дивизию. Такие запрещения даны НКПС товарищем Хрулевым, Наркомуголь товарищем Вахрушевым, Наркомчермет товарищем Тевосяном, НКАП товарищем Шахуриным, НКВ товарищем Устиновым. Прошу, товарищ Маленков, Вашей поддержки»[3]. Как видим, даже первый секретарь обкома без содействия с самой вершины власти не мог обуздать своеволие директоров крупных промышленных предприятий оборонного значения.

Одним из узловых объектов конфронтации между производственниками и военными стали молодые рабочие оборонных предприятий, как правило, имевшие среднее и полное школьное образование и сознательно стремившиеся в армию. Для них это была возможность не только реализовать свой патриотический порыв, но вырваться из тисков полуголодного существования на заводах с их тяжелым трудом и, одновременно, заметно повысить свой социальный статус. Стать командиром (а с 1943 г. — офицером) Красной армии в те времена было очень престижно.

По условиям военных лет, молодые люди, имевшие за плечами 7–8 классов, в ходе призыва зачислялись в команду № 400 и направлялись

---

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 644. Л. 19.

[2] Там же. Оп. 8. Д. 597. Л. 13.

[3] Там же. Оп. 6. Д. 629. Л. 17.

в пехотные училища или в училища связи (команда № 500). Самые строгие требования предъявлялись к будущим артиллеристам (команда № 600). Для поступления в артиллерийские училища требовалось образование не менее 10 классов средней школы. Директора оборонных предприятий всеми способами стремились удержать на заводах грамотную молодежь, которая быстро превращалась в костяк ценных, высококвалифицированных рабочих кадров, а в перспективе должна была стать основой инженерно-технического корпуса, столь необходимого промышленности.

Работники военкоматов, выполняя наряды Главупраформа, всеми способами стремились призвать молодежь, годную для обучения в военных училищах. В марте 1943 г., омский облвоенкомат мобилизовал в армию, для укомплектования военных училищ рабочую молодежь одного из крупных оборонных заводов, не поставив в известность руководство предприятия. Директор завода Манин, мотивируя свое решение необходимостью выполнения государственной программы по производству вооружения для Красной армии, известил наркома вооружения Д. Ф. Устинова[1]. Окрик из Москвы не заставил себя ждать. 15 марта 1943 г. секретарь Омского обкома М. А. Кудинов получил грозную телеграмму: «Категорически возражаю против призыва в армию рабочих завода Манина постановлением ГОКО 2828 работающие заводе освобождены мобилизации до 1 января 1944 года 01/4695 Устинов +»[2].

Несмотря на острый конфликт, несколько месяцев спустя, в июле 1943 г., военком Омской области полковник Старушкин, выполняя приказ командующего СибВО генерал-лейтенанта Н. В. Медведева, произвел призыв для обучения в пехотных училищах молодых рабочих заводов № 29 (110 человек), № 166 (68 человек), № 20 (26 человек) без согласования с директорами предприятий[3]. Секретарь Омского обкома М. А. Кудинов, в конфликте между военными и производственниками принявший сторону производственников, 14 июля отправил протестную телеграмму заместителю наркома обороны СССР, начальнику Главупраформа Е. А. Щаденко: «Просим дать указание возвратить на заводы наиболее квалифицированных рабочих»[4]. Через два дня, 16 июля было принято постановление бюро Омского обкома, содержащее нападки на действия военных. В постановлении

[1] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3069. Л. 49–50.
[2] Там же.
[3] Там же. Д. 3648. Л. 46.
[4] Там же. Л. 48.

подчеркивалось: «Довести до сведения ЦК ВКП(б) о том, что командующий СибВО тов. Медведев, а также его заместитель тов. Дзенит, зная об отсутствии свободных ресурсов в промышленности, дали указание облвоенкому тов. Старушкину провести набор в пехотное училище промышленных рабочих, причем это указание сопровождалось нажимом»[1].

Крупный наряд на призыв молодежи в военные училища весной 1943 г. получили военкоматы Новосибирской области. 15 мая они приступили, как тогда говорили, «к вербовке» кандидатов. К 25 июня военкоматы имели уже 1547 заявлений от молодых добровольцев. Однако в училища удалось отправить только 1022 человека, остальные были задержаны руководителями оборонных предприятий. Завод № 153 задержал 143 добровольца, завод № 69 — 76 добровольцев, завод № 677 — 57 добровольцев[2]. Парторги ЦК ВКП(б) и директора заводов №№ 644 и 153 не пустили вербовщиков на территорию предприятий для проведения бесед с молодежью. Они мотивировали свои действия тем, что это ведет к дезорганизации производства, так как многие молодые рабочие уйдут в армию, и некому будет работать. Директор завода № 635 Савоськин и парторг ЦК ВКП(б) Уманский заявили райвоенкому Центрального района Новосибирска: «Для нас Красная Армия это бесспорный авторитет, но оголять свой завод мы совершенно не намерены»[3].

Призывник Епишкин, работавший на заводе № 153 был зачислен в военное училище и ожидал на вокзале поезда. Но помощник директора завода по кадрам Глазков и сотрудник отдела кадров Дыденко, отобрав у Епишкина документы, увели его на завод, где держали месяц на военном положении. Призывник Пискунов с завода № 69, подавая документы в военное училище, рассказал райвоенкому, что на предприятии ему объяснили: «Кто уйдет в армию без согласия завода, того будут судить». Начальник цеха этого завода Шестаков говорил молодежи: «Что вы рветесь в армию — хотите, чтобы вас там поубивали? Работая на заводе, вы останетесь живы!»[4] Директор завода № 564 Безбородов заявил: «Когда возьмете меня в армию, тогда берите моих людей». Его помощник по кадрам Денисов был даже направлен в Мичуринское военно-инженерное училище (летом и осенью 1944 г. училище дислоцировалось в Новосибирске,

[1] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3069. Л. 46.
[2] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 672. Л. 34–35.
[3] Там же. Л. 37.
[4] Там же.

затем в Томске) с заданием вернуть на завод курсанта Дорфман, бывшего рабочего завода[1]. Очень много письменных протестов по поводу действий работников военкоматов поступало в обком с заводов №№ 385, 208 и 677. Эти протесты, как правило, сопровождались копиями ведомственных телеграмм, запрещавших воинскую мобилизацию рабочих[2]. В результате, противодействия директоров, наряд Наркомата обороны на мобилизацию молодежи в военные училища по Новосибирской области весной 1943 г. был выполнен всего на 47 %[3]. Новосибирский облвоенком, подполковник Н. Л. Степанов и начальник 2 части облвоенкомата майор Шаровьев в справке «О ходе вербовки кандидатов в военные училища по Новосибирской области», подводя итоги вербовочной кампании, 9 августа 1943 г., отмечали: «На сегодняшний день создалась такая обстановка, что благодаря тормозам — чинимым директорами заводов и руководителями предприятий дальше вербовку кандидатов на заводах и предприятиях вести совершенно невозможно»[4].

Тяжба между производственниками и военными, то, затухая, то, вспыхивая вновь, длилась всю войну. Иногда «поле боя» оставалось за «красными командирами» и тогда работники оборонной промышленности призывались в армию. В иных случаях побеждали «красные директора». В таком случае люди оставались на производстве. Так, 15 мая 1944 г. командующий войсками СибВО генерал-лейтенант В. Н. Курдюмов и временно исполняющий обязанности члена Военного совета округа генерал-майор А. Ф. Колобяков в «сердитом» письме секретарю Омского обкома С. С. Румянцеву и председателю Омского облисполкома Токареву писали: «Военкоматы Омской области не получают от партийных и советских органов необходимой помощи и поддержки. Директора промышленных предприятий не отпускают в армию рабочих»[5]. Омский горвоенком капитан Дубов в августе 1944 г. жаловался в обком: «Такие предприятия-гиганты, как завод № 29, 166, 174, Омская железная дорога в армию не дали ни одного человека, несмотря на наши неоднократные обращения к ним по этому вопросу»[6].

Командующий СибВО В. Н. Курдюмов, подписавший 9 сентября 1944 г. постановление Военного совета СибВО «О состоянии

---

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 672. Л. 37.
[2] Там же.
[3] Там же. Л. 36.
[4] Там же. Л. 37.
[5] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3912. Л. 100–101.
[6] Там же. Д. 3913. Л. 64.

организационно-мобилизационной работы в военных комиссариатах СибВО» открыто обвинил «командиров производства» в сокрытии людей (особенно молодых инженеров и техников, составлявших основу офицерского корпуса) от мобилизации. «Борьба за изыскание людских ресурсов, при наличии недостатка рабочей силы в народном хозяйстве приобретает серьезное значение. Однако Военный совет не может отказаться от мобилизации людских ресурсов или сократить наряды»[1].

Масло в огонь разгоревшегося конфликта подливал тот факт, что военные в качестве важнейшего источника комплектования Вооруженных сил рассматривали разбронирование закрепленных за производством специалистов. В первые дни войны, когда еще не были осознаны масштабы обрушившегося на страну бедствия, а людские ресурсы страны казались неисчерпаемыми, бронь предоставлялась довольно щедро. Согласно постановлению № 2 Комиссии при СНК СССР по освобождению и отсрочкам от призыва по мобилизации (председатель К. Е. Ворошилов) от 26 июня 1941 г. на спецучет ставились руководители предприятий, инженерно-технические работники и рабочие, начиная с 3 разряда. Постановление содержало очень длинный список ведомств, работники которых получили право на отсрочку от призыва и мобилизации [2]. Бронь предоставлялась также служащим областных и районных земельных отделов, работникам машинно-тракторных станций (МТС) и машинно-тракторных мастерских (МТМ), служащим селекционных станций, госплемрассадников, заготживконтор, госсортфонда[3].

Всего в 1941 г., (см. *табл. 3.1.1*), в Западной Сибири бронь от призыва получили 204 тыс. человек. В общей численности мужчин призывного возраста 18–45 лет это составило 12,9 %. В городах удельный вес забронированных достигал 28 %, в сельской местности не превышал 5 %. Отметим, что в Западной Сибири дельный вес забронированных был несколько ниже, чем во многих других регионах РСФСР. Так, на Дальнем Востоке прослойка лиц, поставленных на спецучет, составляла почти 16 % к общей численности военнообязанных, на Урале и в Восточной Сибири немногим менее 15, в Закавказье — 14, в Поволжье — свыше 13 %[4]. Западная Сибирь, таким образом, в годы Великой Отечественной войны сыграла очень большую роль в укомплектовании Вооруженных сил Советского Союза.

---

[1] ЦХАФАК. Ф. П-1. Оп. 18. Д. 617. Л. 54–55.

[2] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп.1. Д. 3098 Л. 3.

[3] Там же. Д. 3442. Л. 12.

[4] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 42. Д. 997. Л. 55.

Из-за огромных боевых потерь, которые понесла Красная армия в первое, самое кровавое лето войны, призывать, пришлось значительно больше людей, чем планировалось первоначально. 13 сентября 1941 г. сотрудниками Главупраформа был сделан расчет на мобилизацию военнообязанных рядового состава запаса из числа пользующихся отсрочками от призыва. Согласно этому расчету, из-за критической нехватки мужчин призывных возрастов, пополнить ряды Действующей армии без разбронирования части рабочих и служащих было невозможно[1]. Через день, 15 сентября 1941 г. Сталин, как нарком обороны подписал приказ, согласно которому количество специалистов, поставленных на спецучет, значительно сокращалось[2].

Новые нормы бронирования были значительно более взыскательными. Они предусматривали мобилизацию 30 % военнообязанных, забронированных на предприятиях и учреждениях Наркомата местной промышленности, потребкооперации и промкооперации. НКВД (в основном милиция и военизированная охрана ГУЛАГа), Наркомат промстройматериалов, Наркомат по строительству и Наркомат пищевой промышленности должны были отдать в армию 25 % забронированных. Из предприятий и учреждений НКПС предполагалось мобилизовать 20 % ранее получивших отсрочки[3]. Назначенный вместо К. Е. Ворошилова председателем Комиссии по освобождению и отсрочкам от призыва по мобилизации Н. М. Шверник, 14 декабря 1941 г. подписал постановление, согласно которому к 1 марта 1942 г. все таблицы бронируемых специалистов пересматривались и устанавливались твердые лимиты брони по всем отраслям промышленности[4].

Снятие военнообязанных со спецучета с осени 1941 г. стало обыденным явлением. Многие тыловики, забронированные за отраслями военной экономики, из трусости или из других соображений, но, почти всегда опираясь на поддержку руководителей предприятий, отчаянно сопротивлялись призыву. При этом использовались все доступные способы. Штаб СибВО, пытаясь переломить ситуацию, 5 ноября 1941 г. разослал военкомам телеграмму: «Комвойсками приказал разбронирование военнообязанных проводить смело и решительно наряды выполнить немедленно полностью

[1] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3098. Л. 14–14 об.
[2] Там же. Л. 15–15 об.
[3] Там же. Л. 14–14 об.
[4] Там же. Л. 38–39 об.

предупредить что за бездеятельность нерешительность невыполнение нарядов будете привлечены суровой ответственности»[1]. Содержание телеграммы само по себе говорит о полной драматизма борьбе, которая развернулась по вопросу разбронирования. Но, несмотря на грозные окрики начальства, «смелость и решительность» военкомов, процесс разбронирования наталкивался на «ватную» стену. Разбронированию противились не только индивидуально призывники, но вся система мощных промышленных предприятий, которых поддерживали наркоматы, а зачастую и местные партийные комитеты.

Собственно, никто не протестовал против разбронирования незанятых в промышленности военнообязанных, но, когда дело касалось работников тяжелых и военных отраслей индустрии, а также транспорта и строительства, имевшего оборонное значение, разгорался конфликт. К нему немедленно подключались партийные структуры, так как не желали упускать из своего контроля столь важную сторону государственной жизни. Примечательно, что работники партийного аппарата, включаясь в конфликт, сразу же придавали ему политическую окраску. Они подозревали и военных и хозяйственных руководителей в попытках покушения на власть и поэтому стремились полностью контролировать ситуацию. Так, 12 ноября 1941 г. секретарь Новосибирского обкома М. В. Кулагин разослал всем секретарям городских и районных комитетов телеграмму, в которой потребовал, чтобы работа по разбронированию проводилась под непосредственным руководством партийных органов. «Работу по разбронированию, — указывал он, — проводить комиссией при личном участии секретарей горрайкомов»[2]. М. В. Кулагин не возражал против разбронирования аппарата ГУЛАГа НКВД и милиции на 50 %. Вместе с тем, он счел необходимым специально подчеркнуть: «Разбронированию не подлежат руководители предприятий, инженерно-технические работники, мастера, квалифицированные рабочие оборонных заводов, подземные рабочие угольной промышленности, паровозные машинисты, кочегары паровозов, диспетчера службы движения и связи»[3].

Из-за латентного, а в иных случаях и открытого сопротивления хозяйственных руководителей, во многих случаях, поддержанных партийными органами, наряды по разбронированию

[1] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3098. Л. 40.
[2] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 665. Л. 20.
[3] Там же.

часто не выполнялись. В Омской области, например, осенью 1941 г. при выполнении приказа о разбронировании из 32 тыс. забронированных удалось призвать всего 7,6 тыс. человек[1]. Разбронирование было фактически провалено. Хозяйственники одержали победу. Секрет их успеха заключался в том, что первичные списки лиц, подлежащих постановке на спецучет, составлялись директорами предприятий при участии руководителей цехов, управлений и отделов. Каждый руководитель стремился оставить на производстве ценного специалиста или нужного человека. Списки на бронирование специалистов разрастались до невероятных размеров.

В некоторых случаях руководители предприятий шли даже на подлог документов. «Руководители предприятий, исходя из стремления удержать кадры, — свидетельствовали в отчетном докладе "О работе военного отдела Новосибирского обкома ВКП(б) за второе полугодие 1943 г." — секретарь обкома Остапюк и заведующий военным отделом обкома Шайдаров, — становятся на незаконный путь и дают военкоматам ложные сведения о занимаемой должности военнообязанных»[2]. Временно исполняющий обязанности Новосибирского облвоенкома майор Мышак и начальник 1 части облвоенкомата капитан административной службы Пащенко 12 февраля 1944 г. сигнализировали заведующему военным отделом обкома, что руководители предприятий, чтобы сохранить кадры сообщают военкоматам ложные сведения и бронируют военнообязанных по должностям, которые они фактически не занимают. В Новосибирской области в конце 1943 г. за плохой учет военнообязанных и прием на работу без документов на 12 руководителей предприятий материал был передан в партийные организации для привлечения их к партийной ответственности[3].

После первичного формирования списков на бронирование специалистов, документы направлялись для утверждения в центральные ведомства, главным образом в наркоматы. Нередко в эти списки попадали за взятку, «по знакомству», «по блату». В справке «Об извращениях брони лиц, подлежащих к призыву в РККА со стороны отдельных руководителей организаций и учреждений по гор. Омску», подготовленной 25 февраля 1942 г. ответственным организатором оргинструкторского отдела ЦК ВКП(б) Игаевым, подчеркивалось: «По данным горвоенкомата и райвоенкоматов г. Омска,

[1] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3098. Л. 24.
[2] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 640. Л. 41 об.
[3] Там же. Оп. 6. Д. 644. Л. 43.

имеется много фактов, когда отдельные организации обращаются в городские военкоматы и районные военкоматы об освобождении от призыва лиц призывного возраста, которые могут и должны быть призваны в ряды РККА»[1]. Секретарь Новосибирского обкома по кадрам Г. М. Асланов вынужден был в сентябре 1942 г. разослать секретарям районных и городских комитетов циркулярное письмо, в котором признавал, что при проверке состояния бронирования, выявляется много должностей, которые могут быть заменены женщинами. «По отдельным предприятиям, — писал Г. М. Асланов, — бронируется по несколько бухгалтеров, диспетчеров, много служащих, кладовщиков, поваров, грузчиков, шоферов, возчиков, неквалифицированных рабочих»[2].

Руководителей предприятий в данном случае можно понять, так как заводы и фабрики не могли полноценно функционировать без этих работников. Кроме того, хозяйственники таким способом создавали запас кадров, который мог быть использован при внезапном увеличении производственных заданий, что в военные годы случалось очень часто. Горвоенком Новосибирска подполковник Орлов, характеризуя действия директора особого завода № 69 по бронированию работников, с раздражением отмечал: «Своими действиями тов. Котляр грубо попирает закон о всеобщей воинской обязанности, берет на себя в вопросах освобождения от призыва в РККА функции ГКО»[3]. Отметим, однако, что особый завод № 69 им. Ленина был в то время одним из немногих заводов Советского Союза, выпускавший остро необходимые на фронте оптические приборы. Само их производство требовало от работников очень высокой квалификации. И такому успешному руководителю, и грамотному организатору, каким был А. С. Котляр, прощалась любая выходка.

Разбронирование специалистов и поиск лиц, незаконно поставленных на спецучет, превратился у военкомов в манию. Но даже в масштабах всей страны разбронирование не могло дать большого количества бойцов. Еще 26 июля 1942 г., согласно постановлению ГКО «Об укомплектовании действующей армии» было проведено одно из самых крупных в ходе войны разбронирований специалистов. Согласно этому постановлению подлежало передаче в армию из числа забронированных рабочих и служащих 100 тыс. человек. При этом граждан 1924 г. рождения было решено призвать

[1] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3442. Л. 8.
[2] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 655. Л. 91.
[3] Там же. Оп. 8. Д. 22. Л. 43.

полностью, без остатка, независимо от места работы и занимаемых должностей[1]. Но Наркомат авиационной промышленности в 1942 г. без ущерба для производства смог передать фронту всего 5 тыс. человек. Наркомат путей сообщения снял со спецучета 15 тыс. человек, Наркомат земледелия — 16 тыс., Наркомат угольной промышленности — 4 тыс. человек. Наркомат танковой промышленности выделил для фронта 2,5 тыс. человек, Наркомат боеприпасов — 2 тыс., Наркомат минометного вооружения — 1 тыс. человек. Местная промышленность, кооперация, коммунальное хозяйство и административно-управленческий аппарат местных органов власти РСФСР разбронировали и передали в армию 14 тыс. человек[2].

В лихорадочном поиске людей власти обратились даже к такому источнику, как отправка на фронт частей НКВД. По постановлению ГКО от 26 июля 1942 г. в районы боевых действий было направлено 75 тыс. человек из внутренних войск, причем ряд дивизий и бригад НКВД — в полном составе. Этим же постановлением было разбронировано 35 тыс. военнообязанных, числившихся за милицией, лагерями, колониями и другими учреждениями НКВД[3].

Вместе с нарастанием волны разбронирования росло число тех, кто стремился закрепиться в тылу незаконно. Самым распространенным способом незаконной постановки на спецучет была ловкая подмена документов, при которой окопавшийся на продовольственном складе уклонист записывался производственным работником, трудившимся непосредственно у станка. В приказе по войскам СибВО от 11 ноября 1943 г. № 0523 указывалось, что «военнообязанные иногда бронируются по специальностям и должностям, на которых не работают. Пользуясь невнимательностью и беспечностью военкоматов, многие военнообязанные, подлежащие отправке на фронт, находятся вне армии»[4]. Так в Ленинске-Кузнецком военнообязанный З[*]. был забронирован коногоном шахты, но фактически на шахте не работал. Военнообязанный Д. был забронирован стволовым, а работал комендантом.

---

[1] Горьков Ю. А. Государственный Комитет Обороны постановляет. (1941–1945). Цифры, документы. М., С. 514.

[2] Там же. С. 518–519.

[3] Там же. С. 515, 517.

[4] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 644. Л. 40–41.

[*] Большинство из тех, кто получил незаконную бронь, уклонился от учета и призыва или дезертировал из армии, в конце — концов были отправлены на фронт. Многие из них были тяжело ранены или погибли.

Поэтому из этических соображений их фамилии не приводятся.

В Кузедеевском районе военнообязанный С. был забронирован молотобойцем, а работал лесорубом[1].

Отдельные личности, в стремлении уклониться от мобилизации, действовали предельно цинично и даже нахально. Так, в июне 1943 г. начальник одного из отделов кемеровского Коксохимзавода В., забронированный как строительный рабочий 7 разряда, явился в военкомат на проверочную перерегистрацию одетым в грязную рабочую спецовку и заявил, что он занят на оборонном строительстве. В. был разоблачен присутствующими на перерегистрации рабочими Коксохимзавода[2]. Военный комиссар Ленинского района Омска капитан Макаров 5 октября 1943 г. довел до сведения секретаря Омского обкома Кузика: «проверка лиц неправильно забронированных дает возможность установить, что эти военнообязанные не являются высококвалифицированными производственниками, а являются снабженцами и некоторые из них с довольно темным прошлым, неоднократно сужденные (*так в источнике – В. И.*) за воровство и хищение и за другие проступки». К докладной записке капитан Макаров приложил длинный список из 107 фамилий военнообязанных завода № 513, числившихся слесарями, трактористами, шоферами, бригадирами, кузнецами, а фактически работавших в Отделе рабочего снабжения (*далее – ОРС – В. И.*)[3].

В феврале-марте 1944 г. в Омской области было выявлено 44 незаконно забронированных военнообязанных. Военнообязанный Ц., был забронирован по должности техника инструментального хозяйства, фактически же являлся начальником сектора заготовок ОРСа. Военнообязанный Р. работал начальником производственно-бытового отдела ОРСа, но был забронирован по должности судосборщика 6 разряда. Военнообязанный С. был забронирован по должности начальника производственного отдела, а фактически работал начальником ОРСа. Совсем молодые люди (1926 г. рождения), призывники Н. и Х. пользовались отсрочкой от призыва как слесари 3 разряда, в действительности же не имели права на отсрочку, так как являлись слесарями 2 разряда[4]. На комбинате № 179 в 1943 г. военнообязанный Ч., 1914 г. рождения был забронирован по должности слесаря 7 разряда, а фактически работал помощником машиниста паровоза внутризаводской железной дороги.

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 644. Л. 40–41.
[2] ГАКО. Ф. П-15. Оп. 8. Д. 50. Л. 23.
[3] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3652. Л. 27–28.
[4] Там же. Д. 3912. Л. 72 об. – 73.

Военнообязанный Г. был забронирован мастером на производстве, а на самом деле работал начальником спецколонны немок. Военнообязанный Ш. был забронирован как газосварщик, тогда как работал сапожником[1]. На заводе № 69 в 1944 г. военнообязанный Ч. был поставлен на спецучет как сборщик-механик, тогда как фактически являлся агентом по заготовке продуктов. Военнообязанный А., проходивший по документам как сборщик-механик на самом деле был завхозом[2].

В Новосибирской области при проверке законности бронирования в марте — апреле 1943 г. было выявлено 223 незаконно забронированных, из них 165 человек, годных к строевой службе[3]. Во втором полугодии 1943 г. в области было обнаружено 194 человека, поставленных на спецучет с нарушением закона[4]. В первом полугодии 1944 г. в Новосибирской области работники военкоматов выявили 237 незаконно забронированных, из которых годных к строевой службе насчитывалось свыше 150 человек. Большинство из них получили бронь с помощью руководителей предприятий. «Отдельные руководители предприятий и учреждений, нарушая установленный порядок, — писал в отчетном докладе "О работе Военного отдела Новосибирского обкома ВКП(б) за первое полугодие 1944 г.", заместитель заведующего военным отделом обкома Никаноров, — ухитряются бронировать военнообязанных незаконно»[5].

В Алтайском крае в феврале-марте 1944 г. были разбронированы как незаконно получившие отсрочку от призыва 253 человека[6]. В Кемеровской области в июле-августе 1944 г. выборочными проверками было выявлено незаконно забронированных в Химлаборатории треста «Кемеровоголь» — 27 человек, треста «Ленинуголь» при заводе № 587 — 14 человек[7]. В Кузедеевском районе Кемеровской области в ходе проверки правильности бронирования, организованной в начале 1945 г., было выявлено и отправлено на фронт 34 человека, нелегитимно пользовавшихся бронью[8].

Помимо разбронирования, в качестве важного резерва пополнения рядового состава Красной армии, рассматривались заключенные.

---

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 8. Д. 22. Л. 42.
[2] Там же. Л. 44.
[3] Там же. Оп. 7. Д. 640. Л. 9.
[4] Там же. Л. 41.
[5] Там же. Оп. 8. Д. 597. Л. 88.
[6] ЦХАФАК. Ф. 1. Оп. 18. Д. 422. Л. 59.
[7] Там же. Д. 617. Л. 57.
[8] ГАКО. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 305. Л. 4.

Не прошло и месяца после начала Великой Отечественной войны, как 12 июля 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР обнародовал указ об освобождении от наказания осужденных, уходивших на фронт[1]. В этот же день пленум Верховного суда СССР принял постановление № 29/9/у «Об освобождении лиц, призванных в ряды Красной Армии и Военно-морской флот, от отбывания исправительно-трудовых работ на общих основаниях и о прекращении незаконченных дел в отношении указанных лиц»[2]. Через неделю, 18 июля, действие постановления пленума Верховного суда СССР № 29/9/у было распространено на лиц, поступивших в народное ополчение[3].

С начала Великой Отечественной войны и до конца 1941 г. 420 тыс. заключенных влились во фронтовые части[4]. По постановлению ГКО от 26 июля 1942 г. были пересмотрены дела еще 30 тыс. узников лагерей и колоний, годных к несению строевой службы и осужденных за бытовые и имущественные преступления[5]. Члены проверочной комиссии, работавшие весной 1943 г. в Нарымском округе в акте проверки, констатировали: «Работа по призыву осужденных особых замечаний не вызывает. Отправка осужденных с декабря по май месяц произведена с первыми пароходами»[6]. Число заключенных в Действующей армии стремительно увеличивалось. До середины 1944 г. на фронт было направлено 975 тыс. заключенных[7]. Всего же за годы войны из мест заключения в армию было передано свыше 1 млн человек[8].

В Действующую армию направлялись не только те, кто совершил незначительные имущественные и бытовые преступления, но и лица, отбывавшие наказание по «тяжелым» статьям уголовного кодекса. Отсрочка исполнения приговора в соответствии с примечанием 2 к статье 28 УК РСФСР применялась к осужденным за бандитизм, разбой, грабежи, а также к ворам-рецидивистам и тем, кто неоднократно дезертировал из армии. Эти заключенные принимались военкоматами под расписку непосредственно на территории

[1] Мохоров Г. А. Защищая Родину. С. 71.

[2] Законодательные и административно-правовые акты военного времени. С. 90–91.

[3] Там же. С. 91–92.

[4] Мохоров Г. А. Защищая Родину. С. 71.

[5] Горьков Ю. А. Государственный Комитет Обороны постановляет. С. 515.

[6] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 680. Л. 17 об.

[7] Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 9.

[8] ГУЛАГ (главное управление лагерей). 1918–1960: Документы. М., 2000. С. 428.

лагерей и колоний для направления в штрафные подразделения Красной армии. М. И. Сукнев, в 1943 г. командир штрафного батальона вспоминал, что одна из рот была сформирована из «одесских и ростовских рецидивистов, которым заменили штрафным батальоном длительные сроки отбывания наказаний в тюрьмах и лагерях. Несколько привезены с приговором к смертной казни — расстрелу. Это медвежатники, аферисты, громилы по квартирам и налетам»[1]. Нередко на фронт отправлялись прямо из зала суда — отбытие наказания в местах лишения свободы заменялось службой в штрафных подразделениях. Возможно, именно наличием в войсках большого количества уголовного элемента объясняются многочисленные эксцессы, происходившие в Германии и других странах фашистского блока после захвата их территории Красной армией[2].

Политические заключенные, осужденные по 58 статье УК РСФСР Красную армию, как правило, не допускались. Они могли попасть на фронт только случайно, вследствие халатности работников судов и военкоматов. Но в принципе для «политических» была закрыта дорога даже в штрафные подразделения. Исключение было сделано только для спецпереселенцев, бывших кулаков. Однако их массового призыва в Действующую армию, вопреки возникнувшему недавно квазидемократическому мифу, никогда не было. Идеологические опасения, подозрительность властей, страх перед несправедливо наказанными людьми были не менее сильными, чем ужас перед гитлеровцами. Подозрительность партийных руководителей, особенно в начале войны, была близка к панике и столь сильна, что они вполне серьезно опасались диверсий и даже массовых восстаний спецпереселенцев. Так, 7 июля 1941 г. секретарь Новосибирского обкома М. В. Кулагин разослал всем секретарям городских и районных комитетов области письмо с пометкой «Весьма срочно». В письме утверждалось, что обком располагает данными, будто бы в связи с началом войны контрреволюционные элементы: выселенные кулаки, польские осадники и бывшие белогвардейские офицеры готовят диверсии и восстание. В связи с этим местным партийным комитетам предписывалось спешно организовать боевые оперативные группы из числа работников НКГБ, НКВД и партийного аппарата[3]. В Кемерово 3 июля 1941 г. бюро горкома на своем заседании

---

[1] Сукнев М. И. Записки командира штрафбата. С. 151.

[2] См.: Бивор Э. Падение Берлина. М., 2004; Гофман И. Сталинская война на уничтожение: планирование, осуществление, документы. М., 2006.

[3] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 665. Л. 33.

вполне серьезно рассматривало вопрос о создании особых «боевых дружин» для ликвидации парашютных десантов[1].

Когда выяснилось, что никаких восстаний, диверсий и парашютных десантов не готовиться, а спецпереселенцы в целом сохраняют лояльность, было решено призвать некоторую часть бывших кулаков и членов их семей в Действующую армию. Призыв в РККА бывших кулаков и членов их семей осуществлялся в соответствии с постановлениями ГКО от 15 апреля и от 22 июня 1942 г. Согласно постановлению ГКО от 25 июля 1942 г. было решено призвать в армию 15 тыс. человек трудпоселенцев до 35-летнего возраста[2]. К 3 мая 1942 г. по 11 республикам и областям из 28 регионов спецпоселений было мобилизовано 31 тыс. человек, а с апреля по октябрь 1942 дополнительно 61 тыс. человек. Всего же по СССР за 1942–1943 гг. в Красную армию было мобилизовано 66 тыс. человек[3].

В Западной Сибири с апреля по октябрь 1942 г. в Красную армию ушло свыше 12 тыс. трудпоселенцев[4]. Учитывая, что на 1 октября 1941 г. в Западной Сибири насчитывалось более 200 тыс. трудпоселенцев[5], это было совсем немного. Удельный вес призванных в армию бывших кулаков по отношению к их общей численности составлял по Западной Сибири всего 6 %. Имея в виду приведенные цифры, вряд ли можно вслед за В. Я. Шашковым и С. С. Козловым признать призыв спецпоселенцев «массовым»[6]. Это был скорее «штучный» призыв, предварявшийся тщательной проверкой. В любом случае, солдат с криминальным прошлым на фронте было значительно больше, чем спецпоселенцев.

Одной из причин весьма значительного отсева призывников при укомплектовании Вооруженных сил СССР, были так называемые «политико-моральные соображения» (*далее – ПМС – В. И.*). Красная армия, созданная в годы Гражданской войны при непосредственном участии творца теории перманентной революции Л. Д. Троцкого, как инструмент классовой борьбы изначально укомплектовывалась личным составом на основе жесточайшего политического отбора. В годы Второй мировой войны, несмотря на острую нехватку людей, партийные ортодоксы с маниакальным упорством

---

[1] ГАКО. Ф. П-15. Оп. 8. Д. 16. Л. 2.

[2] Горьков Ю. А. Государственный Комитет Обороны постановляет. С. 515.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 46. Л. 129.

[4] Шашков В. Я., Козлов С. С. Спецпереселенцы на защите Отечества // Вопросы истории. 2005. № 5. С. 158–159.

[5] Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005. С. 98–99.

[6] Шашков В. Я., Козлов С. С. Спецпереселенцы на защите Отечества. С. 159.

настаивали на обязательном отсеве тех, кто по тем или иным причинам лишился «доверия партии»: отбывших срок политзаключенных (58 и 59 статьи УК РСФСР), граждан, имевших близких родственников, подвергавшихся репрессиям или проживавших за границей. В приказе на призыв граждан 1922 г. рождения, который был подписан 2 октября 1941 г. новосибирским облвоенкомом, старшим батальонным комиссаром Н. Г. Шемякиным и начальником 2-й части облвоенкомата майором Бурдиловым (со ссылкой на приказ наркома обороны за № 0355-1941 г. и директиву штаба СибВО № ОМ/002988 от 23 сентября 1941 г.), специально подчеркивалось: «Всех призывников тщательно проверить в политическом отношении и лиц морально разложившихся, имеющих многократную судимость, политически неустойчивых, шкурников, взять на особый учет и зачислить в рабочие колонны»[1].

В Красную армию не призывались также представители отдельных этнических групп. Принцип равенства наций, закрепленный в сталинской конституции 1936 г. ничего не значил. В уже упомянутом нами приказе Новосибирского облвоенкомата (от 2 октября 1941 г.) предписывалось без каких-либо ограничений на укомплектование запасных стрелковых, кавалерийских и других частей Красной армии «отобрать призывников следующих национальностей — русских, украинцев, белорусов, казанских татар, мордву, евреев, армян, грузин и азербайджанцев, владеющих русским языком. Призывников всех остальных национальностей использовать на пополнение строительных частей и формирование рабочих колонн». Немцев, румын, финнов, болгар, греков, турок, японцев, корейцев, китайцев, венгров, австрийцев и иранцев было запрещено призывать даже в военно-строительные части. Их предписывалось направлять исключительно в рабочие колонны. Кроме того, долгое время не призывали поляков, чехов, эстонцев, латышей и литовцев[2].

В приказе Новосибирского облвоенкома от 24 декабря 1942 г. о призыве в декабре 1942 г. — в январе 1943 г. граждан 1925 г. рождения (со ссылкой на постановление ГКО от 20 декабря 1942 г. и приказ народного комиссара обороны № 0974 от 21 декабря 1942 г.) запрещалось «до особых указаний» призывать выходцев из Чечено-Ингушской, Кабардино-Балкарской, Дагестанской АССР. Немцев, румын, венгров, итальянцев, финнов, как и прежде, предписывалось использовать только по спецнарядам. Это значит, что их направляли

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 633а. Л. 62.
[2] Там же.

исключительно в рабочие колонны НКВД. Болгар, корейцев, турок, китайцев необходимо было направлять в рабочие колонны промышленных наркоматов. Вместе с тем, приказ содержал и оговорку, пробивавшую первую брешь в плотине национальных признаков — если родители призывников указанных национальностей были заняты на партийной работе, а также самих призывников, находящихся на этой работе, предписывалось после индивидуального отбора использовать в Красной армии, «не допуская их огульного зачисления в рабочие колонны»[1].

В конце 1943 г. в национальной политике отсева от мобилизации произошли некоторые изменения. В приказе по войскам СибВО № 0497 от 16 октября 1943 г. (с отсылкой на постановление ГКО № 4322 от 13 октября 1943 г.) о призыве граждан 1926 г. рождения предусматривалось освобождение от набора в армию граждан «узбекской, таджикской, туркменской, казахской, киргизской, грузинской, азербайджанской, осетинской, чечено-ингушской, черкесской национальностей». Немцев, румын, венгров, финнов по-прежнему приказывалось направлять в рабочие колонны. Вместе с тем, латышей, литовцев, эстонцев отныне было разрешено направлять на укомплектование запасных национальных частей[2].

Ограничения на призыв в армию представителей отдельных этнических групп не отменялись даже в конце войны, когда страна испытывала предельное перенапряжение людских ресурсов. Так, 31 октября 1944 г. командующий войсками СибВО генерал-лейтенант В. Н. Курдюмов, ссылаясь на постановление ГКО от 25 октября 1944 г. № ГОКО 6784/СС и директиву Главупраформа РККА от 27 октября 1944 г. № М/1/1600, приказал призвать в Красную армию мужчин 1927 г. рождения. Согласно приказу, от призыва (до особого распоряжения) освобождались поляки, чехи, словаки, польские евреи. Категорически запрещалось направлять в армию представителей репрессированных народов — крымских татар, калмыков, чеченцев, ингушей, а также карачаевцев и балкарцев. Солдаты, сержанты и офицеры этих национальностей, ранее призванные в Красную армию, в спешном порядке увольнялись из армии и направлялись в тыл, на спецпоселение. Как и прежде не подлежали призыву немцы, венгры, финны, австрийцы, румыны, болгары, корейцы, турки, греки[3]. От воинской мобилизации были освобождены также,

---

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 672. Л. 153.

[2] Там же. Д. 674. Л. 24–24 об.

[3] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3913. Л. 111.

как гласил приказ командующего войсками СибВО от 31 октября 1944 г., «призывники местных национальностей Грузинской, Азербайджанской, Армянской, Туркменской, Таджикской, Узбекской, Казахской, Киргизской Союзных Республик, Дагестанской, Кабардинской, Северо-Осетинской Автономных Социалистических Республик, Адыгейской и Черкесской Автономных областей, независимо от того, где будут проживать эти призывники к моменту призыва»[1].

Ближе к концу войны появились и некоторые новые мотивы при отсеве по ПМС. Они диктовались изменившейся обстановкой, главным образом освобождением советской территории от оккупантов. В упомянутом выше приказе по войскам СибВО от 31 октября 1944 г. категорически запрещалось направлять в танковые войска и части самоходной артиллерии, в части и школы ВВС и в войска НКВД граждан, ранее проживавших на оккупированных территориях. Они направлялись исключительно в пехоту или рабочие колонны. Всем военнообязанным, не подлежащим призыву, выдавались приписные свидетельства, в которых ставилась отметка, превращающая их в людей второго сорта: «Призыву в Красную Армию не подлежит»[2].

Политико-моральные соображения держали в напряжении не только рядовых тыловиков, но и закаленных в боях фронтовых офицеров. Герой Советского Союза, Е. П. Мариинский, вспоминает, как, будучи боевым летчиком, отличившимся в жестоких воздушных схватках, он опасался изгнания из Красной армии из-за отца, который был репрессирован в 1937 г. При поступлении в военное училище Е. П. Мариинский скрыл этот факт. Друг Е. П. Мариинского, военный летчик В. Королев советовал: «Ты и сейчас так скажи: отец умер. Докопаются, что отец репрессирован, и вообще из полка и авиации вылетишь. Ты ж знаешь — “Смерш” пронюхает и скажет: “Что ему стоит перелететь к немцам”»[3].

Собственно, режим политотсева от призыва в Красную армию был установлен сразу же, после принятия 1 сентября 1939 г. Закона о всеобщей воинской обязанности. В Новосибирской области, когда в 1939 г. начался призыв граждан 1918–1919 г. рождения, по ПМС было отклонено 1064 человека, что составило почти 2 % от общего числа призывников[4]. При этом в отдельных районах области, где

---

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 8. Д. 597. Л. 149.

[2] Там же. Л. 152.

[3] Мариинский Е. П. Я дрался на «Аэрокобре». М., 2005. С. 121.

[4] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 3. Д. 404. Л. 1.

компактно проживали спецпереселенцы, удельный вес отсева по ПМС был ещё выше. В Кузнецком районе на основании ПМС не было призвано 10 % резервистов, в Кузедеевском и Тайгинском районах свыше 11, в Тегульдетском — свыше 14 %[1].

В начальный период Великой Отечественной войны, когда страх властей перед активизацией мифической пятой колонны достиг масштабов «политической шизофрении» политотсев был особенно значителен. Как следует из доклада начальника 2-й части Новосибирского облвоенкомата майора Бурдилова (октябрь 1941 г.), только при призыве в воздушно-десантные части из общего числа призывников под топор ПМС попали сразу 89 человек. Военнообязанный Цирюльников был отсеян за то, что его отец и дядя были раскулачены и сосланы в Нарым. М. Н. Кузьмин, А. Н. Ломакин, Л. Ф. Кологин оказались близкими родственниками арестованных органами НКВД. У призывников П. Ф. Юрьева, Ф. Д. Чурилова, И. Н. Николаева, И. Б. Циганского, А. И Сусментьева, А. И. Яковлева, Сметанина, Рычеева, Столярова и других были арестованы отцы[2]. «Несмотря на четкие указания в части политической проверки, — возмущался майор Бурдилов, — при отборе призывников… все же ряд городов и районов отнеслись к этому важнейшему делу формально, направили призывников, у которых родители и ближайшие родственники арестованы органами НКВД, суждены (*так в источнике – В. И.*), лишены избирательных прав и сосланы»[3]. Поздней осенью 1941 г., в ходе укомплектования стрелковых бригад № 4360 в Новосибирске и № 4510 в Кемерово, из 30 призывников, прибывших из Каргатского района, половина была возвращена по домам как не прошедшие мандатную комиссию по ПМС. Из 19 человек, прибывших из Чулымского района, были отсеяны 10 человек. В Томске для прохождения службы в стрелковых бригадах было отобрано 126 человек, из них 23 человека были отсеяны, в их числе 9 бывших заключенных и 1 поляк[4].

При призыве в Омской области осенью 1942 г. граждан 1924 г. рождения по ПМС было отсеяно 308 человек, в том числе по национальным признакам — 164 человека. Кроме того, мандатные комиссии военкоматов отсеяли 48 уроженцев Западной Украины и Белоруссии[5]. В Новосибирской области при призыве граждан 1924 г. рождения

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 3. Д. 404. Л. 2.
[2] Там же. Оп. 5. Д. 683. Л. 241.
[3] Там же. Л. 244.
[4] Там же. Оп. 6. Д. 641. Л. 128.
[5] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3437. Л. 4.

на основании ПМС в зачислении в Действующую армию было отказано 1661 человеку. По национальным признакам было отсеяно 338 человек. Помимо этого, не было призвано 162 уроженца Западной Украины и Западной Белоруссии[1]. Новосибирский облвоенком, старший батальонный комиссар Н. Г. Шемякин и начальник 2-й части, интендант 2 ранга Шаровьев в докладной записке, направленной в сентябре 1942 г. в обком констатировали, что отсеянные по ПМС юноши 1924 г. рождения «в своем большинстве представляют детей, репрессированных органами НКВД родителей»[2].

Из Татарского района 31 августа 1942 г. заведующий военным отделом райкома сообщал, что из 564 человек, подлежащих призыву, по ПМС отсеяно 9 человек, по национальному признаку — 8 человек[3]. В Томском районе, из 620 человек было «вычищено» по ПМС и национальным признакам 53 человека (почти 9 %)[4]. В отдельных сельских районах Западной Сибири, где концентрировались спецпереселенцы, удельный вес отсеянных по ПМС был еще выше. Так, в Тегульдетском районе из 165 человек военнообязанных 1924 г. рождения на призыв явились 164 человека, что само по себе свидетельствовало о желании молодых людей отправиться на фронт. Тем не менее, 81 человек (почти половина) были отсеяны по ПМС как дети трудпоселенцев. В итоге наряд Главупраформа остался невыполненным[5].

При призыве граждан 1925 г. рождения (январь — июль 1943 г.), в Омской области по национальным признакам было отсеяно 264 человека. Это были немцы, австрийцы, венгры, финны, болгары, китайцы, корейцы, греки. За рамками призыва оказались также поляки, чехи, эстонцы, латыши и литовцы. По ПМС не были призваны 86 человек, в том числе уроженцы западных областей — 2 человека; имевшие родственников, репрессированных НКВД — 74 человека; родственников за границей — 9 человек; спецпереселенцев — 1 человек[6]. Всего по Омской области, за три года войны по национальным признакам было отбраковано 2389 призывников[7].

По ПМС отсеивали не только на этапе призыва, но даже после зачисления граждан в списки воинских подразделений. Секретарь

---

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 6. Л. 339 об.

[2] Там же. Д. 633а. Л. 12.

[3] Там же. Д. 641. Л. 24 об.

[4] Там же. Д. 633а. Л. 15.

[5] Там же. Л. 104–104 об.

[6] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3747. Л. 126–127.

[7] Там же. Д. 3913. Л. 20.

Новосибирского обкома И. А. Волков в циркулярном письме, направленном 10 декабря 1941 г. всем секретарям райкомов и горкомов области писал: «Проверка сформированных в последнее время стрелковых и лыжных бригад показала, что многие райвоенкомы при выполнении нарядов по отбору людей в Красную Армию стали допускать серьезные ошибки. Главная ошибка состоит в том, что ослаблено внимание к проверке политической благонадежности призываемых в ряды РККА… Командование СибВО вынуждено отчислять из частей большое количество лиц по мотивам политической неблагонадежности. Политическая беспечность приводит к засорению частей недостойными элементами»[1]. В декабре 1941 г. из 23-й лыжной бригады по ПМС было «вычищено» 536 человек. Из 43-й лыжной бригады было отчислено 2731 человек, частично по состоянию здоровья, но главным образом по ПМС и национальным признакам. Среди отчисленных преобладали поляки, чехи, эстонцы, бывшие колчаковцы, бывшие участники антибольшевистских восстаний, а также те, кто имел родственников за границей[2].

По политико-моральному состоянию из армии «вычищались» даже граждане, изъявившие желание пойти на фронт добровольцами. Летом и осенью 1942 г. в Сибири развернулось формирование Сталинской стрелковой дивизии добровольцев — сибиряков. В Тайгинском районе к 25 августа 1942 г. для зачисления в дивизию было подано 140 заявлений. Но 15 добровольцев были отсеяны по ПМС[3]. В Убинском районе в зачислении в дивизию по ПМС было отказано 3 добровольцам[4]. В Асиновском районе из 29 заявлений по мотивам ПМС не было удовлетворено 2, так как эти добровольцы когда-то служили в армии Колчака[5]. Ленинск-Кузнецкий райвоенкомат из 127 добровольцев отклонил от зачисления в дивизию по ПМС 35 человек[6]. Гурьевский райвоенкомат из 449 добровольцев, подавших заявления, «вычистил» по ПМС 11 человек, в том числе одного члена партии[7]. Новосибирской обком ВЛКСМ, рассмотрев 9 ноября 1942 г. вопрос «Об отборе добровольцев-комсомолок и некомсомолок в женскую добровольческую стрелковую бригаду» принял решение: «Запрещается мобилизация женщин национальностей

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 665. Л. 4–5.
[2] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3069. Л. 49–50.
[3] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 632а. Л. 14.
[4] Там же. Л. 35.
[5] Там же. Л. 37.
[6] Там же. Л. 74.
[7] Там же. Д. 632. Л. 44.

воюющих с нами стран, уроженок Западной Украины, Западной Белоруссии, женщин, бывших на оккупированных территориях»[1].

На фоне столь расточительного отношения к людским ресурсам, военкоматы все чаще сталкивались с проблемой нехватки призывников. В этой связи военные стремились переломить «тупое упрямство» партийных ортодоксов. В частности, 1 августа 1942 г. увидел свет приказ по войскам СибВО № 0415 «О призыве в Красную Армию граждан 1924 года рождения». Его подписали командующий войсками СибВО генерал-лейтенант Н. В. Медведев, за члена Военного совета — бригадный комиссар Г. Н. Захарычев, за начальника штаба интендант 1 ранга А. И. Быргазов. В тексте приказа подчеркивалось: «При отборе по политико-моральным качествам обращать внимание не на родственные связи, а на политические и деловые качества самих призываемых»[2]. Вне всякого сомнения, эта вполне здравая мысль не могла быть личной инициативой командования СибВО. Слишком велика была политическая ответственность. Для принятия такого рода решений необходим был значительно более высокий властный уровень. Поэтому в приказе СибВО «на всякий случай» имеется соответствующая отсылка к приказу наркома обороны № 0355 1941 г. Тем не менее, очевидно, что среди военных сформировалась группировка прагматично настроенных лидеров, которые трезво оценивали ситуацию с людскими ресурсами.

Первая попытка привлечь к службе в Действующей армии людей с клеймом «ПМС» в личном деле, была обставлена большим количеством оговорок. В частности, в приказе СибВО № 0415 особо подчеркивалось: «На призывников, имеющих репрессированных близких родственников, но по своим деловым и политическим качествам могущих служить в Красной Армии, призывным комиссиям выносить специальное решение, которое за подписью призывной комиссии высылать в войсковые части вместе со списками отправляемых»[3]. Никто из членов призывных комиссий, а тем более, её председатель, которому и пришлось бы первым ставить подпись, не хотел проявлять инициативу и брать на себя ответственность. Сдвинуть с «мертвой точки» проблему не удалось. И это даже несмотря на поддержку отдельных партийных работников на уровне секретарей обкомов. К примеру, 25 апреля 1942 г. секретарь Новосибирского обкома М. В. Кулагин разослал секретарям райкомов,

---

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 633а. Л. 1.

[2] Там же. Л. 46 об.

[3] Там же.

горкомов области и Нарымского окружкома партии письмо, в котором в качестве одного из недостатков в работе военкоматов указывал на большой отсев призывников по ПМС. «В ряде городов и районов среди непризванного в армию контингента, — говорилось в письме, — числиться много лиц, отсеянных по политико-моральным причинам. Во многих случаях данный отсев произведен формально, по мотивам «отец судился», «брат репрессирован», «дважды судился»[1].

Наличие в тылу большого количества людей, которых не призывали по ПМС, вызывало раздражение у простых граждан, чьи родственники находились на фронте, ежечасно рисковали жизнью, а нередко и погибали. Начальник Отдела трудовых и специальных поселений ГУЛАГа К. И Жилов в докладной записке от 16 марта 1942 г. на имя начальника ГУЛАГа НКВД СССР В. Г. Наседкина констатировал: «Все трудпоселенцы оказались как бы забронированными от мобилизации. У окружающего трудпоселки колхозного населения, да и не только у него, возникают в связи с этим нездоровые настроения, особенно в период проведения мобилизации»[2].

Однако все попытки военкоматов направлять в армию граждан с клеймом «ПМС» на начальном этапе Великой Отечественной войны сурово пресекались. Военные и партийные власти, представители НКВД и НКГБ в вопросе о воинской мобилизации «неблагонадежных» элементов категорически расходились во мнениях, что служило еще одним источником конфронтации. Так, заведующий Военным отделом Омского обкома Григорьев 10 марта 1942 г. в справке «О грубейших нарушениях в мобилизационной работе Тарского райвоенкома Волгина» доносил: «При проведении мобилизации райвоенком Волгин допустил грубейшие ошибки, искривления и притупление политической бдительности, направив в Красную Армию более 20 человек враждебных элементов — бывших офицеров колчаковской армии, лиц, административно-ссыльных, сыновей попов, кулаков, подлежащих аресту за контрреволюционную деятельность»[3]. Омский облвоенком подполковник Малов 10 апреля 1944 г. докладывал начальнику штаба СибВО, что перерегистрация, проведенная в феврале-марте 1944 г. выявила 600 человек, отсеянных по политико-моральным соображениям. Но было разрешено из этого числа мобилизовать только

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 637а. Л. 86.

[2] Цит. по: Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР. С. 101.

[3] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3442. Л. 107.

35 военнообязанных. «В отношении остальных, — писал Малов, — имеется категорический отвод органов НКГБ»[1].

В сущности, развернувшаяся борьба отражала не просто конфликт между военными и партийными работниками, ортодоксами и прагматиками. Проблема лежала значительно глубже. Это была принципиальная схватка между теми, кто по-прежнему рассматривал Красную армию как инструмент классовой борьбы и теми, кто считал армию силой, создаваемой для защиты Отечества от внешнего врага.

Отдельные нечестные граждане, цинично используя трепетное отношение властей к «идеологической чистоте» Красной армии, чтобы избежать отправки на фронт, давали о себе ложные сведения. Командующий войсками СибВО генерал-лейтенант Н. В. Медведев и член Военного совета СибВО, бригадный комиссар Н. Н. Кузьмин 6 декабря 1941 г. разослали военкомам округа и секретарям крайкомов и обкомов письмо, в котором подчеркивалось: «Стремясь избежать отправки на фронт, отдельные элементы, дают о себе ложные сведения, чтобы уволиться в запас или направиться в стройбат. Необходимо организовать проверку всех, отчисленных по политико-моральным соображениям, привлечь к ответственности всех уклоняющихся от службы в Красной Армии»[2]. Уклонисты заявляли о наличии родственников за границей, так как проверить эту информацию было очень сложно или же пытались приписать себе и родителям «нелояльную» национальность. Так, призывник из Пихтовского района Новосибирской области некий К. по прибытии в январе 1943 г. в Асиновскую школу снайперов сообщил, что его отец поляк, а мать немка, а сам он поляк. На этом основании К. был исключен из школы снайперов и отправлен домой. Следствие показало, что К. по национальности белорус, и родители его белорусы. На этом основании К. был отдан под суд[3].

К середине 1942 г. людские ресурсы тыловых районов страны столь резко сократились, что сторонникам политико-моральной «чистоты» Красной армии пришлось волей-неволей поступиться некоторыми принципами. В частности, прагматично настроенным военным удалось добиться отправки во фронтовые подразделения бойцов рабочих колонн. На фронт из рабочих колонн стали направлять не только незнакомых с русским языком казахов, киргизов,

---

[1] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3912. Л. 73.
[2] Там же. Д. 3069. Л. 50.
[3] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 672. Л. 148.

узбеков, таджиков и туркмен, но бывших кулаков и подкулачников. Только в июле 1942 г. почти 50 тыс. бойцов рабочих колонн по постановлению ГКО убыли в действующую армию. Даже из рабочих колонн НКВД на фронт было решено отправить 4,2 тыс. человек[1]. Однако для многомиллионной Красной армии пополнение даже из 50 тыс. бойцов рабочих колонн было «каплей в море».

Причиной столь ограниченного использования бойцов рабочих колонн в Действующей армии, был, несомненно, по-прежнему строгий политический отбор. Так, в Кемерово с 20 июля по 10 августа 1942 г. в рабочих колоннах № 2, 3, 5 и 6 работала специальная проверочная комиссия, в состав которой входили: комиссары рабочих колонн, представитель городского отдела НКВД и представитель Кемеровского горкома. Целью проверочной комиссии был отбор людей для Действующей армии. Из 3330 подвергнутых проверке бойцов, комиссия забраковала, как недостойных защищать Родину, свыше 27 %. Основными мотивами отсева стала судимость по статьям 58, 162, 165 УК РСФСР. Отсеивались все ранее судимые по 59 статье, приговоренные к расстрелу с заменой на 10 лет лишения свободы, а также те, кто имел родственников, участников троцкистско-зиновьевского блока[2].

В 1942 г. был несколько ослаблен пресс национальных признаков, особенно после создания национальных воинских частей. Отныне литовцы направлялись в 16-ю Литовскую стрелковую дивизию, латыши в Латышский корпус, эстонцы — в Эстонский корпус. Только из Новосибирской области 17 февраля 1942 г. в национальные части было отправлено 127 литовцев, 164 эстонца, 113 латышей[3]. Однако и в этом случае партийные ортодоксы настояли на выполнении обязательного условия: мобилизованные не должны были иметь родственников, репрессированных органами НКВД.

Тогда же на территории Советского Союза развернулось формирование иностранных воинских частей. В феврале 1942 г. в городе Бузулук был создан отдельный чехословацкий батальон. Из Новосибирской области в батальон было направлено 58 чехов[4]. В мае 1943 г. в Селецких лагерях под Рязанью было начато формирование 1-й польской пехотной дивизии им. Т. Костюшко. Постановлением ГКО № 3294 от 6 мая 1943 г. и № 3906 от 10 августа 1943 г. военкоматы

---

[1] Горьков Ю. А. Государственный Комитет Обороны постановляет. С. 519–520.
[2] ГАКО. Ф. П-15. Оп. 8. Д. 31. Л. 57.
[3] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 641. Л. 63.
[4] Там же.

Западной Сибири, которая до начала Великой Отечественной войны была превращена в центр польской ссылки, приступили к призыву бывших польских граждан в возрасте от 18 до 45 лет включительно. Поляки от 18 до 40 лет, имевшие высшее и среднее образование направлялись для укомплектования офицерской школы польских воинских частей. Женщин-полячек в возрасте от 18 до 30 лет призывали для укомплектования женского пехотного батальона[1]. Все поляки подлежали призыву независимо от места работы. Многие из них, а возможно большинство, пришли в Польскую армию из рабочих колонн, в том числе и из спецколонн НКВД[2]. Вместе с тем, в приказах на призыв поляков содержалось обязательное для исполнения требование — отсеять враждебные элементы, для чего военкоматам рекомендовалось поддерживать для этого тесную связь с местным органами НКВД. По непонятным для нас причинам, в Польскую армию не зачислялись евреи польского происхождения[3].

Критическая нехватка людских ресурсов вынуждала военные и партийные власти быть более гибкими. В конце 1943 г. прагматики заняли более твердую, хотя и осмотрительную позицию в борьбе за сокращение отсева по национальным и политическим признакам. В справке «Об итогах призыва на действительную военную службу граждан рождения 1926 г. по Новосибирской области», составленной в конце 1943 г. начальником 2-й части Новосибирского облвоенкомата, майором Шаровьевым очень осторожно, со многими оговорками, но все же отмечались факты «неправильного зачисления в отсев по национальным признакам». В справке указывалось также, что некоторые военкоматы в отсев по ПМС неправомерно зачисляли призывников, у которых родственники (отцы и братья) репрессированы органами НКВД. «Этот факт говорит за то, — писал Шаровьев, — что состав призывных комиссий при зачислении призывников в политотсев допустил явную перестраховку»[4]. В Новосибирской области в 1943 г. военные власти решились призвать на фронт почти 6 тыс. военнообязанных с клеймом «ПМС»[5].

Красная армия, после разгрома немцев под Сталинградом и Курского сражения перешедшая в стратегическое наступление, по-прежнему несла очень большие потери. В 1943–1944 гг. они составили 10,6 млн человек, из них свыше 4 млн человек было потеряно

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 672. Л. 49.
[2] Там же. Л. 140.
[3] Там же. Л. 49, 141.
[4] Там же. Оп. 7. Д. 674. Л. 5, 6, 10.
[5] Там же. Д. 40. Л. 34.

безвозвратно[1]. Война требовала все больше живой силы. В этой связи, с 1 по 12 сентября 1944 г. в Сибири была проведена самая крупная за все годы войны массовая отправка маршевых рот и команд в действующую армию. Запасные бригады СибВО обезлюдели. Теперь необходимо было новое комплектование запасных бригад переменным составом исключительно за счет внутренних ресурсов региона. Но его людские резервы были предельно истощены.

В Алтайском крае уже к октябрю 1942 г. было мобилизовано 279 508 человек из них 250 400 рядовых, 9215 человек начсостава и 19 893 младших командира. Было призвано также 66 053 призывника 1922, 1923 и 1924 г. рождения. Кроме того, военкоматы края призвали в рабочие колонны 53 913 человек[2]. К 10 июня 1943 г. число отправленных в Действующую армию жителей Алтайского края достигло 459 784 человек[3]. В первом полугодии 1944 г. в Красную армию дополнительно было призвано 20 660 человек, в том числе 155 человек офицерского, 19 928 человек сержантского и рядового состава (с февраля 1943 г., с введением погон, в Красной армии появился сержантский и офицерский состав), 582 женщины. За период с 1 июля по 1 октября 1944 г. в Красную армию было направлено 11 264 человека, из них 108 офицеров, 9110 сержантов[4]. Таким образом, за 3 года и 4 месяца Великой Отечественной войны Алтайский край отдал фронту почти 500 тыс. человек. Алтайский край, таким образом, к концу 1944 г. передал Красной армии практически всех мужчин призывного возраста.

В Новосибирской области за период с 22 июня 1941 г. по 1 октября 1942 г. было мобилизовано 15 815 человек начсостава, 44 829 человек младшего начсостава, 373 817 человек рядовых. Кроме того, в порядке очередных и досрочных призывов в Красную армию ушли 56 555 юношей 1922 г. рождения, 31 183 юношей 1923 г. рождения, 38 228 юношей 1924 г. рождения. На комплектование военных училищ область выделила 28 301 человека. Таким образом, в Красной армии к 1 октября 1942 г. служили 558 758 жителей области, что составляло свыше 75 % от числа мужчин призывного возраста 18–45 лет[5].

Заведующий Военным отделом Ленинск-Кузнецкого горкома Н. Андреев 3 сентября 1942 г. докладывал в Военный отдел Новосибирского обкома, что «свободных ресурсов до 50 лет годных

[1] Гриф секретности снят. С. 143.
[2] ЦХАФАК. Ф. 1. Оп. 18. Д. 152. Л. 76.
[3] Там же. Д. 286. Л. 22.
[4] Там же. Д. 614. Л. 1.
[5] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 6. Л. 397–397 об.

к строевой 447 чел., не строевой — 787 чел.»[1]. В Кемерово, согласно донесению начальника горвоенкомата, подполковника Бакланова и начальника 1-й части горвоенкомата, старшего лейтенанта административной службы Зозули, к 28 июня 1943 г. свободных ресурсов осталось 972 человека[2].

Но особенно сложной была ситуация в сельской местности Новосибирской области. В качестве примера истощения людских ресурсов, приведем телеграмму в обком, отправленную 7 июля 1943 г. секретарем Венгеровского райкома Силенюком. Он телеграфировал: «На протяжении двух лет войны райвоенкомат прикладывает усилия выполнению нарядов облвоенкомата и облисполкома посылки людей как в армию так заводы большим напряжением мы выполнили наряды облвоенкомата забрав в колхозах председателей колхозов и даже последних кузнецов плотников и других людей требуемых ресурсов в районе нет отправить же последних кузнецов плотников председателей колхозов заведующих ферм не возможно дальнейшем прошу учесть напряженное положение людьми районе»[3].

Тем не менее, Генеральный штаб и Главупраформ потребовали в первом полугодии 1943 г. призвать дополнительно в Новосибирской области 86 081 человека[4]. Выполняя мобилизационные задания, военкоматы области с 1 января по 1 июля 1943 г. призвали 4054 человека младшего начсостава, 41 427 человек рядового состава и 37 181 человек призывников 1922–1925 г. рождения. Кроме того, за этот же период было призвано и направлено в войска 343 человека старшего начсостава[5]. Всего, следовательно, в первом полугодии 1943 г. для Красной Армии было мобилизовано 83 005 человек. Таким образом, наряды были в основном выполнены, за исключением набора в военные училища.

Дополнительно, для укомплектования специальных частей в армию были призваны «особо проверенные» коммунисты и комсомольцы: для пополнения Сталинской дивизии добровольцев-сибиряков — 1335 человек, для 4-го гвардейского минометного полка — 120 человек, для укомплектования новосибирского батальона добровольцев-сибиряков — 300 человек, в Сталинский гвардейский корпус добровольцев — 546 человек[6].

---

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 633а. Л. 95–75 об.
[2] ГАКО. Ф. П-15. Оп. 8. Д. 50. Л. 22.
[3] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 672. Л. 65–66.
[4] Там же. Д. 640. Л. 2 об.
[5] Там же.
[6] Там же. Л. 3.

*Таблица 3.1.2**

Людские ресурсы Новосибирской области на 1 июля 1943 г.**
(Число лиц, стоящих, на воинском учете)

Категория учета	Человек
1. Военнообязанные общего учета В том числе:	11 205
а) строевые	487
б) нестроевые	7446
в) годные к физическому труду	707
г) получившие отсрочки по болезни	873
д) отсеянные по ПМС	1692
2. Военнообязанные специального учета (забронированные)	73 495
3. Военнообязанные, переданные для работы в промышленность	16 170
4. Призывники, 1922–1925 г. рождения, пользующиеся отсрочками как учащиеся и работающие в военной промышленности	9345
5. Военнообязанные — женщины	3540
Всего военнообязанных	113 755
Военнослужащие в отпусках по болезни и ранению	181
Негодные к службе в армии со снятием с учета	34 761
Всего людских ресурсов	148 697

* Источник: ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 640. Л. 9 об.

** По административно-территориальному устройству 1942 г.

Данные *табл. 3.1.2* свидетельствуют, что в результате крупномасштабных изъятий людей, к 1 июля 1943 г. на воинском учете в Новосибирской области осталось 148 697 человек. Однако из этого числа призвать в Действующую армию можно было только 487 человек, годных к строевой службе и 7446 человек, годных к нестроевой. Таким образом, людской потенциал области, казавшийся в начале войны неисчерпаемым, к середине 1943 г. был истощен почти полностью.

Тем не менее, Главупраформ потребовал во втором полугодии 1943 г. призвать дополнительно 57,4 тыс. человек[1]. Путем перенапряжения всех сил, проведя разбронирование, призвав в армию отсеянных по ПМС и национальным признакам, организовав медицинские переосвидетельствования и перерегистрации военнообязанных, направив в Вооруженные силы призывников 1926 г. рождения и женщин, область сумела в основном выполнить мобилизационное задание. За период с 1 июля по 31 декабря 1943 г. в Новосибирской

1 ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 640. Л. 9 об.

области для укомплектования воинских частей и военных училищ было призвано 2676 человек сержантского состава, 33 220 человек рядовых, 18 898 призывников 1922–1926 г. рождения. Кроме того, было мобилизовано и направлено в войска 482 офицера запаса[1]. Мобилизационное задание было недовыполнено всего на 3,7 %. Но сверх того, область выделила людей для укомплектования специальных частей. В гвардейскую Сталинскую дивизию добровольцев-сибиряков было направлено 150 человек, для 4-го минометного полка — 45 человек[2].

Всего в 1943 г. Новосибирская область направила в Красную армию более 142 тыс. человек, в том числе свыше 6 тыс. человек младшего начсостава, почти 71 тыс. рядовых и 53 тыс. призывников 1922–1926 гг. рождения, а также большое число «особо проверенных» добровольцев, коммунистов и комсомольцев для специальных формирований. Таким образом, с начала войны до конца 1943 г. Новосибирская область передала в РККА около 742 тыс. бойцов[3]. Сверх мобзаданий с 1 января по 1 декабря 1943 г. Новосибирская область (без Кемеровской области, но включая Томскую область) дополнительно выделила для Красной армии 47 тыс. человек, а для рабочих колонн — почти 55 тыс. человек[4].

В Омской области к июлю 1944 г. в Красную армию было направлено 476 тыс. человек, из них около 11 тыс. женщин. Сверх того, в рабочие колонны через военкоматы области было передано 95 тыс. человек, в том числе 35 тыс. немцев[5]. Весь запас мужских ресурсов области в середине 1944 г. определялся мизерной цифрой — 118 тыс. человек. Из них нестроевых и годных к физическому труду насчитывалось 12 тыс. человек, военнообязанных, получивших отсрочку от призыва и красноармейцев-отпускников — 630 человек, отсеянных по ПМС и национальным признакам — 2675 человек, негодных со снятием с военного учета — 44 тыс. человек. Число забронированных за сельским хозяйством составляло 6,8 тыс., за промышленностью — 52 тыс. человек. Кроме того, в области проживало 21 тыс. мужчин, инвалидов войны, из них 287 инвалидов I группы[6].

По сути дела, Западная Сибирь отдала фронту все, что могла. Так, в западносибирской деревне по данным переписи 1939 г.

---

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 640. Л. 37–37 об.
[2] Там же. Л. 38.
[3] Там же. Д. 40. Л. 26–27.
[4] Там же. Оп. 8. Д. 597. Л. 215.
[5] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3913. Л. 22.
[6] Там же. Л. 22, 23, 36.

численность мужчин призывного возраста (18–49 лет) составляла приблизительно 1081 тыс. человек [1]. Единовременная отчетность сельсоветов засвидетельствовала, что к 1 января 1943 г. их осталось всего 304 тыс. [2], а к 1 января 1945 г. — 225 тыс. человек [3]. Многие из этих мужчин были инвалидами войны. Другие не могли быть призваны по состоянию здоровья или имели бронь.

Поскольку в военные годы в состав СибВО территориально включался и Красноярский край было бы правильно кратко остановиться на мобилизациях в этом регионе (географически он входит в состав Восточной Сибири). В 1941 г. Край выделил для Красной армии 158 257 человек, в 1942 г. — 23 856 человек[4]. Сверх нарядов Главупраформа в Красноярске в июне 1942 г. была сформирована добровольческая стрелковая бригада сибиряков-сталинцев численностью 5000 человек[5]. Бригада в течение всей войны пополнялась людьми и техникой. Так, в 1942 г. В бригаду для компенсации боевых и небоевых потерь было направлено 1000 человек [6]. В 1943 г. Край отправил в вооруженные силы 52 942 военнообязанных запаса[7]. Мобилизационный ресурс огромного по территории, но малонаселенного Красноярского края был исчерпан. Из Красноярского крайкома ВКП(б) в Управление кадров ЦК ВКП(б) сигнализировали: «Выполнение нарядов по мобилизации людских ресурсов для войсковых частей и промышленности в I полугодии 1944 г. В основном происходило за счет систематического переосвидетельствования раненых и больных, лиц, находящихся в отпусках по болезни, правильности бронирования и замены строевых нестроевыми» [8]. Но фронтовые части требовали пополнений. И в течение девяти месяцев 1944 г. (с 1 января по 1 ноября) в армию было дополнительно направлено 20 994 красноярца. Помимо этого край отдал фронту 80 918 юношей-призывников 1923–1927 гг. рождения. Эвакогоспитали Красноярского края направили в Красную армию 34 043 излечившихся бойцов и офицеров[9].

Ситуация с людскими ресурсами в Красноярском крае день ото дня становилась все напряженней. В конце 1944 г. В управление

---

[1] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 266. Л. 3; Д. 311. Л. 3; Д. 313. Л. 3.

[2] Там же. Оп. 329. Д. 1009. Л. 51.

[3] ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 332. Л. 24, 39, 40, 57, 59.

[4] ГАКК. Ф. П-26. Оп. 13. Д. 515. Л. 50.

[5] Там же.

[6] Там же.

[7] Там же.

[8] Там же. Л. 12.

[9] Там же. Л. 50.

кадров ЦК ВКП(б) ушел доклад о работе Военного отдела Красноярского крайкома ВКП(б) за второе полугодие 1944 г. В ней говорилось: «Выполнение нарядов по мобилизации людских ресурсов для воинских частей и промышленности, как и в первом полугодии, в основном происходило за счет систематического переосвидетельствования инвалидов Отечественной войны, лиц, находящихся в отпусках по болезни, пересмотра правильности бронирования и замены военнообязанных, строевых нестроевыми»[1].

Людской потенциал Сибири к концу войны был ослаблен настолько, что свободных ресурсов, годных к службе в армии, по существу, не осталось. Теперь людские ресурсы приходилось **выявлять** в ходе особых мероприятий. Так, заведующий Военным отделом Черлакского райкома Поскальный 16 января 1945 г. докладывал в Военный отдел Омского обкома: «Выявление ресурсов проводилось в основном за счет переосвидетельствования не строевого контингента военнообязанных и снятия с военного учета, за счет выполнения приказа НКО № 064 (борьба с дезертирами и уклоняющимися от воинской обязанности) и за счет незначительного количества разбронирования»[2].

Учитывая истощенность призывного контингента, Военный совет СибВО 9 сентября 1944 г. принял решение пересмотреть в специальных комиссиях дела военнообязанных, не допущенных к военной службе по ПМС, а всех, кого только можно, немедленно призвать и направить в войска[3]. Собственно, пересмотр дел граждан, отсеянных от призыва в Действующую армию по ПМС, начался еще весной 1944 г. Так, в Новосибирской области с целью выполнения мобилизационного наряда, в период с 26 марта по 1 мая 1944 г. было пересмотрено 11 879 дел «политически неблагонадежных» граждан. Из них 5297 человек были направлены на фронт как годные к строевой службе, а 616 человек были призваны как годные к нестроевой[4]. Таким образом, решение Военного совета СибВО от 9 сентября 1944 г. лишь подтвердило то, что уже проводилось на практике.

Осенью 1944 г., (с 15 по 30 ноября) в СССР развернулся очередной воинский призыв. В Красную армию направлялись юноши 1927 г. рождения. (Призывники 1928 г. рождения в конце 1944 — в начале 1945 гг. прошли процедуру приписки к призывным участкам, но осенью 1945 г. в армию не призывались). В Новосибирской

---

[1] ГАКК. Ф. П-26. Оп. 15. Д. 1. Л. 45–46.
[2] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 4384. Л. 64.
[3] ЦХАФАК. Ф. 1. Оп. 18. Д. 617. Л. 61.
[4] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 640. Л. 9.

области из числа 15 887 призывников 1927 г. рождения, явившихся на призывные участки по ПМС было отсеяно всего 18 человек. Это составило всего 0,1 % к их общему числу. Из этого количества один призывник проживал ранее на оккупированной территории, а у 17 молодых людей, как указывалось в отчете облвоенкомата «О призыве граждан 1927 г. рождения», «родители были изъяты органами НКВД»[1]. Как видим, военным прагматикам все же пришлось сделать уступку ревнителям чистоты армейских рядов, но она была минимальна.

В Омской области призыв юношей 1927 г. рождения дал Красной армии свыше 10 тыс. человек годных к строевой службе. Еще 278 молодых людей были признаны годными к нестроевой службе, а 44 человека — годными к физическому труду[2]. Вместе с тем, при призыве граждан 1927 г. рождения, медицинским комиссиям военкоматов пришлось исключить с воинского учета 246 человек как полностью негодных по состоянию здоровья. Кроме того, 241 человек получил отсрочки от призыва по болезни. Помимо этого, 1141 призывник не попал в РККА из-за физического недоразвития. По ПМС в Омской области было отсеяно всего 10 призывников 1927 г. рождения[3]. В итоге, наряд Наркомата обороны в 1944 г. по области был выполнен всего на 89,4 %[4].

*Таблица 3.1.3**

Удельный вес отсеянных от призыва в РККА по ПМС и национальным признакам в Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны (% к числу призывников, явившихся в призывные комиссии)**

Год рождения призывников	Год основного призыва	Удельный вес в %
1922	1941	17,8
1923	1941	13,6
1924	1942	5,4
1925	1942	1,8
1926	1943	0,7
1927	1944	0,1

* Источник: ГАНО. Ф. П-4. Оп. 8. Д. 601. Л. 156.

** По административно-территориальному устройству соответствующих лет.

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 8. Д. 601. Л. 1, 3.

[2] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 4383. Л. 5.

[3] Там же. Л. 6.

[4] Там же.

Война и объективная ситуация, вызванная нехваткой людских ресурсов, принуждала ортодоксов к отступлению. Прагматики выигрывали одну позицию за другой, что демонстрируют цифровые материалы, сосредоточенные в *табл. 3.1.3*. Красная армия, сменившая в 1943 г. форму одежды, а после войны переименованная в Советскую армию, из орудия классовой борьбы бесповоротно превращалась в защитницу национальных интересов страны.

В качестве источника комплектования фронтовых подразделений Красной армии рассматривались бойцы, находившиеся на излечении в госпиталях, а также те мужчины, которые получили отсрочки от службы по состоянию здоровья. В военные годы советские врачи добились очень высокого «выхода в строй» раненых. В целом за войну из общего числа раненых, поступивших в военно-медицинские учреждения СССР, свыше 70 % были возвращены в строй[1]. Только к 1 сентября 1942 г. в Действующую армию было возвращено 3,2 млн выздоровевших раненых[2].

Однако в течение первого года Великой Отечественной войны удельный вес военнослужащих, комиссованных по состоянию здоровья, был очень велик. Он достигал 30 %[3]. Особенно большой удельный вес комиссованных из Красной армии военнослужащих был характерен для эвакогоспиталей глубокого тыла, в частности для Сибири. В эвакогоспиталях Новосибирской области, за период с 30 июня по 31 декабря 1941 г., из числа прошедших лечение красноармейцев и командиров, в воинские части было направлено 68 %, в батальоны для выздоравливающих — 8,7 %. С ограниченной годностью из госпиталей области было выписано 3,4 % раненых и больных. Краткосрочный отпуск получили 5,2 % военнослужащих, а 14,1 % были комиссованы и уволены из рядов РККА[4]. В кемеровском госпитале № 1230 в течение первых 10 месяцев войны в воинские части было выписано всего 60 % бойцов и командиров, а 10 % пришлось полностью снять с воинского учета[5]. Из числа бойцов и командиров, прошедших лечение в эвакогоспиталях ВЦСПС, расположенных на территории Западной Сибири, в течение 5 месяцев (январь — май) 1943 г., в воинские части было возвращено только

---

[1] В. А. Медик, Н. М. Пильник, В. К. Юрьев. Санитарные потери в войнах XX века. М., 2002. С. 94.

[2] Михалев С. Н. Людские потери в Великой Отечественной войне. С. 102.

[3] ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 5. Д. 219. Л. 3.

[4] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 627. Л. 6.

[5] ГАКО. Ф. П-15. Оп. 8. Д. 31. Л. 36.

42 %, уволено в запас — 17 %, а свыше 13 % были уволены как полностью непригодные к военной службе со снятием с учета[1].

Причина низкого выхода в строй заключалась в том, что в сибирские эвакогоспитали, как военно-медицинские учреждения глубокого тыла, направлялись, как правило, тяжело раненные воины, требующие длительного лечения. Поскольку сортировка раненых на передовых этапах в течение войны улучшалась, легкораненые, а также те, кто получил ранения средней степени тяжести, оставались во фронтовых госпиталях, или в эвакогоспиталях ближайшего тыла. Соответственно, нарастал удельный вес тяжелораненых, перемещенных в далекую Сибирь. В результате, медикам сибирских эвакогоспиталей в течение войны так и не удалось добиться высокого выхода в строй раненых и больных военнослужащих. Удельный вес выздоровевших раненых, направляемых в воинские части увеличивался очень медленно, несмотря на все усилия медицинских работников. Об этом свидетельствуют материалы по военно-лечебным учреждениям, дислоцировавшимся в Омской области, сосредоточенные в т*абл. 3.1.4*. Они свидетельствуют, что в целом за годы Великой Отечественной войны в строй возвратилось только 29 % раненых и больных военнослужащих.

Помимо тех, кто отчислялся из армии после ранения, через систему госпиталей, значительную часть призывников отсеивали медицинские комиссии на этапе постановки на воинский учет и мобилизации. Как свидетельствуют данные, сосредоточенные в *табл. 3.1.1* удельный вес мужчин, не призванных по состоянию здоровья на начало декабря 1941 г. в Западной Сибири достигал 10 %. Начальник отдела политической пропаганды Алтайского краевого военкомата старший батальонный комиссар Картенев 29 июня 1941 г. докладывал первому секретарю Алтайского крайкома В. Н. Лобкову: «По людскому составу край полностью укомплектовал положенные части, но имеем нездоровое явление — большой процент больных среди военнообязанных»[2]. В ходе военно-мобилизационной кампании 1941 г. в Алтайском крае были аттестованы как полностью непригодные к службе в армии с исключением с воинского учета почти 5 % резервистов[3]. В Новосибирской области при призыве молодежи 1924 г. рождения в 1942 г. негодными со снятием с воинского учета были признаны 1,2 % юношей. Кроме того, 7,9 % призывников

---

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 8. Д. 22. Л. 14.

[2] ЦХАФАК. Ф. 1. Оп. 18. Д. 116. Л. 76.

[3] Там же. Д. 110. Л. 54; Д. 152. Л. 77.

получили отсрочки по болезни[1]. В Омской области при призыве граждан 1924 г. рождения, 1,6 % призывников были сняты с военного учета как негодные к службе, 5,7 % получили отсрочки по болезни, 4,8 % были признаны годными только к нестроевой службе. Таким образом, удельный вес молодых людей, годных к строевой службе составил всего 87,6 %[2]. Власти пожинали плоды своей собственной довоенной политики, повсеместного распространения остаточного принципа финансирования здравоохранения, крайне низкого уровня жизни населения. Люди, пережившие голод, подверженные многочисленным инфекционным, желудочно-кишечным, кожным и гнойничковым заболеваниям, не могли быть здоровыми.

*Таблица 3.1.4**

Возврат раненых и больных военнослужащих в Действующую армию из эвакогоспиталей Омской области в годы Великой Отечественной войны**

Дата	Поступило раненых и больных (человек)	Возвращено в РККА (человек)	Удельный вес бойцов и командиров, возвращенных в РККА, %
1-й год войны (II полугодие 1941 г. I — полугодие 1942 г.)	70 518	16 887	23,9
2-й год войны (II полугодие 1942 г. I — полугодие 1943 г.)	48 505	17 329	35,7
3-й год войны (II полугодие 1943 г. I — полугодие 1944 г.)	27 142	8218	30,3
4-й год войны (II полугодие 1944 г. I — полугодие 1945 г.)	10 062	2928	29,1
Всего за годы войны	156 227	45 362	29,0

* Источник: ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 4387. Л. 64.

** По административно-территориальному устройству 1945 г.

Для того чтобы хоть как-то сократить число непригодных к несению воинской службы по состоянию здоровья, организовывалось принудительное лечение резервистов, а также повторные

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 6. Л. 339 об.

[2] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 4043. Л. 48.

медицинские переосвидетельствования военнообязанных, получивших отсрочку от службы в армии по болезням. Так, летом 1942 г. при проведении медицинского переосвидетельствования ограниченно годных в Омской области было выявлено 1312 человек, которые были признаны годными для несения строевой службы[1]. Но эти меры не приносили ожидаемого эффекта и в конце 1942 г. было решено кардинально изменить сам подход к медицинским противопоказаниям от службы.

Приказом наркома обороны от 24 октября 1942 г. № 336 нормативы военно-врачебной экспертизы были существенно пересмотрены в сторону снижения требований к здоровью бойцов. Приказ № 184, регулировавший призыв в армию и работу медицинских комиссий отменялся. Новый приказ преследовал двоякую цель: с одной стороны — сократить число уволенных из армии по ранению и заболеванию, с другой — уменьшить количество призывников, не попавших в армию по состоянию здоровья. «Основная задача экспертизы у нас, — писал дивврач Н. А. Молодцов, комментируя приказ № 336, — не увольнять, а сохранять кадры... Основной показатель работы санитарной службы — процент возвращенных в армию»[2]. Таким образом, пресловутый «высокий выход в строй» достигался не только вследствие качественной работы медицинских учреждений, но и способами, далекими о медицины. Призывным комиссиям, в соответствии с приказом № 336, было разрешено направлять в армию новобранцев, больных трахомой, кожными заболеваниями, а также с компенсированным туберкулезом, органическими пороками сердца и различного рода функциональными расстройствами. Минимальный рост при призыве был снижен до 145 см., вес — до 42 кг[3].

В развитие приказа № 336, 12 ноября 1943 г. увидел свет приказ наркома обороны № 0882[4]. В приказе подчеркивалось, что существующие ранее положения по определению годности к военной службе были приспособлены к условиям отбора людского контингента в мирное время и не отвечают условиям военных лет. В результате, как указывалось в приказе, физически здоровые люди, имеющие незначительные и легко излечимые заболевания, освобождаются от службы в армии, а ряд военнослужащих зачисляется в группу

---

[1] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3237. Л. 8.

[2] Молодцов Н. А. Задачи военно-врачебной экспертизы // Военно-санитарное дело. 1942. № 3. С. 20.

[3] Там же. С. 23–25.

[4] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 680. Л. 148–151 об.

нестроевых по формальным признакам или вовсе снимаются с воинского учета. Народный комиссар обороны приказал в срок до 15 ноября 1943 г., руководствуясь новым расписанием болезней, объявленных приказам НКО № 336, повторно освидетельствовать всех резервистов в возрасте до 50 лет, получивших отсрочки или вовсе негодных к военной службе, а также всех мужчин, переданных в состав рабочих колонн из-за непригодности к строевой службе. Учет военнообязанных установить с подразделением по физическому состоянию на 3 группы:

– годных к строевой;
– годных к нестроевой;
– годных к физическому труду.

Всех, годных к строевой службе в возрасте до 47 лет предписывалось направить на укомплектование фронтовых подразделений, а в возрасте от 48 до 50 лет — в запасные стрелковые бригады для укомплектования рот тылового обеспечения. Годных к физическому труду зачислить на воинский учет, но использовать исключительно для формирования тыловых учреждений в качестве рабочих на складах, в мастерских, на строительстве и в промышленности, а также в военизированной охране.

Приказом наркома обороны № 0882 предусматривалось также призвать всех военнообязанных до 50 лет включительно, больных грыжей, трахомой, экземой, по физическому состоянию годных к строевой и нестроевой службе. Призванных больных граждан требовалось предварительно направлять в госпитали для принудительного лечения, а в запасных частях бывших больных приказывалось выделять в особые батальоны (роты), размещая и обучая их изолированно. Этим же приказом начальникам госпиталей категорически запрещалось увольнять из Красной армии раненых и больных, негодных к строевой службе, но годных к физическому труду. Этот контингент предписывалось передавать на пересыльные пункты военкоматов для использования по специальным нарядам[1].

Такая постановка вопроса предоставила сотрудникам военкоматов возможность усилить давление на медицинские комиссии. Так, члены проверочной комиссии Новосибирского обкома и облвоенкомата, работавшие весной 1943 г. в Нарымском округе докладывали М. В. Кулагину: «Врачи, работающие в комиссии по переосвидетельствованию, показали недопустимую слабость к отбору людских контингентов, подходя к определению годности с меркой мирного

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 680. Л. 148–151 об.

времени». Члены комиссии утверждали, что врачи, якобы плохо изучив приказ № 336, признают годными к нестроевой службе лиц, которых можно допускать к строевой, например, имеющих незначительные грыжи[1].

Вследствие применения положений приказов № 336 и № 0882, отсев призывников, негодных к воинской службе по состоянию здоровья, резко сократился. Число военнообязанных, годных к службе в армии, к нестроевой службе во вспомогательных подразделениях и к физическому труду в рабочих колоннах, значительно увеличилось. Первое же медицинское переосвидетельствование военнообязанных запаса и призывников, организованное в Кемерово после выхода приказов № 336 и № 0882 выявило из числа 368 человек, ранее полностью снятых с учета, 12 человек годных к строю, 150 человек, годных к нестроевой службе в войсках, 206 человек, годных к физическому труду [2]. Медицинское переосвидетельствование граждан, признанных ранее негодными к службе в армии, проведенное в январе 1943 г. в Омской области, выявило 4 тыс. военнообязанных, годных к службе. Проверочная регистрация военнообязанных в июне 1943 г. обнаружила 2968 человек, годных к строевой службе[3].

Военкоматы Новосибирской области в конце 1942 — в 1943 гг. совместно с Военным отделом обкома организовали повторное медицинское освидетельствование военнообязанных запаса, которые ранее были признаны негодными к службе в армии по состоянию здоровья.

Итак, из числа военнообязанных, признанных ранее годными к нестроевой службе, при повторном медицинском освидетельствовании подтвердили свой статус только 53 %, а свыше 27 % оказались годными к строевой службе. Среди лиц, полностью снятых с воинского учета по состоянию здоровья, при переосвидетельствовании подтвердили статус 67,5 % призывников. Но 4 % были признаны годными к строевой службе, а почти 15 % оказались годными к физическому труду.

Из числа военнослужащих, находившихся в отпусках по ранению и болезням, годными к строевой службе в войсках были признаны почти 13 %. Среди бойцов рабочих колонн годных к строевой службе оказалось почти 60 %.

---

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 680. Л. 148–151 об.
[2] ГАКО. Ф. П-15. Оп. 8. Д. 31. Л. 52.
[3] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3747. Л. 128.

*Таблица 3.1.5**

Результаты медицинского переосвидетельствования, проведенного в Новосибирской области с 20 ноября 1942 г. по 15 января 1943 г. по приказу наркома обороны № 0882**

Категория учета	Человек	Удельный вес, %
1. Переосвидетельствовано резервистов, ранее признанных годными к нестроевой службе	40 253	100,0
Из их числа оказалось: а) годных к строевой	11 027	27,4
б) годных к нестроевой	21 212	52,7
в) годных к физическому труду	4809	11,9
г) вовсе негодных к военной службе	3176	7,9
д) предоставлено отсрочек	29	0,1
2. Переосвидетельствовано резервистов, ранее полностью снятых с воинского учета	65 722	100,0
Из их числа оказалось: а) годных к строевой	2684	4,1
б) годных к нестроевой	8966	13,6
г) годных к физическому труду	9611	14,6
д) вовсе негодных к военной службе	44 389	67,5
г) предоставлено отсрочек	72	0,2
3. Переосвидетельствовано отпускных по болезни:	5523	100,0
Из их числа оказалось: а) годных к строевой	717	12,9
б) годных к нестроевой	947	17,1
в) годных к физическому труду	356	6,4
г) переведено в батальоны выздоравливающих	254	4,6
д) отпуск продлен	1502	27,2
е) снято с воинского учета	1477	41,8
4. Переосвидетельствовано резервистов, переданных в промышленность (рабочие колонны)	54 433	100,0
Из них оказалось: а) годных к строевой	31 366	57,6
б) годных к нестроевой	18 043	33,1
в) годных к физическому труду	4090	7,5
г) вовсе негодных	934	1,8

* Источник: ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 680. Л. 142, 142 об., 143.

** По административно-территориальному устройству 1942 г.

Эти цифры свидетельствуют, с одной стороны, об ослаблении медицинских требований к здоровью военнообязанных после выхода приказов №№ 336 и 0882, а с другой, говорят о значительном количестве симулянтов, которые разными путями сумели «пробить» себе статус непригодных к военной службе, получить отсрочку или вовсе сняться с воинского учета. Главным результатом этого переосвидетельствования стала отправка из Новосибирской области на фронт почти 26 тыс. человек[1].

В марте — апреле 1943 г. в Новосибирской области было проведено еще одно медицинское переосвидетельствование, которое выявило из числа 15 271 нестроевых военнообязанных запаса 3085 человек, годных к строевой службе, из числа 32 894 человек, ранее снятых с учета 1021 человека, годных к строевой, из числа 3032 годных только к физическому труду 170 человек, годных к строевой[2]. По итогам перерегистрации 24 963 военнообязанных запаса, проведенной в июне 1943 г. в Кемерово, в Красную армию было направлено 1084 человека. В рабочие колонны было передано — 973 человека[3].

В Новосибирской области (без Новосибирска) при призыве молодежи 1927 г. рождения (1944 г.) удельный вес годных к нестроевой службе составил всего 4,8 %, в самом Новосибирске — 5,1 %. Полностью непригодными к службе с исключением с учета были признаны соответственно 3,6 и 2,4 % [4]. В Омской области повторное медицинское освидетельствование резервистов было организовано с 1 марта по 4 апреля 1944 г. по приказу Наркомата обороны № 01 от 2 января 1944 г. Освидетельствование выявило из числа ранее числившихся негодными к службе в армии 2449 человек, годных к строевой службе, 7689 годных к нестроевой и 1645 человек, годных к физическому труду[5]. Осенью 1944 г. при мобилизации граждан 1927 г. рождения в Омской области были признаны годными к нестроевой всего 2,4 % призывников, а негодными с исключением с учета — 2 %[6].

Отметим, что военные по-прежнему были недовольны «выходом в строй», оценивали его как «низкий» и постоянно оказывали усиленное давление на медицинские комиссии, добиваясь еще более

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 680. Л. 143.
[2] Там же. Л. 120.
[3] ГАКО. Ф. П-15. Оп. 8. Д. 50. Л. 22.
[4] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 8. Д. 601. Л. 55.
[5] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 4383. Л. 61.
[6] Там же. Д. 4043. Л. 48.

высоких показателей. Контрольные проверки, организованные в 1944 г. штабом СибВО в ряде городских военкоматов Западной Сибири, вскрыли, по субъективному мнению военных, удручающую картину. В Гурьевске в группе нестроевых и полностью непригодных к службе якобы оказалось 43 % вполне годных к строю, в Барнауле и Сталинске — по 22, в Белово — 24 % [1]. В постановлении Военного совета СибВО «О состоянии военно-мобилизационной работы в военных комиссариатах СибВО» от 9 сентября 1944 г. специально указывалось: «Медицинские комиссии работали плохо. В результате контрольной проверки в группе нестроевых и негодных обнаружен большой процент годных к строю»[2].

Но проблема была значительно сложнее, чем просто «плохая работа» медицинских комиссий военкоматов. Юноши — призывники и резервисты старших возрастов, испытавшие на себе все трудности военного времени, тяжелый труд на производстве, в колхозах и совхозах в принципе не могли быть здоровыми. В Новосибирской области при призыве юношей 1925 г. рождения в первом полугодии 1943 г. от мобилизации по состоянию здоровья пришлось освободить и полностью снять с воинского учета 734 человека, предоставить отсрочки по болезни 2091 человеку [3]. Во втором полугодии 1943 г. при призыве юношей 1926 г. рождения были признаны негодными со снятием с воинского учета 576 человек, получили отсрочки для лечения 1593 человека[4].

В докладе «Об итогах призыва в Красную Армию призывников 1927 г. рождения по Омской области» секретарь Омского обкома С. С. Румянцев и председатель Омского облсовета Токарев писали: «Годность к строевой из года в год снижается — тяготы Великой Отечественной войны отразились на состоянии здоровья»[5]. Достаточно сказать, что медицинские комиссии военкоматов Омской области выявили среди призывников 1927 г. рождения 807 юношей, имевших рост менее 145 см, а вес — менее 42 кг. Кроме того, 334 призывника имели рост от 145 до 150 см[6]. Никакие ухищрения призывных комиссий не могли кардинально увеличить число призывников за счет признания ограниченно годных по состоянию здоровья годными к воинской службе в Действующей армии.

---

[1] ЦХАФАК. Ф. 1. Оп. 18. Д. 617. Л. 57.

[2] Там же. Л. 56–57.

[3] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 640. Л. 6 об. — 7.

[4] Там же. Л. 40.

[5] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 4043. Л. 48.

[6] Там же. Д. 4083. Л. 6.

*Таблица 3.1.6**

Результаты призыва молодежи 1924–1927 гг. рождения, % к прошедшим призыв

Показатели	Год рождения призывников			
	1924	1925	1926	1927
Алтайский край**				
Годных: - к строевой - к нестроевой -к физическому труду	 87,6 7,1 –	 88,5 4,7 –	 83,8 6,8 0,5	Нет сведений
Негодных с исключением с учета	1,3	1,7	3,0	Нет сведений
Отсрочки по болезни	7,0	4,8	5,2	Нет сведений
Отсеяно по ПМС	–	0,3	0,7	Нет сведений
Омская область**				
Годных: - к строевой - к нестроевой - к физическому труду	 87,6 4,8 –	 86,3 6,1 0,7	 85,0 6,9 0,4	 83,7 2,4 0,3
Негодных с исключением с учета	1,6	1,4	2,6	2,0
Отсрочки по болезни	5,7	4,6	5,1	2,0
Отсрочки по физическому недоразвитию	–	–	–	9,6

Новосибирская область**

Показатели	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.***	1927 г.****
Годных: - к строевой - к нестроевой - к физическому труду	 81,3 4,1 –	 82,6 4,6 1,6	 77,5 5,4 5,7	 77,5 4,8 0,5	 84,2 5,1 0,4
Негодных с исключением с учета	2,7	2,5	3,2	3,6	2,4

Продолжение табл. 3.1.6

Показатели	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.***	1927 г.****
Отсрочки по болезням	7,5	6,9	7,5	3,0	1,4
- в том числе отсрочки по физическому недоразвитию	–	–	–	10,6	6,5

* Источник: ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 4043. Л. 48; ЦХАФАК. Ф. 1. Оп. 18. Д. 422. Л. 7; /ГАНО. Ф. П-4. Оп. 8. Д. 601. Л. 55, 156.

** По административно-территориальному устройству 1944 г.

*** Новосибирская область без Новосибирска.

**** Новосибирск.

О постоянно ухудшающемся состоянии здоровья призывников военных лет говорят так называемые отсрочки по «физическому недоразвитию», иными словами по весу и росту. Приказ командующего войсками СибВО от 31 октября 1944 г. о призыве на военную службу граждан 1927 г. рождения относил к призывникам, страдающим физическим недоразвитием всех, имеющих рост менее 145 см и вес менее 42 кг. Эти призывникам предоставлялась отсрочка от службы в армии[1]. В Омской области, как показывает *табл. 3.1.6*, отсрочки по физическому недоразвитию получили почти 10 % призывников 1927 г., в Новосибирской области (без Новосибирска) — почти 11 %, в самом Новосибирске — 6,5 %.

Табл. 3.1.6 отчетливо демонстрирует, что удельный вес призывников, аттестованных комиссиями военкоматов годными к строевой службе, из года в год сокращался, тогда как прослойка тех, кто получал отсрочки по болезням или полностью исключался с воинского учета, увеличивалась. Это не зависело от работы военкоматов. Такова была объективная ситуация. Отметим, что в сельской местности положение было значительно хуже, чем в городе, о чем свидетельствует сопоставление показателей Новосибирска и сельской местности Новосибирской области.

Учитывая столь сложное положение, в которое были поставлены призывные комиссии и, стремясь максимально использовать людские ресурсы, Наркомат обороны приказом № 336 ввёл в обиход понятие «трудоспособность», которое было максимально приближено к понятию «годность». Соответственно приказ устанавливал

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 8. Д. 597. Л. 151.

формулировку: «негоден к службе в войсковых частях, годен к физическому труду»[1]. Те мужчины, которые были признаны годными к строевой службе, направлялись в боевые подразделения РККА. Лица, годные к нестроевой, проходили службу во вспомогательных подразделениях Красной армии. Годные к физическому труду направлялись в строительные подразделения Красной армии или в рабочие колонны производственных наркоматов и НКВД. Мужчины, которые признавались годными к нестроевой или к физическому труду заменяли годных к строевой службе. Они отправлялись на фронт. Кроме того, за счет годных к физическому труду, в 1943 г., но главным образом в 1944–1945 гг. удалось несколько снизить удельный вес призывников, получавших отсрочки от службы по болезням и годных только к нестроевой службе.

В Новосибирской области по приказу Наркомата обороны № 0882 и решению бюро обкома от 11 марта 1943 г. «О выполнении райвоенкоматами приказов НКО СССР №№ 0882, 336», с 26 марта по 1 мая было организовано повторное медицинское освидетельствование военнообязанных и призывников, имевших отсрочки от призыва. В ходе освидетельствования, как показывают материалы, сосредоточенные в *табл. 3.1.7*, за счет уменьшения почти на 9 тыс. человек нестроевых и на 4 тыс. человек вовсе негодных, было выявлено свыше 10 тыс. годных к строевой службе, которые были направлены на фронт. Кроме того, в рабочие колонны были отправлены почти 6 тыс. военнообязанных, годных к физическому труду.

В лихорадочном поиске людей, военные и гражданские власти придавали очень большое значение выявлению лиц, уклоняющихся от учета и мобилизации. Уклонисты рассматривались как своеобразный резерв пополнения не только штрафных подразделений, но и линейных частей Красной армии. Первая волна мобилизации, поднявшаяся в Западной Сибири летом 1941 г., судя по отчетам военкомов, прошла организованно и без каких-либо эксцессов, если не считать многочисленных случаев пьянства среди призывников и их родственников. Однако на это власти смотрели сквозь пальцы, так как понимали, что стародавнюю народную традицию проводов в армию не изменить. Вместе с тем, попытки уклониться от воинской мобилизации были далеко неединичным явлением. Когда полоса патриотических митингов начала войны канула в Лету, люди столкнулись с суровой действительностью, а вместе с этим росло и количество тех, кто любыми способами пытался остаться в тылу.

---

[1] Молодцов Н. А. Задачи военно-врачебной экспертизы. С. 23.

*Таблица 3.1.7**

Результаты повторного медицинского освидетельствования военнообязанных запаса, ранее получивших отсрочки, проведенного в Новосибирской области в марте — апреле 1943 г. (человек)**

Категория военнообязанных	Было к началу переосвидетельствования	Оказалось после переосвидетельствования	Уменьшение	Увеличение
Нестроевые	38 034	29 168	-8866	–
Годные к физическом труду	4512	5969	–	+1457
Вовсе негодные	32 894	28 813	-4041	–
Отпускники	814	2025	–	+1211

* Источник: ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 40. Л. 33.
** По административно-территориальному устройству 1943 г.

В одном из сельских районов Омской области в июне 1941 г. призывник К. пытался симулировать болезнь ноги, которая у него якобы не разгибалась. Эта наивная попытка симуляции была быстро разоблачена. Однако представители райвоенкомата, еще не получившие указаний от вышестоящих инстанций, мягко пожурили призывника и ограничились разъяснением[1]. В Октябрьском районе Новосибирска в первый же день мобилизации было выявлено сразу 7 симулянтов[2]. В Тогучинском районе, как доложил 10 июля 1941 г. заведующий военным отделом райкома В. Юхнев, военнообязанный З., колхозник колхоза им. Щетинкина, Коуракского сельсовета, притворился хромым[3]. В Пышкино-Троицком районе три, а в Таштагольском — сразу двенадцать новобранцев не явились на сборный пункт, скрылись в тайге[4]. Военнообязанные Т. и Х., проживавшие в Ленинск-Кузнецком районе пытались симулировать болезнь и просили предоставить отсрочку, но уличенные фактами признали, что струсили[5].

Встречались и случаи преднамеренного членовредительства. В Чулымском районе гражданин К., 1907 г. рождения, работавший конюхом, чтобы избежать мобилизации, нанес себе ножевую рану

[1] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3068. Л. 62.
[2] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 633а. Л. 49.
[3] Там же. Оп. 5. Д. 677. Л. 163.
[4] Там же. Д. 683. Л. 232.
[5] Там же. Л. 233.

в ногу[1]. Военнообязанные И., С. и Б. с целью уклониться от мобилизации отрубили пальцы на правой руке. Они были арестованы и преданы суду. Резервист Д. выпил раствор формалина и ожег себе полость рта. Всего по Новосибирской области в ходе первой и второй волн мобилизации (июнь — сентябрь 1941 г.) было зафиксировано 39 случаев членовредительства[2].

Партийные работники, а также так называемые «осведомы» НКВД и НКГБ фиксировали и антисоветские высказывания. Колхозник колхоза «Большевистская смена» Тогучинского района Лебедевского сельсовета Ш., 1914 г. рождения, заявил, что не пойдет в РККА, так как «советское правительство весь хлеб запродало в Германию и Финляндию, а свой народ посадило на полуголодный паек»[3].

В начале 1930-х гг., когда на страну обрушился страшный голод, на стене туалета Барнаульского Горпрофсовета кто-то нацарапал развеселые стихи[4]:

Курятину, гусятину французам отдадим,
А конницу Буденного мы сам поедим.
Братишка наш Буденный, война уж на носу,
А конница Буденного пошла на колбасу.

С началом войны для властей пришло время «собирать камни». Теперь нужно было рассчитываться за все: за голод, за отсутствие в магазинах товаров первой необходимости, за полуголодное существование людей в бараках, за депортации так называемых «кулаков», за массовые аресты. И если на Украине, в Белоруссии и Прибалтике солдат вермахта встречали цветами, то в Сибири некоторые отчаявшиеся люди наивно полагали, что гитлеровцы идут освобождать Россию от большевиков. Так, в Коченевском районе на сборный пункт не прибыл гражданин В. Он заявил: «Воевать против Гитлера я не пойду, Гитлер идет нас освобождать». В. пытался оказать сопротивление работникам милиции, нанес ранение одному из милиционеров, пытался бежать, но был задержан и предан суду[5].

Военнообязанный М., 1909 г. рождения, проживавший в Мариинском районе, прибыв в военкомат заявил: «Германия нас разобьет, мы идем на котлеты и колбасу, так как Германия сильнее нас».

---

[1] ГАНО. Оп. 5. Д. 683. Д. 677. Л. 41.
[2] Там же. Д. 683. Л. 233.
[3] Там же. Д. 677. Л. 163–165.
[4] ЦХАФАК. Ф. 333. Оп. 2. Д. 6. Л. 35.
[5] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 683. Л. 232.

Некто Е. (шофер из Сузунского района) изрек «Если меня возьмут в армию, то я вместе с машиной перейду в плен к Гитлеру». Жена военнообязанного Г. говорила своим подругам «Наши мужья на фронте, а мы в тылу будем свергать советскую власть»[1]. Военнообязанный Ш. (Ленинск-Кузнецкий район), позднее арестованный сказал «Лучше отсидеть год в тюрьме, чем идти на войну» [2]. Ш. не знал, что за уклонение от службы в Красной армии отделаться годом тюрьмы было бы слишком легким наказанием. В Первомайском районе Новосибирска, к примеру, лейтенант запаса К. за уклонение от мобилизации был осужден на 10 лет лишения свободы[3].

Стремление уклониться от мобилизации в значительной степени стимулировалось тем, что партийное и советское начальство, в отличие от рядовых коммунистов, ограниченно призывалось в армию по специальным нарядам. Секретари окружкомов, горкомов, райкомов, заведующие военными отделами партийных комитетов всех уровней направлялись в армию только с разрешения ЦК ВКП(б)[4]. Постановлением Комиссии по освобождению и отсрочкам от призыва при СНК СССР за № 4 от 22 января 1942 г. и № 16 от 17 февраля 1942 г. отсрочки от призыва предоставлялись работникам государственного аппарата и общественных организаций[5]. Освобождение от воинской мобилизации для членов партийной номенклатуры было подтверждено 26 февраля 1943 г. постановлением № 10 Комиссии по освобождению и отсрочкам от призыва по мобилизации при СНК СССР. Согласно этому постановлению от призыва по мобилизации освобождались все работники аппарата ЦК ВКП(б) и местных партийных организаций[6]. Некоторые периферийные работники партийного и советского аппарата, используя служебное положение и связи, укрывали от воинской мобилизации взрослых сыновей. Это вызывало социальное раздражение. В этом аспекте очень характерно высказывание директора подсобного хозяйства Барнаульской городской больницы, члена ВКП(б) Кудышкина. Согласно докладной записке секретно-политического отдела УНКВД по Алтайскому краю, в мае 1942 г., по-видимому, не подозревая о присутствии осведомителя, Кудышкин

---

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 683. Л. 233–234.

[2] Там же. Л. 233–234.

[3] Там же. Оп. 6. Д. 633а. Л. 49.

[4] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2729. Л. 8.

[5] Там же. Д. 3442. Л. 12.

[6] Неизвестный Кузбасс (1943–1991 гг.). Сб. архивных документов. Вып. 1. Кемерово, 1993. С.6–7.

заявил: «Идет какое-то уничтожение человечества. На войне бьют миллионами, в тылу дохнут от голода и все самый молодой народ. Тут есть какое-то вредительство со стороны нашего правительства»[1].

Многие из тыловиков видели, в какой нищете, оставшись без кормильца, живут семьи фронтовиков. Крохотное пособие, которое выплачивало государство семьям военнослужащих, не позволяла вести даже полуголодное существование. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время», семьи красноармейцев и младших командиров получали пособие в размере от 100 до 200 рублей в месяц в городе и 50 % от этих сумм в сельской местности[2]. Обязательным условием было отсутствие трудоспособных членов семьи. Если же хоть один член семьи фронтовика был трудоспособен, семья лишалась права на получение пособия. Таким образом, никогда ранее не работавшая многодетная мать с уходом мужа в армию лишалась всех средств существования.

Газетным статьям про «сталинскую заботу о семьях фронтовиков» никто не верил. В жизни люди видели совсем другое. В справке «По обслуживанию семей военнослужащих в ОСМЧ-60 и Энергокомбинате по состоянию на 15 марта 1943 г.», составленной инструктором Кемеровского горкома Шведовым подробно описаны мытарства семей фронтовиков: «Имеют место факты бездушно-бюрократического отношения к семьям военнослужащих. Так семья красноармейца т. Шатохина в январе месяце находилась в исключительно тяжелом материально-бытовом положении, сама Шатохина и её трое детей совершенно раздетые и абсолютно не имели обуви (для выхода из квартиры пользовались пальто и обувью соседей), так же не было никакой постельной принадлежности… окна в квартире не застеклены, дверь дырявая, печь неисправная, в квартире холодно… Красноармейка Тишкина работает на ГРЭС на колке соли, имеет троих детей: двое из них в больнице, материально крайне нуждается, сама ходила в чужом платье, дома нет ни топчана, ни постельной принадлежности»[3].

Это не отдельный отрицательный пример, но скорее типичный случай, по сути, повсеместное явление, распространенное как

[1] ЦХАФАК. Ф. 1. Оп. 18. Д. 157. Л. 247, 252.

[2] Законодательные и административно-правовые акты военного времени. С. 66–68.

[3] ГАКО. Ф. П-15. Оп. 8. Д. 50. Л. 9–9 об.

в городе, так и в деревне. М. В. Кулагин, секретарь Новосибирского обкома, в марте 1942 г. был вынужден разослать секретарям райкомов и горкомов секретное письмо следующего содержания: «В Обком ВКП(б) и войсковые части поступает большое количество писем и заявлений с жалобами на бездушно-бюрократическое, а порой преступное отношение отдельных руководителей предприятий, учреждений и колхозов к удовлетворению законных требований красноармейских семей об оказании им необходимой помощи»[1]. Исполняющий обязанности начальника политотдела Новосибирского облвоенкомата, старший политрук Семенов 3 марта 1942 г. докладывал заведующему военным отделом обкома: «По сообщению Асиновского райвоенкома положение семей красноармейцев, призванных по мобилизации в Асиновском районе очень тяжелое… Райсобес не уделяет внимания обеспечению семей мобилизованных. Отмечены случаи, что в ряде колхозов района красноармейские семьи находятся в тяжелых материально-бытовых условиях, а некоторые семьи не имеют хлеба и овощей, в результате чего дети от истощения заболевают»[2].

Несмотря на горы исписанной бумаги, ситуация не менялась до конца войны. В 1944 г. военный отдел Новосибирского обкома организовал проверку жалоб семей военнослужащих, находящихся в Действующей армии. Проверка показала, что «большинство… семей военнослужащих не имели ни хлеба, ни картофеля, ни овощей, при том почти отсутствовало централизованное снабжение. В колхозе “6-й съезд Советов” обследовано 32 семьи, из них с резким истощением и безбелковым отеком 18 семей, продуктов не имеют никаких, употребляют в пищу древесные опилки, мякину, картофельную ботву. В колхозе “Прибережье” обследовано 15 семей военнослужащих, из коих у 5-ти семейств безбелковый отек, у 8-ми сильное истощение и у двух семейств голодная смерть (умерло 2 детей)»[3]. Столь ненормальная, но к сожалению, нередкая ситуация заставляла часть военнообязанных принимать решение уклониться от мобилизации.

Вместе с быстрым наступлением немцев появлялись растерянность, неуверенность в силах Красной армии. В тыловые районы страны хлынул поток похоронок. В городах и селах Западной Сибири появились первые раненые и искалеченные фронтовики.

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 667а. Л. 88.
[2] Там же. Л. 1.
[3] Там же. Оп. 8. Д. 602. Л. 14–14 об.

Страшные истории об ужасах войны и бомбежках рассказывали эвакуированные. Неловкие попытки Совинформбюро скрыть информацию о потерях и повальная реквизиция радиоприемников только увеличивали недоверие людей к официальным источникам.

У кого-то наступление немцев вызвало решимость сражаться. Архивные документы доносят до нас многочисленные случаи, когда люди шли добровольцами на фронт. Многие граждане отказывались от предоставленных военкоматами отсрочек. Но в истории войны можно найти множество примеров, как величайшего мужества, так и трусости. Страх быть убитым или искалеченным, стал, по-видимому, самой распространенной причиной уклонения от службы в Красной армии. Пожалуй, в самой четкой и неприкрыто циничной форме это желание выразил разоблаченный симулянт, призывник К. Объясняя свои действия, он сказал: «Я хочу жить»[1].

Власти не впервые столкнулись с негативным отношением некоторых граждан, в том числе коммунистов и партийных чиновников к службе в армии. Когда в 1940 г., во время Советско-финляндской войны, в СССР проводился частичный призыв в Красную армию военнообязанных 1910–1914 гг. и отбор добровольцев в ряды РККА, некоторые члены партии всеми способами пытались уклониться от службы. Заведующий военным отделом Новосибирского обкома Морозов докладывал секретарю обкома Г. Н. Пуговкину, что военкоматы области столкнулись с рядом «отрицательных» фактов. Член ВКП(б) Щ. отказался пойти добровольцем в РККА, мотивируя свой отказ тем, что у него органами НКВД арестован брат. Кандидат в члены ВКП(б) П. отказался, ссылаясь на болезнь ног, хотя медицинская комиссия осматривала его дважды и дала заключение о годности. Секретарь парторганизации Госбанка С., уклонившись от службы, прямо заявил: «Посмотрите, сколько сидит людей в горкоме и райкоме, а не один из них не идет добровольцем»[2]. В Венгеровском районе военнообязанный С., с целью уклонения от призыва, отрубил топором два пальца левой руки[3]. В данном случае сказалось отсутствие опыта. Впоследствии членовредители рубили себе пальцы на правой руке.

В конце 1941 г., когда большинство «тыловиков» хорошо усвоили, что лозунг «на чужой территории и малой кровью» всего лишь пропагандистский блеф, выяснилось, что число симулянтов

---

[1] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3068. Л. 62.

[2] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 3. Д. 404. Л. 32, 33.

[3] Там же. Л. 34.

и уклонистов не так уж и незначительно. Уклонение от призыва и мобилизации стало острой проблемой, которая серьезно затрудняла выполнение нарядов Главупраформа. Военкоматы, чтобы выявить уклонистов, приступили к проведению регулярных перерегистраций военнообязанных запаса. Первая в СССР перерегистрация была организована в декабре 1941 — январе 1942 гг. по директиве заместителя наркома обороны, начальника Главупраформа Е. А. Щаденко. Для проведения перерегистрации Военные советы округов, военкоматы, краевые и областные комитеты ВКП(б) формировали специальные комиссии. На регистрационные пункты должны были явиться все военнообязанные запаса и призывники, получившие отсрочки от призыва. Регистрационные пункты работали круглосуточно. В директиве Главупраформа содержалось требование обратить особое внимание на граждан, уклонившихся от призыва, тщательно проверяя по документам возраст, воинскую специальность, состояние здоровья каждого [1]. Перерегистрация 1941–1942 гг. стразу же выявила большое количество командиров запаса, не состоящих на воинском учете[2]. Но большинство этих людей уклонистами не являлись. Скорее это свидетельствует о нечеткой работе военкоматов, чем о попытках уклониться от призыва.

Вместе с тем в одном только Черепановском районе Новосибирской области в ходе перерегистрации, начатой 27 декабря 1941 г. и законченной 5 января 1942 г., было выявлено и привлечено к судебной ответственности 7 военнообязанных, уклонившихся от воинского учета. Своеобразный «рекорд» побил работник совхоза «Майский», некто Х., который умудрился уклоняться от воинского учета с 1935 г. Дело Х. было направлено в военный трибунал[3].

В июле — августе 1942 г. в Западной Сибири была проведена еще одна, перерегистрация военнообязанных, по итогам которой в одной только в Новосибирской области было направлено в Действующую армию свыше 8 тыс. человек (см. *табл. 3.1.8*).

Отныне перерегистрации следовали одна за другой. В период с 1 июня по 1 июля 1943 г. по приказу наркома обороны № 0316 в Западной Сибири была проведена повсеместная проверочная регистрация всех военнообязанных и призывников. Основной целью перерегистрации являлось выявление всех уклоняющихся от воинского учета и службы. Кроме того, при перерегистрации

[1] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3098. Л. 32–34.
[2] Мохоров Г. А. Защищая Родину. С. 68.
[3] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 9. Л. 128.

проверялась законность бронирования, а также менялись воинские документы[1]. В ходе этой акции только в Кемерово проверочную регистрацию прошли 24 963 военнообязанных. Из них 21 937 человек подтвердили свое право на спецучет, 973 человека были отправлены в рабочие колонны, 1084 человека — в Красную армию. Но 609 человек не явились на перерегистрацию, из них 369 человек по уважительным причинам (по болезни, в командировках). Таким образом, 240 человек так и не удалось разыскать — они скрылись от учета[2].

*Таблица 3.1.8**

Итоги перерегистрации военнообязанных запаса Новосибирской области. 15 июля — 25 августа 1942 г. (человек)**

Категория учета	Человек
Подлежало явке на перерегистрацию	297 241
Явилось на перерегистрацию	291 873
Не явилось на перерегистрацию - в том числе по неуважительным причинам	5368 777
Разбронировано как неправильно забронированных	1509
Привлечено к судебной ответственности за уклонение от учета	213
Привлечено к судебной ответственности за уклонение от призыва и мобилизации	92
Привлечено к судебной ответственности за дезертирство	85
Призвано в Красную армию	8021

* Источник: ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 6. Л. 400 об.

** По административно-территориальному устройству 1942 г.

25 ноября 1943 г. в Новосибирской области была организована дополнительная проверка правильности предоставления отсрочек от службы в Красной армии, которая завершилась 25 декабря. Чтобы не отвлекать работников, проверка проводилась специально созданными комиссиями непосредственно на производстве с участием представителей городских и районных комитетов ВКП(б), в увязке с органами прокуратуры и НКВД. В помощь комиссиям были выделены начальники отделов кадров и спецчастей предприятий. В результате этой проверки было выявлено: незаконно забронированных — 194 человека; дезертиров — 74 человека; нарушителей воинского учета — 394 человека; уклонившихся от призыва по мобилизации —

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 9. Л. 128.

[2] ГАКО. Ф. П-15. Оп. 8. Д. 50. Л. 19–22.

60 человек. Под суд было отдано 51 человек за уклонение от учета и призыва, 2 человека за пособничество уклонению[1].

Самая крупная за все годы Великой Отечественной войны перерегистрация военнообязанных запаса была организована в феврале — апреле 1944 г. по приказу № 01-1944, заместителя наркома обороны, Маршала Советского Союза А. М. Василевского. Основной целью перерегистрации было выявление всех, кто еще мог быть призван в армию: уклонившихся от воинского учета и призыва; а также незаконно забронированных. Кроме того, в ходе перерегистрации проводилось повторное медицинское освидетельствование мужчин, ранее получивших отсрочки по состоянию здоровья; пересматривались дела непризванных по национальным признакам и политико-моральным соображениям. По итогам этой перерегистрации в Омской области было разыскано 6 дезертиров, 653 уклониста, 12 человек с просроченными документами, 24 симулянта и членовредителя. Кроме того, в Красную армию было направлено 594 человека, ранее признанных негодными по медицинским показателям, 1641 человек, отсеянных ранее по национальному признаку. С 364-х человек было снято клеймо «ПМС»[2]. Всего в процессе перерегистрации в области, как показывают цифровые материала *табл. 3.1.9*, было выявлено 2949 годных к строевой службе, 7689 человек, годных к нестроевой службе и 1645 человек, годных к физическому труду.

В Новосибирской области перерегистрация по приказу № 01-1944 проводилась с 1 марта по 1 апреля 1944 г. В ходе перерегистрации была проверена работа всех военно-учетных столов и состояние учета на предприятиях и в сельских советах, сверены списки военнообязанных с учетными карточками. Всего было сверено 110 624 учетные карточки из 116 393 карточек, имевшихся в наличии к началу перерегистрации[3]. На перерегистрацию явилось 151 338 военнообязанных, из них 57 693 человека, ранее получивших отсрочки от службы в армии были подвергнуты медицинскому переосвидетельствованию. Переосвидетельствование показало, что 2766 военнообязанных запаса по состоянию здоровья вполне пригодны к несению строевой службе в войсках, 2604 человека годны к нестроевой службе, а 739 человек могут быть использованы как годные к физическому труду[4]. За время перерегистрации и в период подготовки к ней было

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 644. Л. 42 об.
[2] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3912. Л. 68, 74.
[3] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 8. Д. 597. Л. 86 об.
[4] Там же. Л. 87–87об.

выявлено 100 дезертиров, самовольно покинувших подразделения Красной армии, 138 дезертиров производства, 516 уклонистов от призыва, 534 нарушителя правил военного учета, 63 военнообязанных с просроченными документами, 269 незаконно забронированных. Почти 1,5 тыс. человек были учтены как состоявшие на воинском учете, но проживавшие за пределами области[1]. В итоге всей перерегистрации было выявлено дополнительно 7525 военнообязанных, из которых 5441 человек были призваны в армию[2].

*Таблица 3.1.9**

Итоги перерегистрации военнообязанных запаса Омской области в феврале-марте 1944 г.**

Категория учета военнообязанных запаса	Направлено в армию и рабочие колонны (человек)		
	Годных к строевой	Годных к нестроевой	Годных к физическому труду
Выявлено из числа ранее не учтенных	395	4205	437
Выявлено из числа ранее негодных с исключением с учета	889	2725	1173
Выявлено из числа отпускных по болезням	13	21	4
Выявлено из числа нестроевых общего учета	1162	-	–
Выявлено из числа годных к физическому труду	105	457	–
Выявлено из числа ограниченно годных	158	–	–
Выявлено из числа пользовавшихся отсрочками по болезни	113	137	23
Выявлено из числа отсеянных по ПМС	35	19	–
Выявлено из числа пользовавшихся незаконной броней	42	37	8
Выявлено из числа уклонистов и дезертиров	37	88	–
Итого	2949	7689	1645

* Источник: ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3912. Л. 74 об.

** По административно-территориальному устройству 1944 г.

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 8. Д. 601. Л. 46.

[2] Там же. Д. 597. Л. 88.

Согласно докладной записке Алтайского крайкома «О проведении перерегистрации военнообязанных запаса по приказу Зам. Наркома Обороны № 01», направленной 22 мая 1944 г. в Управление кадров ЦК ВКП(б), в ходе перерегистрации, было задержано 92 дезертира Красной армии, 438 дезертиров промышленности, обнаружено 333 уклониста от учета и призыва, 40 военнообязанных с просроченными документами. Из числа выявленных было предано суду военного трибунала 123 дезертира и 65 уклонистов. Почти 500 нарушителей воинского учета были оштрафованы на сумму 37 тыс. рублей. Кроме того, 253 человека (из них 138 годных к строевой службе) были разбронированы как незаконно стоящие на спецучете[1].

К поиску уклонистов и дезертиров были подключены и органы прокуратуры, НКВД и НКГБ. Милиция совместно с партийными и комсомольскими активистами организовывала дневные и ночные подворные обходы, а также облавы с целью внезапной проверки документов в местах скопления людей — на рынках, железнодорожных вокзалах и станциях, в театрах, клубах, кинотеатрах, в очередях за хлебом. Так, 5 мая 1943 г. в Новосибирской области была организована крупная облава, в ходе которой было задержано 32 военнослужащих, дезертировавших из Красной армии (18 из них попали под суд военного трибунала). Кроме того, было выявлено 8 уклонистов от мобилизации и призыва (7 человек осуждены), 93 уклониста от воинского учета (16 человек осуждены), 43 уклониста от перерегистрации (3 человека осуждены), 16 человек с просроченными документами (1 человек осужден)[2].

Заведующий Военным отделом Пышкино-Троицкого райкома Галков 22 сентября 1943 г. докладывал заведующему Военным отделом Новосибирского обкома Звездину: «Работа по выявлению уклонившихся от воинской службы проделана следующая: в райцентре и селах были организованы обловы (*так в источнике – В. И.*), подворные обходы, где выявлено 2 человека, на которых дело передано в органы НКВД и прокуратуры»[3]. Оперуполномоченный Колпашевского отделения милиции Волков в мае 1943 г. в докладной записке об очередной облаве сообщал: «Доношу, что бригадой было проверено 9 мая на базаре лиц 650 человек,

---

[1] ЦХАФАК. Ф. П-1. Оп. 18. Д. 422. Л. 49, 59.

[2] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 640. Л. 8.

[3] Там же. Д. 672. Л. 19.

из которых было без документов 70 человек, оказалось уклоняющихся от мобилизации 1 человек и один не прописан»[1].

В Кировском районе Кемерово с целью выявления тех, кто уклонился от переосвидетельствования по приказу наркомата обороны № 336, а также дезертиров, 14 марта 1943 г. была проведена внезапная ночная проверка документов, в которой участвовало 200 человек милиционеров и партийно-комсомольских активистов. В облавах, которые были организованы органами милиции в начале мая 1943 г., в районе было задержано 7 нарушителей правил воинского учета и лиц, не имеющих воинских документов[2].

Заведующий Военным отделом Саргатского райкома Сметнев 12 января 1945 г. докладывал в Военный отдел Омского обкома, что в течение всего 1944 г. в районе ежемесячно проводились облавы в населенных пунктах, на предприятиях и клубах. В ходе облав были выявлены 7 уклонистов от учета и призыва и 2 дезертира с оружием. Все были преданы суду военного трибунала, получили большие сроки или направлены в штрафные роты[3].

Облавы и внезапные ночные проверки документов особенно интенсивно проводились в конце войны. Заведующий военным отделом Кировского райкома Кемерово Тимощенко в отчете «О работе военного отдела за 1945 г. по состоянию на 1 января 1946 г.» писал: «В первом полугодии 1945 г. проводились проверки (облавы) в результате которых выявлялись незаконно проживающие в нашем районе и скрывающиеся от службы в армии, которые немедленно были отправлены в армию»[4]. Заведующий Военным отделом Кузедеевского райкома Егорин 2 января 1946 г. доносил в Кемеровский обком, что в первом полугодии 1945 г. в районе было организовано 4 облавы, в ходе которых были обнаружены 27 нарушителей правил воинского учета, из которых 7 человек направлено в РККА, 3 человека привлечены к уголовной ответственности[5].

Одновременно с облавами, принимались меры по ужесточению паспортного контроля. Проживание без прописки не допускалось, а правила учета военнообязанных были усовершенствованы. Принимались энергичные меры для ограничения перемещений резервистов. Военнообязанным и призывникам категорически воспрещалось без специального разрешения районных (городских)

---

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 680. Л. 32.

[2] ГАКО. Ф. П-15. Оп. 8. Д. 50. Л. 16–17.

[3] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 4384. Л. 17–18.

[4] ГАКО. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 302. Л. 26.

[5] Там же. Л. 4, 11.

военкомов выезжать за пределы населенных пунктов, где они были прописаны. Для получения разрешения военнообязанные и призывники должны были лично подавать в военкоматы письменное заявление с указанием мотивов выезда и предполагаемого адреса с приложением военного билета (приписного свидетельства). По прибытии на новое место жительства граждане обязались в течение 48 часов встать на воинский учет. Все, уклонившиеся от постановки на учет, а также лица, содействующие этому, привлекались к уголовной ответственности по ст. 193-10а УК РСФСР и предавались суду военного трибунала[1]. Согласно совместному приказу Наркома юстиции СССР и прокурора СССР от 27 июня 1942 г. № 104/64 военные трибуналы рассматривали дела об уклонении от воинского учета в местностях, объявленных на военном положении в двухдневный, а в тыловых районах — в пятидневный срок[2].

Нередко устраивались сверки документов по месту военного учета (райвоенкоматы), работы (отделы кадров и спецчасти предприятий и учреждений), проживания (паспортные столы милиции). Однако уклонисты придумывали все более изощренные способы избежать фронта. Немаловажную роль в этом играли некоторые коррумпированные работники военкоматов. В Новосибирске весной 1942 г. были арестованы и преданы суду военного трибунала райвоенком Октябрьского района и начальник 2 части этого военкомата. За взятки они освобождали военнообязанных от призыва. Следствие показало, что воинский учет в военкомате находился в запущенном состоянии. В шкафу было обнаружено 370 паспортов, изъятых у граждан, отправленных в Действующую армию[3]. Это и позволяло махинаторам совершать подлоги.

Недостачи или излишки документов обнаруживались во многих военкоматах. Так, в сентябре 1943 г. в Омске была изобличена группа лиц, продававшая документы, которые изымались у призывников. Документы покупали криминальные элементы и лица, уклонявшиеся от воинского учета и мобилизации. Главарем группы был бывший работник райвоенкомата З. При обыске на его квартире, было выявлено большое количество паспортов, комсомольских билетов, временных удостоверений (выдавались взамен военных билетов), приписных свидетельств и около 200 подлинных свидетельств

[1] Законодательные и административно-правовые акты военного времени. С. 52–53.

[2] Там же. С. 105–107.

[3] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 659. Л. 31.

об освобождении от военной службы[1]. За подлоги документов к судебной ответственности в 1944 г. в Кемеровском облвоенкомате были осуждены 3 офицера[2]. «На путь укрывательства, — указывалось в постановлении Военного совета СибВО от 9 сентября 1944 г., — встал новосибирский горвоенком подполковник О.»[3]

Военком Полтавского района Омской области в 1943 г. за взятки незаконно забронировал 16 человек[4]. Тогда же были разоблачены райвоенком Исилькульского района П. и начальник 1 части райвоенкомата М. Их сообщница, врач Д. на пункте медицинского освидетельствования военнообязанных за взятки в военно-учетной карточке ставила секретный знак: «№ 31». Это означало освобождение от службы якобы по состоянию здоровья. Окончательное освобождение оформлял муж врача Д., являвшийся сотрудником райвоенкомата[5]. Встречались и случаи подделки документов самими военнообязанными. Так, военнообязанный Л. из Кемерово в воинском билете самовольно произвел запись о снятии с воинского учета. Л. был изобличен и арестован[6].

Нередким явлением, как и в начале войны, оставались симуляция и членовредительство. И это несмотря на то, что самым мягким наказанием для симулянтов и членовредителей была отправка в штрафные подразделения. Самых злостных преступников приговаривали к длительному лишению свободы, а в отдельных случаях — к расстрелу. Заведующий военным отделом Омского обкома Григорьев, докладывая о результатах перерегистрации военнообязанных 1942 г. специально подчеркнул, что в некоторых районах области были зафиксированы перевязки рук, с целью вызвать отеки. Отдельные симулянты, имеющие доступ к химическим реактивам, ставили себе уколы, вызывающие на коже язвы и нарывы. Все выявленные симулянты были привлечены к уголовной ответственности[7]. В августе 1942 г. в Татарском районе Новосибирской области, согласно докладной записке заведующего Военным отделам райкома И. Карпова, был зарегистрирован совершенно дикий случай — один из призывников отрубил себе ногу[8].

---

[1] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3747. Л. 142.
[2] ЦХАФАК. Ф. 1. Оп. 18. Д. 617. Л. 57.
[3] Там же.
[4] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3237. Л. 9.
[5] Там же. Д. 3752. Л. 178-179.
[6] ГАКО. Ф. П-15. Оп. 8. Д. 50. Л. 23.
[7] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3237. Л. 9.
[8] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 641. Л. 24.

Большое количество уклонистов оказалось и среди коммунистов, которые по партийному набору должны были служить в Сталинской добровольческой дивизии. Беспартийные граждане направлялись в дивизию исключительно на принципе добровольности. Члены ВКП(б) откомандировывались в дивизию по решению партийных комитетов. Среди беспартийных граждан и рядовых коммунистов было очень много добровольцев. Всего в дивизию на 12 426 вакансий поступило 42 307 заявлений[1]. Но далеко не все члены партии стремились попасть на фронт. Категорически отказался пойти добровольцем член ВКП(б) с 1929 г. Л., работавший дорожным мастером на станции Купино. Член партии с 1941 г. К., работавший в Кемерово главным госторгинспектором, мотивировал свой отказ болезнью. Врачебная комиссия признала его годным к службе в РККА. Коммунист В., сотрудник отдела милиции Сузунского района пытался уклониться от службы, ссылаясь на заболевание, но медицинское переосвидетельствование подтвердило его годность. Член ВКП(б) К., на бюро Маслянинского райкома заявил: «Я добровольцем в Сталинскую дивизию не пойду и заявление писать не буду, если хотите, возьмите партбилет». Все отказчики были исключены из партии с формулировкой: за «шкурничество и трусость»[2].

Довольно сложным способом уклонения от призыва было проживание без документов. Жить на нелегальном положении без прописки, работы и карточек, «выпасть» из официальной структуры сталинского государства с его тотальным контролем было непростым делом. Такие случаи быстро выявлялись. Летом 1942 г. при проведении перерегистрации военнообязанных Омской области было выявлено 55 человек, не состоящих на воинском учете и 20 человек, ранее уклонившихся от призыва[3]. Призыв в январе 1943 г. граждан 1925 г. рождения обнаружил дополнительно 224 человека, не состоявших на воинском учете[4]. В Алтайском крае при организации приписки граждан 1926 г. рождения (июль-август 1943 г.) было выявлено 583 человека, избежавших учета[5], а в 1944 г. при проведении весенней перерегистрации военнообязанных запаса обнаружено 1795 человек, уклонившихся от постановки учет[6].

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 630. Л. 9.
[2] Там же.
[3] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3437. Л. 8.
[4] Там же. Д. 3648. Л. 9 об.
[5] ЦХАФАК. Ф. П-1. Оп. 18. Д. 422. Л. 1.
[6] Там же. Л. 47.

Тем не менее, отдельные «ловкие» люди умело обходили все законы и постановления. Так, некий Ц. был забронирован до 1 июля 1943 г. как работник Управления снабжения СибВО. С истечением отсрочки от призыва Ц. уволился под видом добровольного поступления в военное училище, но на самом деле пристроился в Новосибирский железнодорожный институт, где вновь получил бронь, но уже как железнодорожник[1]. «Пользуясь невнимательностью и беспечностью военкоматов, — указывали в приказе № 0523 от 11 ноября 1943 г., — командующий войсками СибВО, генерал-лейтенант Н. В. Медведев, член Военного совета округа генерал-майор А. Ф. Колобяков и начальник штаба округа А. И. Помощников, — многие военнообязанные, подлежащие отправке на фронт, находятся вне армии»[2].

Делом вполне реальным было проживание без документов в отдаленных, труднодоступных, главным образом таежных местностях Западной Сибири. С 15 апреля по 3 июня 1943 г. командование СибВО совместно с военным отделом Новосибирского обкома направили в Нарымский округ комиссию для проверки работы окружного военкомата. В Каргасокском районе было обнаружено 16 человек, не состоящих на воинском учете. В Молчановском районе в шести проверенных сельсоветах было выявлено 88 человек, не учтенных райвоенкоматом, в Парабельском районе — 45, в Кривошеинском — 404, а в Колпашево — 69 человек[3]. Несомненно, большинство таежников не уклонялось специально от учета. В данном случае, основную роль играла халатность работников военкоматов и объективные сложности природно-географического характера. Во всяком случае, областная комиссия определила, что из числа не состоящих на учете только 7 человек сознательно уклоняются от встречи с работниками военкоматов[4]. Так, военнообязанный М., 1919 г. рождения, проживающий в Гришинском сельсовете Молчановского района уклонялся от воинского учета в течение года. Житель Кривошеинского района П., 1920 г. рождения ловко уклонялся от учета в течение 2-х лет, а в Каргасокском районе военнообязанный С., 1918 г. рождения в момент проверки скрылся в тайге, где обнаружить его по существу было невозможно[5]. Военнообязанный М., проживавший в Кемерово, в подвале своего дома устроил жилье

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 644. Л. 41.
[2] Там же.
[3] Там же. Оп. 7. Д. 680. Л. 10 об.
[4] Там же. Л. 11.
[5] Там же. Оп. 7. Д. 680. Л. 11.

с большим количеством ходов сообщения. Здесь он намеревался отсидеться до конца войны, но был обнаружен и арестован[1].

Принимаемые по поиску уклонистов меры, равно как и ужесточение правил учета далеко не во всех случаях давали положительный результат. В постановлении Военного совета СибВО от 9 сентября 1944 г. «О состоянии организационно-мобилизационной работы в военных комиссариатах СибВО» указывалось: «учет военнообязанных и призывников 1927 г. рождения во многих военкоматах находится в неудовлетворительном состоянии. Приказ НКО № 064-1942, определяющий правила передвижения военнообязанных в военное время, повсеместно нарушается»[2]. В данном случае сказывалось не только стремление отдельных лиц уклониться от учета, но недисциплинированность и безответственность некоторых граждан.

В Омской области при призыве осенью 1942 г. граждан 1924 г. рождения, по неуважительным причинам на призывные пункты не явилось 472 человека[3]. При призыве молодых людей 1925 г. рождения в 1943 г. из области выбыли, не снявшись с воинского учета и не были разысканы 53 человека[4]. В ходе призыва в 1944 г. граждан 1927 г. рождения, 9 призывников выехали из области, не поставив в известность военкоматы[5]. Согласно докладной записке «Об итогах призыва в РККА граждан рождения 1926 года по Алтайскому краю», подготовленной военным отделом Алтайского крайкома в январе 1944 г., при организации приписки к военкоматам (июль-август 1943 г.) из 31 728 призывников на приписку не явились 655 человек. Большинство из тех, кто не прибыл в военкоматы, в конце концов, представили справки: болезнь, командировка, арест и т. д. Они были признаны отсутствующими по уважительным причинам. Но 7 человек так и скрылись от приписки[6]. При призыве граждан 1927 г. рождения (декабрь 1944 г.) в призывные комиссии без уважительных причин не явилось уже 17 человек[7].

Большинство граждан сознательно относились к выполнению своего долга. Деятельность государственных органов по изысканию людских ресурсов оказалась достаточно эффективной. Гребенка военкоматов была столь частой, а наказания за уклонение от службы

---

[1] ГАКО. Ф. П-15. Оп. 8. Д. 50. Л. 23.
[2] ЦХАФАК. Ф. 1. Оп. 18. Д. 617. Л. 56.
[3] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3437. Л. 4.
[4] Там же. Л. 126.
[5] Там же. Д. 3923. Л. 89.
[6] ЦХАФАК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 422. Л. 1.
[7] Там же. Л. 6.

в армии столь суровыми, что тыловые районы страны, как уже говорилось ранее, превратились в женские регионы, где взрослый мужчина стал большой редкостью. Западная Сибирь в военные годы являла собой «бабье царство». Женщины должны были занять на производстве рабочие места мужчин, ушедших на фронт. Тем не менее, на плечи женщин легла еще одна обязанность — их призывали в армию, главным образом на вспомогательные должности, для замены мужчин, направлявшихся на передовую. Таким образом, женское население рассматривалось как один из источников укомплектования Вооруженных сил Советского Союза. Это подтверждает тезис о полной истощенности мужского призывного контингента.

Массовые воинские мобилизации среди женщин начались в соответствии с постановлениями ГКО от 25 марта и 13 апреля 1942 г. Тогда было принято решение о призыве 170 тыс. женщин для замены бойцов в войсках ПВО, в войсках связи и в тыловых частях сухопутных войск и военно-воздушных сил. Мобилизации, согласно этим постановлениям, подлежали девушки в возрасте от 19 до 25 лет[1]. 17 апреля 1942 г. СНК СССР утвердил инструкцию «О порядке мобилизации женщин для службы во фронтовых армейских и запасных частях связи и тыловых узлах связи Красной Армии»[2]. Согласно инструкции, мобилизации в войска связи подлежали молодые женщины, имеющие соответствующие специальности или обучавшиеся на различных курсах и в техникумах. В войсках связи женщины служили бодистами, этистами, морзистами, телефонистами, радистами, радиомастерами, телеграфными техниками. От мобилизации освобождались беременные женщины, женщины, имеющие детей или нетрудоспособных иждивенцев. После утверждения инструкции, в 1942 г. в Алтайском крае, Омской и Новосибирской областях в войска связи было призвано почти 3 тыс. девушек[3].

Женщины служили и в авиации, где они в основной массе выполняли обязанности парашютоукладчиц, вооруженцев, трактористов, фотолаборантов, телеграфистов. В Красной армии имелись несколько бомбардировочных авиаполков, укомплектованные женским летным составом. Очень много женщин было занято в войсках ПВО. Часть женщин попадала и на передовую, где они использовались как снайперы и санинструкторы. Так, в Кемерово в июне 1943 г. была проведена мобилизация девушек-снайперов, прошедших

---

[1] ГАРФ. Ф. 9517. Оп. 1с. Д. 14. Л. 1.

[2] Этот день мы приближали, как могли. С. 57.

[3] ГАРФ. Ф. 9517. Оп. 1с. Д. 14. Л. 3, 5.

подготовку в подразделениях всеобуча[1]. Очень много женщин служили врачами, медсестрами, санитарками во фронтовых воинских частях, госпитальных поездах и в тыловых эвакогоспиталях. В 1943 г. регионы Западной Сибири получили от Главупраформа крупный наряд на мобилизацию женщин в железнодорожные войска на должности связистов, писарей, санитаров и поваров[2].

Многие девушки уходили на фронт добровольно или по нарядам комсомольских организаций. Так, в 1943 г. Новосибирский обком ВЛКСМ распределил 450 девушек в гвардейскую Сталинскую дивизию добровольцев-сибиряков, 1270 девушек на Волховский фронт и в Московскую добровольческую женскую стрелковую бригаду, 55 — в Омское интендантское военное училище, 900 — в войска ПВО, 125 девушек на Северный флот[3]. В Омской области в 1944 г. в армию было мобилизовано 1066 женщин[4]. Всего за годы Великой Отечественной войны, по данным военных историков, в армию и на флот, в пограничные и внутренние войска было призвано 570 тыс. женщин[5].

Женщины быстро адаптировались к военной обстановке и настолько втягивались во фронтовую жизнь, что в случае беременности производили криминальные аборты, чтобы не быть демобилизованными. Нарком здравоохранения СССР Г. А. Митерев 27 марта 1943 г. на совещании с делегатами Пленума совета лечебно-профилактической помощи детям сформулировал эту проблему как тревожную и явно нежелательную[6].

В конце Великой Отечественной войны ситуация с военными мобилизациями несколько стабилизировалась. Наряды на призыв в первом полугодии 1945 г. по сравнению с 1944 г. были значительно сокращены. Так, в Новосибирске в Красную армию в 1944 г. было призвано свыше 20 тыс. человек, тогда как за 4 месяца и 19 дней 1945 г. всего 5008 человек[7]. Но с учетом крайнего истощения людского потенциала выполнение этого, даже сокращенного наряда, как указывалось в отчете Военного отдела Новосибирского горкома, было «нелегким делом»[8]. Наряды выполнялись исключительно

---

[1] ГАКО. Ф. П-15. Оп. 8. Д.50. Л. 17.

[2] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 672. Л. 47.

[3] Там же. Д. 640. Л. 6об — 7, 38.

[4] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 4383. Л. 60.

[5] Население России в XX веке: Исторические очерки. Т. 2. 1940–1959. М. 2001. С. 32.

[6] ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 21. Д. 62. Л. 29.

[7] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 9. Д. 435. Л. 1.

[8] Там же. Л. 2.

за счет медицинского переосвидетельствования военнообязанных, годных к нестроевой службе, а также граждан, ранее снятых с учета по состоянию здоровья. Немаловажную роль при выполнении последних нарядов играло дополнительное разбронирование и замена занятых в промышленности и на стройках строевых военнообязанных нестроевыми и женщинами[1].

Начавшаяся 9 августа 1945 г. война с Японией не потребовала дополнительных людских ресурсов. Советский Союз, имевший 11-миллионную армию, смог обойтись без дополнительной мобилизации до предела истощенных людских ресурсов тыла. Поэтому 20 мая 1945 г. из Западной Сибири ушли последние воинские эшелоны. Чрезвычайная воинская мобилизация в Действующую армию была прекращена. Молодые люди 1928 г. рождения, поздней осенью 1944 г. — в начале зимы 1945 гг. взятые на воинский учет и прошедшие приписку к призывным участкам, в 1945 г. в армию не призывались и на фронт не попали. А 26 июня 1945 г. в Западную Сибирь прибыл первый эшелон с демобилизованными воинами старших возрастов.

В целом в течение Второй мировой войны в Вооруженные силы СССР было мобилизовано 34,5 млн человек, в том числе за четыре года Великой Отечественной войны — 29,6 млн человек (за вычетом повторно призванных, но включая 0,8 млн военнообязанных, находившихся по состоянию на 22 июня 1941 г. на учебных сборах)[2]. Фактическое число безвозвратных потерь Красной армии, внутренних и пограничных войск НКВД в 1941–1945 гг. данным статистического исследования «Гриф секретности снят», составило 8668,4 тыс. человек[3]. Кроме того, примерно 500 тыс. резервистов, призванных, но не зачисленных в списки воинских подразделений, пропали без вести, погибли или дезертировали по пути в свои части[4]. Всего, таким образом, к безвозвратным потерям, опираясь на официально признанные источники, можно отнести 9168,4 тыс. человек.

Нацистская Германия (включая Австрию) с 1 июня 1939 г. по 30 апреля 1945 г. мобилизовала в вермахт и войска СС 17,9 млн человек — значительно меньше, чем Советский Союз. Это не значит, что кровосос Гитлер относился к немецкому народу со сбережением. Он был способен утащить за собой в могилу всех

---

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 9. Д. 434. Л.2.
[2] Гриф секретности снят. С. 139.
[3] Там же. С. 131.
[4] Известия. 1998. 25 июня.

немцев. Но Германия испытывала не менее острую, чем Советский Союз нехватку человеческих ресурсов. Задача пополнения вермахта живой силой в годы Второй мировой войны так и не была решена, даже несмотря на то, что для замены ушедших на фронт мужчин в экономике нацистской Германии в 1944 г. использовалось около 15 млн женщин и свыше 7 млн иностранцев и военнопленных [1]. В конце войны в вермахт стали призывать юнцов 1928 и 1929 гг. рождения. Напомним, что в СССР самым молодым призывным возрастом был 1927 г.

Таким образом, советский людской потенциал оказался минимально в два раза «тяжелее», чем людской потенциал Германии. В совокупности с огромными российскими пространствами, абсолютным перевесом сырьевых ресурсов и помощью союзников, СССР получил решающее количественное и качественное преимущество.

Потери вооруженных сил Германии с 1 сентября 1939 г. по 30 апреля 1945 г. составили убитыми 2,2 млн человек, пропавшими без вести и попавшими в плен — 2,9 млн человек, ранеными (без возможности возвращения в строй) — 1,8 млн человек[2]. Кроме того, союзники Германии потеряли убитыми: Венгрия — 140 тыс. человек, Италия — 330 тыс., Румыния — 200 тыс., Финляндия — 82 тыс. человек[3]. Значительный урон был нанесен словацким и хорватским войскам, а также так называемым добровольцам «нордической» расы, прибывшим на Восточный фронт из Франции, Испании, Дании, Нидерландов, Норвегии. К потерям противника следует отнести и погибших изменников Родины, граждан СССР.

В СибВО в 1941–1945 гг. в Красную армию, согласно официальным источникам, было мобилизовано 2621,3 тыс. человек. Если считать, что численность населения, проживавшего на территории, подведомственной СибВО (Алтайский и Красноярский края, Новосибирская и Омская области по административно-территориальному устройству 1941 г., но без современной Тюменской области, которая входила в состав Уральского военного округа[4]) на 1 января 1941 г. составляла 10,4 млн человек, то под ружьем оказалось 25 %

---

[1] Мюллер-Гиллебрандт Б. Сухопутная армия Германии. С. 703–704; Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. Т. 2. М., 1973. С. 640.

[2] Мюллер-Гиллебрандт Б. Сухопутная армия Германии. С. 713.

[3] Арнтц Г. Людские потери во второй мировой войне // Итоги второй мировой войны. Выводы побежденных. СПб. — М., 2002. С. 594–595.

[4] Население России в ХХ веке. Т. 2. С. 33.

сибиряков. Из этого числа не вернулось с войны 817,6 тыс. человек[1]. Таким образом, в 1941–1945 гг. было потеряно 32 % мобилизованных.

Однако вышеприведенные цифры о боевых потерях сибиряков вызывают некоторые сомнения, так как не стыкуются с данными других документов. Согласно справке «О количестве военнослужащих, солдат и сержантов, уволенных по демобилизации и принятых на воинский учет по состоянию на 1 июня 1947 года» (к этому времени демобилизация была близка к завершению) из рядов Вооруженных сил СССР было уволено 8698,5 тыс. человек. На территорию, подведомственную СибВО к 1 июня 1947 г., согласно справке, прибыло 429,2 тыс. демобилизованных военнослужащих[2]. Таким образом, общие итоги движения воинского контингента на территории СибВО в годы Великой Отечественной войны по опубликованным данным представляют собой следующие цифры:

	Тыс. человек	Удельный вес, %
Призвано	2621,3	100,0
Погибло	817,6	31,2
Демобилизовано	429,2	16,4
Остаток (судьба неизвестна)	1374,5	52,4

«Остаток», вобравший в себя более миллиона солдат, сержантов и офицеров, как видим, несоразмерно велик. На его долю приходится более половины всех мобилизованных. Кто может быть включен в число 1374,5 тыс. человек, судьба которых неизвестна? Это искалеченные солдаты и офицеры, комиссованные еще в годы войны; лица, призванные в Красную армию на территории СибВО, но в силу разных причин осевшие после демобилизации в других военных округах; лица, оставшиеся на службе в армии; военнослужащие, переданные в годы войны в рабочие колонны; военнослужащие, совершившие преступления и находившиеся в местах заключения. Но значительная часть «остатка» приходится, по всей вероятности, на погибших и пропавших без вести солдат, сержантов и офицеров, не зарегистрированных органами военного учета. Это говорит только об одном — число боевых потерь Красной армии занижено.

Оценки людских потерь, сделанные на основе недостаточно надежных источников, к тому же с применением различных методик,

[1] Население России в XX веке. Т. 2. С. 39.

[2] Омеличев Б. А. С позиций силы и угроз // Военно-исторический журнал. № 8. 1989. С. 28–29.

различаются в пределах нескольких миллионов. По подсчетам Б. В. Соколова, скорее всего, сильно преувеличенным, Советский Союз в годы Великой Отечественной войны потерял 26,4 млн человек, в том числе 22,4 млн человек убитыми в бою, умершими от ран, болезней, несчастных случаев, в результате приговоров трибуналов, самоубийств и небоевых потерь в тыловых округах[1]. В. В. Литвиненко определяет людские потери СССР в пределах от 7 до 10 млн человек[2], Л. Н. Лопуховский и Б. К. Кавалерчик — в 14,5 млн человек[3]. В. Г. Первышин безвозвратные потери Красной армии увеличивает до 17,8 млн человек[4]. По нашим подсчетам, потери армии, флота, пограничных и внутренних войск составили 14 млн человек и, сверх того, около 1 млн человек составили потери партизан, подпольщиков и ополченцев. Суммарно боевые потери СССР равняются, таким образом, 15 млн человек[5].

Боевые потери воинов-сибиряков (тех, кто был призван в армию на территории СибВО) в годы Великой Отечественной войны, вероятно, приближаются к 1 млн человек. Это недостаточно точная, но, скорее всего, приближенно отражающая реальную ситуацию цифра боевых потерь сибирского региона в Великой Отечественной войне.

Расчет боевых потерь отдельных регионов страны имеет некоторые особенности. Метод прямого счета, в данном случае неосуществим. Мы разделяем точку зрения Л. Л. Рыбаковского, что этот метод имеет ограниченное значение, так как для его применения нужны полные сведения о погибших, которых, к сожалению, не имеется[6]. Для региональных исследований не подходит и широко применяемый сегодня метод демографического баланса. Использование этого метода не позволяет вычленить собственно боевые потери из общих потерь населения. Поэтому получить более точную цифру боевых потерь пока не представляется возможным.

---

[1] Соколов Б. В. Цена войны: людские потери СССР и Германии, 1939–1945 гг. // Тайны Второй мировой. М., 2000. С. 230, 232.

[2] Литвиненко В. В. Цена войны. Людские потери на советско-германском фронте. М., 2014. С. 141.

[3] Лопуховский Л. Н., Кавалерчик Б. К. Когда мы узнаем реальную цену разгрома гитлеровской Германии? // «Умылись кровью»? Ложь и правда о потерях в Великой Отечественной войне. М., 2012. С. 133.

[4] Первышин В. Г. Сталин и Великая Отечественная война. М., 2004. С. 343

[5] Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000. С. 195.

[6] Рыбаковский Л. Л. Людские потери России в войне 1941–1945 годов. М., 2000. С. 15.

Приведенные цифры свидетельствуют о том, что главная проблема Второй мировой войны — людские потери Советского Союза и его отдельных регионов даже по прошествии более чем 60 лет после Победы, еще ждет своего исследователя. Это не просто постыдная амнезия, но своеобразный индикатор самоуважения современников и их отношения к тем, кто в грозные годы ушел защищать Родину.

3.2. Мобилизация трудового потенциала

Для всего периода существования централизованной, плановой экономики Советского Союза было характерно с одной стороны хронически неполное использование всех возможностей людского потенциала страны, а с другой — перманентная напряженность в обеспечении хозяйства рабочей силой. Эти родовые черты советской централизованной экономики сохранились и в период Второй мировой войны, с той лишь разницей, что в военные годы, особенно в 1941–1945 гг. дефицит трудовых ресурсов достиг критических отметок. И если в 1939 — первой половине 1941 гг. призывы молодежи на срочную службу не отражались кардинально на работе промышленности, транспорта, строек и сельского хозяйства, то, начиная со второй половины 1941 г. огромные по масштабам воинские мобилизации значительно превысили возможности тыловых районов выделять живую силу для Красной армии.

Следует учесть, что значительная часть людских ресурсов Советского Союза была потеряна на время или навсегда в связи с неожиданно быстрой оккупацией войсками противника западных районов Советского Союза. По прикидочным подсчетам ЦСУ СССР проделанным задним числом в феврале 1946 г., на территории СССР, подвергшейся оккупации до Великой Отечественной войны проживало 88,7 млн человек. После освобождения на этих территориях было учтено 54,9 млн человек, или на 33,8 млн человек меньше[1]. Эти люди были эвакуированы в восточные районы СССР, призваны в Красную армию, уничтожены в ходе карательной деятельности оккупационных войск, погибли в партизанских отрядах, угнаны в Германию или бежали с немцами на запад. Несомненно, потеря такого огромного количества людей не могла не отразиться на людском потенциале тыловых районов Советского Союза. Сложившийся дефицит

[1] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 2214. Л. 16.

рабочей силы значительно углублялся вследствие неэффективного использования имевшихся в тылу запасов труда.

В 1940 г. в СССР насчитывалось 31,2 млн рабочих и служащих. К третьему кварталу 1941 г. их число уменьшилось до 26,2 млн., а в 1942 г. — до 18,4 млн человек. Это составило 59 % от довоенной численности трудящихся[1]. Специфика динамики трудовых ресурсов Сибири в начале Великой Отечественной войны заключалась в том, что ситуация по обеспечению экономики рабочей силой складывалась здесь все же лучше, чем по стране в целом. В регионе отток мужчин в армию частично (во всяком случае, в количественном аспекте) компенсировался притоком эвакуированных граждан. Западная Сибирь превратилась в один из основных центров приема беженцев. По оценкам ЦСУ СССР, к концу 1941 г. в Западной Сибири накопилось почти 400 тыс. эвакуированных граждан. К середине 1942 г. их численность превысила 700 тыс. человек, а к началу 1943 г. достигла почти 800 тыс. человек[2]. Не исключено, что количество эвакуированных в документах ЦСУ СССР, на которые мы в данном случае опираемся, несколько занижена. Возможно, что на самом деле, регион принял около 1 млн эвакуантов. Эвакуированные явились важным источником пополнения кадров промышленных, строительных, транспортных, сельскохозяйственных и других предприятий и учреждений региона. Так, в 1943 г. из числа прибывших в Западную Сибирь эвакуированных граждан, в промышленность было направлено 291,2 тыс. человек, в сельское хозяйство — 178,4 тыс., на транспорт — 12,9 тыс., в прочие отрасли — 25,6 тыс. человек[3].

Согласно данным, скрупулезно собранным и обработанным Г. А. Докучаевым, среднегодовая численность рабочих и служащих Западной Сибири в 1940 г. составляла 1330,3 тыс. человек. К 1 октября 1941 г. она уменьшилась до 1128,8 тыс. человек[4]. Таким образом, число рабочих и служащих в регионе сократилось всего на 15 %. Вовлекая эвакуированных в производство, остановить падение численности рабочих и служащих не удалось, но этот явно негативный процесс все же замедлился.

---

[1] Митрофанова А. В. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971. С. 430.

[2] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 241. Л. 92; Д. 322. Л. 3; Д. 405. Л. 2.

[3] Рабочий класс Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск, 1984. С. 83.

[4] Докучаев Г. А. Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны. М., 1973. С. 380–381.

Вместе с тем, потребность промышленности, строек и транспорта Западной Сибири в рабочей силе в связи с форсированным развитием военных отраслей экономики стремительно нарастала. Многие эвакуированные предприятия, прибывшие в регион летом и осенью 1941 г., по разным причинам не сумели сохранить контингент рабочих. Так, по десяти предприятиям, перебазированным в Новосибирск, из 25 тыс. рабочих и служащих, ранее работавших на них, с эвакоэшелонами прибыло немногим более 6 тыс. человек. По девяти предприятиям, размещенным в Омске из 44 тыс. человек производственного персонала, прибыло 17 тыс. человек[1]. Эвакуированные в Алтайский край заводы были обеспечены рабочими всего на 20–25 %[2]. По прибытии в Кемерово электромеханического завода из Харькова выяснилось, что он являл собой груду железа без трудового коллектива. Техническое оборудование, вывезенное из Харькова, сопровождали всего 68 человек[3]. В целом по стране на эвакуированных предприятиях оставалось не более 30–40 % рабочих[4]. По сути, кадры для перемещенных в восточные районы предприятий пришлось набирать из местного населения.

Замещение уходивших на фронт мужчин новыми работниками носило исключительно количественной, но далеко не эквивалентный в качественном отношении характер. Как среди эвакуантов, так и среди местного населения, приходившего на производство, преобладали не подготовленные в профессиональном отношении женщины (как правило, бывшие домохозяйки), старики, зачастую утратившие трудовые навыки и никогда не работавшие подростки. При всем своем старании, они не могли стать равноценной заменой квалифицированным рабочим, техникам и инженерам, оказавшимся в Действующей армии. Паника, охватившая советское и партийное руководство в первые месяцы Великой Отечественной войны, привела к структурно бессистемной воинской мобилизации, в ходе которой костяк квалифицированных рабочих и инженерно-

[1] Васильев Ю. А. Сибирский арсенал. Деятельность партийных организаций Сибири по развитию промышленности в период Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Свердловск, 1965. С. 100.

[2] Акулов М. Р. Промышленное развитие Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Ставрополь, 1967. С. 74.

[3] Этот день мы приближали, как могли. Сб. документов и материалов. Кемерово, 2005. С. 124.

[4] Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945. Краткая история. М., 1984. С. 94.

технических кадров сохранить не удалось. В армию были призваны те работники, без которых военное производство оказалось на грани остановки.

Главный инженер Кемеровского азотнотукового завода Сичков в октябре 1941 г., отмечал: «В связи с мобилизацией в ряды РККА выбыли старые кадровые рабочие, а вновь прибывшие на завод молодые рабочие начинают только осваивать сложную технику»[1]. Директор новосибирского завода № 617 в итоговом отчете о работе предприятия за годы Великой Отечественной войны писал, что «основная масса набранных рабочих — это бывшие школьницы от 14 до 17 лет и домохозяйки, в большинстве не работавшие на производстве. Вопрос о кадрах являлся одним из актуальнейших вопросов нормальной работы завода»[2]. На крупнейшем в СССР предприятии Наркомата боеприпасов — комбинате № 179, из 6750 рабочих, занятых непосредственно у станков, 3120 человек имели опыт работы от 1 до 3 месяцев. Секретарь Новосибирского обкома М. В. Кулагин в сентябре 1941 г. докладывал Сталину, что рабочие комбината № 179 «являются почти необученными и ранее не работавшими на производстве»[3]. Таким образом, в Западной Сибири нехватка рабочих рук в начале Великой Отечественной войны носила не столько абсолютный, сколько структурный характер. Это значит, что в регионе еще имелись некоторые ресурсы труда, но остро не хватало квалифицированных рабочих рук.

По мере развертывания военно-мобилизационного процесса и, одновременно, наращивания мощностей оборонной промышленности, а также объемов строительных работ, потребность в кадрах резко увеличивалась. Дефицит рабочей силы из структурного, стремительно превращался в абсолютный. Нехватка рабочих рук принимала все более острый характер. По состоянию на 1 апреля 1942 г. во всех отраслях хозяйства Западной Сибири трудились 1197,6 тыс. рабочих и служащих[4]. По сравнению с октябрем 1941 г. их численность выросла всего на 69 тыс. человек. Этого, учитывая нужды растущего военного производства в рабочей силе, было явно недостаточно. В начале 1942 г. только в Омской области недоставало более 72 тыс. промышленных рабочих[5]. В Новосибирской области

[1] ГАКО. Ф. П-15. Оп. 8. Д. 9. Л. 15.

[2] Оборонная промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Сб. документов. Новосибирск. 2005. С. 745.

[3] Там же. С.148–149.

[4] Докучаев Г. А. Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока… С. 382.

[5] Рабочий класс Сибири в период упрочения и развития социализма. С. 81.

к началу 1942 г. потребность в дополнительной рабочей силе, согласно расчетам Статистического управления, проделанным на основе заявок предприятий, составляла 241 тыс. человек[1]. К августу 1942 г. она достигла 336 тыс. человек[2]. На 21 основном предприятии Томска в 1942 г. не хватало почти 9 тыс. рабочих. На 12 основных предприятиях Кемерово дефицит рабочих рук составлял 6 тыс., а на 4 предприятиях Сталинска (включая Кузнецкий металлургический комбинат) — почти 9 тыс. рабочих[3]. Заместитель председателя Госплана СССР Г. П. Косяченко в докладной записке, направленной в 1942 г. на имя своего непосредственного начальника, председателя Госплана СССР Н. А. Вознесенского писал: «В связи с уходом части рабочих в Красную Армию и народное ополчение, с расширением производства, предприятия военной промышленности испытывают недостаток в рабочей силе»[4]. В целом по всем предприятиям, эвакуированным в районы тыла, в начале 1942 г. требовалось дополнительно около полумиллиона работников[5].

На протяжении войны абсолютная нехватка рабочих рук, не только квалифицированных, но и неквалифицированных, являлась одной из главных проблем военной экономики. Поиск людей, годных для работы в промышленности превратился в такую же острую проблему, как и поиск людей, способных к службе в Вооруженных силах. Однако, кардинально решить эту проблему так и не удалось, хотя ситуация к концу войны несколько стабилизировалась. Промышленные предприятия Новосибирска в 1943–1944 гг. были обеспечены рабочими на 93 %, в первой половине 1945 г. на 95 % к плану. Численность промышленно-производственного персонала на предприятиях Барнаула в 1944 г. составляла 92 % от плановой потребности. В 1945 г. на промышленных предприятиях Барнаула, Рубцовска и Бийска по плану должно быть занято 73 тыс. рабочих, а фактически имелось в наличии 67 тыс.[6]

Массовые воинские мобилизации особенно тяжело отразились на динамике трудовых ресурсов сельского хозяйства. Деревня в ходе двух волн воинских мобилизаций лишилось большей части рабочей силы, в том числе и квалифицированной. В первые же месяцы войны в Сибири было призвано до 90 % трактористов и комбайнеров, 40 %

[1] ГАНО. Ф. 11. Оп. 4д. Д. 16. Л. 27.
[2] Там же. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 38. Л. 4.
[3] Акулов М. Р. Промышленное развитие Сибири… С. 74.
[4] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 42. Д. 986. Л. 81.
[5] Митрофанова А. В. Рабочий класс СССР… С. 189.
[6] Акулов М. Р. Промышленное развитие Сибири… С. 206.

председателей колхозов, 53 % бригадиров, почти половина бухгалтеров и счетоводов[1]. В результате, аграрный сектор экономики Западной Сибири переживал острейший кризис. В Алтайском крае и Омской области в 1943 г. число трудоспособных колхозников по отношению к 1941 г. сократилось на 34 %, в Новосибирской области — на 52 %[2]. Особенно велика была убыль трудоспособных мужчин. Только в сельской местности Новосибирской области за период с 22 июня 1941 г. по 1 августа 1942 г. число мужчин в возрасте от 16 до 59 лет уменьшилось более чем в 2 раза. В абсолютном выражении это выразилось в утрате 290 тыс. работников[3].

В дальнейшем дефицит рабочих рук в западносибирской деревне обострился настолько, что превратился в фактор, снижающий объемы производства остро необходимой сельскохозяйственной продукции. В 1944 г. число трудоспособных работников в колхозах Алтайского края, Кемеровской и Томской областей, по отношению к 1940 г., составляло всего 59 %, Новосибирской и Тюменской областей — 57 %[4]. Нехватка рабочих рук в аграрном секторе экономики Западной Сибири к концу войны выражалась огромными цифрами. Согласно расчетам Ю. В. Арутюняна, к 1945 г. количество трудоспособных колхозников в Западной Сибири по сравнению с 1940 г. уменьшилось почти на 600 тыс. человек[5].

При этом нельзя упускать из виду, что количество сельскохозяйственной техники и лошадей, являвших собой основную тягловую силу в колхозах и совхозах, в военные годы резко сократилось. Только в Новосибирской области (без Кемеровской области, но, включая территорию Томской области) с начала Великой Отечественной войны и до 1 декабря 1944 г. в Красную армию было мобилизовано 67 тыс. лошадей, 13 тыс. повозок, 18 тыс. комплектов упряжи, свыше 7 тыс. грузовых автомобилей, 1 тыс. тракторов[6]. Из хозяйств Омской области уже к 25 июля 1944 г., согласно справке военного отдела Омского обкома «О военно-мобилизационной и оборонной работе за три года войны» было изъято и передано

[1] Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск, 1985. С. 104; Анисков В. Т. Жертвенный подвиг деревни. Крестьянство Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1993. С. 15–16.

[2] Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма. С. 166.

[3] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 38. Л. 30.

[4] Анисков В. Т. Жертвенный подвиг деревни. С. 18.

[5] Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М. 1970. С. 397.

[6] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 8. Д. 597. Л. 215–216.

в Красную армию почти 41 тыс. лошадей, 5,5 тыс. автомобилей, 1,2 тыс. тракторов, 8,4 тыс. конных повозок, 180 тракторных и автомобильных прицепов[1]. В результате, тракторный парк Западной Сибири к началу 1942 г. уменьшился на 3565 машин, а количество грузовых автомобилей за первые шесть месяцев войны сократилось в Новосибирской области — на 73 %, в Алтайском крае — на 71 %[2]. Соответственно, в сельском хозяйстве резко выросла доля ручного, малопроизводительного труда. А это, в свою очередь, обостряло проблему нехватки рабочей силы.

По возникшей еще в 1930-е гг. и уже закостенелой привычке, советское руководство стремилось решить проблему дефицита рабочей силы, как в индустрии, так и аграрном секторе экономики апробированным методом «закручивания гаек». Основную ставку власти сделали на экстенсификацию труда, основанную на предельной эксплуатации работников. К такому решению, подталкивали как суровые условия военного времени (трудиться больше и, тем самым компенсировать сокращение численности работников), так и социально-политическая природа сталинского государства. Непосредственно после начала Великой Отечественной войны, 26 июня 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время», согласно которому директорам предприятий было предоставлено право устанавливать обязательные сверхурочные работы продолжительностью от 1 до 3 часов в день[3]. На практике это означало продление рабочего дня до 12 и более часов. Если требовалось, люди работали сутками. Очередные и дополнительные отпуска указом от 26 июня 1941 г. были отменены.

Как считает Г. С. Кравченко, удлинение рабочего дня и отмена отпусков дали возможность без увеличения штатов предприятий, дополнительно загрузить производственные мощности на 22–25 %[4]. Увеличение рабочего времени на шахтах Кузбасса было равносильно приросту числа рабочих на 15 тыс. человек[5]. На Кемеровском азотнотуковом заводе только за счет совмещения профессий

---

[1] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3913. Л. 23.

[2] Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма. С. 104, 105.

[3] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. М., 1968. С. 37–38.

[4] Кравченко Г. С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1943 гг.). М., 1970. С. 104.

[5] Из истории рабочего класса Сибири. Кемерово, 1965. С. 135.

и удлинения рабочего дня высвободилось в июне 1941 г. сразу 1723 человека, в октябре — 1616 человек[1].

Решение, направленное на удлинение рабочего дня колхозников, было принято значительно позже, только 13 апреля 1942 г. В этот день увидело свет постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней»[2]. Постановление формально запоздало, так как продолжительность рабочего дня колхозников и без того не была ограничена. В данном случае требовалось не столько увеличение рабочего времени, сколько создание юридического прецедента с целью резкого усиления административно-карательного давления на колхозников. Для каждого трудоспособного колхозника и колхозницы, согласно постановлению от 13 апреля 1942 г., обязательный минимум выработки повышался со 100 до 150 трудодней в год. Подростки в возрасте от 12 до 16 лет были обязаны заработать не менее 50 трудодней в год. Соответственно, выросло количество часов, отработанных колхозниками в общественном секторе. Но главное новшество содержалось в констатации, что невыполнение норм выработки является уголовным преступлением. Государство присвоило себе право сурово, вплоть до судебной ответственности, наказывать тех, кто не выполнял установленные нормы. Большую роль в реализации принятых решений и, одновременно, усилении пропагандистского воздействия на крестьянство сыграли воссозданные в ноябре 1941 г. по решению политбюро ЦК ВКП(б) политотделы в МТС и совхозах.

В Омской области за невыработку обязательного минимума трудодней в 1942 г. было осуждено почти 6 тыс. человек, в 1943 г. — почти 2 тыс. человек[3]. Народным судом Тисульского района Новосибирской области только в течение 2-х месяцев после принятия постановления от 13 апреля 1942 г. (с 15 апреля по 15 июня 1942 г.), было осуждено 133 колхозника[4]. В Искитимском, Чулымском, Каргатском и Новосибирском сельском районах весной 1942 г. к уголовной ответственности за «трудовые преступления» было привлечено 585 человек[5]. Наказания за невыработку обязательного минимума трудодней преследовали колхозников в течение всей Великой Отечественной войны. Так, судами общей подсудности

---

[1] ГАКО. Ф. П-15. Оп. 8. Д. 9. Л. 15.

[2] Известия. 1942. 17 апреля.

[3] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3636. Л. 28.

[4] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 268. Л. 30.

[5] Там же. Д. 278. Л. 1–2 об.

Новосибирской области в 1944 г. за невыработку минимума трудодней было осуждено 1344 колхозника[1].

О карательных мерах и составе осужденных за нарушение жестокого трудового законодательства и в частности невыработку обязательного минимума трудодней мы можем судить по данным, приведенным в докладной записке уполномоченного сельскохозяйственного отдела Новосибирского обкома Полознева. Согласно этому документу, датированному 8 августа 1942 г., в Барзасском районе за два с небольшим месяца, с 13 апреля по 15 июня народным судом были рассмотрены дела 76 колхозников. Из них 64 человека были приговорены к исправительно-трудовым работам (*далее ИТР – В. И.*) с вычетом из заработка 25 % в пользу колхоза, 41 человек получили срок 6 мес. ИТР, 16 человек — 4 месяца, 7 человек — 3 месяца ИТР. Из числа осужденных подавляющее большинство — 97 % составляли женщины. Из 64 осужденных, 31 человек имели возраст от 16 до 45 лет, 33 человека — от 46 до 55 лет[2]. Важно подчеркнуть, что основной мерой наказания были исправительно-трудовые работы (ИТР). В данном случае суды исходили исключительно из прагматических соображений — если бы всех, не вырабатывавших обязательный минимум трудодней, лишали свободы, то трудиться в колхозах было бы некому, что окончательно подорвало бы сельскохозяйственное производство.

Безжалостные карательные меры в совокупности с интенсивным идеологическим давлением, вынудили колхозников заметно повысить свою трудовую активность. Прокурор Новосибирской области Румянцев докладывал 8 декабря 1942 г. секретарю обкома М. В. Кулагину, что после применения судебных репрессий «совершенно не стало невыработавших обязательного минимума трудодней»[3]. Разумеется, это было явным преувеличением. Но то, что колхозники стали больше времени трудиться на колхозных полях и фермах, является очевидным фактом.

Цифровые материалы, сосредоточенные в *табл. 3.2.1* убедительно демонстрируют, что напряженность труда в сельском хозяйстве Омской области в 1942 г. по отношению к 1941 г. существенно возросла. Число колхозников, не выработавших минимума трудодней или ни одного трудодня, заметно сократилось. Увеличилось количество тех, кто заработал свыше 500 трудодней. Особенно заметно

---

[1] ГАНО. Ф. 1199. Оп. 2. Д. 14. Л. 22 об.

[2] Там же. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 251. Л. 10.

[3] Там же. Д. 278. Л. 1об.

повысилась трудовая активность женщин и подростков. Выработка трудодней на одного работника в колхозах области за 1941–1942 гг. повысилась: у мужчин с 360 до 417 трудодней (на 15,8 %), у женщин с 220 до 296 трудодней (на 34,5 %), у подростков с 53 до 131 трудодня (почти в 2,5 раза)[1]. Вместе с тем, несмотря на интенсификацию трудовых усилий крестьянства, суммарное количество отработанного в колхозах времени, не только не увеличилось, но даже сократилось, особенно у мужчин. Это было обусловлено резким снижением численности колхозников. Стало быть, властям не удалось компенсировать уменьшение абсолютной численности рабочих рук.

*Таблица 3.2.1**

Трудовая активность колхозников Омской области.**
1941–1942 гг.

Количество выработанных трудодней	Число работников					
	1941 г.		1942 г.		1942 г. в % к 1941 г.	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
До 50	3215	14 969	527	4782	16,4	31,9
От 50 до 200	30 674	11 6923	10 701	78 222	34,9	66,9
От 200 до 400	60 590	10 2441	31 383	13 2246	51,8	129,1
Свыше 500	45 451	25 774	29 700	46 314	101,9	179,7
Не выработавшие минимума трудодней	3688	17 937	2152	15 921	58,4	88,7
Не выработавшие ни одного трудодня	212	1829	69	538	32,5	29,4
Всего	143 830	279 873	74 532	278 023	51,8	99,3

* Источник: ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3636. Л. 28.
** По административно-территориальному устройству 1942 г.

Омская область отнюдь не была исключением из правила. Аналогичные тенденции развивались во всех районных Западной Сибири. Для подтверждения этого факта приведем данные о среднегодовой выработке трудодней в колхозах Кемеровской области. Они свидетельствуют, что обязательный минимум трудодней

[1] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3636. Л. 28.

вырабатывался большинством трудоспособных колхозников в течение всей Великой Отечественной войны[1]:

	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Трудоспособные мужчины	398	397	403	369
Трудоспособные женщины	248	254	274	247
Подростки	106	99	91	93

В колхозах Новосибирской области в течение 1940–1943 гг. количество трудодней, выработанных мужчинами, выросло на 33 %, женщинами — на 42 %. Как видим, значение женского труда непрерывно нарастало. Удельный вес женского труда в затратах рабочего времени колхозников увеличился с 38 % в 1941 г. до 57 % в 1943 г. В 1944 г. на долю женщин в колхозах Сибири приходилось почти 74 % выработанных трудодней, а среднегодовая выработка каждой колхозницы поднялась с 272 трудодней в 1943 г. до 283 в 1944 г.[2] Одновременно увеличилась интенсивность труда стариков и подростков. Удельный вес труда стариков вырос с 4,5 % в 1941 г. до 7 % в 1943 г., подростков — с 7,3 % до 15 %[3].

Материальное стимулирование труда колхозников, само собой, отсутствовало. Государство пренебрегало такой «мелочью» ещё задолго до войны, что же говорить об условиях оплаты в военные годы? Колхозники Кемеровской области в 1943 г. на 1 трудодень получали 0,5 кг зерна (примерно стакан) и это считалось достижением[4]. В Западной Сибири в годы войны резко увеличилось число колхозов с минимальной (до 100 гр.) выдачей зерна на трудодень. Так, в Алтайском крае в 1941 г. доля колхозов, где на трудодень полагалось менее 100 гр. зерна составляла 0,9 %. К 1943 г. прослойка нищих колхозов выросла до 12 %. В Омской области удельный вес таких колхозов в 1941 г. составлял 0,6 %, а в 1943 г. — почти 15 %[5].

Колхозники получали столь жалкие крохи, что можно с полным основанием утверждать: работа в колхозе не оплачивалась. В обмен на свой тяжелый труд крестьяне получали право на личное

[1] ГАКО. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 300. Л. 13.

[2] Пановский Л. С. Трудовая активность колхозного крестьянства Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Исторические аспекты экономического, культурного и социального развития Сибири. Часть II. Новосибирск, 1978. С. 243–244.

[3] Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма. С. 136.

[4] ГАКО. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 300. Л. 13.

[5] Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма. С. 176.

приусадебное хозяйство, за счет которого они и кормились. Имея в виду полное отсутствие каких-либо материальных стимулов, «властям предержащим» не оставалось ничего другого, как рассчитывать исключительно на патриотическое осознание крестьянством своего долга, пропагандистскую работу, но главное — на жестокость наказаний. Сталинские законодатели рассуждали примерно так: при отсутствии материальных стимулов труда, чем строже будут наказания, тем больше и лучше будут трудиться крестьяне. В условиях острого дефицита рабочей силы репрессии в сфере трудовых отношений рассматривались властями как важнейший инструмент экстенсификации сельскохозяйственного труда.

Уголовные преследования не только за невыработку минимума трудодней, но за малейшую провинность стали обыденным явлением деревенской жизни. По данным оперативного учета Управления Наркомата юстиции по Новосибирской области, в ходе весенней посевной кампании 1942 г. суды рассмотрели в апреле — 37 дел, а за первые две недели мая — 44 дела по трудовым отношениям[1]. По этим делам 32 человека были приговорены к исправительно-трудовым работам, 44 человека были лишены свободы на срок до 5 лет, 12 человек приговорены к лишению свободы на срок 5 лет и более[2]. Агроном колхоза «Новая деревня», Мануйловского сельсовета М. не обеспечил очистку семян, не проверил их на всхожесть, не организовал сбор местных удобрений и вывозку навоза, не проводил агротехническую учебу. Народный суд Болотнинского района приговорил его по статье 111 УК РСФСР к лишению свободы на три года[3]. Колхозник Б., работая трактористом в колхозе «Светлый путь» Тартасского сельсовета, сломал рычаг плуга, сжег прокладку и открыл скоростную коробку вместо диска. Вспахал за 11 дней всего 7 га, вместо положенных по норме 32 га. Народный суд Венгеровского района приговорил Б. по статье 79-2, ч. 2 УК РСФСР к двум годам лишения свободы[4]. Тракторист колхоза им. Жданова К., 12 мая 1942 г. в час ночи, оставив в поле трактор, ушел домой и совершил «прогул» длительностью 5 часов. Народный суд Черепановского района осудил его по статье 5, ч. 2 указа от 26 июня 1940 г. на шесть месяцев ИТР с удержанием 25 % заработка[5]. Гражданка С., работавшая комбайнером Ужанихинской

[1] ГАНО. Ф. 1199. Оп. 1а. Д. 19. Л. 21.

[2] Там же. Л. 26.

[3] Там же. Л. 22.

[4] Там же. Л. 24.

[5] Там же. Л. 25.

МТС, 8 мая 1942 г. самовольно ушла с работы. Народный суд Чулымского района осудил С. по статье 5, ч. 2 указа от 26 июня 1940 г. приговорил её к четырем месяцам лишения свободы[1].

Но решить проблему дефицита трудовых ресурсов, как в сельском хозяйстве, так и в промышленности, только путем удлинения рабочего дня, экстенсификации труда и максимального ужесточения законодательства оказалось невозможным — слишком велики были масштабы воинских мобилизаций. Военные изымали из экономики страны миллионы квалифицированных и неквалифицированных работников, лишая тыл рабочих рук. Вместе с тем, они настаивали на увеличении поставок в армию вооружения, боеприпасов, техники, обмундирования и продовольствия. Как казалось в то суровое время, единственно возможным решением была максимальная милитаризация труда.

Стремясь аврально решить задачу, советское руководство обратилось к опыту Гражданской войны. Еще в 1918 г. в нашей стране было создано так называемое тыловое ополчение, куда призывались граждане, лишенные избирательных прав («лишенцы»). Из них были сформированы подразделения, использовавшиеся на хозяйственных работах. На завершающем этапе Гражданской войны уже целые военизированные формирования употреблялись для выполнения различных хозяйственных работ. Таким образом, в начале 1920-х гг. масштабы милитаризованного, по сути своего принудительного труда в стране резко расширились.

На базе подразделений тылового ополчения позднее были созданы строительные (рабочие) батальоны РККА. До войны в стройбат направлялись призывники «не заслуживавшие политического доверия»: дети репрессированных, трудпоселенцев, бывших кулаков, торговцев, офицеров, священнослужителей, а также лица с уголовным прошлым. После принятия 1 сентября 1939 г. «Закона о всеобщей воинской обязанности», в документах военкоматов эти призывники обозначались как «команда № 01».

В годы Великой Отечественной войны стройбат и послужил фундаментом для формирования многочисленной трудовой армии. Деятельность рабочих батальонов на территории, подведомственной СибВО регулировалась приказом политуправления СибВО № 20/0908 от 26 августа 1941 г. за подписью члена Военного совета округа, бригадного комиссара Г. Н. Захарычева. С ним были ознакомлены все секретари обкомов, крайкомов и крупных горкомов.

[1] ГАНО. Ф. 1199. Оп. 1а. Д. 19. Л. 26.

В приказе подчеркивалось, что по решению правительства и указаниям наркома обороны, с целью форсированного оборонного строительства, на территории Сибири разворачивается создание рабочих батальонов. Их личный состав комплектовался на общих основаниях с воинскими частями РККА из состава, не подлежащего направлению в Действующую армию по политико-моральным соображениям (кроме начсостава). В этой связи в приказе содержалось специальное указание, что к бойцам строительных батальонов должна быть проявлена «особая бдительность»[1].

Рабочие батальоны непосредственно подчинялись Военному совету СибВО, а в производственном отношении — гражданским директорам и начальникам промышленных и строительных организаций. Батальоны содержались на полном хозрасчете и получаемое из органов НКО обмундирование и продовольствие должны были оплачивать за счет заработанных ими средств. Гражданские организации обязались обеспечивать бойцов рабочих батальонов общежитиями, инвентарем и выплачивать стоимость выполненных работ по единым государственным расценкам. Взаимоотношения между рабочими батальонами и хозстройорганизациями регулировались хозяйственными договорами.

Ровно через месяц, приказом наркома обороны СССР от 26 сентября 1941 г. была проведена кардинальная реформа трудовой армии. Большая часть рабочих батальонов РККА была преобразована в рабочие колонны. Они изымались из военного ведомства и передавались в полное подчинение гражданским наркоматам, а также НКВД. Политическое руководство рабочими колоннами из Главного политического управления РККА предоставлялось местным партийным органам. Бойцы рабочих колонн снимались со всех видов интендантского снабжения по линии Наркомата обороны и передавались на довольствие гражданским наркоматам[2]. Решением ГКО от 21 марта 1942 г. рабочие колонны из военных подразделений были превращены в полувоенные трудовые формирования[3]. Рабочие колонны не имели знамени, а их бойцы не принимали военной присяги (наличие знамени и личного состава, принявшего присягу, является, по российской традиции, обязательным условием для воинской части). Вместе с тем рабочие колонны сохранили военную форму одежды (выдавалось обмундирование 4-го срока носки), а командный состав формировался за счет резервов Наркомата обороны.

[1] ГАКО. Ф. П-15. Оп. 8. Д. 16. Л. 62–63.
[2] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3070. Л. 2.
[3] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 624. Л. 4.

В течение всей Великой Отечественной войны рабочие колонны пополнялись личным составом исключительно через военкоматы по нарядам Комиссии ГКО, функционировавшей под руководством Н. М. Шверника. Помимо граждан, негодных к строевой службе по состоянию здоровья, но годных к физическому труду, в рабочие колонны, как ранее в рабочие батальоны, направлялись лица, отсеянные от призыва в Действующую армию по «политико-моральным соображениям». Соответственно, рабочие колонны комплектовались за счет бывших кулаков, подкулачников, торговцев, фабрикантов, дворян, белогвардейцев, лиц, побывавших за границей или граждан, имевших родственников за границей. Значительную прослойку бойцов рабочих колонн составляли те, у кого близкие родственники были подвергнуты репрессиям. Важным источником пополнения личного состава рабочих колонн были граждане, освободившиеся из заключения. В первую очередь в рабочие колонны направлялись те из них, кто был осужден по политическим 58 и 59 статьям УК РСФСР. Инструктор Военного отдела Омского горкома Проскурня в начале 1942 г. докладывал заместителю заведующего Военным отделом Омского обкома Лутченко: «Людей горвоенкомат будет, по мере освобождения из заключения, направлять в управление стройколонн». (*В ряде архивных документов рабочие колонны именуются «строительными колоннами» – В. И.*)[1]. При укомплектовании рабочих колонн личным составом учитывался и этнический признак. В начале Великой Отечественной войны туда призывались: поляки, эстонцы, латыши, литовцы, чехи. В течение всей войны — румыны, болгары, корейцы, китайцы, греки, переселенцы из Западной Белоруссии и Западной Украины. В рабочие колонны попадали также плохо владевшие русским языком представители народов Средней Азии и Казахстана. Так в годы Великой Отечественной войны из Таджикской ССР было призвано и направлено в рабочие колонны почти 50 тыс. человек, главным образом колхозников. Они были направлены на стройки Урала и Сибири[2].

В рабочие колонны направлялись и женщины. Этнической группой, поставлявшей женщин для рабочих колонн, были советские немцы. Мобилизованные немки направлялись в женские спецколонны. Отношение к советским немцам, а также к румынам, венграм, болгарам, словакам, финнам вообще было особым. Все представители этих этнических групп, главным образом мужчины

[1] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3437. Л. 17.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 373. Л. 24

в возрасте от 15 до 55 лет включительно, годные к физическому труду, как депортированные, так и проживавшие в Западной Сибири постоянно направлялись исключительно в рабочие колонны НКВД. Местом их дислокации были определены лагеря ГУЛАГа. Положение этих людей почти не отличалось от положения заключенных. В Алтайском крае, например, так называемые «мобнемцы» размещались непосредственно в зоне Алтайского исправительно-трудового лагеря. Секретарь Прокопьевского горкома М. Гусев 26 мая 1944 г. докладывал секретарю Кемеровского обкома С. Б. Задионченко, что все мобнемцы «размещены в специальном бараке, обнесенном забором, проход производится охраной через контрольные ворота»[1]. Единственное различие между собственно заключенными и мобнемцами состояло в том, что последние попадали на положение заключенных не через суды и трибуналы, а мобилизовывались через военкоматы.

Период бурного формирования рабочих колонн пришелся на осень 1941 г. К октябрю этого года для Наркомстроя было сформировано 160 рабочих колонн общей численностью 145 тыс. человек, для Главвоенстроя — 60 колонн с 60 тыс. человек. Наркомцветмет насчитывал в своем составе 16 рабочих колонн на 16 тыс. человек. Наркомат путей сообщения сформировал 6 колонн на 6 тыс. бойцов [2]. НКВД к октябрю 1941 г. укомплектовал 46 рабочих колонн с 46 тыс. бойцов, а Гушосдор НКВД — 21 колонну с численностью личного состава свыше 14 тыс. человек [3]. Всего к марту 1942 г. в СССР было создано 1116 рабочих колонн. Дополнительно к этому, в начале весны 1942 г. 166 колонн пребывали в стадии формирования, а бойцы 120 рабочих колонн находились в пути к месту постоянной дислокации. Всего, стало быть, в Советском Союзе к весне 1942 г. насчитывалось 1402 рабочие колонны. Совокупная численность личного состава рабочих колонн на 15 марта 1942 г. достигла огромной величины — 1264,5 тыс. человек[4].

Несмотря на многочисленность личного состава рабочих колонн, власти и в дальнейшем стремились к наращиванию их численности, тем более что некоторая часть их бойцов с 1942 г. стала направляться в Действующую армию. В ноябре и декабре 1942 г. военкоматы Среднеазиатского военного округа получили задание

---

[1] Неизвестный Кузбасс (1943–1991 гг.). Сб. архивных документов. Кемерово, 1993. С. 11–12.

[2] ГАРФ. Ф. 9517. Оп. 1с. Д. 14. Л. 22–28.

[3] Там же.

[4] Там же.

мобилизовать для работы на предприятиях Наркомугля — 55 тыс. человек, Наркомчермета — 25 тыс., Наркомбоеприпасов — 15 тыс., Наркомвооружения — 10 тыс. человек. Для Наркомата путей сообщения планировалось мобилизовать 54 тыс. бойцов, Наркомстроя — 30 тыс., Наркомцветмета — 11 тыс., Наркомнефти — 15 тыс., Наркомстройматериалов — 3 тыс., Наркомхимстроя — 20 тыс., Наркомрезинопрома — 3 тыс. человек[1].

К 10 апреля 1943 г., согласно докладной записки Е. А. Щаденко и Н. М. Шверника на имя В. М. Молотова, было запланировано направить в промышленность и строительство 518 тыс. военнообязанных, из них «для выполнения производственного плана предприятий и строек — 261 000 человек, на замену разбронируемых — 150 000 человек, на замену призывников 1925 г. рождения — 107 000 человек»[2]. Этот план был выполнен со значительным превышением, так как закон превратил многих граждан Советского Союза в изгоев, которые пополняли ряды бойцов рабочих колонн. В 1943 г. через военкоматы для работы в промышленности и строительстве дополнительно было направлено 722 тыс. человек. Только в 1944 г. началось некоторое сокращение масштабов мобилизации в рабочие колонны. В этом году военкоматами страны в рабочие колонны было направлено — 674 тыс. человек, а за 7 месяцев 1945 г. — 129 тыс. человек[3]. Самое большое количество бойцов, мобилизованных в трудовую армию в годы Великой Отечественной войны через военкоматы всех уровней получил Наркомуголь — почти 300 тыс. человек, Наркомцветмет — свыше 200 тыс., Наркомстрой — почти 200 тыс., Наркомат боеприпасов — 80 тыс. человек[4].

В Западной Сибири первые рабочие колонны были сформированы к 12 октября 1941 г. Укомплектование рабочих колонн региона личным составом первоначально происходило за счет контингента военнообязанных Новосибирской, Омской и Семипалатинской областей, отсеянных от службы в Действующей армии по политико-моральным соображениям и национальным признакам. В СибВО было полностью укомплектовано 67 рабочих колонн. К концу декабря 1941 г. в округе имелось уже 72 рабочих колонны[5]. В одной только Новосибирской области в октябре 1941 г. в рабочих колоннах

---

[1] ГАРФ. Ф. 9517. Оп. 1с. Д. 14. Л. 22–28.

[2] Там же. Оп. 1. Д. 26. Л. 32.

[3] Там же. Оп. 1с. Д. 25. Л. 118.

[4] Там же.

[5] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 621. Л. 537.

насчитывалось 55 тыс. бойцов, в феврале 1942 г. — 159 тыс. бойцов[1]. В Алтайском крае по состоянию на 12 октября 1942 г. в рабочие колонны было призвано 53 тыс. человек, из них 14 тыс. немцев. Все немцы размещались на территории исправительно-трудовых лагерей НКВД[2]. Около 33 тыс. человек, призванных военкоматами края, были направлены для работы за его пределами, а примерно 6 тыс. были оставлены для работы в промышленности самого края[3].

Шахты и стройки Наркомугля, расположенные на территории Кузбасса (Кузбассшахтстрой, Кузбассуголь, Главуглемаш, заводы № 1 и 2 в Ленинске-Кузнецком) в ноябре и декабре 1942 г. получили в свое распоряжение 18 тыс. призывников, мобилизованных через военкоматы[4]. На стройках Сталинска в 1942 г. власти задействовали 20 рабочих колонн с контингентом около 11 тыс. человек[5]. В Омской области к лету 1943 г. для работы в промышленности и строительстве военкоматы мобилизовали почти 60 тыс. человек[6]. Одних только немцев за период с 1 января по 1 июля 1943 г. в рабочие колонны области было направлено около 8 тыс. человек[7].

Бойцы рабочих колонн сыграли без преувеличения выдающуюся роль в наращивании военно-промышленной мощи Советского Союза. Они участвовали в строительстве большинства оборонных объектов Западной Сибири. В протоколе заседания бюро Новосибирского обкома от 7 апреля 1942 г. специально подчеркивалось, что «рабочие батальоны обеспечивают в основном стройки рабочей силой»[8]. В Сибири не было сколько-нибудь значительной стройки, на которой не выполняли бы самые тяжелые, в основном земляные и погрузочно-разгрузочные работы бойцы рабочих колонн. Они использовались на строительстве и реконструкции таких промышленных гигантов, как комбинат № 179 (Наркомат боеприпасов), заводы № 153 и 335 (Наркомавиапром), № 174 (Наркомтанкопром), № 29 (Наркомавиапром), завод «Т» (Наркомат вооружения). В Кемерово силами личного состава девяти рабочих колонн строились и реконструировались заводы №№ 219, 391, 392, Азотнотуковый завод и Коксохимзавод. В бойцы-строители возводили и реконструировали

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 621. Л.330, 537.
[2] ЦХАФАК. Ф. Р-635. Оп. 2. Д. 6. Л. 183;
[3] Там же. Ф. 1. Оп. 18. Д. 152. Л. 76.
[4] ГАРФ. Ф. 9517. Оп. 1с. Д. 6. Л. 4.
[5] Рабочий класс Сибири в период упрочения и развития социализма. С. 85.
[6] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3636. Л. 96.
[7] Там же. Д. 3747. Л. 129.
[8] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 624. Л. 4.

заводы №№ 188, 325, 556, 609, 610, 612, 665, 838, 839, 841, 842, 843. В Бердске они трудились на строительстве заводов №№ 296 и 318. В Сталинске бойцы рабочих колонн работали на Кузнецком металлургическом комбинате, на возведении Алюминиевого завода, завода Металлоконструкций им. Молотова и Ферросплавного завода[1]. Бойцы рабочей колонны № 1706 добывали уголь в тресте «Куйбышевуголь». Они же составляли основу рабочей силы треста «Главметаллстрой»[2]. Значительный трудовой вклад бойцы рабочих колонн внесли в сооружение Беловского цинкового завода. Красноармейцы из рабочих колонн рубили лес, принимали участие в перешивке имеющей военно-стратегическое значение Транссибирской железнодорожной магистрали, в реконструкции Чернореченского цементного завода и Томской ТЭЦ.

И все же в течение всей войны они оставались людьми «третьего сорта». Суть отношения начальства к личному составу рабочих колонн предельно ясно выразил секретарь Новосибирского обкома М. В. Кулагин. 30 октября 1941 г. на совещании в обкоме, посвященном положению в рабочих колоннах, он заявил: «Все эти батальоны собраны с бора да с сосенки, неблагонадежные люди, чуждые советской власти… Эти люди непригодны для армии, среди этих людей есть и такие, которые в прошлом сделали много плохого для советской власти…Бдительность, товарищи, должна быть проявлена в батальонах… Враг всеми средствами пытается заслать к нам диверсантов, под любым предлогом, с прямой задачей взрывать, вредить, убивать, когда нужно будет и собирание всяких секретных данных и передача разведке. В этих батальонах наиболее благоприятная обстановка для действия врагов»[3].

Политическое недоверие, которое постоянно испытывали бойцы рабочих колонн, усугублялось рядом факторов организационно-административного характера. Бойцы-строители оказались сидящими между двумя ведомственными стульями. Гражданские руководители строек считали их военными. Руководители военного ведомства своими их не признавали. Соответственно, никто не хотел заниматься вопросами материально-бытового обеспечения. Размещались бойцы скученно, без соблюдения элементарных гигиенических норм, в бараках, подвалах, клубах, школах и даже в палатках. Особенно плохо было организовано питание бойцов. Во многих

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 350. Л. 21.
[2] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3070. Л. 6.
[3] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 621. Л. 315, 321.

рабочих колоннах пищу выдавали раз в сутки. Красноармеец рабочей колонны № 1951, которая использовалась на строительстве одного из заводов в Сталинске жаловался: «Нам на день дают по одному литру супа и по стакану чаю. Так невозможно прожить. Были случаи, когда многим из нас, не выполнившим вследствие недоедания норму, не выдавали обед»[1]. Качество продуктов питания было столь отвратительным, что Особый отдел НКВД фиксировал случаи коллективного отказа голодных людей от пищи: «Низкое качество питания вызывает ряд нездоровых а/с (*антисоветских – В. И.*) разговоров. В 725 раб. колонне имеют случаи коллективного отказа от пищи. Так, в октябре месяце (*1941 г. – В. И.*) там отказались от приема пищи 18 человек поляков. В 837 раб. колонне наряду с плохим питанием имели место обнаружения в супе полуметровых тряпок»[2].

Предоставим слово самим красноармейцам, высказывания которых аккуратно собирались осведомителями особого отдела НКВД, внедренными в рабочие колонны.

Боец И. Ф. Иванов: «Загнали нас в барак. Обмундирование не дали, валяемся на голых нарах. В бараке темно, находимся 500 человек. Кормят плохо, мясного не видим, хлебе не хватает, хожу раздевшись в одной рубахе». Боец Гаук: «Не питание, а дрянь. Заключенных и то лучше кормят, чем нас». Командир отделения Фоминых: «Нас взяли в армию только мучить, дают кушать столько, чтобы только не умереть с голоду, а сегодня совсем не хотят дать. Командиры сами нажрались и о нас незачем думать». Боец Усолкин: «Разве мыслимо так кормить, с голода скоро сдохнем, что нас сюда морить что ли собрали». Боец Сергеев: «Что нам дают есть, что ел, что не ел, одинаково. Наверное Гитлер своих солдат так не кормит, а еще хотят, чтобы мы им чего-то построили». Боец Н. Ф. Худяков: «Жизнь наша красноармейская похожа на жизнь осужденных и отбывающих наказание… работаем помногу, одевают же плохо, обмотки надоели и прочее». Боец Ф. Я. Федоров: «Лучше помереть с пули, чем здесь с голоду помирать»[3].

Бойцы рабочих колонн, доведенные голодом до потери человеческого облика, рылись по помойкам, ели мерзлую картошку, сгнившие капустные листья и даже нищенствовали. Начальник 5 отделения Особого отдела НКВД СибВО, сержант госбезопасности

---

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 5. Л. 571.
[2] Там же. Оп. 5. Д. 621. Л. 543–544.
[3] Там же. Л. 544–545.

Козлов в справке «По рабочим колоннам СибВО», направленной 2 января 1942 г. начальнику Особого отдела СибВО, капитану госбезопасности Крысанову, фиксировал: «Бойцы после обеда, придя на работу, следуют к цеховым столовым, добывают картофель и устраивают приготовление её — пекут в кострах или же достают капустные листья и употребляют. Тогда же зарегистрированы факты, когда бойцы посещают нач. составовские столовые и собирают хлеб, что является дискредитацией Красной Армии… Боец Краус 15.Х.41 г. был задержан нач. составовской столовой, который собирал куски хлеба. Краус по национальности немец имеет высшее медицинское образование. Аналогичных случаев задержания бойцов в столовых во время собирания кусков хлеба насчитывается 6. В 724, 725 и 752 раб. колоннах бойцы ходят по рабочим общежитиям и собирают хлеб как подаяние… Такие факты имеют место и в 746 б-не»[1].

Обмундирование бойцам рабочих колонн выдавалось 4-й категории, фактически ветошь. Многие рабочие колонны вообще не обмундировывались. Зимой и осенью бойцы выходили на работу завернувшись в одеяла, а вместо обуви использовали так называемые «ЧТЗ» — подобие галош, вырезанных из покрышек. Грязные, оборванные, завшивленные бойцы шныряли по городским рынкам, возле столовых и магазинов и тащили все, что попадется под руку. Женщины, стоявшие в длинных очередях за хлебом, пожалуй, наиболее точно определили социальный статус бойцов рабочих колонн: «Вы не красноармейцы, вы похожи на сбежавших из тюрьмы»[2].

Зафиксированы случаи, когда бойцы рабочих колонн организовывали банды, грабившие местное население. Массовым явлением стало дезертирство. Справка Особого отдела НКВД содержит следующую информацию: «Всеми… недочетами и безобразиями пользуется а/с (*антисоветский — В. И.*) элемент, вовлекая в свою вражескую работу неустойчивых бойцов. Так, в 725 раб. колонне вскрыта к-р (*контрреволюционная — В. И.*) бандитская группировка Терентьева в составе 9 чел., ставившая задачей организацию в тайге банд из дезертиров и уничтожения отдельных коммунистов. В раб. колоннах г. Кемерово вскрыта к-р группировка немцев. В 746 раб. колонне группа бойцов во главе с Бушко организовала побег, но была своевременно ликвидирована нами»[3].

Эффективность принудительного милитаризованного труда была, несомненно, очень низкой. В первом полугодии 1941 г.

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 621. Л. 543–456.

[2] Там же. Л. 543.

[3] Там же. Л. 546–547.

выработка на одного бойца рабочей колонны составляла в среднем 68 % плановой нормы, а производительность труда не дотягивала и до 30 %[1]. В октябре 1941 г. на строительстве комбината № 179, где трудились бойцы девяти рабочих колонн, средняя выработка не превышала 60–70 % от принятых норм[2]. В приказе Политуправления СибВО от 26 августа 1941 г. подчеркивалось, что «батальоны используются на работах плохо. Норм не вырабатывают, дисциплина в батальонах низкая, организованность на работах почти отсутствует... Руководители предприятий смотрят на бойцов батальонов как на дармовую рабочую силу, присланную на короткий срок в помощь вольнонаемному составу рабочих». В приказе отмечалось также, что руководители строек не несут ответственности за несвоевременную выдачу нарядов, отсутствие фронта работ, вынужденные простои и крайне низкую производительность труда [3] . Секретарь Новосибирского обкома В. Ф. Артемьев докладывал первому секретарю обкома М. В. Кулагину, что в январе 1942 г выработка бойца рабочей колонны составляла 40 % от плановой, в феврале — 37 %. В среднем, в течение года бойцы рабочих колонн выполняли нормы выработки на 76 %[4].

В постановлении Военного совета СибВО от 8 октября 1941 г. «О состоянии рабочих колонн» констатировались многочисленные самовольные отлучки бойцов, случаи неисполнения приказаний, членовредительство, пьянство, дезертирство[5]. Руководители предприятий, где были задействованы рабочие колонны, в ответ на сетования военных, отмечали крайне низкую дисциплину, огромное количество невыходов на работу, многочисленные опоздания, скверное качество работ. Так, в информации «О деятельности рабочих колонн СибВО по оборонному строительству на 29 октября» (*1941 г. — В. И.*), подчеркивалось, что «загрузка рабочего дня во многих рабочих колоннах исключительно низкая, как правило, 60–70 %» [6] . Но справедливо ли требовать чего-то иного от насильственно мобилизованных людей «третьего сорта», вырванных из семьи, одетых в обмундирование четвертого срока носки, питавшихся по предельно сокращенным тыловым нормам, проживавших в неблагоустроенных бараках

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 687. Л. 105.

[2] Там же. Оп. 4. Д. 687. Л. 109.

[3] ГАКО. Ф. П-15. Оп. 8. Д. 16. Л. 62.

[4] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 354. Л. 187–191.

[5] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3070. Л. 2.

[6] Оборонная промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. С. 177–179.

и землянках? Компенсировать низкую результативность труда бойцов рабочих колонн можно было только за счет массовости. Многочисленность бойцов рабочих колонн, использование их дешевого труда на самых тяжелых, неквалифицированных работах в условиях общего острого дефицита рабочей силы делали их труд незаменимым.

Немаловажную роль в обеспечении советской экономики рабочей силой в период войны сыграли заключенные, чей труд широко использовался на строительстве и реконструкции важнейших промышленных объектов. Достаточно сказать, что в июле 1941 г. на крупнейшем оборонном предприятии Сибири, комбинате № 179 трудилось почти 8 тыс. заключенных. По решению ЦК ВКП(б) и СНК СССР Сиблаг дополнительно направил на строительство комбината ещё 10 тыс. заключенных[1]. Во втором полугодии 1942 г. на предприятиях Наркомата боеприпасов Новосибирской области заключенные составляли почти 22 % рабочих[2]. За период со второго полугодия 1941 г. по 2 полугодие 1943 г. здесь было задействовано почти 20 тыс. заключенных[3].

Бюро Новосибирского обкома, учитывая острую нехватку квалифицированных рабочих и инженерно-технических кадров, осенью 1941 г. поставило вопрос об использовании на оборонных предприятиях заключенных, имеющих квалификацию. «Считать возможным и необходимым, — говорилось в постановлении бюро обкома от 18 ноября 1941 г., — использование на производстве оборонных предприятий квалифицированных инженеров и рабочих, осужденных за бытовые и контрреволюционные преступления, с организацией специального режима охраны занятых на предприятиях заключенных»[4]. Очень большое количество заключенных использовалось на предприятиях и стройках Кузбасса, Омской области и Алтайского края.

ГУЛАГ не только поставлял рабочую силу промышленным предприятиям и стройкам, но развивал и собственное производство. Основное пенитенциарное учреждение Западной Сибири в годы

---

[1] Савицкий И. М. Важнейший арсенал Сибири: Развитие оборонной промышленности Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск. 2005. С. 68.

[2] Оборонная промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. С. 517.

[3] Савицкий И. М. Важнейший арсенал Сибири. С. 260.

[4] Оборонная промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. С. 192.

войны — Сиблаг, имел в декабре 1941 г. 29 отделений на 90 тыс. заключенных. Из них 8 отделений занимались строительством, 10 отделений — промышленным производством (трикотажное, швейное, обувное, овчинношубное производства, деревообработка, лесозаготовки), 10 отделений — сельским хозяйством. Промышленные отделения Сиблага в 1941 г. произвели продукции на 200 млн руб. (в масштабах цен 1941 г.). Отделения Сиблага сельскохозяйственной группы засевали только под зерновые 42 тыс. га. За 11 месяцев 1941 г. они сдали на забой 17 тыс. голов свиней общим весом 25,6 тыс. центнеров[1].

Не менее широкое распространение в Западной Сибири получил и труд депортированных народов. Труд немцев, среди, которых было много квалифицированных рабочих и техников, использовался в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве. Калмыки работали не только в сельском хозяйстве, но на заводах, лесоповалах и в промышленном рыболовстве. Бывшие кулаки трудились на рыбных промыслах, лесоповалах, на стройках и шахтах Кузбасса.

Использовались в качестве рабочей силы и военнопленные. В начале Великой Отечественной войны военнопленных вражеских армий было очень мало, а в Сибири их не было вообще. Первый лагерь для военнопленных в Западной Сибири был создан только весной 1943 г. на территории будущей Тюменской области. К концу года сюда поступило 2373 человека[2]. Победы Красной армии способствовали быстрому росту числа военнопленных. В июле 1944 г. в Сибири началась подготовка к созданию сразу четырех лагерей: в Юрге, Прокопьевске, Кемерово и Новосибирске. В 1945 г. были организованы крупные лагеря в Рубцовске, Барнауле и Чесноковке (*ныне Новоалтайск — В. И.*). Всего в Сибири с 1943 г. до конца 1945 г. был организован 21 лагерь для военнопленных, из которых 8 находились в западной части региона. И если до конца 1944 г. в сибирские лагеря поступило менее 10 тыс. военнопленных, то в 1945 г. их количество превысило 200 тыс. человек. В Западной Сибири численность военнопленных составляла примерно 90 тыс. человек[3].

Военнопленные работали на таких промышленных предприятиях Сибири, как Кузнецкий металлургический комбинат,

---

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 552. Л. 54–55.

[2] Букин С. С. Военнопленные в Новосибирске. Исторический очерк и документальная коллекция. Новосибирск, 2005. С. 11.

[3] Там же. С. 13.

Сталинский алюминиевый завод, Алтайский тракторный завод, комбинаты №№ 179 и 153, Новосибирский стрелочный завод, Инструментальный завод, «Тяжстанкогидропресс». Широкое применение труд военнопленных нашел в железнодорожном, жилищном и коммунальном строительстве, в угольной промышленности Кузбасса[1]. О масштабах использования труда военнопленных говорит тот факт, что в 1946 г. промышленные министерства и ведомства СССР для замены военнопленных и интернированных граждан иностранных государств, отправлявшихся на родину, затребовали 795 тыс. рабочих[2].

Однако пенитенциарные группы населения не могли заменить собой гражданскую рабочую силу. Труд бойцов рабочих колонн, заключенных и военнопленных играл хотя и важную, но второстепенную роль. Главный трудовой ресурс Советского Союза являло собой гражданское население. С первых же дней войны власти прилагали огромные усилия по вовлечению в производство неработающего населения, прежде всего женщин и стариков. Они должны были заменить уходивших на фронт мужчин. Пред началом Второй мировой войны наша страна обладала очень большими ресурсами незадействованной в производстве рабочей силы. В целом по всем городам Советского Союза в 1939 г., согласно оценке Госплана СССР, насчитывалось 7 млн домохозяек [3]. По данным переписи 1939 г. только в городских поселениях Западной Сибири было сосредоточено почти 800 тыс. неработающих женщин трудоспособного возраста[4]. Кроме того, в Западной Сибири имелось почти 600 тыс. лиц старше 60 лет[5]. Многие из них были вполне трудоспособны и, что особенно важно, обладали огромным жизненным и трудовым опытом, высокой квалификацией.

Не менее значимым трудовым ресурсом считались подростки. В 1941–1945 гг. в рабочий возраст (15 лет) вступала молодежь, родившиеся между 1926 и 1930 гг. Согласно материалам переписи 1939 г. в Западной Сибири проживало свыше 780 тыс. подростков 12–14 лет. В Алтайском крае было сосредоточено 114 тыс. мальчиков 12–15 лет и 115 тыс. девочек этого возраста, в Новосибирской области соответственно 173 тыс. и 175 тыс., в Омской области 102 и 101 тыс.[6]

---

[1] Букин С. С. Военнопленные в Новосибирске. Исторический очерк и документальная коллекция. Новосибирск, 2005. С. 21–22.

[2] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 46. Д. 835. Л. 83.

[3] Там же. Оп. 38. Д. 410. Л. 160.

[4] Там же. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 266. Л. 18; Д. 311. Л. 16; Д. 313. Л. 20.

[5] Там же. Д. 266. Л. 3; Д. 311. Л. 3; Д. 313. Л. 3

[6] Там же.

В силу низкого уровня урбанизированности, запасы рабочей силы, накопленные в западносибирских городах, были относительно невелики. Основным источником новых рабочих кадров для промышленности, строительства и транспорта являлось сельское население. Однако ситуация в деревне была крайне непростой и противоречивой. Демографическая сфера западносибирского села в 1930-е гг. претерпела значительные негативные изменения. Деревня в эти годы потеряла большое количество рабочих рук в ходе неэквивалентного миграционного обмена с городом. Вместе с тем, в сельской местности Западной Сибири в 1931–1933 гг. резко выросла смертность, уменьшилась рождаемость, а, следовательно, и естественный прирост. В итоге, в течение 10 лет, прошедших между всесоюзными переписями 1926 и 1937 гг. численность сельского населения Западной Сибири, как уже говорилось ранее, сократилась. При этом явно ухудшились структурные показатели, так как численность мужчин снижались быстрее, чем количество женщин. Ситуация стала еще более напряженной после принятия 1 сентября 1939 г. Закона о всеобщей воинской повинности и призыва в 1939–1940 гг. сельских парней в армию.

И все же некоторые, хотя и не столь значительные, как хотелось бы властям, резервы рабочей силы в западносибирской деревне имелись. По прикидкам В. Г. Чарушина, численность наличных трудоспособных работников в колхозах Западной Сибири, мало занятых в общественном хозяйстве составляла в 1940–1941 гг. примерно 100–150 тыс. человек, а совсем не участвующих в работе колхозов насчитывалось всего от 8 до 20 тыс. человек[1]. Однако, резервы незадействованного труда постоянно уменьшались. Этому в немалой степени содействовало постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания», принятое 27 мая 1939 г. В преддверии «большой войны» постановление предусматривало значительную интенсификацию сельскохозяйственного труда и введение, с этой целью, обязательного минимума трудодней. Для колхозов Западной Сибири был установлен минимум выработки в размере 80 трудодней в год[2].

---

[1] Чарушин В. Г. О размерах и формах перехода рабочей силы из колхозов Западной Сибири в другие отрасли народного хозяйства в предвоенные годы (1937 — июнь 1941 гг.) // Проблемы истории советской Сибири. (Сб. научных трудов). Новосибирск. 1972. С. 221.

[2] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. II. 1925–1953. М., 1953. С. 944.

В результате практического применения положений постановления от 27 мая 1939 г. и действия некоторых других факторов, в Омской области за 1939–1940 гг. количество колхозников, не принимавших участия в работе колхозов, сократилось в 2,6 раза, а число колхозников, выработавших менее 50 трудодней, уменьшилось на 11 %[1]. В Новосибирской области удельный вес колхозников-мужчин, не выработавших ни одного трудодня, в 1940 г. сократился до 0,1 % против 0,4 % в 1939 г. Прослойка не занятых в колхозах женщин понизилась в указанный период с 0,9 до 0,7 %. Доля мужчин, не выработавших установленного минимума трудодней уменьшилась в колхозах области с 2,2 до 1,9 %, женщин с 12,8 до 10,6 %[2]. Таким образом, запасы свободных рабочих рук в деревне неуклонно сокращались. В 1940 г. к работе в колхозах Новосибирской области пришлось привлечь 139 тыс. подростков 12–16 лет[3]. По-видимому, исходя из этих фактов, секретарь Новосибирского обкома Г. Н. Пуговкин 21 сентября 1940 г. в докладной записке «О строительстве крупных промышленных предприятий в Новосибирской области» докладывал Сталину: «Дальнейшая вербовка строительных рабочих из колхозов области в большом количестве повлечет серьезное ослабление сельскохозяйственных работ»[4].

Отметим, что трудонапряженность западносибирской деревни была значительно выше, чем в сельской местности западных районов страны. По расчетам Госплана СССР, основанных на анализе бюджетов колхозников, в январе 1940 г. (т. е. в период минимального разворота сельскохозяйственных работ) в целом по стране в производстве не использовался труд 56 % колхозников. В Черниговской области в колхозном производстве не принимали участие 73 % работников, Винницкой — 74, Киевской — 63, Орловской — 62, Воронежской — 60, Горьковской — 59 %. Вместе с тем, в колхозах Алтайского края в январе 1940 г. удельный вес не занятых колхозников составлял всего 47 %, в Новосибирской области — 45 %[5]. При всем том, именно деревня в годы войны рассматривалась советским руководством не только как основной источник людских ресурсов для фронта, но и как поставщик рабочей силы, необходимой для обеспечения работы промышленности, транспорта и строек. В годы

---

[1] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2607. Л. 18.

[2] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 356. Л. 171.

[3] Там же.

[4] Оборонная промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. С. 47.

[5] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 41. Д. 2170. Л. 38.

Великой Отечественной войны приходилось направлять в промышленность, на транспорт и стройки отнюдь не «излишки» рабочих рук, а вырывать из сельскохозяйственной сферы остро необходимые там людские ресурсы.

Чрезвычайные условия военного времени требовали очень быстро, практически в авральном порядке, перераспределить имевшиеся в наличии трудовые ресурсы в пользу оборонного производства. Враг осенью 1941 г. стоял у ворот Москвы и Красная армия, в минимальные сроки должна была получить все необходимое вооружение и снаряжение. Это подталкивало власти к принудительным трудовым мобилизациям гражданского населения, которые рассматривались как единственный выход из сложившейся ситуации.

Социальная база для принудительных трудовых мобилизаций сложилась в Советском Союзе задолго до войны. Придавая особое не только экономическое, но и политическое значение обеспечению промышленных предприятий рабочей силой, Сталин в речи на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. поставил задачу «организованно набирать рабочую силу в порядке договоров с колхозами»[1]. Тем самым предпринималась попытка установить прямой контроль, как над набором рабочей силы, так и над территориальными перемещениями людей. Выполняя установку Сталина, ЦИК и СНК СССР 27 декабря 1932 г. приняли постановление «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописке паспортов»[2]. С этого времени власти повели упорное и планомерное наступление на право граждан свободно выбирать место жительства и работы. Поскольку крестьянам паспорта не выдавались, они были особенно сильно ущемлены в праве индивидуальной миграции.

С целью организованного обеспечения индустрии рабочей силой и ограничения потока голодающих крестьян в города, ЦИК и СНК СССР постановлением от 17 марта 1933 г., «О порядке отходничества из колхозов», разрешили колхозникам уходить в города только на основе зарегистрированного в правлении колхоза договора с хозорганами, в порядке так называемого «оргнабора»[3]. Отныне жители села, стремившиеся вырваться из тисков коллективизации, должны были ехать туда, куда их направляли государственные

---

[1] Сталин И. В. Сочинения. Т. 13. М., 1951. С. 55.

[2] Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1932 г. Отд. 1. Ст. 516.

[3] Известия. 1933. 18 марта.

органы. Несомненно, де-факто эти решения повсеместно нарушались. Преобладающей формой набора рабочей силы для предприятий оставался самотек. В условиях острейшего дефицита рабочих рук кадровики находили десятки способов, чтобы принимать на работу крестьян, не имевших паспортов и прописки. Об этом говорит тот факт, что быстрее других росла численность населения тех городов, где прописка была особенно строго ограничена, таких, к примеру, как Новосибирск, Омск, Барнаул, Сталинск, Кемерово. Но решения 1932–1933 гг., стали своеобразным этапом накопления административного опыта и заложили основы мобилизационной стратегии, позже получившей гипертрофированное развитие.

В 1940 г. сфера свободного найма рабочей силы была значительно сужена. Основным юридическим ориентиром для кадровиков явился указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений»[1]. Отныне никто не имел права уволиться с работы без специального разрешения администрации. Результатом практического применения «разрешительного» принципа стало, по сути, прикрепление рабочих и служащих к предприятиям. Личные пожелания и интересы граждан монопольным работодателем — государством практически не принимались во внимание. Вскоре «разрешительный» принцип был распространен на аграрный сектор экономики: 17 июля 1940 г. последовал указ Президиума Верховного Совета СССР «О запрещении самовольного ухода с работы трактористов и комбайнеров, работающих в машинно-трактортных станциях»[2].

Немаловажную роль в становлении мобилизационной системы привлечения к труду сыграл указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 октября 1940 г. «О государственных трудовых резервах». Этим указом был закреплен мобилизационный подход к набору городской и сельской молодежи для обучения в ремесленных и железнодорожных училищах и школах фабрично-заводского обучения (*далее школы ФЗО – В. И.*). Все лица, окончившие училища и школы ФЗО были обязаны отработать 4 года по направлению[3]. В тот же день СНК СССР принял постановление «О призыве городской

---

[1] Ведомости Верховного Совета СССР. 1940. № 2.

[2] Там же. 1956. № 40.

[3] Известия. 1940. 9 октября.

и сельской молодежи в РУ, ЖДУ и школы ФЗО»[1]. Для руководства комплектованием ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО, подготовкой и распределением рабочей молодежи 2 октября 1940 г. было образовано Главное управление трудовых резервов и его отделы на местах[2].

Серию законодательных актов мобилизационного характера завершил указ Президиума Верховного Совета СССР 19 октября 1940 г. «О порядке обязательного перевода инженеров, техников, мастеров, служащих с одних предприятий и учреждений в другие»[3]. Этим указом государство закрепляло за собой право переводить работников, без их согласия с одних предприятий или учреждений на другие. Отказчики считались самовольно ушедшими с предприятий или учреждений и предавались суду.

Значительный вклад в тотальное лишение советских людей какой-либо свободы территориальных перемещений (вне рамок плановых промышленных и сельскохозяйственных переселений), а стало быть, и выбора места работы, сыграло постановление СНК СССР от 10 сентября 1940 г. «Об утверждении Положения о паспортах», которое прикрепило горожан к местам прописки, а колхозников к колхозам[4]. Постановление значительно ужесточило паспортный режим. Отныне нарушение правил прописки, особенно в городах, объявленных режимными, превратилось в уголовное преступление, каравшееся по статье 192 УК РСФСР. Только во втором полугодии 1940 г. судами Новосибирской области было рассмотрено 163 дела по различным нарушениям паспортной системы. В основном это были дела, связанные с проживанием в городах без оформления прописки или вовсе без паспорта. Из общего количества привлеченных к суду, к лишению свободы были приговорены 63 человека, к исправительно-трудовым работам — 61 человек, к высылке из городов — 53 человека[5].

Итак, в Советском Союзе к концу 1940 г. сложилась и закостенела мобилизационная система привлечения населения к труду. Однако

---

[1] Сомов В. А. По законам военного времени. Очерки истории трудовой политики СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Нижний Новгород, 2001. С. 28.

[2] Там же. С. 28.

[3] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. (1917–1967). Т. 2. Кн. 2. 1939–1940- е годы. М., 1967. С. 777–779.

[4] Собрание постановлений и распоряжений Правительства Союза ССР. 1940. № 24. Ст. 591.

[5] ГАНО. Ф. 1199. Оп. 1а. Д. 14. Л. 153, 157.

эффективность административно-принудительных методов была крайне низкой. Закрепить рабочую силу на производстве, даже используя самые суровые уголовные наказания, не удалось. Оторвавшиеся от родных корней недавние выходцы из деревни, еще не ставшие горожанами в полном смысле этого слова, метались с одного предприятия на другое в поисках приемлемых условий труда и быта. В городе все для них было чуждо и даже враждебно. Отсутствие жилья, паспорта, прописки, квалификации, низкие заработки, полупустые полки магазинов, равнодушие чиновников вынуждали людей искать, «где лучше»? «Броуновское» движение рабочих и служащих не прекращалось, несмотря на все усилия государства. Достаточно сказать, что только в Новосибирской области в течение 11 месяцев, с июля 1940 г. по май 1941 г. по указу от 26 июня 1940 г. было осуждено почти 90 тыс. человек[1].

Трудовые коллективы по-прежнему формировались стихийно, в основном за счет набора рабочей силы «от ворот». Оргнабор, «о котором так много говорили большевики», играл второстепенную роль. Дисциплина оставалась крайне низкой. Прогулы, опоздания, самовольные уходы, хулиганские выходки не уменьшались. В лучшем случае, на некоторых предприятиях, текучесть кадров стабилизировалась. Так, на Новосибирской обувной фабрике им. С. М. Кирова с 26 июня (с момента начала действия Указа «О переходе на восьмичасовой рабочий день») по 1 октября 1940 г. по суду было приговорено к принудительным работам 133 человека, к лишению свободы — 74 человека[2]. Но трудовая дисциплина в результате применения столь суровых карательных мер нисколько не улучшилась, о чем свидетельствуют материалы о количестве опозданий и прогулов, совершенных рабочими и служащими обувной фабрики[3]:

Календарный месяц 1940 г.	Опоздания до 20 мин.	Прогулы и опоздания свыше 20 мин.
июнь	40	168
июль	80	80
август	168	77
сентябрь	123	79
20 дней октября	72	44

[1] ГАНО. Ф. 1199. Оп. 1а. Д. 14. Л. 73.
[2] Там же. Ф. П-4. Оп. 4. Д. 431. Л. 6.
[3] Там же. Л. 5.

Складывается впечатление, что «новые горожане» были поставлены в столь суровые условия существования или растерялись настолько, что не боялись никаких наказаний. В Кемерово, по данным 5 городских судебных участков, по указу от 26 июня 1940 г. в июле 1940 г. был осужден 541 человек, в августе — 786, в сентябре — 960 человек[1]. Между тем, количество прогулов и самовольных уходов с работы до и после принятия указа фактически не изменилось, о чем свидетельствуют следующие цифровые материалы[2]:

Предприятие	Количество прогулов и самовольных уходов с работы				
	май	июнь	июль	август	сентябрь
Коксохимзавод	107	91	53	86	45
Трест № 30	151	179	57	127	190
Энергокомбинат	15	18	28	22	17
Мехзавод	18	28	11	19	5
Азотнотуковый завод	60	45	36	39	35
Кемеровоуголь	152	151	103	115	105
Комбинат № 92	139	114	83	118	125

Причины неэффективности указа от 26 июня 1940 г., раскрыл «маленький человек», бухгалтер комбината № 392 Н. И. Сурнин. В служебной записке, которую 22 июня 1941 г. он направил государственному контролеру Наркомата госконтроля СССР В. И. Злобину, в качестве основных причин текучести кадров и низкой дисциплины труда назывались: необеспеченность фронта работ, перебои с поставками материалов, значительные простои, а, следовательно, и низкие заработки рабочих[3]. К этому следует добавить тяжелые материальные условия жизни рабочих и служащих, особенно отсутствие жилья. Власти, не устраняя этих основополагающих факторов текучести кадров и низкой дисциплины труда, акцентируя все свои усилия на административно-принудительных мерах, становились заложниками своей же трудовой политики.

Чрезвычайные условия Великой Отечественной войны способствовали окончательному затвердению советской экономики как хозяйства казарменного типа, снизу доверху пронизанного элементами

---

[1] ГАКО. Ф. П-15. Оп. 8. Д. 19. Л. 24.

[2] Там же. Л. 25.

[3] Там же. Д. 9. Л. 97–99.

бюрократизма. В 1941–1945 гг. линия на предельное ужесточение государственного контроля в сфере регулирования трудовых отношений, несмотря на низкую её эффективность, получила максимальное развитие. В период войны первым сигналом, подтверждающим незыблемость взятого направления, явился указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении». В местностях, где вводилось военное положение, все функции органов государственной власти в отношении обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности передавались военным властям. В сфере трудовых отношений объявление военного положения означало право государства «привлекать граждан к трудовой повинности»[1].

Де юре решение о введении трудовой повинности было распространено только на местности, объявленные на военном положении и не имело прямого отношения к Сибири. Но де-факто местные власти тыловых районов широко использовали этот принцип для привлечения рабочей силы на сезонные и временные работы. Это значительно облегчало жизнь периферийной хозяйственной и партийной номенклатуры. Вместо того чтобы решать комплекс сложных задач по привлечению рабочей силы, достаточно было объявить трудовую повинность. Отказ от выполнения трудовой повинности в условиях военного времени карался по статье 59-6 УК РСФСР и наказывался лишением свободы на срок не ниже 6 месяцев[2]. Так, бюро Ялуторовского (ныне Тюменская область) райкома ВКП(б) «не мудрствуя лукаво», постановлением от 13 августа 1941 г. «О привлечении населения города и района к работам по уборке урожая» направило на уборочные работы «всю свободную работоспособную рабочую и тягловую силу организаций и неорганизованного населения города и районов»[3]. В Новосибирской области к 1 сентября 1941 г. на работы по уборке урожая принудительно было направлено свыше 37 тыс. горожан, в том числе из Новосибирска — 6 тыс. человек, из Томска — 10 тыс., из Сталинска — 5 тыс., из Прокопьевска и Кемерово — по 4 тыс. человек[4]. 25 сентября 1941 г., Новосибирский облисполком совместно с бюро обкома приняли решение «О дополнительном привлечении городского населения для уборки

---

[1] Законодательные и административно-правовые акты военного времени. С 22 июня по 22 марта 1942 г. М., 1942. С. 38–40.

[2] Там же.

[3] Тюменцы — фронту. Свердловск, 1975. С. 47.

[4] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 422. Л. 36.

урожая сельскохозяйственных культур в колхозах и совхозах». В решении недвусмысленно указывалось: «Привлечь в порядке ***трудовой повинности*** (*курсив наш – В. И.*), сроком до 15 октября 1941 г., для уборки урожая сельскохозяйственных культур население городов и поселков городского типа»[1].

Вскоре принцип трудовой повинности был распространен на процесс формирования постоянных кадров для военной экономики. Бюро Новосибирского обкома 10 сентября постановило «Обязать Новосибирский обком ВЛКСМ направить на завод № 153 к 1 октября 1941 года 1000 человек учащихся 8, 9 и 10 классов, главным образом за счет проживающих в городе Новосибирске»[2]. 29 сентября Новосибирский облисполком решил «для обеспечения рабочей силой строительства комбината № 179 утвердить задание по привлечению в порядке ***трудовой повинности*** (*курсив наш – В. И.*) 1000 человек рабочих из числа колхозников, единоличников и лиц, занятых в подсобных предприятиях и организациях»[3].

Развивая и закрепляя принцип принудительного набора рабочей силы, СНК СССР постановлением от 4 сентября 1941 г. «О трудовых договорах с колхозниками и единоличниками» предоставил народным комиссарам СССР и совнаркомам союзных республик право одностороннего продления трудовых договоров сроком на 1 год, заключенных ранее с колхозниками и единоличниками[4]. Таким образом, крестьяне, завербованные задолго до начала Великой Отечественной войны на промышленные предприятия, стройки и транспорт, задерживались на производстве без их согласия. Все они оказались прикрепленными к своим рабочим местам. Полтора месяца спустя, 15 октября 1941 г. СНК СССР предоставил право продлевать трудовые договоры, заключенные с колхозниками и единоличниками в порядке оргнабора рабочей силы без согласия работников не только наркомам, но и руководителям предприятий и учреждений[5]. Таким образом, сама процедура была упрощена, права рабочих урезаны, а права руководителей расширены.

В сфере трудовой политики, советское государство все чаще обращалось к репрессивным мерам. Уже 17 ноября 1941 г. ГКО

---

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33.. Д. 455. Л. 13.

[2] Оборонная промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. С. 140.

[3] Там же. С. 147.

[4] Законодательные и административно-правовые акты военного времени. С. 58.

[5] Сомов В. А. По законам военного времени. С. 31.

принял постановление № 903 «сс», согласно которому самовольные уходы с работы расценивались как государственное преступление и карались по статье 59-6 УК РСФСР[1]. Дальнейшим продолжением репрессивной линии и её окончательным юридическим оформлением явился указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих военной промышленности за самовольный уход с предприятий»[2]. Этим указом окончательно и недвусмысленно ратифицировалось право государства на прикрепление рабочих и служащих к предприятиям. Указ от 26 декабря 1941 г. явился одним из самых значимых за все годы Великой Отечественной войны законодательных актов, регулирующих взаимоотношения между государством как монопольным работодателем и наемными работниками. Отныне все лица, занятые в военной промышленности или в отраслях, обслуживающих военную промышленность, считались мобилизованными на период войны. Они не могли уволиться с предприятия без согласия администрации. Самовольный уход приравнивался к дезертирству и карался лишением свободы на срок от 5 до 8 лет. Для надежного прикрепления трудящихся к предприятиям, паспорта у всех работников оборонных отраслей изымались и заменялись специальными удостоверениями. О масштабах действия указа говорит тот факт, что в СССР непосредственно на военные нужды работали тысячи заводов и фабрик, на которых сосредотачивались $^{2}/_{3}$ работников[3].

Действие указа от 26 декабря 1941 г. распространялось не только на предприятия собственно оборонной промышленности, но и на предприятия, обслуживающие военную промышленность. Под юрисдикцию указа попадали рабочие и служащие строительных организаций, занятые на возведении и реконструкции предприятий военной промышленности. Кроме того, 15 апреля 1943 г., военное положение было введено на железных дорогах, а 8 мая на речном и морском транспорте[4]. Таким образом, действие указа от 26 декабря 1941 г. распространялось на очень широкий круг населения. В конце войны, по подсчетам Госплана СССР, в восточных районах страны (Урал, Сибирь и Дальний Восток) под

---

[1] Кнышевский П. Н. Государственный комитет обороны: методы мобилизации трудовых ресурсов // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 55.

[2] Законодательные и административно-правовые акты военного времени. С. 78–79.

[3] Советская военная энциклопедия. М., 1978. Т. 5. С. 55.

[4] Кравченко Г. С. Экономика СССР … С. 271.

прямую юрисдикцию указа попадали почти 2 млн рабочих и служащих[1]. Учитывая, что колхозники уже были прикреплены к земле, в СССР в годы войны почти все трудящиеся оказались так или иначе привязаны к своим рабочим местам.

Однако закрепить рабочих и служащих на предприятиях было недостаточно. Необходимо было вовлекать в производство новых работников, которые, с точки зрения государства — работодателя ещё оставались свободны. С этой целью, а также для перераспределения рабочих рук в пользу военных отраслей экономики, 30 июня 1941 г. при СНК СССР был создан Комитет по распределению рабочей силы. Его председателем был назначен кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б), первый секретарь ВЦСПС, Н. М. Шверник. В состав комитета входили представители СНК СССР, Госплана СССР и НКВД СССР. На местах, при Совнаркомах союзных и автономных республик, при краевых, областных и городских исполкомах формировались региональные Бюро по распределению рабочей силы.

Комитет по распределению рабочей силы в условиях, когда принудительная трудовая мобилизация еще не была официально объявлена (до 13 февраля 1942 г.), внес очень большой вклад в обеспечение промышленности, строек и транспорта рабочей силой. Сотрудникам комитета в течение первых месяцев войны удалось пополнить предприятия тыловых районов большим количеством эвакуированных граждан. Помимо этого, во втором полугодии 1941 г. на производство было привлечено 500 тыс. домохозяек и около 500 тыс. учащихся старших классов[2]. Подростки бросали школу, чтобы прийти на завод. В одной только Новосибирской области во втором полугодии 1941 г. Бюро по распределению рабочей силы привлекло на производство почти 128 тыс. человек[3].

Мотивами, движущими людьми являлось вполне осознанное стремление обеспечить Красную армию всем необходимым. Не менее важными, однако, были и соображения материального характера, насущная необходимость заработать себе и близким на пропитание. Миллионы мужчин были призваны в армию и многие семьи остались без кормильцев. Женщины-домохозяйки, подростки и старики становились кормильцами и должны были искать

---

[1] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 46. Д. 314. Л. 64.

[2] Кравченко Г. С. Экономика СССР… С. 112.

[3] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 38. Л. 6.

работу. Для большинства людей, не имевших отношения к советской торгово-распределительной системе, не занимавшихся спекуляциями и не обладавших так называемым «блатом», труд стал единственным способом выживания.

Карточная система, введенная постановлением СНК СССР от 18 июля 1941 г., являет собой яркий пример не только способа распределения продуктов питания, но и эффективного контроля над городским населением. Централизованная система распределения продуктов в Советском Союзе предусматривала строгую дифференциацию норм выдачи. Председатель Госплана СССР Н. А. Вознесенский признавал: «Нормирование продовольственного снабжения подчинило потребление интересам производства»[1]. Не менее прямолинейно высказался и А. В. Любимов, в годы войны нарком торговли СССР. Он свидетельствовал: «В условиях войны карточка должна была стимулировать добросовестный труд»[2]. Аналогичные идеи высказывали и партийные чиновники периферийного уровня. В справке, составленной в конце 1943 г. «О работе по обеспечению трудящихся Новосибирской области продовольственными и промышленными товарами первой необходимости в годы войны», заместитель заведующего отделом торговли и общественного питания Новосибирского обкома Русинов прямо писал: «Задача экономного и правильного использования товарных фондов для обеспечения преимущественного обслуживания определенных групп трудящихся, в зависимости от характера их работы и значения для обороны, приобрела особое значение»[3].

Нормированные продажи товаров были разбиты на четыре группы: для рабочих и инженерно-технических работников (ИТР), для служащих, для иждивенцев, для детей до 12 лет. Карточная норма хлеба для рабочих и ИТР предусматривала две категории. Первая категория устанавливалась для работников угольной, нефтяной, металлургической и некоторых оборонных отраслей индустрии. Вторая категория — для всех прочих отраслей хозяйства. Но главным критерием служил принцип: работает — не работает.

---

[1] Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны // Избранные произведения. 1931–1947 гг. М., 1979. С. 558.

[2] Любимов А. В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М., 1969. С. 32.

[3] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 8. Д. 576. Л. 134.

Соотношение различных норм снабжения хлебом, сахаром и кондитерскими изделиями было следующим[1]:

Категория карточек	Хлеб, гр. на 1 человека в день		Сахар и кондитерские изделия, гр. на 1 человека в месяц.	
	1-я категория	2-я категория	1-я категория	2-я категория
Рабочим и ИТР	800	600	800	600
Служащим	500	400	600	600
Иждивенцам	400	400	400	400
Детям до 12 лет	400	400	600	400

Карточки для работающих были заметно весомее, чем карточки иждивенцев и детей. В сущности, на иждивенческую карточку, не имея побочных доходов или кормильца, прожить, было немыслимо. Кроме того, имелись еще карточки повышенной нормы и особо повышенной нормы. Их получали работники важнейших производств, например, металлурги в горячих и вредных цехах или подземные рабочие в шахтах и рудных бассейнах[2]:

Категория карточек	Мясо и рыба, гр. в месяц	Жиры гр. в месяц	Крупа и макароны гр. в месяц
Повышенные нормы	3200	900	2000
Особо повышенные нормы	4500	1000	3000

Карточки особо повышенной нормы были большой редкостью. В январе 1943 г. в Новосибирске правом на их получение обладали всего 500 человек, в Кемерово — 4,4 тыс., в Сталинске — 7 тыс. Карточки повышенной нормы имели более широкое распространение. В Новосибирске, Сталинске и Кемерово их получали 186 тыс. работников тяжелой и угольной промышленности[3].

В Западной Сибири карточки на хлеб, сахар и кондитерские изделия для жителей городов были введены 1 сентября 1941 г. Колхозники не ставились на централизованное снабжение. Считалось, что они должны кормить не только город, но и себя. В январе 1942 г. в регионе было распределено 1148 тыс. карточек работающим,

[1] Любимов А. В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. С. 28.

[2] Там же. С. 30.

[3] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1012. Л. 5.

835,2 тыс. карточек детям до 12 лет и 996,8 тыс. карточек иждивенцам[1]. В марте 1943 г. число карточек в Западной Сибири увеличилось до 1572,6 тыс. для работающих и 859,9 тыс. для детей до 12 лет. Вместе с тем, количество карточек для иждивенцев сократилось до 847,7 тыс.[2] Эти цифры подтверждают тот факт, что продовольственные карточки выполняли не только распределительные функции, но использовались властями для установления контроля над населением и, в частности, для вовлечения неработающих в производство.

В условиях хронического дефицита военных лет, централизованные фонды, выделяемые для снабжения населения по карточкам, отоваривались слабо. Обладатели карточек сталкивались с многочисленными трудностями при закупке продуктов. В первую очередь продукты приобретали граждане, работавшие на крупных оборонных предприятиях, создававших так называемые Отделы рабочего снабжения (*далее – ОРС – В. И.*). В распоряжение ОРСов передавались магазины, столовые, склады. Они являлись организаторами подсобных хозяйств предприятий. Секретарь Омского обкома С. С. Румянцев, характеризуя состояние продовольственного обеспечения населения области за годы войны, подчеркивал: «Преимущественное снабжение проходило по линии контингентов, снабжаемых через ОРСы, в частности контингенты оборонных заводов и совершенно недостаточно поступало товаров для снабжения городского населения»[3]. В годы Великой Отечественной войны ОРСы давали некоторую дополнительную прибавку к продуктам, получаемым по карточкам. Но доступ к этой надбавке получали только работавшие на предприятиях, где имелись ОРСы.

На крупных предприятиях в качестве структурных подразделений создавались медсанчасти, детские ясли, сады, общежития, учреждения культуры (заводские клубы). Некоторые заводы и фабрики организовывали собственное производство товаров первой необходимости. Они выпускали тарелки, стаканы, вилки, ложки, железные печи, кровати, словом все то, что в военные годы стало острым дефицитом и, без чего прожить было очень сложно. Отдельные предприятия имели обувные, пимокатные, швейные, кожевенные мастерские. В сущности, большинство крупных промышленных предприятий превратились в закрытые автономные

---

[1] Рабочий класс Сибири в период упрочения и развития социализма. С. 137.
[2] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1009. Л. 104.
[3] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 4391. Л. 17.

структуры, члены которых получали дополнительный шанс выжить в суровых условиях военного времени. В итоге, вся система жизнеобеспечения была настроена на привлечение неработающих граждан на производство. Альтернативы не было.

Для привлечения к труду лиц старшего возраста 28 июля 1941 г. СНК СССР принял постановление «О сохранении пенсий за пенсионерами, вернувшимися на производство»[1]. Пенсия выплачивалась в течение всего периода войны независимо от размеров заработка работающих пенсионеров. Проводилась также напряженная работа по перераспределению кадров между военными и гражданскими отраслями. Юридическим основанием принудительного перевода работников с одного предприятия на другое служил упоминавшийся ниже указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 октября 1940 г. «О порядке обязательного перевода инженеров, техников, мастеров, служащих с одних предприятий и учреждений в другие». Своего рода административным подкреплением этого указа стало постановление СНК СССР от 23 июля 1941 г. «О предоставлении совнаркомам республик и край (обл.) исполкомам права переводить рабочих и служащих на другую работу»[2]. По приказу народного комиссара юстиции СССР от 26 июля 1941 г. за отказ от перехода на другую работу устанавливалась уголовная ответственность[3].

Тем временем, растущее военное производство требовало все большего количества рабочей силы. Дефицит трудовых ресурсов в районах глубокого тыла нарастал по мере развертывания военной мобилизации, пуска в эксплуатацию эвакуированных предприятий и наращивания объемов производства. Для обеспечения бесперебойной работы промышленности, транспорта и строек (особенно учитывая низкую производительность труда, неэффективность управления, нехватку квалифицированных инженеров, техников и рабочих) требовались дополнительные людские ресурсы. Ликвидировать дефицит рабочей силы только путем ужесточения внеэкономического принуждения, экстенсификации труда и закрепления работающих на производстве, было очень сложно. Привлечение на производство работников путем материального стимулирования и создания системы льгот работающим, требовало дополнительных усилий, материальных ресурсов и времени. Но Красная армия не могла ждать. Ей срочно требовалось оружие и снаряжение.

---

[1] Законодательные и административно-правовые акты военного времени. С. 68.
[2] Там же. С. 103.
[3] Там же.

Между тем, свободные рабочие руки в Западной Сибири, как, впрочем, и в других регионах Советского Союза в 1942 г. ещё имелись. В производстве были задействованы далеко не все эвакуированные, трудоспособные старики, подростки и женщины. Согласно расчетам ЦСУ СССР, только в городах и поселках городского типа Западной Сибири в начале 1942 г. число неработающих женщин трудоспособного возраста (от 16 до 45 лет) составляло свыше 225 тыс. человек. В Кемерово в 1942 г. насчитывалось свыше 12 тыс. незанятых на производстве женщин, в Новосибирске — 40 тыс., в Сталинске — почти 18 тыс. [1] В целом по 11 крупнейшим городам Новосибирской области по состоянию на 1 июля 1942 г., число трудоспособных (главным образом женщин), занятых в домашнем хозяйстве составляло 116 тыс. человек, а количество неработающих инвалидов 2-й группы — свыше 7 тыс. человек. Кроме того, здесь проживало свыше 190 тыс. подростков 12–15 лет. Из них 34 тыс. работали, 113 тыс. учились, но 43 тыс. нигде не работали и не учились[2].

Таким образом, стояла задача экстренно, фактически в авральном порядке организовать массовый приток рабочей силы на промышленные, строительные и транспортные предприятия. В этой связи, 13 февраля 1942 г. было принято радикальное решение об окончательном переходе на мобилизационно-принудительный принцип набора рабочей силы. В этот день увидел свет указ Президиума Верховного Совета СССР «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве»[3]. Отныне на производство стали призывать так же, как в армию. В СССР, помимо военной, появилась и трудовая мобилизация.

Комитет по распределению рабочей силы был преобразован в Комитет по распределению и учету рабочей силы при СНК СССР. Его, как и прежде, возглавлял Н. М. Шверник. Но права и функции комитета были значительно расширены. На комитет возлагались функции учета неработающего населения, как в городе, так и в сельской местности, распределение и перераспределение рабочей силы, разработка и реализация планов трудовой мобилизации. Число местных Бюро по учету и распределению рабочей силы было

---

[1] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 42. Д. 999. Л. 24, 25, 32.

[2] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 38. Л. 19.

[3] Законодательные и административно-правовые акты военного времени. С. 57–58.

увеличено. К маю 1944 г. в СССР действовали 148 республиканских, краевых и областных, 279 городских и районных бюро[1].

Первоначально трудовой мобилизации подлежали мужчины от 16 до 55 лет и женщины от 16 до 45 лет. От выполнения трудовой повинности освобождались женщины, имеющие детей в возрасте до 8 лет, учащиеся средних и высших учебных заведений, молодежь, подлежащая призыву в школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища. Лица, уклоняющиеся от трудовой мобилизации, привлекались уголовной ответственности и подвергались по приговору суда принудительным работам по месту жительства на срок до 1 года. Менее чем через месяц, 5 марта 1942 г., появился совместный приказ народного комиссара юстиции СССР, прокурора СССР и председателя комиссии (*так в источнике, правильно — «комитета» — В. И.*) по учету и распределению рабочей силы № А-Д-2/05/01 «О применении постановления СНК СССР от 13 февраля 1942 г.». Приказом устанавливалось, что народные суды должны рассматривать дела об уклонениях от трудовой повинности не позднее, чем в трехдневный срок. Лица, осужденные за уклонение от трудовой мобилизации, подлежали обязательному направлению на принудительные работы на предприятия и стройки по месту жительства[2]. Власти могли бы ввести и более жестокие наказания, но промышленности требовались рабочие, а не заключенные.

Очень скоро в указ от 13 февраля 1942 г. были внесены существенные коррективы, обусловленные стремлением властей максимально расширить круг людей, на которых распространялась трудовая повинность. В сентябре 1942 г. предельный возраст женщин, подлежащих мобилизации был повышен до 50 лет[3]. Еще одним источником трудовых ресурсов являлись женщины, имевшие на своем попечении малолетних детей. В июне 1943 г. Н. М. Шверник направил В. М. Молотову докладную записку «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве». Н. М. Шверник предложил внести изменения в указ от 13 февраля 1942 г. и приступить к мобилизации женщин, имеющих детей от 5 до 8 лет. Таким образом, от призыва, по инициативе Н. М. Шверника, должны быть освобождены только женщины, имеющих детей до 5 лет[4]. Предложение

---

[1] ГАРФ. Ф. 9517. Оп. 1с. Д. 23. Л. 10.

[2] Законодательные и административно-правовые акты военного времени. С. 115–116.

[3] Сомов В. А. По законам военного времени. С. 32.

[4] ГАРФ. Ф. 9517. Оп. 1с. Д. 27. Л. 11.

было принято и 7 августа 1943 г. Президиум Верховного Совета внес изменения в пункт «б» статьи 3 указа от 13 февраля 1942 г. Отныне мобилизации не подлежали только женщины, имевшие на своем попечении малолетних детей до 4-х летнего возраста[1].

Истощение людских ресурсов сельского хозяйства вынудило власти включить в круг отраслей, для которых проводилась мобилизация и аграрный сектор экономики. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 13 апреля 1942 г. приняли постановление «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей». Мобилизации на сельскохозяйственные работы в порядке трудовой повинности подлежали мужчины от 14 до 55 лет и женщины от 14 до 50 лет. Отныне служащие, учащиеся 6–10 классов средней школы, студенты техникумов и вузов привлекались на различные работы в деревне, главным образом на уборку картофеля[2]. Согласно данным, содержащимся в сводке о ходе мобилизации трудоспособного населения на сельскохозяйственные работы, к 10 июля 1942 г. было мобилизовано и направлено в деревню из Новосибирска 14 тыс. человек, из Томска — 3 тыс., из Белово — 1 тыс., из Ленинска-Кузнецкого — 2 тыс., из Сталинска — 4 тыс. человек[3]. В Кемерово к 16 октября 1942 г. число мобилизованных на сельскохозяйственные работы составило 10 тыс. человек[4].

Кроме того, в колхозах, совхозах и МТС в период наибольшего напряжения сельскохозяйственных работ широко использовался труд военнослужащих запасных бригад и полков, курсантов военных училищ, а также выздоравливающих раненых. Так, в 33 колхозах Алтайского края с 5 по 9 сентября 1942 г. к сельскохозяйственным работам было привлечено 2463 бойца и командира. Они косили, пахали, скирдовали, вязали снопы, вывозили зерно, ремонтировали технику[5]. В августе 1944 г. по приказу командующего СибВО, генерал-лейтенанта В. Н. Курдюмова, в совхозы Новосибирской области было направлено почти 5 тыс. военнослужащих[6]. Военные выделяли не только рабочую силу, но транспорт и другую технику. В целом по СССР, в 1943 г. автомобильные части Красной армии перевезли

---

[1] Сомов В. А. По законам военного времени. С. 32.

[2] Собрание постановлений Правительства Союза ССР. 1942. № 4.

[3] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 243. Л. 28.

[4] ГАКО. Ф. П-15. Оп. 8. Д. 33. Л. 117.

[5] Алтай в годы Великой Отечественной войны. Сб. документов и материалов. Барнаул, 1965. С. 164.

[6] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 8. Д. 597. Л. 1.

1,5 млн т зерна, 500 тыс. т овощей, 1 млн т. угля и других народнохозяйственных грузов[1]. Согласно справке начальника отдела эксплуатации и автоперевозок СибВО, подполковника Кобец «О работе авторот на вывозке зерна за I полугодие 1944 г.» солдаты на 166 выделенных грузовиках перевезли свыше 10 тыс. тонн сельскохозяйственных грузов[2].

Постановлением СНК СССР от 10 августа 1942 г. «О порядке привлечения к трудовой повинности в военное время» мобилизация, как форма набора рабочей силы, была распространена на временные и сезонные работы[3]. Труд мобилизованных стал использоваться на таких тяжелых работах, как торфоразработки, лесозаготовки, ремонт дорог и мостов. Мобилизованные трудились на свеклобазах, сахарозаводах и стеклозаводах. Постановление СНК СССР от 10 августа 1942 г. было всего лишь юридическим оформлением фактического положения, так как население, начиная с лета 1941 г. и без того широко привлекалось к сельскохозяйственным и иным временным и сезонным работам. Вместе с тем, постановление упорядочило процесс трудовой мобилизации на временные и сезонные работы и несколько ограничило произвол местных руководителей. Так, в 1943 г. были установлены твердые задания по объему выполняемых работ. Мобилизованные на сельскохозяйственные работы были обязаны выработать 40–50 трудодней в колхозах и 50–60 дневных норм в совхозах. Для учащихся нормы выработки были понижены до 20–30 трудодней в колхозах и 20–30-дневных норм в совхозах. По выполнению норм привлеченные работники могли быть распущены по домам[4].

В течение всего мобилизационного периода, длившегося с 13 февраля 1942 г. по июль 1945 г. в Западной Сибири для выполнения различных работ, было мобилизовано свыше полумиллиона человек, а по СССР в целом — почти 12 млн человек. Основная масса мобилизованных (в западносибирском регионе почти 40 %) направлялась на сельскохозяйственные, временные и сезонные работы. В этой группе преобладали учителя и школьники старших классов, преподаватели и студенты высших и средних учебных заведений. Так, на уборочные работы 1944 г. в Западной Сибири было привлечено свыше

---

[1] Голушко И. М. Тыл Вооруженных Сил СССР в годы Великой Отечественной войны // Советский тыл в Великой Отечественной войне. Кн. первая. Общие проблемы. М., 1974. С. 63.

[2] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 8. Д. 597. Л. 7.

[3] Сомов В. А. По законам военного времени. С. 34.

[4] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 804. Л. 8.

100 тыс. учащихся и учителей школ, 9 тыс. студентов[1]. По стране в целом удельный вес мобилизованных на сельскохозяйственные, временные и сезонные работы достигал почти 57 %.

*Таблица 3.2.2**

Трудовая мобилизация гражданского населения Западной Сибири (февраль 1942 — июль 1945 гг.)**

Число мобилизованных, тыс. человек				
Период	На постоянную работу в промышленность, строительство и транспорт	В школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища	На сельскохозяйственные, временные и сезонные работы	Всего
Февраль — декабрь 1942 г.	53,4	72,7	16,7	142,8
1943 г.	42,1	82,6	91,1	215,8
1944 г.	26,8	26,9	66,7	120,4
Январь — июль 1945 г.	9,6	3,9	36,4	49,9
Всего в Западной Сибири	131,9	186,1	210,9	528,9
Всего в СССР	3010,4	2121,4	6751,2	11 883,0

* Источник: Митрофанова А. В. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971. С. 430; ГАРФ. Ф. 9517. Оп. 1с. Д. 25. Л. 86–88.

** По административно-территориальному устройству 1945 г.

Очень крупный слой мобилизованных — в Западной Сибири около 35 % — составляла молодежь, призванная на учебу в школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища. В этом заключалась специфика региона, не обладавшего до начала войны достаточным резервом квалифицированных кадров рабочих. По СССР в целом доля лиц, призванных на учебу была значительно меньше и составляла всего 18 %.

Примерно четверть мобилизованных, как в Западной Сибири, так и в стране в целом, была направлена на постоянную работу

[1] ГАРФ. Ф. 9517. Оп. 1с. Д. 37. Л. 82.

в промышленность, строительство и на транспорт. Мобилизованные на постоянную работу граждане в основном пополнили кадры предприятий Наркомугля, Наркомцветмета, Наркомата путей сообщения и Наркомстроя.

Посредством принудительных трудовых мобилизаций, путем распределения выпускников ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО, а также за счет приема новых рабочих в индивидуальном порядке, «от ворот», в годы войны удалось в основном сформировать контингент рабочей силы, необходимой для экономики Западной Сибири. По данным Г. А. Докучаева, численность рабочих и служащих региона за период с 1 октября 1942 г. по 1 сентября 1945 г. выросла на 36,4 %, с 1128,8 млн человек до 1539,8 тыс. человек[1]. По стране в целом численность рабочих и служащих увеличилась с 18,4 млн человек в 1942 г. до 27,3 млн человек в 1945 г., или на 48,4 %[2].

Что касается состава «новых рабочих», то это были в основном женщины, молодежь допризывного возраста и представители старших поколений. В военные годы их численность и удельный вес среди рабочих и служащих резко увеличились. Удельный вес женщин среди рабочих и служащих Западной Сибири на 1 октября 1941 г. составлял 46 %, на 1 февраля 1943 г. — 54 %, а на 1 января 1945 г. — свыше 58 %[3]. Сибирячкам пришлось осваивать профессии, ранее считавшиеся мужскими. Они работали кочегарами, грузчиками, шахтерами, машинистами паровых машин и компрессоров, сварщиками, формовщиками на ручной и машинной формовке, кузнецами, штамповщиками, инженерами, техниками, рыбаками, охотниками и милиционерами. Почти полностью на женщин были возложены обязанности по обеспечению работы учреждений образования, здравоохранения, торговли, жилищно-коммунального хозяйства, связи. Женщины вытянули на себе и все сельское хозяйство. Они пахали, сеяли, косили, пололи и выполняли десятки других работ.

Прослойка подростков моложе 18 лет среди рабочих-мужчин Западной Сибири на 1 января 1945 г. достигла 14 %, среди рабочих-женщин — почти 11 %. Вместе с тем, удельный вес лиц старше 55 лет

---

[1] Докучаев Г. А. Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны. С. 383, 385.

[2] Митрофанова А. В. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. С. 430.

[3] Докучаев Г. А. Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны. С. 386, 389, 390–391.

среди мужской части рабочих и служащих составлял в конце войны почти 10 %, среди женщин — свыше 2 %[1].

В годы Великой Отечественной войны Западная Сибирь обеспечивала экономику кадрами главным образом за счет собственных запасов рабочей силы. Но поскольку дефицит трудовых ресурсов из года в год нарастал, властям все же пришлось прибегнуть к межобластной мобилизации. В течение всего мобилизационного периода в Западную Сибирь из других областей, по нарядам Комитета по учету и распределению рабочей силы, было перемещено почти 38 тыс. чел. Их основная масса — 24 тыс. человек трудились на шахтах и стройках Кузбасса. Немногим более 10 тыс. рабочих были направлены в Новосибирскую область (в административно-территориальных границах 1945 г.), в основном на оборонные заводы и стройки областного центра[2]. Таким образом, межобластная мобилизация как форма привлечения рабочей силы имела для Западной Сибири второстепенное значение. Регион формировал кадры промышленности, транспорта и строек преимущественно за счет внутренних резервов труда. Для сравнения укажем, что только Свердловск и Свердловская область в указанные годы по межобластной мобилизации получили свыше 75 тыс. человек, Челябинск и Челябинская область — 60 тыс., Москва и Московская область — 42 тыс. человек[3].

О том, что значительная часть вовлеченных в годы войны в промышленное производство Западной Сибири новых рабочих были жителями её же внутренних районов, свидетельствуют данные о местах выхода мигрантов, полученные на основе прописки-выписки, которую оформляли прибывающие в города новоселы. Удельный вес выходцев из внутренних районов Западной Сибири (главным образом из деревни) среди новоселов, прописавшихся в первом полугодии 1941 г. в городских поселениях Омской области, составлял 76 %, во втором полугодии — 29 %. Снижение доли сибиряков произошло из-за большого количества эвакуантов, прибывших в регион. В 1942 г. удельный вес жителей Западной Сибири среди лиц, оформивших прописку в городских поселениях области повысился до 39 %, в 1943 — до 60, в 1944 — до 71, а в 1945 составил 57 % [4].

---

[1] Докучаев Г. А. Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны. С. 386, 389, 390–391.

[2] ГАРФ. Ф. 9517. Оп. 1с. Д. 25. Л. 112.

[3] Там же.

[4] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 300. Л. 47–48; Д. 306. Л. 53–54; Д. 542. Л. 48–50 об; ГАОО. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 1137. Л. 9–10 об; 134–135об; Д. 1141. Л. 22–23 об.

В Новосибирской области, среди мигрантов, прибывших в городские поселения, прослойка выходцев из западносибирского региона составляла в 1941 г. — 28 %, в 1942–44, в 1943–62, в 1944 г. — 59, в 1945 г. — 38 %[1]. В Кемеровской области доля жителей Западной Сибири в составе новых пополнений городского населения достигала в 1943 г. 50 %, в 1944 г. — 55, в 1945 г. — 39 %[2].

Эти цифры косвенно подтверждают и тот факт, что среди городских новоселов было много тех, кто сумел преодолеть многочисленные административно-бюрократические препятствия и прибыл в город в индивидуальном порядке, самотеком. Набор «от ворот» был важным источником формирования кадров. Директора заводов в условиях дефицита трудовых ресурсов сквозь пальцы смотрели на действия кадровиков, привлекавших рабочих, явившихся в неорганизованном порядке, вне системы трудовой повинности. Отсутствие паспорта и прописки никого не смущало.

Пик трудовых мобилизаций гражданского населения в Западной Сибири пришелся, как показывают данные *табл. 3.2.2*, на 1942 г. и особенно на 1943 г., после чего численность призванных в рамках трудовой повинности заметно сократилась. По стране в целом процесс носил несколько иной характер. Здесь он развивался по нарастающей. Из почти 12 млн мобилизованных, около четверти были привлечены к выполнению трудовой повинности в 1942 г., 31 % — в 1943 г., свыше 32 % — в 1944 г., и оставшиеся 12 % — в 1945 г. [3] Это свидетельствует о полном исчерпании людского потенциала районов глубокого тыла. В связи с этим, трудовая (и военная) мобилизация, по мере продвижения Красной армии на запад, распространялась на районы, освобожденные от захватчиков. Так, в Ровенской области почти сразу после освобождения за пределы области выбыло 123,4 тыс. человек, из них 109 тыс. были призваны в РККА, 3,2 тыс. направлены военкоматами в рабочие колонны и свыше 11 тыс. человек мобилизованы областным Бюро по учету и распределению рабочей силы[4].

Вопреки широко распространенному мифу, данные Комитета по учету и распределению рабочей силы категорично свидетельствуют, что в Западной Сибири, при проведении трудовых мобилизаций, основной упор был сделан не на сельское, а на городское

---

[1] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 300. Л. 45–46; ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 734. Л. 1–2 об., 4–5 об.; Д. 868. Л. 2–3 об.; Д. 993. Л. 40–41 об., 55–56 об.; Д. 1183. Л. 37–38 об., 46–47 об.

[2] ГАКО. Ф. 304. Оп. 4. Д. 159. Л. 11–12 об., 28–28 об., 37–38.

[3] ГАРФ. Ф. 9517. Оп. 1. Д. 51. Л. 85.

[4] Там же. Д. 50. Л. 43.

население. Всего за 1942–1944 гг. из западносибирской деревни на постоянную работу в города, в порядке трудовой мобилизации было направлено 34,5 тыс. человек, что составило 28 % от всех мобилизованных на постоянную работу. В городах же на предприятия, стройки и транспорт были призваны почти 88 тыс. человек. На долю горожан в Западной Сибири пришлось 72 % мобилизованных [1]. По стране в целом удельный вес выходцев из деревни был значительно выше. В 1942–1944 гг. среди привлеченных в порядке трудовой повинности на постоянную работу в промышленность, строительство и на транспорт СССР, удельный вес выходцев из деревни составлял почти 50 %[2].

Причины пониженного удельного веса жителей западносибирской деревни среди мобилизованных на постоянную работу следует искать не только в широком размахе неорганизованных переселений, но и в перенапряжении людских ресурсов села. В сельской местности Западной Сибири трудности в обеспечении рабочей силой колхозно-совхозного производства в пиковые периоды (сев, уборка) фиксировалась ещё до Великой Отечественной войны. Так, в 1940 г. в Омской области 191 колхоз привлекал работников со стороны на полевые работы, 795 колхозов привлекали посторонних работников на строительство, 417 колхозов — в подсобные предприятия[3]. Это свидетельствует еще и о недостаточном использовании собственных трудовых ресурсов, а также о нехватке квалифицированных работников в колхозах. Например, со стороны привлекались бухгалтеры, водители автомобилей, трактористы, механики.

С началом войны ситуация стала быстро усложняться. Как уже говорилось, компенсировать отток работников из села в армию путем удлинения рабочего дня и других мер экстенсификации труда, не удалось. Только в совхозах и МТС Новосибирской области дефицит рабочей силы в период весенне-летней посевной кампании 1942 г. достиг 54 тыс. человек[4]. В колхозах Алтайского края в течение 1941–1943 гг. численность наличного трудоспособного населения сократилась на 33 %, Омской области — на 30 %[5]. В 1942 г. из-за дефицита работников, в аграрном секторе экономики Западной Сибири пришлось задействовать почти 400 тыс. деревенских подростков 12–16 лет и около 300 тыс. стариков. Их участие в сельскохозяйственном

[1] ГАРФ. Ф. 9517. Оп. 1с. Д. 25. Д. 86–88.

[2] Там же.

[3] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2607. Л. 18 об.

[4] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 38. Л. 14.

[5] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 43. Д. 923. Л. 1.

производстве позволило высвободить для армии, промышленности, строительства и транспорта дополнительно примерно 600 тыс. человек[1].

В январе 1943 г. в предложениях Госплана СССР «О выявлении источников рабочей силы», подготовленной для правительства, учитывая дефицитность людских ресурсов деревни, высказывалась мысль, что «мобилизация на производство не может проводиться в сельских поселениях»[2]. Сотрудники Госплана СССР пытались искать альтернативные источники трудовых ресурсов. Они видели их в сокращении управленческого и снабженческого аппаратов, в направлении части служащих непосредственно на производство, в более эффективном использовании имевшейся на предприятиях рабочей силы. Однако практика показала, что предложения Госплана СССР не могли быть реализованы. Армии нужны были солдаты, а военной промышленности — работники. Трудовые мобилизации в деревне продолжались. В результате военных и трудовых мобилизаций, а также вследствие стихийного оттока сельского населения в города, людские ресурсы западносибирской деревни были исчерпаны почти до донышка. В целом по сельской местности Советского Союза (по сопоставимым территориям без оккупированных районов), число трудоспособных мужчин 14–55 лет в 1944 г. по отношению к 1940 г. уменьшилось на 21 млн человек. Число трудоспособных женщин 14–50 лет сократилось более чем на 7 млн человек[3].

По расчетам сотрудников Управления учета и распределения рабочей силы Госплана СССР, деревня Западной Сибири, при условии максимального вовлечения стариков и подростков в аграрное производство, в 1942 г. могла выделить для армии и индустрии примерно 895 тыс. человек. В 1943 г. потенциальные возможности сельской местности Западной Сибири выделять людей сократились до 646 тыс. человек[4]. Но это было явным преувеличением. По самым осторожным подсчетам Госплана СССР, проведенным в 1945 г. дефицит рабочей силы в деревне Тюменской области, достиг 45 тыс. человек, Омской — 33 тыс., Кемеровской области — 22 тыс. человек[5]. В этом году в колхозах Западной Сибири пришлось задействовать 68 % стариков от общей их численности, а количество

---

[1] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 43. Д. 923. Л. 4.
[2] Там же. Д. 922. Л. 1.
[3] Там же. Оп. 45. Д. 318. Л. 108.
[4] Там же. Оп. 43. Д. 923. Л. 4, 6.
[5] Там же. Л. 55.

занятых подростков моложе 14 лет достигло 142 тыс. (в целом по стране — свыше 2 млн.)[1]. В одной только Омской области в конце 1945 г. в колхозное производство было вовлечено 63 тыс. подростков 12–16 лет, а также 39 тыс. стариков и инвалидов[2]. Людской потенциал не только Западной Сибири, но и всех районов глубокого тыла к концу войны был предельно истощен. Так, 4 мая 1945 г. начальник Главупраформа, генерал-полковник И. В. Смородинов в письме Н. М. Швернику по поводу требования Наркомата лесной промышленности о дополнительной мобилизации рабочей силы писал: «…не представляется возможным мобилизовать для этой цели 5000 человек военнообязанных…, так как ресурсы военнообязанных, негодных к службе в армии, но годных к физическому труду… исчерпаны»[3]. По этой причине масштабы трудовых мобилизаций в деревне тыловых регионов пришлось сокращать, перенося их на районы, освобожденные от оккупации.

Ситуация с трудовыми ресурсами в городах Западной Сибири была очень напряженной, но все же не настолько, как в деревне. Во-первых, в городах действовала система бронирования военнообязанных специалистов, а директора оборонных предприятий всеми доступными средствами, законными и незаконными, противились мобилизации в Красную армию квалифицированных инженеров, техников и рабочих. Во-вторых, в 1941–1942 гг. города получили крупное пополнение трудовых ресурсов в ходе эвакуации. Прибывшие в Западную Сибирь беженцы, владевшие специальностью, оставались в городских поселениях. Промышленность, стройки и транспорт поглотили практически всех трудоспособных эвакуантов. В сельскую местность направляли тех эвакуированных, кто был «не нужен» военной индустрии: детей, многодетных женщин, стариков и инвалидов. В-третьих, городские предприятия, особенно крупные, в течение всей войны дополнительно к мобилизациям, получали рабочую силу из ремесленных и железнодорожных училищ, а также школ ФЗО. Достаточно сказать, что выпуск рабочих кадров в системе трудовых резервов Западной Сибири за годы Великой Отечественной войны составил 202 тыс. человек. Предприятия Алтайского края за счет этого источника получили почти 28 тыс. рабочих, Кемеровской области — 67 тыс., Новосибирской — 63 тыс.,

[1] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 46. Д. 988. Л. 2, 3.
[2] Там же. Оп. 45. Д. 317. Л. 298.
[3] ГАРФ. Ф. 9517. Оп. 1с. Д. 54. Л. 44.

Омской — 31 тыс., Томской — свыше 12 тыс., Тюменской — 2 тыс. рабочих[1]. В-четвертых, городские предприятия пополнялись путем стихийного притока населения из деревни, «от ворот».

Трудовая мобилизация и неконтролируемый переток людей из сельской местности в города не только предельно обостряли ситуацию по обеспечению аграрного производства рабочей силой, но влекли за собой множество других проблем материального и социально-психологического характера. Прибывшие в городские поселения жители сельской местности не могли быть обеспечены даже в минимально необходимых объемах жильем, продовольствием, одеждой. Заработки неквалифицированных выходцев из деревни были очень низкими. Из-за недостаточной квалификации они выполняли самую «черную» и низко оплачиваемую работу. Предприятия должны были тратить ценные ресурсы и время на их обучение.

И если горожане, мобилизованные в промышленность, на стройки и транспорт, продолжали жить по домам, то выходцев из деревни приходилось отрывать от семьи и привычных условий жизни. В городах Западной Сибири с их слабо развитой социальной инфраструктурой, бывших жителей села и эвакуантов ждали бараки с клопами, холод, грязь, антисанитария, недоедание. Заместитель председателя Госплана СССР Г. П. Косяченко в докладной записке «О производительности труда в угольной промышленности», направленной в июле 1943 г. В. М. Молотову, характеризуя условия жизни мобилизованных рабочих, писал: «В результате недостатка жилой площади рабочие живут в общежитиях с двумя ярусами нар. В ряде случаев они не имеют своего постоянного места для сна. Постельными принадлежностями рабочие обеспечены не полностью. Одним из наиболее серьезных недостатков в обслуживании рабочих является неудовлетворительная организация питания. Нормы отпуска продуктов, установленные для рабочих угольной промышленности, реализуются нерегулярно. Часто установленные по норме продукты заменяются другими продуктами, не равноценными для людей тяжелого физического труда. Так, например, мясо заменяется яичным порошком»[2].

Не удивительно, что в этих условиях дезертирство и уклонение от трудовой мобилизации приняли очень большой размах. Рабочие, прикрепленные к предприятиям и лишенные возможности уволиться,

[1] Рабочий класс Сибири в период упрочения и развития социализма. С. 88.
[2] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 44. Д. 377. Л. 21–22.

покидали предприятия самовольно. 2 января 1943 г. прокурор Омской области Теребов докладывал секретарю Омского обкома М. А. Кудинову, что дезертирство с промышленных предприятий «превратилось в массовое явление. Наибольшее количество побегов и прогулов имело место в тех предприятиях, где не уделяется должного внимания созданию бытовых условий рабочим»[1].

На снарядный завод № 556 в 1942 г. было принято 4337 рабочих, ушло с предприятия 1550 человек, из них самовольно (дезертировало) — 1476 человек[2]. Для завода № 166 в 1943 г. было мобилизовано 934 человека, а выбыло с завода (не считая ушедших в армию) 2877 человек, в том числе дезертировало 1361 человек. Для завода № 174 было мобилизовано 3588 человек, выбыло с завода 3689 человек, из них дезертировало 2058 человек[3]. На комбинат № 179 в 1943 г. было принято 7703 человека. Но в этом же году с комбината выбыло 7600 человек, из них дезертировало почти 4979 человек[4]. В целом для всех предприятий Наркомата боеприпасов, расположенных в Новосибирской области за 1942–1943 гг. было мобилизовано почти 30 тыс. рабочих, но количество дезертиров превысило 19 тыс. человек. Это составило 63,5 % от общего числа мобилизованных[5]. Строительные организации Кузбасса, такие как: ОСМЧ-30, ОСМУ-3, Союзхиммонтаж и Электромонтаж, вследствие массового дезертирства потеряли в 1943 г. — 1293 рабочих, в 1944 г. — 600 рабочих[6].

В марте 1944 г. с 12 крупнейших промышленных предприятий Омской области дезертировало 565 человек. В августе этого года число дезертиров выросло до 698 человек[7]. На завод № 153 в 1944 г. прибыло 1772 рабочих промышленной группы, а выбыло 4972 человека, из них почти 17 % дезертировало[8]. Комбинат № 179 из-за трудового дезертирства потерял в первом полугодии 1944 г. 1622 работника, завод № 590–111, завод № 69–123 работника[9]. На Кемеровском Коксохимзаводе в 1944 г. дезертировали 273 человека, в 1945 г. — 170 человек[10].

1 ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3640. Л. 41–41 об.
2 Савицкий И. М. Важнейший арсенал Сибири. С. 253–254.
3 ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3640. Л. 34.
4 Савицкий И. М. Важнейший арсенал Сибири. С. 251.
5 Там же. С. 260.
6 ГАКО. Ф. П-15. Оп. 8. Д. 88. Л. 26.
7 ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3913. Л. 103 об.; Д. 3916. Л. 13–13 об.
8 Савицкий И. М. Важнейший арсенал Сибири. С. 245.
9 ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 195. Л. 21.
10 ГАКО. Ф. П-15. Оп. 8. Д. 86. Л. 85.

Текучесть рабочей силы в военные годы, несмотря на все законодательные строгости и жестокие уголовные наказания за самовольный уход с предприятий, достигала огромных величин. Так, в первом квартале 1942 г. с промышленных предприятий Новосибирской области ушло 40 тыс. человек, вновь было принято 54 тыс. человек. Во втором квартале 1942 г. покинули производство 44 тыс. рабочих, принято на работу — 59 тыс. Таким образом, за полгода состав рабочей силы обновился на 25 %, в том числе на Кузнецком металлургическом комбинате — на 30 %[1]. В целом по промышленным предприятиям Новосибирской области в 1942 г. текучесть кадров достигала 21 % (без учета работников, призванных в армию)[2]. Заместитель заведующего отделом промышленности боеприпасов Новосибирского обкома С. А. Панов, характеризуя ситуацию с рабочими кадрами на комбинате № 179, в ноябре 1943 г. писал: «На комбинате ежегодно обновляется рабочий состав до 70 процентов. Пополнение идет исключительно за счет мобилизации из сельского хозяйства молодежи, которая не обеспечивается нормальными бытовыми условиями. Плохие бытовые условия порождают огромную текучесть»[3].

Кадровая нестабильность оказалась «ахиллесовой пятой» советской экономики. По 15 основным предприятиям Омска в 1944 г. было принято около 10 тыс. человек, а убыло 12 тыс. человек. По 60 трестам, предприятиям и строительным организациям Кемеровской области за 9 месяцев 1944 г. было принято на работу 49 тыс. человек, а убыло 42 тыс., при среднемесячной численности трудящихся 217 тыс. человек[4]. Приведем данные о размерах текучести рабочей силы на одном из крупнейших угледобывающих предприятий Западной Сибири — в тресте «Кемеровоуголь»[5]:

Год	Прибыло	Убыло	
		Всего	В том числе в РККА
1941	2118	2089	839
1942	3406	2693	485
1943	2742	2292	128
1944	2016	1531	–
1945	1807	3089	–

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 38. Л. 8.

[2] Там же. Л. 64.

[3] Оборонная промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. С. 581.

[4] Акулов М. Р. Промышленное развитие Сибири… С. 210.

[5] ГАКО. Ф. П-15. Оп. 8. Д. 86. Л. 119.

Эти данные свидетельствуют, что главной причиной дефицита рабочих рук была отнюдь не воинская мобилизация в Красную армию, как это принято считать, а огромная текучесть кадров и массовое трудовое дезертирство. Достаточно сказать, что с предприятий Наркомата боеприпасов, размещенных на территории Новосибирской области за период с июля 1941 — по сентябрь 1943 г. ушло 33,3 тыс. рабочих, из них в армию было призвано 4,7 тыс. человек (14 % от числа ушедших с предприятий). Между тем, дезертировало с предприятий 17,2 тыс. человек, что составило 52 % от числа покинувших производство[1].

В этих условиях, своеобразной «палочкой-выручалочкой» для «красных» директоров и стала стратегия принудительного труда. Руководители предприятий хорошо усвоили, что оборонные заводы будут обеспечены рабочей силой в любом случае, а если потребуется, можно увеличить рабочий день. Сделав ставку на большое количество рабочей силы и экстенсификацию труда, директора предприятий отодвинули на второй план заботы о повышении производительности труда, о лучшем, более эффективном использовании техники и рабочей силы. В 1942 г. на заводе № 168 мощности оборудования использовались только на 60 %, на заводе № 3 — на 60–85, на заводе № 635 — на 56 %. На заводе № 296 потенциальные возможности револьверных станков использовались на 62 %, токарные — на 57, шлифовальные — на 38, фрезерные — на 66, а прессы — на 63 %[2].

Материальное стимулирование, начиная с 1940 г., т. е. с отверденением системы принудительного труда, теряло свое значение. Директора головой отвечали за выпуск военной продукции. Но за развал материально-бытового положения рабочих их могли пожурить на бюро обкома или горкома, в худшем случае сделать выговор. Но если завод выдавал «на-гора» военную продукцию, выполнял и перевыполнял планы, руководителю предприятия прощалось все, а его грудь украшали ордена. В сущности, никого не интересовало, какими драконовскими способами директор добился «выполнения и перевыполнения». Это, в конечном счете, крайне негативно отражалось на эффективности использования рабочего времени.

Табл. 3.2.3 показывает, что ведущие промышленные предприятия Новосибирской области в 1942 г. потеряли почти 12 % рабочего времени. Значительная часть потерь была вполне закономерным

---

[1] Оборонная промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. С. 622.

[2] Там же. С. 358–359.

результатом прогулов, организационных неполадок, отсутствия сырья, материалов, электроэнергии, низкой квалификации работников, допускавших многочисленный брак. «Немалые потери рабочего времени, — говорил в июле 1942 г. секретарь Новосибирского обкома М. В. Кулагин, — происходят у нас из-за неупорядоченности работы столовых, общежитий, трамвая, бань, парикмахерских и других социально-бытовых учреждений»[1].

*Таблица 3.2.3**

Баланс рабочего времени по основным предприятиям Новосибирской области. 1942 г.**

Использование рабочего времени	Человеко-дни	В % к общему ресурсу рабочего времени	В % к потерям рабочего времени
Общий фонд рабочих человеко-дней. Из них потеряно рабочего времени:	3 041 167	100,0	–
Декретные отпуска	9665	0,3	2,7
Кормящие матери	231	–***	–***
Невыходы по болезни	225 173	7,4	63,5
Невыходы в связи с выполнением общественных обязанностей	17 675	0,6	5,0
Отпуска	15 911	0,5	4,5
Прогулы	16 680	0,6	4,7
Простои из-за отсутствия сырья и материалов	20 845	0,7	5,9
Простои из-за отсутствия электроэнергии	11 898	0,4	3,4
Организационные неполадки	3296	0,1	0,9
Потери рабочего времени на брак	6344	0,2	1,8
Прочие причины	26 700	0,9	7,5
Всего простои и потери	354 418	11,7	100,0
Удельный вес использованного рабочего времени, %	–	88,3	–

* Источник: ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 38. Л. 14.

** По административно-территориальному устройству 1942 г.

*** Менее 0,1 %

[1] Оборонная промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. С. 361.

Очень большое количество рабочего времени терялось из-за вынужденных невыходов на работу по болезням, что обусловливалось тяжелыми материально-бытовыми условиями существования людей. Смертность населения в 1943–1945 гг., как уже говорилось ранее, сокращалась. Но это сокращение происходило на фоне высокой заболеваемости, что приводило к длительным периодам нетрудоспособности. Самое большое количество дней нетрудоспособности в военные годы, как свидетельствуют данные *табл. 3.2.4*, приходилось на туберкулез органов дыхания, гнойничковые болезни кожи, ревматизм. Значительное количество рабочего времени отнимали грипп, ангины, желудочно-кишечные болезни, а также производственные и бытовые травмы. Причем за годы войны средняя продолжительность дней нетрудоспособности возросла по большинству заболеваний, исключая туберкулез.

На большинстве предприятий Западной Сибири царил организационный хаос. Дисциплина труда, несмотря на суровые наказания, была низкой. Прогулы оставались повседневным явлением. Так, в тресте «Кемеровоуголь» в 1941–1944 гг. было зафиксировано свыше 24 тыс. прогулов[1]. На заводе № 20 за 15 дней апреля 1944 г. невыход на работу составил 6955 человеко-дней, из них прогулы составили 1835 человеко-дней. На Сибзаводе за 4 месяца 1944 г. совершили прогулы без уважительных причин 214 человек, опоздали на работу — 340 человек[2]. Строительные организации Новосибирской области в июне 1942 г. потеряли 29 тыс. человеко-дней. Из них 67 % пришлось на потери рабочего времени по болезни, 7 % — на прогулы по неуважительным причинам, 6 % на выполнение общественных и государственных обязанностей[3]. На заводе № 166 в 1943 г. прогулы совершили 21 % рабочих, а на заводе № 174 — более 36 % рабочих[4].

Значительная часть нарушений дисциплины была вынужденной, обусловленной низким уровнем материального обеспечения рабочих. На заводе № 166 по мотивам отсутствия одежды и обуви не выходили на работу от 10 дней до 3-х месяцев 237 производственных рабочих. В строительном тресте № 1 прогулы из-за нехватки одежды и обуви совершили 200 человек. Трест, таким образом, потерял 6500 человеко-дней[5].

[1] ГАКО. Ф. П-15. Оп. 8. Д. 86. Л. 120.
[2] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 4215. Л. 58.
[3] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 38. Л. 175.
[4] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3640. Л. 35.
[5] Там же. Д. 3905 Л. 35, 36.

*Таблица 3.2.4**

Потери рабочего времени по причине нетрудоспособности рабочих и служащих промышленности СССР в годы Великой Отечественной войны. (Число дней нетрудоспособности на 100 работающих)

Заболевание	Железно-рудная промышленность Востока			Тяжелое машиностроение			Швейная промышленность		
	1940 г.	1945 г.	1945 г. в % к 1940 г.	1940 г.	1945 г.	1945 г. в % к 1940 г.	1940 г.	1945 г.	1945 г. в % к 1940 г.
Все болезни	10,2	11,4	111,8	8,6	10,7	124,4	7,7	8,7	113,0
Грипп	6,3	6,3	100,0	5,3	6,0	113,2	5,4	5,6	103,7
Ангина	5,7	6,7	117,5	5,6	6,2	110,7	5,3	5,9	111,3
Гнойничковые заболевания кожи	8,1	9,8	121,0	7,7	9,2	119,5	7,1	7,7	108,5
Ревматические заболевания	12,0	12,4	103,3	13,6	14,4	105,9	14,0	11,6	82,9
Туберкулез органов дыхания	27,2	19,9	73,2	25,5	23,2	91,0	22,9	23,0	100,4
Малярия	8,1	9,8	121,0	7,7	8,7	113,0	7,8	7,8	100,0
Производственные травмы	Н. св.	14,7	-	Н. св.	14,0	-	Н. св.	11,6	-
Бытовые травмы	10,2	12,0	117,6	9,5	13,1	138,0	9,2	11,5	125,0
Острые желудочно-кишечные заболевания	7,0	9,5	135,7	5,7	7,9	139,0	5,5	6,0	109,1

* Источник: ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 6. Д. 1945. Л. 8 об., 9–9 об., 10, 12 об., 13–13 об., 14, 16 об., 17–17 об., 18.

Проверка, организованная в 1943 г. Комитетом партийного контроля (КПК) ПК при ЦК ВКП(б) шести предприятий Омска показала, что вследствие прогулов было потеряно 155,6 тыс. человеко-дней. Неоправданные (с точки зрения КПК) отпуска без содержания унесли 170,1 тыс. человеко-дней, невыходы на работу по мотивам отсутствия одежды и обуви — 17,8 тыс. человеко-дней, а все потери рабочего времени превысили 1 млн человеко-дней[1]. Уполномоченный Госплана СССР по Новосибирской области Коробков 12 апреля 1944 г. в объяснительной записке «К балансу рабочей силы по Новосибирской области на 1944 г.», писал, что на заводе № 635 в январе месяце прогулы достигли 1716 человеко-дней, в феврале — 2082 человеко-дня. На комбинате № 179 простои в феврале 1944 г. отняли 15 914 человеко-часов рабочего времени, на заводе № 556 — 14 348 человеко-часов, на заводе № 564 — 3025 человеко-часов[2]. Все это усугублялось низкой квалификацией новых рабочих — бывших домохозяек, колхозников, знакомых только с сельскохозяйственными работами и подростков. В июне 1942 г. по 50 промышленным предприятиям Новосибирской области почти 28 % рабочих не смогли выполнить норму выработки[3].

Никакие, самые суровые наказания вплоть до лишения свободы, не могли остановить вал нарушений трудовой дисциплины и дезертирства, поскольку в основе лежало не разгильдяйство и безалаберность отдельных работников, а, прежде всего, пренебрежительное отношение начальства к материально-бытовому обеспечению кадров. Таким образом, дефицит рабочей силы складывался не столько как следствие крупномасштабных армейских мобилизаций, но и как результат нерационального использования рабочей силы.

Руководители промышленных предприятий, возлагая все свои надежды на трудовую повинность, заказывали Комитету по учету и распределению рабочей силы значительно больше рабочих, чем требовалось объективно. Они делали ставку не на организованность и качество работы, не на производительность труда и грамотное использование техники, а на количество работников. В уже упоминаемом ранее многостраничном докладе, подготовленном в конце 1942 г. по заданию Новосибирского обкома Облпланом, промышленными отделами обкома и отделами Облисполкома совместно с научными работниками области подчеркивалось, что директора

[1] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3905 Л. 35, 36.
[2] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 8. Д. 22. Л. 7 об.
[3] Там же. Оп. 6. Д. 38. Л. 64.

предприятий требуют рабочую силу без учета внутренних ресурсов и представляют «завышенные данные о дефиците рабочей силы»[1]. В докладе секретаря Новосибирского обкома М. В. Кулагина на VII пленуме обкома (2 июля 1942 г.) указывалось: «Директора наших многих предприятий уже привыкли пополнять свои кадры рабочих по заявкам, по решениям, причем без всякого труда и, я бы сказал, забывая при этом какую-либо ответственность за заявки… Вместо использования своих людских резервов, борьбы за выполнение всеми рабочими своих норм, борьбы за высокую производительность труда, встают на самый легкий путь — докладных, телеграмм в ЦК, обком партии, наркомат с просьбой мобилизовать, направить им рабочих, не видя того, какие возможности таят в себе имеющиеся у них кадры»[2].

«Запас» рабочих рук накапливался «на всякий случай» или на непредвиденное повышение плановых заданий, что в военные годы были нередким явлением. Вместе с тем, таким способом компенсировались низкая производительность труда, прогулы, брак, многочисленные простои по вине администрации и организационная неразбериха. Во втором полугодии 1942 г. потребность 90 основных промышленных предприятий Новосибирской области в рабочей силе составляла 390 тыс. человек. За счет внутренних ресурсов области (трудовая мобилизация, выпуск из школ ФЗО и ремесленных училищ, прием «от ворот») эту потребность можно было покрыть на 66 %. Таким образом, дефицит рабочей силы на основе заявок предприятий был определен в 131 тыс. человек. В действительности же, как показал анализ Облплана, реальный дефицит рабочих рук (при условии эффективного использования трудовых ресурсов предприятий) не превышал 101 тыс. человек[3]. Следовательно, руководители предприятий в своих заявках затребовали 30 тыс. «лишних» работников.

По расчетам управленцев завода № 153 в 1942 г. предприятию дополнительно требовалось 3,1 тыс. работников, а в действительности (имея в виду неиспользованные внутренние резервы труда) были нужны 2,6 тыс. человек. Согласно заявке Кузнецкого угольного комбината, дефицит рабочей силы составлял 34,6 тыс. человек, на самом же деле — 27,4 тыс. человек. Особый завод имени Ленина

---

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 38. Л. 9–10.

[2] Оборонная промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. С. 366.

[3] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 38. Л. 9, 15.

подал заявку на 1,1 тыс. новых рабочих. Но с учетом того, что потери рабочего времени только в июне 1942 г. на заводе составили 12 233 человеко-дня, реальный дефицит рабочих рук не превышал 700 человек. Кузнецкий металлургический комбинат им. Сталина установил дефицит рабочей силы в 7 тыс. человек, тогда как на самом деле он не превышал 5 тыс. человек[1].

Такого рода «дутый» дефицит рабочих рук невозможно было ликвидировать никакими трудовыми мобилизациями. Уполномоченный КПК при ЦК ВКП(б) по Омской области Волков 6 марта 1943 г. докладывал председателю КПК, секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Андрееву и секретарю Омского обкома С. С. Румянцеву: «Директора промышленных предприятий требуют мобилизовать на заводы дополнительное количество рабочих. Между тем наличная рабочая сила используется неудовлетворительно. Надеясь на мобилизацию, директора не принимают мер по закреплению рабочих. Текучесть рабочей силы не уменьшается. Резервы рабочей силы на промышленных предприятиях используются крайне неудовлетворительно»[2].

В этих условиях, власти, сделав ставку на максимальную экстенсификацию труда, пошли по уже накатанной дороге запугивания работников и максимального «закручивания дисциплинарных гаек». Карательные органы превратились в необходимую подпорку, поддерживающую советское военное производство. И если директорам успешных предприятий, выполнявших и перевыполнявших планы, прощалось многое, то дезертирам, прогульщикам, нарушителям дисциплины не прощалось ничего. Органы прокуратуры, народные суды, трибуналы и милиция самыми жестокими методами пытались положить конец прогулам и самовольным уходам рабочих и служащих с промышленных предприятий. Трудовое дезертирство стараниями карательных органов было превращено в одно из самых распространенных преступлений военного времени. Секретарь Омского обкома ВКП(б) М. А. Кудинов летом 1943 г. в отчете ЦК ВКП(б) за 1940–1943 гг. указывал, что преобладающим видом преступлений стали нарушения трудовой дисциплины на предприятиях[3].

Самовольное оставление работы, прогулы, опоздания расценивались как нарушение трудовой дисциплины. Они карались по указу

---

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 38. Л. 10, 11.

[2] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3905. Л. 34, 36.

[3] Там же. Д. 3636. Л. 121.

от 26 июня 1940 «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». Он предусматривал как правило исправительно-трудовые работы на срок до 6 месяцев. В отчете начальника управления Наркомюста по Новосибирской области Терещенко, датированным 12 ноября 1942 г., указывалось, что «основная мера наказания прогульщикам применялась от 4 месяцев до 6 месяцев, что составляет 93 %»[1].

Однако побеги мобилизованных с предприятий оборонной промышленности и транспорта подпадали по действие указа от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих военной промышленности за самовольный уход с предприятий». Самовольный уход рабочих и служащих с предприятий военной промышленности и транспорта, подпадающий под действие указа от 26 декабря 1941 г., расценивался не просто как нарушение трудовой дисциплины, а считался государственным преступлением и карался, как уже говорилось, тюремным заключением на срок от 5 до 8 лет. Дела о дезертирстве рассматривались как судами общей подсудности, так и военными трибуналами, трибуналами на железнодорожном и водном транспорте.

В угольной промышленности Кузбасса за период с 1 января 1941 г. по 1 мая 1942 г. за совершение прогулов было осуждено 4506 человек, из которых большая часть на срок от 5 до 6 месяцев исправительно-трудовых работ[2]. В Новосибирской области только за 5 месяцев 1942 г. в суды поступило 24 844 дела по нарушениям трудовой дисциплины, в том числе за самовольный уход с предприятий — 5610 дел[3]. В Омской области только за 9 месяцев 1943 г. за прогулы было осуждено почти 12 тыс. человек[4]. На Сибзаводе в этом году было осуждено 1032 человека, или 32 % к составу работников. На заводе № 174 уголовному преследованию за дезертирство подверглось 3,5 тыс. рабочих, на заводе № 166 — 2,6 тыс., на заводе № 29 — 2,6 тыс. рабочих[5].

Граждане подвергались уголовному преследованию и за уклонение от мобилизации на сельскохозяйственные, временные и сезонные работы, за самовольный уход из ремесленных училищ. В 1942 г.

[1] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3636. Л. 121.

[2] ГАНО. Ф. 1199. Оп. 1а. Д. 18. Л. 29

[3] Оборонная промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. С. 360.

[4] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3636. Л. 121.

[5] Там же. Д. 3905. Л. 42.

в Новосибирской области такого рода деяния послужили причиной осуждения 267 человек[1]. За самовольное оставление сельскохозяйственных работ к уголовной ответственности было привлечено 18 человек[2]. Гражданка С., 1923 г. рождения, работавшая в порядке трудовой повинности в колхозе, самовольно ушла с работы. Нарсуд Вокзального района Томска 27 декабря 1942 г. осудил С. к лишению свободы на 5 лет. Нарсуд Ипподромского района Новосибирска осудил гражданку В., 1916 г. рождения за отказ выехать в колхоз на уборку урожая к лишению свободы на 2 года[3]. В 1944 г. народными судами Новосибирской области за уклонение от мобилизации на сельскохозяйственные работы было осуждено 283 человека. За самовольный уход из ремесленных училищ под суд попали 163 человека, за прогулы — 6501 человек[4].

По данным С. А. Папкова в целом по СССР по «трудовым» указам 1940–1945 гг. было осуждено почти 11 млн человек. Из них за самовольный уход с предприятий, учреждений и за прогулы — 7436,3 тыс. человек; за нарушение трудовой дисциплины и самовольный уход из ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО — 50,2 тыс. человек; за уклонение от сельскохозяйственных работ — 91,2 тыс. человек; за уклонение от трудовой мобилизации — 21,8 тыс. человек; за невыработку минимума трудодней — 679,3 тыс. человек. По указу от 26 декабря 1941 г. (дезертирство с предприятий военной промышленности, железнодорожного и водного транспорта) в 1942–1945 гг. свободу потеряли свыше 960 тыс. человек[5].

Суровое законодательство военного времени карало без разбору всех, и мужчин, и женщин, и взрослых, и начинающих жизнь подростков. О составе рабочих, подвергнутых уголовным наказаниям за дезертирство, мы узнаем из докладной записки председателя военного трибунала войск НКВД Омской области майора юстиции Мошева. Этим трибуналом только в марте 1944 г. было осуждено 565 человек, из них 200 мужчин (35,4 %) и 365 женщин (64,6 %). Из числа осужденных 23 % были подростками до 18 лет, свыше половины — молодыми людьми от 19 до 25 лет[6].

---

[1] ГАНО. Ф. 1199. Оп. 1а. Д. 18. Л. 56.

[2] Там же.

[3] Там же. Л. 11.

[4] Там же. Оп. 2. Д. 14. Л. 22 об.

[5] Папков С. А. Правосудие — как инструмент репрессий в СССР в годы Великой Отечественной войны // Западная Сибирь в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Сб. научных трудов. Новосибирск. 2004. С. 255–256.

[6] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3916. Л. 13 об.

Среди дезертиров преобладали главным образом жители села, перемещенные в города. Постоянным жителям городских поселений, несомненно, было много легче, так как они, по крайней мере, не меняли места жительства, жили у себя дома. Но и среди горожан многие всеми способами пытались уклониться от мобилизации. Возможно, они имели какие-то дополнительные источники существования вне государственного сектора. Во всяком случае, среди дезертиров имелось и некоторое количество кадровых рабочих, главным образом жителей городов. Данные о стаже работы дезертиров комбината № 179 в первом полугодии 1944 г. приведены ниже[1]:

Стаж работы	Число дезертиров (человек)	Удельный вес (%)
До 1 месяца	351	22,7
До 3-х месяцев	377	24,4
До 6 месяцев	243	15,7
До 1 года	210	13,6
До 3-х лет	321	20,7
Свыше 3-х лет	45	2,9
Всего	1547	100,0

Еще одним способом борьбы за повышение трудовой дисциплины были попытки добраться до «сердца нарушителя через его желудок». В октябре 1942 г. правительство СССР установило, что рабочим, совершившим прогул и по приговору суда отбывающим наказание в порядке ИТР, снижается норма отпуска хлеба: для получавших 800 гр. и более — на 200 гр., для остальных — на 100 гр.[2] В условиях хронического недоедания, это было очень серьезное и даже жестокое наказание.

Уголовное преследование, граждан, бежавших из трудовой армии, самые суровые наказания вплоть до лишения свободы не приносили ожидаемого эффекта, поскольку не устраняли причин самого явления. Основными же его причинами, как отмечал инструктор орготдела Омского обкома Луценко в справке «О выполнении постановления бюро Омского Обкома от 9 марта 1944 г.» были тяжелые жилищно-бытовые условия, нехватка продовольствия, одежды, обуви, широкое распространение дистрофии и туберкулеза[3].

---

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 195. Л. 21 об.

[2] Любимов А. В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. С. 32.

[3] ЦДНИОО. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 4215. Л. 59.

Жестокие наказания дезертиров труда имели оборотную сторону. Они порождали коррупцию. Осенью 1944 г. в Кемеровской области завершился судебный процесс, в ходе которого были вскрыты многие неприглядные факты. Секретарь врачебно-трудовой комиссии при поликлинике Прокопьевска, Г., заведующая личным столом стройконторы «Кузбассшахтстроя» Ш. и помощник оперуполномоченного одного из отделений милиции Прокопьевска Б., с сентября 1943 г. по март 1944 гг. за взятки, по фиктивным документам, освободили от работы около 100 мобилизованных рабочих. По приговору суда Г. был расстрелян, Ш. была осуждена на 10 лет лишения свободы, Б. — на 8 лет[1]. Явление это, было, несомненно, далеко неединичным. В частности, почти массовый характер получило сокрытие трудовых дезертиров председателями колхозов, которые таким способом пытались решить проблему рабочей силы. Только в мае-июне 1944 г. органами прокуратуры и милиции Кемеровской области были выявлены и арестованы в Топкинском районе 70 дезертиров, работавших в колхозах, в Кемеровском сельском районе — 86, в Анжеро-Судженском — 98 дезертиров[2].

Говоря об организационном хаосе как важнейшей причине неэффективного использования рабочей силы на промышленных предприятиях, нельзя не сказать, что массовое развитие социалистического соревнования, ударничества и движения рационализаторов, несомненно, несколько смягчало ситуацию. Внедрение новых технологий и рационализаторских предложений, интенсификация труда способствовали более эффективному использованию рабочей силы и содействовали, тем самым, сокращению потерь рабочего времени. Примеров массового трудового героизма рабочих, инженеров и техников, а также широкого развития социалистического соревнования и движения рационализаторов на предприятиях Сибири можно привести множество. На этом нет смысла специально останавливаться, так как такого рода сюжеты очень хорошо описаны в литературе[3].

Однако эффект от социалистического соревнования, внедрения рацпредложений и изобретений, совершенствования технологий в значительной степени «съедался» не только организационным разгильдяйством и халатностью, но повышенной аварийностью,

---

[1] ГАКО. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 304. Л. 24–26.

[2] Неизвестный Кузбасс (1943–1991 гг.). Вып. 1. С. 15.

[3] См., например: Акулов М. Р. Промышленное развитие Сибири…; Васильев Ю. А. Сибирский арсенал; Докучаев Г. А. Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока…; Кузбасс — фронту. Кемерово, 1975 и многие другие.

выпуском большого количества бракованной продукции. Так, в 1942 г. на Кемеровской ГРЭС было допущено 8 аварий, а недопроизводство электроэнергии составило 96 тыс. киловатт-часов. На Азотнотуковом заводе в 1942 г. произошло 48 аварий, принесших убыток в 268 тыс. рублей. Убытки от выпуска бракованной продукции составили 114 тыс. рублей. В 1943 г. на заводе было зафиксировано 42 аварии с убытком 310 тыс. рублей, а убытки от выпуска брака достигли почти 150 тыс. рублей. На заводе № 630 взрыв в цехе № 1 нанес ущерб на сумму в 20 млн рублей. Взрыв в цехе № 8 завода № 319 в 1942 г. не только полностью и на долгое время вывел из строя производство, но и принес человеческие жертвы. В 1943 г. на этом заводе произошло 7 пожаров, причинивших убыток свыше 7 млн рублей. На комбинате № 392 выпуск бракованной продукции исчислялся огромной суммой — 2,4 млн рублей, в 1943 г. — 5,8 млн рублей. В тресте «Кемеровоуголь» в 1941 г. произошло 68 аварий, вследствие которых было потеряно 10 150 т. угля, в 1942 г. — 63 аварии с потерей 8 тыс. т. угля. В 1943 г. в тресте вследствие аварий было потеряно 13 тыс. т. угля[1].

Опубликованные недавно архивные документы дают возможность провести очень интересные сопоставления. На заводах промышленности боеприпасов Новосибирска за все годы Великой Отечественной войны экономия от внедрения рационализаторских предложений и изобретений составила 241,7 млн рублей. Вместе с тем, убытки от бракованной валовой продукции достигли 159,3 млн рублей. На предприятиях цветной металлургии в течение войны было внедрено 290 рацпредложений и изобретений, которые дали экономию в 5,9 млн руб. Но убытки от брака составили 3,8 млн руб. На заводах промышленности вооружений убытки от выпуска бракованной продукции вообще перекрыли экономию от внедрения рацпредложений и изобретений. Вся экономия составила 40,2 млн руб., а убытки — 42,1 млн руб.[2]

В основе повышенной аварийности и выпуска бракованной продукции лежали многочисленные нарушения технологического режима, в свою очередь обусловленные неопытностью персонала, его низкой квалификацией, халатностью, недисциплинированностью. «Отсутствие технологической дисциплины и борьбы за качество выполняемой цехами работы, — говорилось в постановлении бюро

---

[1] ГАКО. Ф. П-15. Оп. 8. Д. 71. Л. 33–35.

[2] Оборонная промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. С. 798–799, 818–819.

Новосибирского обкома "Об увеличении выпуска самолетов заводом № 153 им. В. П. Чкалова" от 27 мая 1943 г., — в массовом порядке загружает производство дополнительной работой по исправлению брака и устранению дефектов, а потери рабочего времени на окончательный брак за последние 3 месяца составили свыше 97 тысяч нормо-часов»[1]. Заместитель секретаря Кемеровского горкома по оборонной и химической промышленности Деревенских в справке «О работе заводов химической и оборонной промышленности г. Кемерово за 1945 г.», отмечал: «Нарушения технологического режима являются основной причиной перерасходов сырья и энергетики, а также брака в работе»[2].

Немаловажную роль в повышенной аварийности и выпуске бракованной продукции играла непомерная усталость людей, которые отдавали работе все силы. Тяжелый труд в течение практически неограниченного рабочего дня (не менее 12 часов, а в авральные периоды и больше) доводил людей до полного безразличия к окружающему. Помощник Новосибирского областного прокурора Костицин и прокурор Кемерово Когаловский описывали случаи, когда работниц, молодых девушек, впадавших от усталости в бессознательное состояние, приходилось отливать водой[3]. Мастер цеха прессизделий Кемеровского завода «Карболит» Р. И. Миронова вспоминала: «На заводе работали подростки и женщины. Трудно им было в ночные смены. Они так страшно хотели спать, что никакие силы не могли их удержать от этого. Ночью то и дело приходилось находить их, убежавших от пресса и где-нибудь на мешках сладко спавших. Будишь их, будишь, а они как маленькие дети, готовы плакать, никак не могут проснуться. И так жалко их, но ничего поделать нельзя. Работа — есть работа»[4]. Аварии и брак оборачивались огромным перерасходом материальных ресурсов и рабочего времени, а в конечном счете, дополнительными потребностями в рабочей силе.

Еще одним фактором, отвлекавшим на себя значительные ресурсы труда и времени, было вынужденное продовольственное самоснабжение горожан. Централизованные поставки продуктов питания (по карточкам), обеспечивали только полуголодное существование. Людям приходилось заниматься индивидуальным

---

[1] Оборонная промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. С. 475.

[2] ГАКО. Ф. П-15. Оп. 8. Д. 87. Л. 1.

[3] Там же. Д. 9. Л. 114.

[4] Этот день мы приближали, как могли. С. 180.

огородничеством. По данным У. Г. Чернявского, в Алтайском крае в 1943 г., доля горожан, участвовавших в огородничестве составляла 56 %, в Омской области — 68, в Новосибирской — 62, в Кемеровской области — 54 %[1]. Только в Кемеровской области площадь индивидуальных огородов городских рабочих и служащих (в основном под картофель) за годы Великой Отечественной войны более чем удвоилась, с 20 тыс. га в 1941 г. до 41 тыс. га в 1945 г.[2] В редкие выходные дни, или просто после рабочего дня, тысячи горожан занимались перекопкой, прополкой, уборкой. Утром, усталые и невыспавшиеся, они спешили на производство. Аналогичным образом решали продовольственную проблему сельские жители. В хозяйствах колхозников Кемеровской области площадь индивидуальных огородов за 1941–1945 гг. выросла на 26 %, в хозяйствах рабочих и служащих села — на 79 %[3].

Несмотря на явное перенапряжение людских ресурсов, власти, вместо того, чтобы повышать эффективность использования уже имевшихся кадров, по-прежнему продолжали упорную работу по поиску новых, незадействованных в производстве рабочих рук. Чтобы зафиксировать все неработающее население городов, ЦСУ СССР проводило специальные учеты не занятого городского населения. Выявлялись все не работавшие мужчины в возрасте от 14 до 55 лет и женщины от 15 до 50 лет. Из списков, не работавших исключались инвалиды первой и второй групп, учащиеся вузов, техникумов, школ ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищ. Учеты, как правило, проводились без опроса населения, по сведениям управляющих домами, комендантов общежитий и домовладельцев. Полученные материалы тщательно сверялись с данными карточных бюро о числе выданных хлебных карточек. В сельской местности поиск незанятых рабочих рук был возложен на сельские советы, которые на основе похозяйственных книг и списков временно проживающих составляли единовременные отчеты о половом и возрастном составе сельского населения (форма С). ЦСУ использовало эти отчеты для определения наличных резервов рабочей силы.

Учет людских ресурсов, как города, так и села показал, что в ходе трудовых мобилизаций число нигде не работавших женщин, подростков и стариков, составлявших в военное время основной запас

---

[1] Чернявский У. Г. Война и продовольствие. Снабжение городского населения в Великую Отечественную войну (1941–1945 гг.). М., 1964. С. 149.

[2] ГАКО. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 300. Л. 9.

[3] Там же.

незадействованного труда, существенно сократилось. Тем не менее, в городах оставались люди, не занятые на производстве и существовавшие за счет неконтролируемых государством источников дохода. В политическом аспекте это означало выпадение из структуры тоталитарного государства. Проведенный в марте 1942 г. учет выявил в городских поселениях Новосибирской области 48 тыс. нигде не работавших женщин (не учившихся и не имевших на своем попечении детей до 8 лет). В Омской области таковых насчитывалось свыше 14 тыс. человек, а в Алтайском крае — около 9 тыс. человек[1]. В 1943 г., по подсчетам ЦСУ СССР, основанным на анализе выданных хлебных карточек, в Барнауле численность не работавших и не учившихся женщин, не имеющих детей до 8 лет, составляла почти 5 тыс. человек, в Анжеро-Судженске — 2,2 тыс., в Киселевске — 1,2 тыс., в Томске — почти 4 тыс., в Тюмени — свыше 2 тыс. человек[2]. В 1944 г., по всем городам Советского Союза, было выявлено 614 тыс. нигде не работавших мужчин и женщин [3]. В Новосибирской области переучет не работавшего населения, проведенный 15 марта 1944 г. показал, что по количество не занятых мужчин в возрасте 14–55 лет составляло 1791 человек. Не занятых женщин в возрасте от 14 до 50 лет было ещё больше — 41 978 человек, в том числе бездетных или не имеющих детей моложе 8 лет — 11 340 человек. Таким образом, областные власти смогли мобилизовать для производства дополнительно 23 062 работника[4]. Кроме того, в сельской местности Новосибирской области на 1 января 1944 г. было зафиксировано 111,5 тыс. трудоспособных, но не работавших членов семей рабочих, служащих и кустарей[5]. В Тюмени по состоянию на 20 февраля 1945 г. было выявлено 154 нигде не работавших и не учившихся мужчины в возрасте 15–54 года, в Ишиме — 135 мужчин. Количество не работавших и не учившихся женщин в возрастной группе от 15 до 50 лет (не имеющих детей до 8 лет) составляло в Тюмени 947 человек, в Ишиме — 815 человек[6].

В действительности количество неработающих мужчин и женщин было значительно больше, чем обнаруживали официальные проверки. Н. М. Шверник, стремясь подчеркнуть положительные стороны деятельности руководимого им Комитета по учету

---

[1] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 42. Д. 999. Л. 24.
[2] Там же. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 412. Л. 2, 34, 38.
[3] ГАРФ. Ф. 9517. Оп. 1с. Д. 23. Л. 14.
[4] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 8. Д. 22. Л. 8 об.
[5] Там же.
[6] ГАТюмО. Ф. 1112. Оп. 1. Д. 49. Л. 14.

и распределению рабочей силы, а заодно поставить в неудобное положение представителей других ведомств, писал: «Проводимый ЦСУ единовременный учет городского неработающего населения (без опроса населения) не обеспечивает выявления неработающих граждан»[1]. По-видимому, эффективность административно-бюрократической системы, действовавшей в СССР в годы войны, сильно преувеличена.

Принудительный труд и мобилизационная стратегия во всех их антигуманных проявлениях являлись объективной производной сложившейся в Советском Союзе социально-экономической и политической системы. Не последнюю роль играл и субъективный фактор. Сталин, а вслед за ним руководители всех уровней сверху донизу, не признавали и не желали признавать никаких иных методов привлечения к труду, за исключением мобилизационных. К концу Второй мировой войны на предприятиях и стройках важнейших наркоматов в восточных районах РСФСР (Урал, Сибирь и Дальний Восток) по данным ЦСУ СССР было занято 2,7 млн рабочих и служащих. Из них 1,9 млн человек (свыше 70 % к общему числу занятых) были прикреплены к своим рабочим местам, без права их покинуть. На них, так или иначе, распространялось действие указа от 26 декабря 1941 г. Число мобилизованных через Наркомат обороны и Наркомат ВМФ (бойцы рабочих колонн) составляло 375 тыс. человек; через Комитет по учету и распределению рабочей силы — 190 тыс. человек. Сверх того, 177 тыс. молодых рабочих пришли в годы войны в промышленность, на транспорт и стройки через школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища, а 180 тыс. эвакуированных рабочих и служащих, не получили разрешения вернуться в первоначальные места жительства[2]. В этом смысле достижения сталинского государства действительно были весьма внушительны.

Однако это не означает, что режиму удавалось все. Его возможности не стоит преувеличивать. В частности, полное фиаско потерпел Комитет по учету и распределению рабочей силы, а вместе с ним и вся советская тотально-мобилизационная система при попытке вовлечь в состав производственных рабочих и служащих работников аппарата управления, торговых и снабженческих организаций. В начале Великой Отечественной войны в связи

[1] ГАРФ. Ф. 9517. Оп. 1с. Д. 23. Л. 15.
[2] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 46. Д. 314. Л. 64–65.

с мобилизацией в Красную армию и переходом некоторой части служащих на производство, количество и удельный вес работников государственного аппарата несколько сократились. Доля служащих в численности работников народного хозяйства уменьшилась в течение первого года войны с 28 до 26 %. И если в 1940 г. удельный вес служащих по отношению к числу рабочих промышленных предприятий составлял 9,3 %, то в 1942 г. — 8,3 %[1].

Среди работников плановых органов возобладало мнение, что эта тенденция будет развиваться и дальше. В январе 1943 г. Госплан СССР выступил с предложением, согласно которому перераспределение служащих из предприятий торговли, общепита, государственных учреждений должно было покрыть значительную часть потребности промышленности, строек и транспорта в рабочей силе[2]. Возможно, с арифметических позиций это был правильный подсчет. Но «гладко было на бумаге». Практика вскрыла полную утопичность этих воззрений. Суть дела заключалась не только в сопротивлении бюрократического аппарата, но и в том, что в Советском Союзе сложилась предельно централизованная социально-экономическая система, которая не только давила всякую инициативу, но в принципе не могла функционировать без толпы управленцев, делопроизводителей, секретарей, председателей, кладовщиков и снабженцев. Как только «шоковый» период начала войны остался в прошлом, а ситуация на фронте и в тылу несколько стабилизировалась, государственный и снабженческий аппараты стали быстро разрастаться. В течение семи месяцев, с сентября 1942 г. по апрель 1943 г. число работников государственных учреждений в СССР выросло на 11 %. Количество служащих, занятых в торговле, заготовках и производственном снабжении увеличилось на 4 %[3]. В Новосибирской области за период с июля по декабрь 1942 г. число служащих, инженерно-технического и младшего обслуживающего персонала выросло в абсолютном выражении на 15 тыс. человек (на 21 %). В самом Новосибирске за это время аппарат управления увеличился на 14 %, в Томске — сразу на 44, а в Сталинске — на 31 %[4]. В уже упомянутом выше докладе, подготовленном в Новосибирской области по заданию обкома

[1] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 44. Д. 377. Л. 1.
[2] Там же. Оп. 43. Д. 922. Л. 1.
[3] Там же. Оп. 44. Д. 377. Л. 1.
[4] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 38. Л. 169.

в 1942 г., подчеркивалось: «По большинству предприятий, трестов и управлений штаты служащих и младшего обслуживающего персонала резко превышают действительную потребность производства»[1].

Особенно широко раздут был аппарат снабженческих организаций. Каждый наркомат, каждый главк и каждое крупное промышленное предприятие, превратились в автономную систему, функционирующую на условиях почти полного самообеспечения. В обстановке всеобщего дефицита, они вынуждены были создавать собственные снабженческие организации и содержать разветвленный аппарат ОРСов. Без ловкого, пронырливого снабженца любой завод был обречен, так как не смог бы получить сырье, даже положенное ему по плану. Все нужно было «выбивать». Только в Новосибирской области к концу войны имелось свыше 60 различных снабженческих организаций, которые оттягивали на себя большое количество рабочих и служащих[2]. На заводе № 702 удельный вес работников ОРСов по отношению к производственному персоналу составлял 32 %, на заводе № 759 — 27, на заводе № 635 — 19, а на заводе № 188 — 14 %, при установленной норме 2 %[3]. На Томском электромеханическом заводе аппарат ОРСа в 1944 г. составлял 11 % к общему количеству работающих[4]. Когда в мае 1944 г. ЦСУ СССР в соответствии с распоряжением СНК СССР от 8 марта 1944 г. провел учет численности административно-управленческого аппарата, впору было прослезиться. Удельный вес служащих (без инженерно-технических работников) в составе работников народного хозяйства СССР достиг 28 %[5]. Уполномоченный Госплана СССР по Новосибирской области Коробков в апреле 1944 г. отмечал: «Почти на всех предприятиях имеются большие возможности укомплектования рабочей силой основного производства за счет уменьшения числа работников непромышленной группы: ОРСов, ОКСов, ЖКО и др.»[6]

Заместитель председателя Госплана СССР Г. П. Косяченко и начальник Отдела труда Госплана СССР М. А. Ямпольский в специальной записке на имя Н. А. Вознесенского писали: «Увеличение аппарата госучреждений отнюдь не связано с ростом численности рабочих, увеличением объема производства, а является результатом прямого раздувания аппарата, увеличения аппарата трестов

---

[1] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 38. Л. 11.
[2] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 44. Д. 377. Л. 3.
[3] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 8. Д. 22. Л. 7 об.
[4] Там же. Оп. 6. Д. 38. Л. 65.
[5] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 45. Д. 286. Л. 50.
[6] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 8. Д. 22. Л. 7 об.

и главков, снабженческих и сбытовых организаций»[1]. Однако подобные экзерсисы были данью советской традиции клеймить бездушных бюрократов. На самом деле промышленные гиганты тыловых районов страны без снабженческих организаций и ОРСов функционировать не могли.

Итак, период Второй мировой войны характеризуется предельным перенапряжением людского потенциала Западной Сибири. Трудовые ресурсы региона к концу войны оказались почти полностью исчерпанными. Причем военно-мобилизационные рычаги и утверждение по возможности полного и чрезвычайно жесткого тотального государственного контроля оказались основными методами, который использовали власти для вовлечения как городского, так и сельского населения в титаническую работу по обеспечению фронта всем необходимым. Однако эффективность и, если так можно выразиться, «производительность» этой системы оказалась чрезвычайно низкой. Сложившаяся бюрократически-казенная система хозяйствования в принципе не могла полностью использовать все потенциальные возможности трудовых ресурсов тыловых районов.

[1] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 44. Д. 377. Л. 2.

Заключение

Самая кровавая в истории человечества война была, бесспорно, войной моторов. Но не железо, а люди решали исход сражений. Люди ходили в атаки, сидели за рычагами танков и штурвалами самолетов, стояли у станков и доменных печей, выращивали хлеб и убирали урожай. Из всех ресурсов, которые Советский Союз возложил на алтарь Победы в годину военных испытаний важнейшими, без сомнения, были людские ресурсы.

Людской потенциал, использовавшийся в 1939–1945 гг., формировался на протяжении длительного периода, с конца XIX столетия до конца 30-х гг. XX в. Это был сложный и противоречивый период в демографической истории России, когда человеческие ресурсы не только накапливались, но и расходовались. Основные траты человеческих ресурсов пришлись на 1914–1921 гг. — период двух войн (Первой мировой и Гражданской) и двух революций (Февральской и Октябрьской). В эти годы ухудшились все показатели демографического развития: снизилась рождаемость, повысилась смертность, усилился отток населения за границу в ходе эмиграции. Это, в свою очередь, отрицательно отразилось на численности и половозрастной структуре народонаселения. Только в период нэпа удалось частично преодолеть некоторые самые очевидные провалы в демографическом развитии страны.

Форсированная социалистическая индустриализация, развернувшаяся во второй половине 1920-х гг. несомненно, внушительно усилила экономические, технологические и военно-политические возможности Советского Союза. Но она была проведена за счет огромного перерасхода людских ресурсов. Сегодня уже никто не отрицает, что процессы индустриализации, сопряженные с проведенной варварскими методами коллективизацией сельского хозяйства и массовыми депортациями крестьян, инициировали глубокий демографический кризис, переросший в катастрофу. Итоги голода 1932–1933 гг. по своим демографическим последствиям напоминают войну с её неизбежными людскими потерями. Они заметно

ослабили мощь людского потенциала СССР, что, в конечном счете, зафиксировали злополучные переписи 1937 и 1939 гг.

Но в целом, на протяжении всего периода, трактуемого в книге как этап формирования и накопления людского потенциала, необходимого для ведения «большой войны», уровень рождаемости в стране оставался достаточно внушительным. В данном случае сказывалась огромная инерция демографического роста, полученная Советским Союзом в наследство от Российской империи. Основным вектором смертности (несмотря на резкие подъемы в отдельные годы) было заторможенное, но все же снижение её показателей. По данным таблиц смертности 1896–1897 гг. ожидаемая продолжительность жизни населения России составляла 32 года. В 1926–1927 гг. она повысилась до 44 лет, в 1938–1939 гг. до 47 лет[1]. Советские люди демонстрировали поразительную живучесть и повышенную приспособляемость к любым негативным изменениям условий существования. Темпы роста численности народонаселения страны на протяжении всего периода, с конца XIX в. до конца 1930-х гг. оставались очень высокими. Особенно быстро росло население Западной Сибири. За годы, прошедшие между переписями 1897 и 1939 гг. численность населения западносибирского региона почти утроилось.

Количественно перед началом Второй мировой войны Советский Союз обладал крупнейшим в Европе людским потенциалом. Перепись 1939 г. показала, что в СССР (в границах до 17 сентября 1939 г.) проживало 170,6 млн человек. Население вероятного противника — нацистской Германии (включая Австрию, а также протекторат Богемия и Моравия) в 1939 г. насчитывало 80,6 млн человек[2]. Совокупная численность народонаселения европейских стран, чьи армии сражались на стороне Германии, составляла в 1938 г. без малого 77 млн человек. В Венгрии насчитывалось 9,2 млн человек, в Италии — 43,8, в Румынии — 19,9 млн человек. Население Финляндии составляло 3,7 млн человек[3]. Таким образом, Советский Союз превосходил третий Рейх и его сателлитов по численности населения, а, следовательно, и по возможностям развертывания Вооруженных сил и обеспечения экономики военного времени рабочей силой. Если же принять во внимание людские потенциал союзников СССР, то становиться очевидным абсолютное ресурсное превосходство

---

[1] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 44. Д. 377. Л. 2.

[2] Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. М., 2002. С. 700.

[3] Арнтц. Г. Людские потери во Второй мировой войне // Итоги Второй мировой войны. Выводы побежденных. СПб. - М., 2002. С. 594.

стран антигитлеровской коалиции. Германия, завершившая индустриализацию, обладала большим, чем СССР экономическим, технологическим и научным потенциалом (с учетом ресурсов захваченных стран Европы). Но, как показала история, людской потенциал в совокупности с огромными пространствами и колоссальной сырьевой базой, перевесил на чаше весов войны. Но если учесть людской потенциал союзников СССР, то становиться очевидным ресурсное превосходство стран антигитлеровской коалиции.

Людской потенциал Западной Сибири перед началом Второй мировой войны обладал целым рядом позитивных и негативных качеств. В регионе на начало 1939 г. проживало почти 9 млн человек. Его население было очень молодым. Удельный вес возрастных групп старше 60 лет составлял в населении западносибирского региона всего 6,5 %. Вместе с тем доля мужчин в составе населения Западной Сибири была явно пониженной. Она не превышала 47,3 %, что предопределялось всей предшествующей сложной демографической историей. Прослойка мужчин в составе народонаселения Советского Союза была немногим выше — 47,9 %. Это сильно сужало военно-мобилизационные и экономические возможности. В свою очередь и в Германии, которая понесла огромные потери в годы Первой мировой войны, удельный вес мужской части населения в 1939 г. Составлял всего 48,3 % [1]. В определенном смысле такая ситуация способствовала уравниванию мощностей людских потенциалов Советского Союза и нацистской Германии.

Вторая половина 1920-х и особенно 1930-е гг. характеризуются аномально активированными процессами урбанизации СССР. И все же, уровень урбанизированности как страны в целом, так и Западной Сибири был невысоким. На долю горожан в населении по данным переписи 1939 г. приходилось: в СССР — 33 %, в западносибирском регионе — менее 30 %. В Западной Сибири (за исключением Кузбасса) явно преобладало сельское население с его патриархальной ментальностью, низким уровнем образования, отсутствием навыков индустриального труда, относительно высокой прослойкой малограмотных или вовсе неграмотных. В этом аспекте народонаселение региона можно охарактеризовать как маргинальное, находившееся на этапе перехода от аграрной к индустриальным стадиям роста.

Вместе с тем, для Советского Союза 1930-е гг. стали этапом резкого повышения уровня грамотности и образованности населения,

[1] Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии. С. 700.

ускоренного формирования слоя квалифицированных рабочих, инженеров и техников. Это существенно повышало ценность советского людского потенциала. Тем не менее, уровень грамотности и профессиональной подготовленности народонаселения Германии был, несомненно, выше.

Низкие показатели урбанизированности и невысокий образовательный ценз основной массы населения, особенно сельского, создавали серьезные напряжения при формировании кадров для промышленности, транспорта и строек. Экономике Западной Сибири явно недоставало инженеров, техников и опытных, высококвалифицированных рабочих. Военные испытывали трудности при укомплектовании насыщенных техникой родов войск (танковых, артиллерийских, авиации, связи, флота), а также командным составом. В пехотные и некоторые другие военные училища приходилось принимать молодых людей с образованием 7 классов средней школы. Вместе с тем, эти же факторы в совокупности с повышенной прослойкой молодежи, упрощали проблему формирования стрелковых войск. Советские стрелковые войска, укомплектованные неприхотливыми и выносливыми деревенскими парнями, в жестоких сражениях Великой Отечественной показали себя с самой лучшей стороны.

С началом Второй мировой войны, когда в полную силу развернулся процесс расходования накопленного ранее людского потенциала, его трансформации определялись возросшей ролью внешних по отношению к демографической подсистеме, пертурбационных факторов военно-политического характера. Они и определили резкие колебания демографических параметров, а, в конечном счете, аномальные количественные и качественные изменения людского потенциала.

С осени 1939 г. (после принятия «Закона о всеобщей воинской обязанности») и до 22 июня 1941 г. Вооруженные силы СССР количественно резко увеличились. Немаловажный вклад в формирование армии, флота, пограничных и внутренних войск НКВД внесла Западная Сибирь. Но крупномасштабные мобилизации имели и оборотную сторону, которая не учитывалась военными органами, проводившими призывы в Красную армию. В связи с ростом Вооруженных сил, несколько миллионов молодых мужчин оказались вне рамок брачно-семейных отношений. Это немедленно отразилось на параметрах рождаемости.

Лихорадочное наращивание военных усилий Советского Союза в годы третьей сталинской пятилетки, привело к тому, что имевшиеся

в стране материальные средства направлялись главным образом в отрасли экономики оборонного значения. Ресурсное обеспечение социальной инфраструктуры, и без того скудное, понизилось в ещё большей степени. В итоге едва обозначившаяся во второй половине 1930-х гг. тенденция к сокращению смертности была заморожена. Государство не располагало необходимыми ресурсами для её снижения. Все, что оно могло сделать — это удержать смертность от резкого подъёма. С этого момента берет начало процесс первоначально медленного, но все ускоряющегося падения мощности людского потенциала региона.

Тем не менее, в силу огромной инерции роста, в конце 1930-х — начале 1940-х гг. численность населения Западной Сибири продолжала увеличиваться, главным образом за счет по-прежнему высокого (несмотря на сокращение), естественного прироста. Определенную роль играли плановые сельскохозяйственные переселения в Западную Сибирь, а также насильственные депортации. Это позволило на начальной стадии Второй мировой войны (сентябрь 1939 г. — июнь 1941 гг.) частично нейтрализовать негативные влияния пертурбационных факторов внешнеполитического характера.

Великая Отечественная война повлекла за собой кардинальные изменения в динамике демографической подсистемы советского общества. Накопленный ранее людской потенциал отныне только расходовался. С этого момента берет начало процесс бурного сокращения численности населения Западной Сибири, что сопровождалось ухудшением всех его структурных характеристик. Это нашло выражение в чрезвычайно быстром падении численности и удельного веса мужчин, старении населения и в появлении процесса так называемой «псевдоурбанизации».

В основе негативных трансформаций, происшедших в людском потенциале Западной Сибири лежало в первую очередь резкое сокращение рождаемости, усиленное ростом показателей смертности гражданского населения в 1941–1942 гг. в связи с распространением инфекционных и желудочно-кишечных заболеваний. Но главным источником убыли населения и кардинального искажения его структурных параметров стал отток мужчин и частично женщин в Действующую армию. На фронт уходили молодые, здоровые, крепкие люди. Назад возвращались инвалиды, зачастую непригодные к труду. Причем западносибирская деревня отдавала свое главное богатство — людей не только армии, но и военной индустрии.

О динамике изменения основных характеристик демографической составляющей людского потенциала Западной Сибири

свидетельствует график, составленный на основе цифровых данных, полученных в ходе первой послевоенной переписи населения 1959 г.

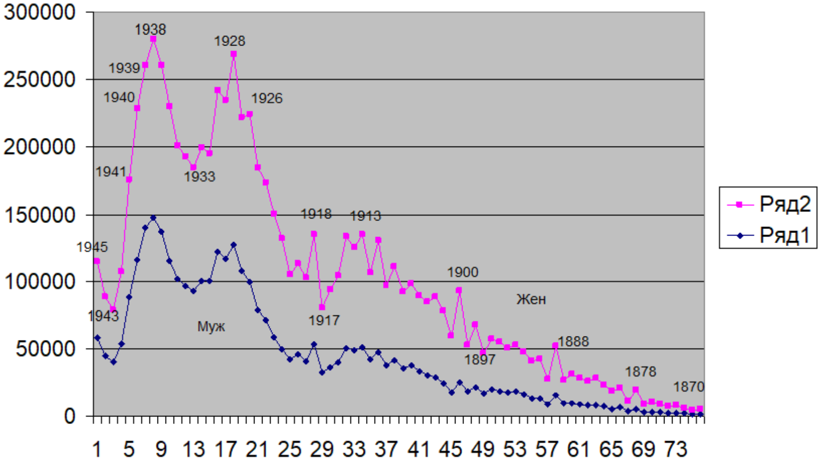

Рис. 2. Численность поколений 1890–1945 гг. рождения в Западной Сибири по данным переписи 1959 г.

Рисунок свидетельствует, во-первых, о значительном превышении численности женщин над численностью мужчин практически во всех диапазонах возрастов. Во-вторых, мы ещё раз можем убедиться, что в демографическом «теле» Западной Сибири в годы войны образовалась глубокая демографическая яма. Самой низшей точкой падения оказался 1943 г. В-третьих, на графике отчетливо видны демографические провалы, появившиеся в связи с гибелью в огне войны поколений мужчин 1892–1927 гг. рождения.

В Западной Сибири из 8,9 млн мужчин и женщин, бывших живыми на момент переписи 1939 г., до января 1959 г. не дожили 2,2 млн человек. Таким образом, удельный вес людей, скончавшихся в течение 20 лет, прошедших между переписями, составил почти 25 %. Причем мужчины потеряли 32 % от своей довоенной численности, женщины — почти 18 %.

Особенно большие потери понесли поколения мужчин — фронтовиков. Убыль мужской части населения Западной Сибири 1926–1924 гг. рождения достигла в абсолютном выражении около 60 тыс. человек, или почти 36 % от их предвоенной численности. Поколения мужчин 1923–1919 гг. рождения потеряли — 77 тыс. человек

(свыше 42 %), поколения мужчин 1918–1909 гг. рождения — 115 тыс. человек (более 35 %). Разумеется, далеко не все из этих людей погибли в ходе боевых действий или скончались из-за ухудшения условий существования в военные годы. Часть представителей этих поколений не умерли, а уехали из Западной Сибири. Однако элиминировать влияние миграций и естественную смертность (если бы не было войны, люди все равно умирали бы), а также смертность в 1946–1958 гг. не представляется возможным.

Относительно благополучно (с демографической точки зрения) пережили войну подростки. Поколения 1938–1928 гг. рождения понесли минимальные потери. Вместе с тем, очень трудная демографическая судьба сложилась у детей, рожденных в годы Великой Отечественной войны. В течение 1941–1945 гг. в Западной Сибири на свет появилось 830 тыс. младенцев. Из них 164 тыс. (19,8 %) скончались сразу же после рождения, не прожив и одного года. Дети рождения военных лет погибали и в других возрастах. В итоге, из всей совокупности поколений, появившихся на свет в 1941–1945 гг. до момента переписи 1959 г. (до возраста 13–17 лет) дожили всего 566 тыс. человек. Таким образом, потери детских поколений в абсолютном выражении составили 264 тыс. человек или 32 %, что сопоставимо с потерями фронтовиков. Разумеется, и эти цифры весьма приблизительны, так как в данном случае имеются не элиминированные «примеси» в виде естественной смертности и миграций. Но они все же демонстрируют основную тенденцию динамики людского потенциала Западной Сибири военных лет: было потеряно особенно много жизней самых маленьких детей и мужчин активных возрастов. Что же касается людей старших возрастов (родившихся в 1878 г. и раньше), то на процесс их дожития влияла высокая естественная старческая смертность. Но она была значительно усилена ухудшением условий существования тыловиков.

В целом, совокупные потери населения Западной Сибири в годы Второй мировой войны превысили 2 млн человек. Из них около 1 млн составляют прямые (боевые) потери. Примерно 100 тыс. приходится на косвенные потери (сверхсмертность гражданского населения в 1940–1942 гг.) и несколько более 1 млн — на демографические (дефицит рождений).

Чтобы восполнить огромные боевые потери, обрушившиеся на советские Вооруженные силы, требовалось постоянно пополнять Красную армию живой силой. С этой целью в СССР был создан вполне работоспособный механизм, который обеспечил призыв молодежи и воинскую мобилизацию военнообязанных старших

возрастов. В масштабах страны проблемы пополнения Красной армии личным составом решались на уровне ГКО, Ставки Верховного Главнокомандования и Генштаба. Непосредственными исполнителями решений о призыве и мобилизации являлись работники Главупраформа, функционировавшего как подразделение Наркомата обороны. На местах наряды по мобилизации и призыву реализовывали штабы тыловых военных округов, опиравшиеся на систему районных, городских и областных (краевых) военных комиссариатов. К этой сложной работе были подключены также Военные отделы партийных комитетов всех уровней. Кроме того, на военкоматы совместно с органами прокуратуры, НКВД и НКГБ были возложены обязанности по борьбе с уклонением части граждан от постановки на воинский учет, от призыва и мобилизации, а также с дезертирством.

Результативность работы государственных органов, ответственных за военные мобилизации снижали установки идеологического характера, направленные на ограничение призыва и мобилизации граждан в Красную армию по так называемым «политико-моральным соображениям» и национальным признакам. Несмотря на эксцессы, обусловленные применением этих принципов, военно-мобилизационная работа в тылу проходила целенаправленно и успешно. В результате масштабных воинских мобилизаций и призывов, людской потенциал Западной Сибири оказался на грани полного истощения. Особенно острой была ситуация в сельской местности, где бронирование военнообязанных использовалось в ограниченном масштабе. Западносибирская деревня отдала армии и флоту большинство мужчин, годных к военной службе.

На фронте советские генералы губили лучшую в мире пехоту в огромных котлах и бессмысленных лобовых атаках. Но военное командование было убеждено в неисчерпаемости людских ресурсов страны и пребывало в твердой уверенности, что тыл пришлет столько живой силы, сколько они потребуют. Между тем, военкоматы глубокого тыла «выскребали» в тылу остатки военнообязанных мужчин, годных к службе в армии. Поиск людей стал одной из важнейших забот военных и гражданских властей. На местах проводились лихорадочные кампании по разбронированию рабочих и служащих, по замене на производстве уходивших на фронт мужчин женщинами, подростками, стариками и инвалидами. С целью выявления людских ресурсов, необходимых фронту, организовывались регулярные перерегистрации и повторные медицинские освидетельствования военнообязанных, облавы, внезапные ночные

проверки документов. Были понижены требования к состоянию здоровья резервистов. Дефицит людских ресурсов вынудил партийных ортодоксов, настаивавших на политическом целомудрии советских Вооруженных сил сдавать многие позиции и значительно сузить границы применения принципа политического и национального отсева. На фронт во все возраставших количествах направлялись заключенные, бойцы рабочих колонн и спецпоселенцы.

Всего в 1941–1945 гг. в СибВО было мобилизовано свыше 2,6 млн человек. Под ружьем оказалось 25 % сибиряков. Причем в Западной Сибири относительный призыв был значительнее, чем во многих других регионах страны. Объективно этому способствовал факт пониженной урбанизированности Западной Сибири. Здесь было меньше получивших бронь специалистов промышленности, строительства и транспорта.

Явно избыточные воинские призывы и мобилизации вызвали не только предельное перенапряжение демографической подсистемы, но на фоне интенсивного наращивания объемов производства способствовали образованию острейшего дефицита рабочей силы. В экономике широко использовался принудительный труд бойцов рабочих колонн, заключенных, спецпоселенцев, а в конце войны и военнопленных. Но главным источником, откуда черпалась рабочая сила, являлось все же гражданское население. В условиях перманентного кризиса военных лет перед государством стояла сложнейшая задача по возможности быстро вовлечь в промышленное и аграрное производство сотни тысяч ранее не занятых женщин, подростков, инвалидов и лиц старших возрастов.

Основным инструментом решения этой задачи сталинский режим избрал тотальный контроль в области формирования кадров и использования рабочей силы. Власти акцентировали внимание исключительно на мобилизационной стратегии, развивая тем самым сложившийся еще задолго до войны феномен принудительного труда. На постоянную работу в промышленность, строительство и транспорт, на сезонные и временные работы, на учебу в школах ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищах призывали как на службу в армию. Никто не мог уволиться с предприятия без санкции руководства. С целью реализации принципов трудовой повинности в СССР был создан специальный государственный орган — Комитет по учету и распределению рабочей силы и его органы на местах. Колхозники, привязанные к земле необходимостью получать специальное разрешение на выход из колхоза и под страхом уголовного преследования вынужденные отрабатывать обязательный

минимум трудодней, тоже оказались на положении мобилизованных. Индивидуальный наем рабочей силы на основе свободного решения работника и материальное стимулирование привлечения к труду оказались отодвинутыми на далекую периферию трудовых отношений.

В этой связи возникает вполне правомерный вопрос: был ли у властей в экстремальных условиях военных лет иной способ привлечения населения к труду, помимо мобилизационного? Советская историография «по умолчанию» имела в виду, что трудовая повинность явилась исключительно результатом чрезвычайщины военного времени. Сегодня ни один серьезный историк не возьмет на себя смелость вынести окончательный вердикт. Но утверждение мобилизационного принципа как основы отношений между монопольным работодателем — государством и наемными работниками, нельзя объяснить только суровыми условиями войны.

Несомненно, в военные годы имелись объективные предпосылки, активирующие тоталитарную конверсию, в том числе и в сфере трудовых отношений. Во-первых, проблему рабочей силы необходимо было решать очень быстро. Фактор времени, острая необходимость максимально ускорить производство вооружения и снаряжения для Красной армии, играл очень большую роль. Это касалось и Западной Сибири, получившей в ходе эвакуации множество новых предприятий. Форсированное создание трудовых коллективов, столь необходимых для быстрого восстановления и пуска эвакуированных заводов могла обеспечить только трудовая повинность. Во-вторых, государство испытывало нехватку материальных ресурсов, необходимых для обеспечения стратегии непрямых действий по вовлечению людей в производство. Иными словами, ресурсы, потребные для материального стимулирования труда были крайне ограничены. В конце концов, элементы тоталитарной конверсии, в том числе и в области трудовых отношений в период Второй мировой войны мы наблюдаем и в так называемых «демократических» странах — Великобритании и США, не говоря уже о нацистской Германии.

Вместе с тем, возразим — вопрос в мере, а она в СССР не была соблюдена. Мобилизационное направление набора рабочей силы приобрело явно чрезмерный характер. Сами установки на принудительный труд и мобилизационные формы привлечения к труду возникли в Советском Союзе задолго до начала войны. Ещё в 1930-е гг. советское правительство приняло целый ряд решений, прикреплявших колхозное крестьянство к земле. Покинуть колхоз де юре они

могли только в ходе организованного набора (вербовки) рабочей силы, получив на это специальное разрешение сельской администрации. В 1940 г. стратегия принудительного привлечения к труду получила ещё большое распространение. Она охватила промышленность, строительство, транспорт, а также сферу профессиональной подготовки рабочих. Государство как монопольный работодатель присвоило себе полномочия прикреплять работников к рабочим местам, перебрасывать их с одного предприятия на другое без их согласия, карать нарушителей трудовой дисциплины не только в административном, но и в уголовном порядке. Не лишним, в данном контексте, будет и упоминание о принудительном труде заключенных и трудпоселенцев. По сути, задолго до вступления нашей страны в «большую» войну, принудительный труд превратился в стратегический принцип советского планирования.

Становится очевидным, что феномен принудительного труда в СССР был порождением не только суровых условий военных лет, но и всей системы сталинского политического режима. Война послужила лишь катализатором процесса, усилила его и довела до почти абсурдного состояния. Не менее важным последствием стало закостенение мобилизационной системы, превращение её в фактор постоянного присутствия. Это находит подтверждение в том факте, что еще долгое время после завершения войны, большинство элементов мобилизационной стратегии в основном сохранялись. Только 7 марта 1947 г. Постановлением Совета Министров СССР было прекращено действие указа от 26 декабря 1941 г. Самовольный уход стал квалифицироваться по указу от 26 июня 1940 г. и вместо 5–8 лет лишения свободы суды стали назначать ИТР. Число осужденных по указу от 26 июня 1940 г. возросло с 216 тыс. в 1947 г. до 250 тыс. в 1948 г. Военное положение на железнодорожном транспорте вообще сохранялось до мая 1948 г.[1] Отдельные элементы мобилизационной трудовой стратегии несколько видоизменились только после 25 апреля 1956 г. В этот день Президиум Верховного Совета СССР принял указ «Об отмене судебной ответственности рабочих и служащих за самовольный уход с предприятий и из учреждений и за прогул без уважительной причины»[2]. Согласно этому решению, утратили силу указы Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий

[1] Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999. С. 45.

[2] Справочник партийного работника. М., 1957. С. 445–447.

день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений»; от 17 июля 1940 г. «О запрещении самовольного ухода с работы трактористов и комбайнеров, работающих в машинно-транспортных станциях»; от 19 октября 1940 г. «О порядке обязательного перевода инженеров, техников, мастеров, служащих и квалифицированных рабочих с одних предприятий и учреждений в другие». Таким образом, страна вернулась к индивидуальному набору рабочей силы на основе свободного решения самого работника только спустя 10 лет после окончания Второй мировой войны и через 3 года после смерти Сталина, в процессе «хрущевской» тоталитарной реконверсии, так называемой «оттепели». Но основные сталинские мобилизационные принципы сохранились, хотя и в несколько модернизированном формате.

Мобилизационный принцип привлечения к труду, получивший в период с февраля 1942 г. по июль 1945 г. особенно большое распространение, породил множество проблем, главной из которых была, несомненно, его неэффективность. Руководители крупных оборонных предприятий хорошо усвоили, что органы, ответственные за реализацию трудовой повинности мобилизуют столько работников, сколько они запросят в своих, часто необоснованных заявках. Производственные задачи в большинстве своем решались не за счет эффективного использования рабочей силы, рационализации производственных процессов и повышения производительности труда, а за счет увеличения количества работников и удлинения рабочего дня. Дополнительно руководители предприятий могли почти неограниченно использовать труд бесправных заключенных, бойцов рабочих колонн, а в конце войны и военнопленных. В экономику было вовлечено значительно больше людей, чем это требовалось объективно. В таких условиях не только ликвидировать, но даже существенно ослабить дефицит рабочей силы было невозможно. При этом важно иметь в виду, что он обострялся искусственно, поскольку хозяйственники использовали больше рабочих, а военные — больше солдат, чем объективно требовалось.

Мобилизационный принцип набора работников постоянно генерировал многочисленные социальные напряжения и конфликты. Руководители предприятий отодвигали на второй план заботы о материально-бытовом устройстве рабочих, о технике безопасности. Невыходы на работу по причинам отсутствия одежды, обуви, заболеваний, а также опоздания, простои из-за отсутствия сырья

и энергии, аварии и брак были явным следствием той позиции, которую занимали «красные» директора.

Широкое распространение на предприятиях Западной Сибири получил феномен трудового дезертирства. Люди бежали не от работы, но от невыносимых условий труда и полуголодного существования в промозглых бараках с клопами. Никакие карательные меры и самые суровые наказания вплоть до лишения свободы на длительные сроки не могли остановить дезертиров производства. Суды и трибуналы работали с полной нагрузкой, но побеги продолжались, а их количество из года в год нарастало. Трудовое дезертирство превратилось в самое массовое преступление военных лет. Вследствие повышенной текучести кадров, результативность деятельности работников мобилизационных органов была крайне незначительна.

Парадокс военных лет состоял в том, что государству, несмотря на все его усилия и огромный аппарат принуждения, так и не удалось взять под полный контроль сферу трудовых отношений. Стихийный, индивидуальный наем рабочих «от ворот», хотя и сократился, но составлял все же значительный сегмент рынка труда. Часть населения вообще сумела избежать как воинской, так и трудовой мобилизации и остаться вне всякого контроля. Эти люди фактически выпадали из социальной структуры советского общества и существовали за счет нелегальных источников дохода. Как говорили в народе в то суровое время: «кому война, а кому мать родна».

Стремление директоров получить как можно больше рабочей силы, а военных — как можно больше солдат, породило конфликтный треугольник, в котором участвовали производственники, военные и партийные работники. В начале Великой Отечественной войны власти допустили серьезную стратегическую ошибку: в ходе двух первых волн мобилизации в армии оказались высококвалифицированные рабочие, инженеры и техники. Теперь хозяйственники всеми законными и незаконными способами скрывали свои кадры от призыва и мобилизации. Конкурентная борьба за людские ресурсы между военными и производственниками усиливалась по мере исчерпания людского потенциала. Партийные чиновники, к которым участники конфликта обращались как к третейским судьям, занимали двойственную, паллиативную позицию. В конфликт, помимо провинциальных властных структур, были втянуты наркоматы и ЦК ВКП (б). Человек-работник, человек-солдат, превратились в объект беспринципных интриг и циничного торга.

Ситуацию, сложившуюся на рынке людских ресурсов в военные годы, было бы нелепо истолковывать как «злодейство» отдельных партийных вождей, военачальников или руководителей предприятий. Они сами были раздавлены прессом сталинской государственной машины, которая использовала людей как топливо для поддержания своей жизнеспособности. Достижение целей войны в СССР обеспечивалось за счет крайнего обесценения человеческой жизни, колоссального перенапряжения людского потенциала и расточительного, а в сущности преступного перерасходования людских ресурсов. Экономическая и военная деятельность сталинского политического режима была сориентирована исключительно на валовые, количественные показатели, достигаемые с использованием инструментов мобилизационного характера. Это вело к обострению и без того значительного дефицита людских ресурсов.

Но даже в таких чрезвычайных условиях государство не пыталось изменить подход к рядовому человеку, разработать и внедрить человекосберегающие технологии. Для понимания сути сталинской политики в области использования людского потенциала страны, принципиально важно, что все, сделанное в этом направлении в военные годы — развитие здравоохранения, строительство бараков, установление относительно справедливого распределения продуктов питания по карточкам — было сделано вынужденно. Государство в данном случае преследовало исключительно прагматичные цели. Принимаемые меры были, по сути, не заботой о человеке, а представляли собой технологию поддержки объективно необходимого элемента войны.

25 июня 1945 г. Сталин в речи на приеме в Кремле в честь участников Парада Победы высказал несколько мыслей, полностью дезавуировавших его взгляды на рядовых граждан советской страны. Вождь провозгласил тост «за людей, которых считают "винтиками" государственного механизма, но без которого все мы — маршалы и командующие фронтами и армиями, говоря грубо, ни черта не стоим. Какой-либо "винтик" разладился — и кончено. Я поднимаю тост за людей простых, обычных, скромных, за "винтики", которые держат в состоянии активности наш великий государственный механизм во всех отраслях науки, хозяйства и военного дела. Их много, имя им легион, потому что это десятки миллионов людей»[1].

---

[1] Из речи И. В. Сталина на приеме в Кремле в честь участников Парада Победы 25 июня 1945 г. // Москва послевоенная. 1945–1947. Архивные документы и материалы. М., 2000. С. 24.

Человек сам по себе никакой самостоятельной ценности не представлял. Он был всего лишь деталью тяжеловесной государственной машины, которая время от времени требует смазки. Без минимальной заботы о живой силе промышленность тыла просто развалилась бы, а армия не была бы укомплектована личным составом. Парадокс в том и заключался, что политика «технического обслуживания» государственной машины на поверхности явления выступала как «сталинская забота» о людях. Это способствовало формированию многочисленных идеологических мифов, а на бытовом уровне — политических иллюзий у простых людей. Но объективно, и это нельзя не признать, такого рода прагматизм режима немало способствовал сдерживанию темпов падения мощности людского потенциала.

Страна в течение длительного периода своей демографической истории накопила гигантский человеческий потенциал, значительно превосходивший людской потенциал противника. Но сталинское руководство не сумело эффективно использовать это богатство. Жизнь десятков миллионов «винтиков» не стоила и гроша. Их губили не тысячами, но миллионами. Их бросали в самоубийственные лобовые атаки и ими же аврально затыкали то и дело возникавшие экономические прорехи.

Но именно они, эти простые «винтики» выстрадали, вынянчили, взрастили великую Победу, которая потребовала даже не напряжения, но нечеловеческого перенапряжения всех сил народа. На этой долгой и кровавой дороге к Победе, как это и бывает в жизни, бок о бок шли величайший героизм и самая низкая трусость, глупость и гениальность, самопожертвование и эгоизм, добро и зло. И история еще раз показала, кто стал победителем.

Оглавление

Введение 3

Глава 1. Формирование людского потенциала Западной Сибири 11

1.1. Население Западной Сибири в конце XIX в. — в 1930-е гг. 11

1.2. «Точка отсчета»: людской потенциал Западной Сибири накануне Второй мировой войны 46

Глава 2. Динамика людского потенциала Западной Сибири в годы Второй мировой войны 68

2.1. Численность и воспроизводство населения в 1939–1941 гг. 68

2.2. Динамика численности и состава населения в 1941–1945 гг. 95

2.3. Смертность населения в 1941–1945 гг. 116

2.4. Рождаемость населения в 1941–1945 гг. 188

Глава 3. Использование людского потенциала Западной Сибири в годы Второй мировой войны 208

3.1. Мобилизация людского потенциала на защиту Родины 208

3.2. Мобилизация трудового потенциала 308

Заключение 381

Страницы Великой Победы

Научное издание

Исупов Владимир Анатольевич

Главный ресурс Победы. Формирование и использование людских ресурсов Западной Сибири в период Второй мировой войны

Издание второе, исправленное и дополненное

Текст приводится в авторской редакции

16+

Верстальщик *С. Лобанова*

Издательство «Директмедиа Паблишинг»
117342, Москва, ул. Обручева, 34/63, стр. 1
Тел/факс + 7 (495) 334–72–11
E-mail: manager@directmedia.ru
www.biblioclub.ru
www.directmedia.ru

Издайте свою книгу у нас!

Издательство «Директ-Медиа» публикует учебники, монографии, литературу NON-FICTION, аудиокниги, новые издания и те, что с годами не утратили своей актуальности, коллективные научные сборники.

Наше издательство берет свои корни в книгоиздательских традициях и технологиях Германии. Мы – лидеры современного книгоиздательского процесса, охватывающего цифровые образовательные платформы для школ и вузов, издание электронных и печатных книг. Нашу продукцию отличает высокое полиграфическое качество и высокотехнологичный процесс продвижения книги.

Наши авторы – ведущие ученые и преподаватели страны. За 20 лет работы в России нами издано более 10 000 изданий учебной, академической и научно-популярной литературы.

Приобрести наши книги можно в интернет-магазине DIRECTMEDIA.RU и в ЭБС «Университетская библиотека онлайн» (BIBLIOCLUB.RU), в книжных и в интернет-магазинах страны.

Хотите приобрести книгу издательства «Директ-Медиа»
или издать свое произведение?

Мы ждем Вас!

www.directmedia.ru

Email: manager@directmedia.ru

Tel.: 8-800-333-6845 (звонок бесплатный)

DirectMEDIA

Наши проекты

www.biblioclub.ru – Университетская библиотека онлайн, электронная библиотека для вузов и ссузов

www.lib.biblioclub.ru – Библиотека NON-FICTION, онлайн-библиотека научной и познавательной литературы

www.art.biblioclub.ru – Арт-портал «Мировая художественная культура» и Арт-библиотека, интерактивная галерея произведений мирового искусства

www.biblioschool.ru – «Библиошкола» и «Читающая школа», онлайн-библиотека школьной образовательной литературы и книг для внеклассного чтения

www.read-analytic.ru — «Аналитик чтения», программа для оценки сложности текстов и читательских компетенций учащихся

www.new-gi.ru — «Новое поколение», интеллектуальный центр дистанционных технологий

www.english-direct.ru — Ресурсный центр изучения иностранных языков и курсы иностранного языка онлайн

www.enc.biblioclub.ru — «Энциклопедиум», сайт классических, академических и авторских энциклопедий и онлайн-справочников

www.directacademia.ru — «Директ-Академия», учебно-методический центр обучения цифровым технологиям в образовании

www.lms.biblioclub.ru — Центр профессионального онлайн-обучения «Электронные курсы». Платформа дистанционного обучения

DirectMEDIA

Direct-media — полный цикл издательских услуг

- Редактура, корректура
- Присвоение ISBN
- Передача в Российскую книжную палату
- Присвоение DOI
- Печатный тираж
- Верстка
- Дизайн обложки
- Продвижение
- Поддержка
- Кратчайшие сроки подготовки издания

www.directmedia.ru — магазин электронных и аудиокниг. В нашем каталоге вы найдете тысячи нон-фикшн-книг, которые помогут в учебе и жизни: мировые бестселлеры по саморазвитию, учебники, научную и научно-популярную литературу, обучающие курсы для взрослых и детей. Мы сотрудничаем с ведущими издательствами, а также выпускаем собственные электронные и печатные книги, которые ставим на полки ведущих магазинов и маркетплейсов – OZON, Wildberries, Лабиринт и других.